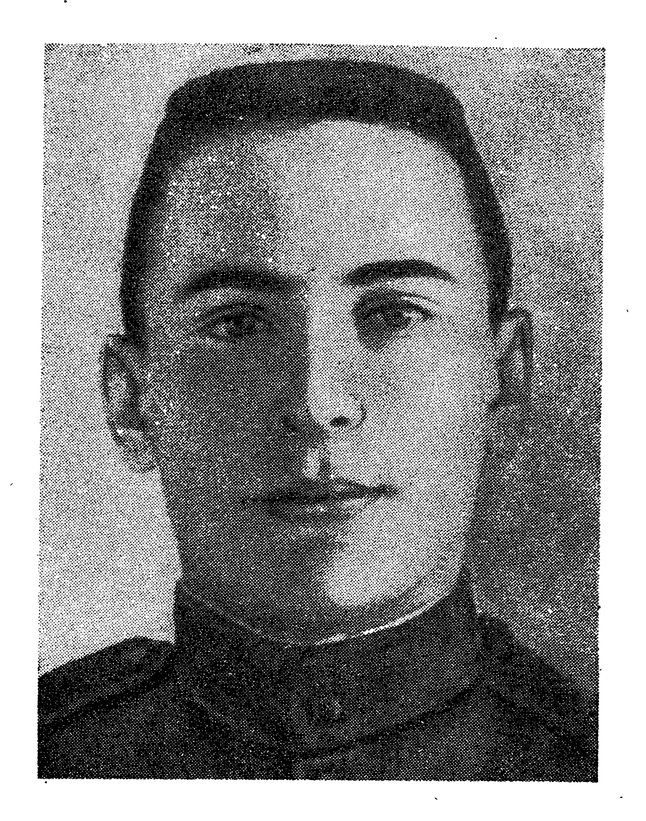
В. Богомолов

МОМЕНТ ИСТИНЫ

Март 1943 г.

Богомолов

В. Богомолов

МОМЕНТ ИСТИНЫ

(В АВГУСТЕ СОРОК ЧЕТВЕРТОГО...)

РОМАН

Ставропольское
книжное издательство
1982

Р—2
Б—74

Текст печатается по изданию: Владимир Богомолов. В августе сорок четвертого... (Момент истины). М.: Известия, 1977.

ИБ № 997

Владимир Осипович Богомолов

МОМЕНТ ИСТИНЫ (В августе сорок четвертого...)

Редактор *Ю. В. Забелло*
Художник *X. С. Балашов*
Худож. редактор *В. А. Каретко*
Техн. редактор *А. М. Кобыльниченко*
Корректор *Е. А. Таланова*

Сдано в набор 28.09.81. Подписано к печати 25.01.82. Формат 84×108[1]/32. Бумага типографская № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 22,68. Уч.-изд. л. 23,28. Тираж 100000 экз. 3-й завод 65001—100000. Заказ 3365. Изд. № 52. Цена 1 р. 60 к. Ставропольское книжное издательство, 355000, г. Ставрополь, пл. Ленина, 3. Краевая укрупненная типография, г. Ставрополь, ул. Артема, 18.

Богомолов В. О.

Б74 Момент истины. — В августе сорок четвертого...— Ставрополь: Кн. изд-во, 1982.—432 с.

Роман о советских контрразведчиках, действовавших в годы Великой Отечественной войны.

Б $\frac{4702010200-48}{М159(03)-82}$ 45—82 Р—2

1. АЛЕХИН, ТАМАНЦЕВ, БЛИНОВ

Их было трое, тех, кто официально, в документах именовались «оперативно-розыскной группой» Управления контрразведки фронта. В их распоряжении была машина, потрепанная, видавшая виды полуторка «ГАЗ-АА» и шофер-сержант Хижняк.

Измученные шестью сутками интенсивных, но безуспешных поисков, они уже затемно вернулись в Управление, уверенные, что хоть завтрашний день смогут отоспаться и отдохнуть. Однако как только старший группы, капитан Алехин, доложил о прибытии, им было приказано немедленно отправиться в район Шиловичей и продолжать розыск. Часа два спустя, заправив машину бензином и получив во время ужина энергичный инструктаж специально вызванного офицера-минера, они выехали.

К рассвету позади осталось более ста пятидесяти километров. Солнце еще не всходило, но уже светало, когда Хижняк, остановив полуторку, ступил на подножку и, перегнувшись через борт, растолкал Алехина.

Капитан — среднего роста, худощавый, с выцветшими, белесоватыми бровями на загорелом малоподвижном лице — откинул шинель и, поеживаясь, приподнялся в кузове. Машина стояла на обочине шоссе. Было очень тихо, свежо и росисто. Впереди, примерно в полутора километрах, маленькими темными пирамидками виднелись хаты какого-то села.

— Шиловичи,— сообщил Хижняк. Подняв боковой щиток капота, он склонился к мотору.— Подъехать ближе?

— Нет,— сказал Алехин, осматриваясь.— Хорош.

Слева протекал ручей с отлогими сухими берегами. Справа от шоссе за широкой полосой жнивья и кустарниковой порослью тянулся лес. Тот самый лес, откуда каких-нибудь одиннадцать часов назад велась радиопередача. Алехин в бинокль с полминуты рассматривал его, затем стал будить спавших в кузове офицеров.

Один из них, Андрей Блинов, светлоголовый, лет девятнадцати лейтенант, с румяными от сна щеками, сразу проснувшись, сел на сене, потер глаза и, ничего не понимая, уставился на Алехина.

Добудиться другого — старшего лейтенанта Таманцева — было не так легко. Он спал, с головой завернувшись в плащ-палатку, и, когда его стали будить, натянул ее туго, в полусне дважды лягнул ногой воздух и перевалился на другой бок.

Наконец он проснулся совсем и, поняв, что спать ему больше не дадут, отбросил плащ-палатку, сел и, угрюмо оглядываясь темно-серыми, из-под густых сросшихся бровей глазами, спросил, ни к кому, собственно, не обращаясь:

— Где мы?..

— Идем,— позвал его Алехин, спускаясь к ручью, где уже умывались Блинов и Хижняк.— Освежись.

Таманцев взглянул на ручей, сплюнул далеко в сторону и вдруг, почти не притронувшись к краю борта, стремительно подбросив свое тело, выпрыгнул из машины.

Он был, как и Блинов, высокого роста, однако шире в плечах, у́же в бедрах, мускулистей и жилистей. Потягиваясь и хмуро поглядывая вокруг, он сошел к ручью и, скинув гимнастерку, начал умываться.

Вода была холодна и прозрачна, как в роднике.

— Болотом пахнет,— сказал, однако, Таманцев.— Заметьте, во всех реках вода отдает болотом. Даже в Днепре.

— Ты, понятно, меньше, чем на море, не согласен,— вытирая лицо, усмехнулся Алехин.

— Именно!.. Вам этого не понять,— с сожалением посмотрев на капитана, вздохнул Таманцев и, быстро оборачиваясь, начальственным баском, но весело вскричал: — Хижняк, завтрака не вижу!

— Не шуми. Завтрака не будет,— сказал Алехин.— Возьмете сухим пайком.

— Веселенькая жизнь!.. Ни поспать, ни пожрать...

— Давайте в кузов! — перебил его Алехин и, оборачиваясь к Хижняку, предложил: — А ты пока погуляй...

Офицеры забрались в кузов. Алехин закурил, затем, вынув из планшетки, разложил на фанерном чемодане новенькую крупномасштабную карту и, примерясь, сделал повыше Шиловичей точку карандашом.

— Мы находимся здесь.

— Историческое место! — фыркнул Таманцев.

— Помолчи! — строго сказал Алехин, и лицо его стало официальным.— Слушайте приказ!.. Видите лес?.. Вот он.— Алехин показал на карте.— Вчера в восемнадцать ноль-пять отсюда выходил в эфир коротковолновый передатчик.

— Это что, все тот же? — не совсем уверенно спросил Блинов.

— Да.

— А текст? — тотчас осведомился Таманцев.

— Предположительно передача велась вот из этого квадрата,— будто не слыша его вопроса, продолжал Алехин.— Будем...

— А что думает Эн Фэ? — мгновенно справился Таманцев.

— Это был его обычный вопрос. Он почти всегда интересовался: «А что сказал Эн Фэ?.. Что думает Эн Фэ?.. А с Эн Фэ вы это прокачали?..»

— Не знаю, его не было,— сказал Алехин.— Будем осматривать лес...

— А текст? — настаивал Таманцев.

— Будем осматривать лес,— повысив голос, твердо повторил Алехин.— Нужны следы — свежие, суточной давности. Смотрите и запоминайте свои участки.

Едва заметными линиями карандаша он разделил северную часть леса на три сектора и, показав офицерам и подробно объяснив ориентиры, продолжал:

— Начинаем от этого квадрата — здесь смотреть особенно тщательно! — и двигаемся к периферии. Поиски вести до девятнадцати ноль-ноль. Оставаться в лесу позже — запрещаю! Сбор у Шиловичей. Машина будет где-нибудь в том подлеске.— Алехин вытянул руку; Андрей и Таманцев посмотрели, куда он указывал.— Погоны и пилотки снять, документы оставить, оружие на виду не

держать! При встрече с кем-либо в лесу действовать по обстоятельствам.

Расстегнув вороты гимнастерок, Таманцев и Блинов отвязывали погоны; Алехин затянулся и продолжал:

— Ни на минуту не расслабляться! Все время помнить о минах и о возможности внезапного нападения. Учтите: в этом лесу убили Басоса.

Отбросив окурок, он взглянул на часы, поднялся и приказал:

— Приступайте!

2. ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ[1]

СВОДКА

«Начальнику Главного управления войск по охране тыла действующей Красной Армии.

Копия: Начальнику Управления контрразведки «Смерш»[2] фронта

13 августа 1944 г.

Оперативная обстановка на фронте и в тылах фронта в течение пятидесяти суток с момента начала наступления (по 11 августа включительно) характеризовалась следующими основными факторами:

— успешными наступательными действиями наших войск и отсутствием при этом сплошной линии фронта. Освобождением всей территории БССР и значительной части территории Литвы, свыше трех лет находившихся под немецкой оккупацией;

— разгромом группы вражеских армий «Центр», насчитывавшей в своем составе около 50 дивизий;

---

[1] Здесь и далее грифы, указывающие степень секретности документов, резолюции должностных лиц и служебные пометки (время отправления, кто передал, кто принял и другие), а также номера документов — опускаются.

В документах (и в тексте романа) изменены фамилии нескольких генералов и старших офицеров, действительное наименование нескольких воинских соединений и частей, а также названия пяти небольших населенных пунктов.

[2] «Смерш» (сокращение от «Смерть шпионам»— название советской военной контрразведки в 1943—1945 годах. Полное наименование: контрразведка «Смерш» НКО СССР. Органы «Смерш» подчинялись непосредственно Верховному Главнокомандующему, Наркому Обороны И. В. Сталину.

— засоренностью освобожденной территории многочисленной агентурой контрразведывательных и карательных органов противника, его пособниками, изменниками и предателями Родины, большинство из которых, избегая ответственности, перешли на нелегальное положение, объединяются в банды, скрываются в лесах и на хуторах;

— наличием в тылах фронта сотен разрозненных остаточных групп солдат и офицеров противника;

— наличием на освобожденной территории различных подпольных националистических организаций и вооруженных формирований; многочисленными проявлениями бандитизма;

— производимыми Ставкой перегруппировкой и сосредоточением наших войск и стремлением противника разгадать замыслы советского командования, установить, где и какими силами будут нанесены последующие удары.

Сопутствующие факторы:

— обилие лесистой местности, в том числе больших чащобных массивов, служащих хорошим укрытием для остаточных групп противника, различных бандформирований и лиц, уклоняющихся от мобилизации;

— большое количество оставленного на полях боев оружия, что дает возможность враждебным элементам без труда вооружаться;

— слабость, неукомплектованность восстановленных местных органов советской власти и учреждений, особенно в низовых звеньях;

— значительная протяженность фронтовых коммуникаций и большое количество объектов, требующих надежной охраны;

— выраженный некомплект личного состава в войсках фронта, что затрудняет получение поддержек от частей и соединений при проведении операций по очистке войсковых тылов.

Остаточные группы немцев

Разрозненные группы солдат и офицеров противника в первой половине июля стремились к одной общей цели: скрытно или с боями продвигаясь на запад, пройти

сквозь боевые порядки наших войск и соединиться со своими частями. Однако 15—20 июля немецким командованием неоднократно шифрованными радиограммами передавался приказ всем остаточным группам, имеющим рации и шифры, не форсировать переход линии фронта, а, наоборот, оставаясь в наших оперативных тылах, собирать и передавать шифром по радио сведения разведывательного характера, и прежде всего о дислокации, численности и передвижении частей Красной Армии. Для этого предложено, в частности, используя естественные укрытия, вести наблюдение за нашими фронтовыми железнодорожными и шоссейно-грунтовыми коммуникациями, фиксировать грузопоток, а также захватывать одиночных советских военнослужащих, в первую очередь командиров, с целью допроса и последующего уничтожения.

Подпольные националистические организации и формирования

1. По имеющимся у нас данным, в тылах фронта действуют следующие подпольные организации польского эмигрантского «правительства» в Лондоне: «Народове силы збройне», «Армия Крайова»[1], созданная в последние недели «Неподлеглость» и — на территории Литовской ССР, в р-не гор. Вильнюс — «Делегатура Жонду».

Ядро перечисленных нелегальных формирований составляют польские офицеры и подофицеры запаса, помещичье-буржуазные элементы и частично интеллигенция. Руководство всеми организациями осуществляется из Лондона генералом Соснковским через своих представителей в Польше генерала «Бур» (графа Тадеуша Коморовского), полковника «Гжегожа» (Пелчинского) и «Ниль» (Фильдорфа).

---

[1] АК (Армия Крайова) — подпольная вооруженная организация польского эмигрантского правительства в Лондоне, действовавшая на территории Польши, Южной Литвы и западных областей Украины и Белоруссии. В 1944—1945 годах, выполняя указания лондонского центра, многие отряды АК проводили подрывную деятельность в тылах советских войск: убивали бойцов и офицеров Красной Армии, а также советских работников, занимались шпионажем, совершали диверсии и грабили мирное население. Нередко аковцы были обмундированы в форму военнослужащих Красной Армии.

Как установлено, лондонским центром польскому подполью дана директива о проведении активной подрывной деятельности в тылах Красной Армии, для чего приказано сохранить на нелегальном положении большую часть отрядов, оружия и все приемопередаточные радиостанции. Полковником Фильдорфом, посетившим в июне с. г. Виленский и Новогрудский округа, даны на местах конкретные распоряжения — с приходом Красной Армии: а) саботировать мероприятия военных и гражданских властей, б) совершать диверсии на фронтовых коммуникациях и террористические акты в отношении советских военнослужащих, местных руководителей и актива, в) собирать и передавать шифром генералу «Бур»— Коморовскому и непосредственно в Лондон сведения разведывательного характера о Красной Армии и обстановке в ее тылах.

В перехваченной 28 июля с. г. и дешифрованной радиограмме лондонского центра всем подпольным организациям предлагается не признавать образованный в Люблине Польский Комитет Национального Освобождения и саботировать его мероприятия, в частности мобилизацию в Войско Польское. Там же обращается внимание на необходимость активного ведения военной разведки в тылах действующих советских армий, для чего приказывается установить постоянное наблюдение за всеми железнодорожными узлами.

Наибольшую террористическую и диверсионную активность проявляют отряды «Волка» (р-н Рудницкой пущи), «Крыся» (р-н гор. Вильнюса) и «Рагнера» (около 300 человек) в р-не гор. Лида.

2. На освобожденной территории Литовской ССР действуют скрывающиеся в лесах и населенных пунктах вооруженные националистические бандгруппы так называемой «ЛЛА», именующие себя «литовскими партизанами».

Основу этих подпольных формирований составляют «белоповязочники» и другие активные немецкие пособники, офицеры и младшие командиры бывшей литовской армии, помещичье-кулацкий и прочий вражеский элемент. Координируются действия указанных отрядов «Комитетом литовского национального фронта», созданным по инициативе германского командования и его разведывательных органов.

Согласно показаниям арестованных участников «ЛЛА», кроме осуществления жестокого террора в отношении советских военнослужащих и представителей местной власти, литовское подполье имеет задание вести оперативную разведку в тылах и на коммуникациях Красной Армии и незамедлительно передавать добытые сведения, для чего многие бандгруппы снабжены коротковолновыми радиостанциями, шифрами и немецкими дешифровальными блокнотами.

Наиболее характерные враждебные проявления последнего периода (с 1 по 10 августа включительно):

В Вильнюсе и его окрестностях, преимущественно в ночное время, убито и пропало без вести 11 военнослужащих Красной Армии, в том числе 7 офицеров. Там же убит майор Войска Польского, прибывший в краткосрочный отпуск для встречи с родными.

2 августа взорвана и сожжена водокачка на станции Бастуны.

2 августа в 4.00 в дер. Калитанцы неизвестными зверски уничтожена семья бывшего партизана, находящегося ныне в рядах Красной Армии, Макаревича В. И.— жена, дочь и племянница 1940 г. р.

3 августа в районе Жирмуны, в 20 км севернее г. Лида, бандгруппой власовцев обстреляна автомашина — убито 5 красноармейцев, тяжело ранены полковник и майор.

В ночь на 5 августа в трех местах взорвано полотно железной дороги между станциями Неман и Новоельня.

5 августа 1944 г. в с. Турчела (30 км южнее Вильнюса) брошенной в окно гранатой убит коммунист, депутат сельского Совета.

7 августа в районе села Войтовичи подверглась нападению из заранее подготовленной засады автомашина 39-й армии. В результате убито 13 человек, 11 из них сожжено вместе с машиной. Два человека уведены в лес бандитами, захватившими также оружие, обмундирование и все личные служебные документы.

6 августа прибывший на побывку в с. Радунь сержант Войска Польского в ту же ночь похищен неизвестными.

8 августа на перегоне Лида — Вильнюс пущен под откос воинский эшелон с боеприпасами.

10 августа в 4.30 литовской бандгруппой неустановленной численности совершено нападение на волостной отдел НКВД в м. Сиесики. Убито четыре работника милиции, освобождено из-под стражи 6 бандитов.

10 августа в селе Малые Солешники расстреляны председатель сельсовета Василевский, его жена и 13-летняя дочь, пытавшаяся защитить отца.

Всего в тылах фронта за первую декаду августа убито, похищено и пропало без вести 169 военнослужащих Красной Армии У большинства убитых забрано оружие, обмундирование и личные воинские документы.

За эти 10 суток убиты 13 представителей местных органов власти; в трех населенных пунктах сожжены здания сельсоветов.

В связи с многочисленными бандпроявлениями и убийствами военнослужащих нами и армейским командованием значительно усилены охранные мероприятия. Приказом командующего всему личному составу частей и соединений фронта разрешено выходить за пределы расположения части только группами не менее трех человек и при условии наличия у каждого автоматического оружия. Тем же приказом запрещено движение автомашин в вечернее и ночное время вне населенных пунктов без надлежащей охраны.

Всего с 23 июня по 11 августа сего года включительно ликвидировано (не считая одиночек) 209 вооруженных групп противника и различных бандформирований, действовавших в тылах фронта. При этом захвачено: минометов — 22, пулеметов — 356, винтовок и автоматов — 3827, лошадей — 190, радиостанций — 46, в том числе 28 коротковолновых.

Начальник войск по охране тыла фронта
генерал-майор Лобов».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»[1]

«Срочно!

Москва Матюшину

В дополнение к № . . . . . от 7.08.44 г.

[1] «ВЧ» (точное наименование «ВЧ-связь») — высокочастотная телефонная связь.

Разыскиваемая нами по делу «Неман» неизвестная радиостанция с позывными КАО (перехват от 7.08.44 г. был передан Вам незамедлительно) сегодня, 13 августа, выходила в эфир из леса в районе Шиловичей (Барановичская область)[1].

Сообщая записанные сегодня группы цифр шифрованной радиограммы, настоятельно прошу Вас, учитывая отсутствие квалифицированных криптографов в Управлении контрразведки фронта, ускорить дешифровку как первого, так и второго радиоперехватов.

Егоров».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Срочно!

Начальнику Главного Управления Контрразведки «Смерш»

Спецсообщение

Сегодня, 13 августа, в 18.05 слежечными станциями вторично зафиксирован выход в эфир неизвестной коротковолновой рации с позывными КАО, действующей в тылах фронта.

Место выхода передатчика в эфир определяется как северная часть Шиловичского лесного массива Рабочая частота рации 4627 килогерц. Записанный перехват — радиограмма, шифрованная группами пятизначных цифр. Скорость и четкость передачи свидетельствует о высокой квалификации радиста

До этого выход рации с позывными КАО в эфир фиксировался 7 августа с/г из леса юго-восточнее Столбцов.

Проведенные в первом случае розыскные мероприятия не дали положительных результатов.

Представляется вероятным, что передачи ведутся агентами, оставленными противником при отступлении или же переброшенными в тылы фронта.

Не исключено, однако, что рация с позывными КАО используется одной из подпольных групп Армии Крайовой.

Также не исключено, что передачи ведутся одной из остаточных групп немцев.

---

[1] С 20 сентября 1944 года Гродно, Лида и район Шиловичей — Гродненская область.

Нами предпринимаются меры к отысканию в Шиловичском лесном массиве точного места выхода разыскиваемой рации в эфир, обнаружению следов и улик. Одновременно делается все возможное для выявления сведений, способствовавших бы установлению и задержанию лиц, причастных к работе передатчика.

На оперативную пеленгацию рации в случае ее выхода в эфир нацелены все радиоразведывательные группы фронта.

Непосредственно по делу работает оперативная группа капитана Алехина.

На розыск рации и лиц, причастных к ее работе, нами ориентированы все органы контрразведки фронта, начальник войск по охране тыла, а также Управления контрразведки соседних фронтов.

Егоров».

3. ЧИСТИЛЬЩИК,[1] СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ТАМАНЦЕВ ПО ПРОЗВИЩУ СКОРОХВАТ

С утра у меня было жуткое, прямо-таки похоронное настроение — в этом лесу убили Лешку Басоса, моего самого близкого друга и, наверное, лучшего парня на земле. И хотя погиб он недели три назад, я весь день невольно думал о нем.

Я находился тогда на задании, а когда вернулся, его уже похоронили. Мне рассказали, что на теле было множество ран и тяжелые ожоги — перед смертью его, раненного, крепко пытали, видимо, стараясь что-то выведать, кололи ножами, прижигали ступни, грудь и лицо. А затем добили двумя выстрелами в затылок.

В школе младшего комсостава пограничных войск почти год мы спали на одних нарах, и его затылок с такими знакомыми мне двумя макушками и завитками рыжеватых волос на шее с утра маячил у меня перед глазами.

Он воевал три года, а погиб не в открытом бою. Где-то здесь его подловили — так и неизвестно кто?! — подстрелили, видимо, из засады, мучали, жгли, а затем уби-

[1] Чистильщик (от «чистить» — очищать районы передовой и оперативные тылы от вражеской агентуры) — жаргонное обозначение розыскника военной контрразведки. Здесь и далее преимущественно специфичный, узкопрофессиональный жаргон розыскников военной контрразведки.

ли — как ненавидел я этот проклятый лес! Жажда мести — встретить бы и посчитаться! — с самого утра овладела мной.

Настроение настроением, а дело делом — не поминать же Лешку и даже не мстить за него мы сюда приехали.

Если лес под Столбцами, где мы искали до вчерашнего полудня, война как бы обошла стороной, то здесь было совсем наоборот.

В самом начале, метрах в двухстах от опушки, я наткнулся на обгоревший немецкий штабной автомобиль. Его не подбили, а сожгли сами фрицы: деревья тут совсем зажали тропу, и ехать стало невозможно.

Немного погодя я увидел под кустами два трупа. Точнее, зловонные скелеты в полуистлевшем темном немецком обмундировании — танкисты. И дальше на заросших тропинках этого глухого, чащобного леса мне то и дело попадались поржавевшие винтовки и автоматы с вынутыми затворами, испятнанные кровью грязно-рыжие бинты и вата, брошенные ящики и пачки с патронами, пустые консервные банки и обрывки бумаг, фрицевские походные ранцы с рыжеватым верхом из телячьих шкур и солдатские каски.

Уже после полудня в самой чащобе я обнаружил два могильных холмика месячной примерно давности, успевшие осесть, с наспех сколоченными березовыми крестами и надписями, выжженными готическими буквами на светлых поперечинах:

Karl von Tilen
Major
1916—1944

Otto Mader
Ober-leutnant
1905—1944

Свои кладбища при отступлении они чаще всего перепахивали, уничтожали, опасаясь надругательств. А тут, в укромном месте, пометили все чин чином, очевидно, рассчитывая еще вернуться. Шутники, нечего сказать...

Там же, за кустами, валялись санитарные носилки. Как я и думал, эти фрицы только кончились здесь — их несли, раненных, десятки, а может, сотни километров. Не пристрелили, как случалось, и не бросили — это мне понравилось.

За день мне встретились сотни всевозможных примет войны и поспешного немецкого отступления. Не

было в этом лесу, пожалуй, только того, что нас интересовало: свежих — суточной давности — следов пребывания здесь человека.

Что же касается мин, то не так страшен черт, как его малюют. За весь день я наткнулся лишь на одну, немецкую противопехотную.

Я заметил блеснувшую в траве тоненькую стальную проволоку, натянутую поперек тропы сантиметрах в пятнадцати от земли. Стоило мне ее задеть — и мои кишки и другие останки повисли бы на деревьях или еще где-нибудь.

За три года войны бывало всякое, но самому разряжать мины приходилось считанные разы, и на эту я не счел нужным тратить время. Обозначив ее с двух сторон палками, я двинулся дальше.

Хотя за день мне попалась только одна, сама мысль, что лес местами минирован и в любое мгновение можно взлететь на воздух, все время давила на психику, создавая какое-то паскудное внутреннее напряжение, от которого я никак не мог избавиться.

После полудня, выйдя к ручью, я скинул сапоги, расстелил на солнце портянки, умылся и перекусил. Напился и минут десять лежал, уперев приподнятые ноги в ствол дерева и размышляя о тех, за кем мы охотились.

Вчера они выходили в эфир из этого леса, неделю назад — под Столбцами, а завтра могут появиться в любом месте: за Гродно, под Брестом или где-нибудь в Прибалтике. Кочующая рация — Фигаро здесь, Фигаро там... Обнаружить в таком лесу место выхода — все равно что отыскать иголку в стоге сена. Это тебе не мамочкина бахча, где каждый кавун знаком и лично симпатичен. И весь расчет, что будут следы, будет зацепка. Черта лысого — почему они должны наследить?.. Под Столбцами мы что, не старались?.. Землю носом рыли! Впятером, шестеро суток!.. А толку?.. Как говорится, две консервные банки плюс дыра от баранки! А этот массивчик побольше, поглуше и засорен изрядно.

Сюда бы приехать с толковой псиной вроде Тигра, что был у меня перед войной. Но это тебе не на границе. При виде служебной собаки каждому становится ясно, что кого-то разыскивают, и начальство собак не жалует. Начальство, как и все мы, озабочено конспирацией.

К концу дня я опять подумал: нужен текст! В нем почти всегда можно уловить хоть какие-то сведения о районе нахождения разыскиваемых и о том, что их интересует. От текста и следует танцевать.

Я знал, что с дешифровкой не ладилось и перехват сообщили в Москву. А у них двенадцать фронтов, военные округа и своих дел под завязку. Москве не укажешь, они сами себе начальники. А из нас душу вынут. Это уж как пить дать. Старая песенка — умри, но сделай!..

4. В ШИЛОВИЧАХ

Оставив Хижняка с машиной в густом подлеске близ деревни, Алехин заброшенным, заросшим травой огородом вышел на улицу. Первый встречный — конопатый мальчишка, спозаранок гонявший гуся у колодца, — показал ему хату «старшины» сельсовета. От соседних таких же невзрачных, с замшелыми крышами хат ее можно было отличить лишь по тому, что вместо калитки в изгороди была подвешена дверца от немецкого автомобиля. Назвал мальчишка и фамилию председателя — Васюков.

Не обращая внимания на тощую собаку, хватавшую его за сапоги, Алехин прошел к хате — дверь была закрыта и заперта изнутри. Он постучал.

Было слышно, как в хате кто-то ходил. Прошло с полминуты — в сенях послышался шум, медленные тяжелые шаги, и тут же все замерло. Алехин почувствовал, что его рассматривают, и, чтобы стоящий за дверью понял, что он не переодетый аковец и не «зеленый», а русский, вполголоса запел:

Вспомню я пехоту, и родную роту,
И тебя, того, кто дал мне закурить...

Наконец дверь отворилась. Перед Алехиным, глядя пристально и настороженно, опираясь на костыли и болезненно морщась, стоял невысокий, лет тридцати пяти мужчина с бледным худым лицом, покрытым рыжеватой щетиной, в польском защитном френче и поношенных шароварах. Левой ноги у него не было, и штанина, криво ушитая на уровне колена, болталась свободно. В правой полусогнутой руке он держал наган.

Это и был председатель сельсовета Васюков.

Пустыми грязными сенцами они прошли в хату, обставленную совсем бедно: старая деревянная кровать, ветхий тонконогий стол и скамья. Потемнелые бревенчатые стены, совершенно голые, на печи — рваный тюфяк и ворох тряпья. На дощатом столе — крынка, тарелка с остатками хлеба и стакан из-под молока. Тут же, уставясь стволом в окно, стоял немецкий ручной пулемет. В изголовье кровати, закинутой порыжевшей солдатской шинелью, висел трофейный автомат. Воздух в хате был кислый, спертый.

Васюков ухватил старое вышитое полотенце и вытер скамью; Алехин сел. Не оставляя костылей, Васюков опустился на кровать и посмотрел выжидающе.

Алехин начал издалека: поинтересовался, какие вёски[1] и хутора входят в сельсовет, как убираются хлеба, много ли мужиков, как с тяглом, и задал еще несколько вопросов общего характера.

Васюков отвечал обстоятельно, неторопливо, придерживая левой рукой культю и время от времени болезненно морщась. Он знал хорошо и местность, и людей, в разговоре его проскальзывали польские и белорусские слова; однако по говору Алехин сразу определил: «Не местный».

— Вы что, нездешний? — улучив момент, спросил капитан.

— Смоленский я. А здесь попал в сорок первом в окруженье и партизанил три года. Так и остался. А вы по каким делам? — в свою очередь поинтересовался Васюков.

Алехин поднялся, достал командировочное предписание и, развернув, предъявил его.

— «...для вы... пол... нения за... дания коман... дования»,— медленно прочел председатель.— Ясен вопрос! — осмотрев печать, немного погодя сказал он, возвращая документ и ничуть, однако, не представляя, какое задание может выполнять этот пехотный капитан с полевыми погонами на выгоревшей гимнастерке в Шиловичах, более чем в ста километрах от передовой.

И Алехин, наблюдавший за выражением лица Васюкова, понял это.

Он оглянулся на перегородку и, услышав от Васюко-

[1] Вёски — деревни (*белорус.*).

ва: «Там нет никого», посмотрел инвалиду-председателю в глаза и тихим голосом доверительно сообщил:

— Я по части постоя... расквартирования... Возможно, и у вас будут стоять... Не сейчас, а ближе к зиме... месяца через полтора-два, не раньше. Только об этом пока никому!

— Ну что вы,— понимающе сказал Васюков, явно польщенный доверием.— Разве я без понятия? И много поставят?

— Да, думаю, в Шиловичах примерно роту. Это уже как командование решит. Мое дело ознакомиться с обстановкой, посмотреть местность и доложить.

— Роту — это можно. А больше не разместить,— сказал Васюков озабоченно.— Вы так и доложите — больше роты нельзя. Ведь их обиходить надо. Я сам три года служил, командиром отделения был, понимаю. Солдату в бою достается, а уж на постое условия нужны. А где их взять? — вздохнул он.

— С водой как у вас?

— Вода что — ее на всех хватит. И дров в достатке. А вот с жильем кепско[1]. Полы-то все больше земляные, холодные.

— А дрова где берете? — спросил Алехин, стараясь направить разговор в нужное русло.

— Там вот, за шоссе.— Васюков кивнул влево, в сторону печки.

— А у вас же лес рядом,— удивился Алехин, указывая в противоположном направлении: его интересовал прежде всего этот лес и то, что с ним было связано.

— Там, за шоссе, швырок еще немцами заготовлен. Сухой, как лучина, и пилить не надо. Его и возят,— объяснил Васюков.— А в этот лес не ходят — запрещено!

— Почему?

— Тут немцы, как отступали, оборону, должно, держать думали. Или преследование задержать хотели. Словом, мин понаставили.

— Поня-ятно...

— Мусить[2], и немного, но где и сколько — никто не знает. В день, как меня назначили, мальчишки туда полезли. За трофеями. И двух у самого края — на куски!

---

[1] Кепско — плохо (*польск.*).
[2] Мусить — может (*польск.*).

Мы по опушке сразу знаки расставили. Мол, проход запрещен, мины! Так что наши, шиловичские, в этот лес — ни шагу! А с военными случай был.

— С какими военными?

— Тут связистки у нас с неделю стояли. Молоденькие, веселые — известно дело, на отдыхе. А в лесу грибов, ягод полно. И вот пошли двое, да не вернулись...

— Давно это?

— Дней десять уже. Стали искать их — метров за триста от опушки нашли, вот там.— Васюков взглядом указал на стену, где висел автомат.— Снасиловали их и убили. Обмундирование забрали и документы.

— Кто же убил?

— А кто знает... После приехали энкэвэдэ с Лиды. Пограничники. На трех машинах, с собаками. Осматривали лес, перестрелка была — будто нашли кого-то и побили. Опять же, говорят, кто-то на мине подорвался. Но точно не знаю: проческу, значит, от нас начали, а больше не приходили. Должно, так лесом на Каменку и вышли.

— Это было, говорите, с неделю назад. А вот в последние дни, вчера или позавчера, вы здесь незнакомых людей не встречали?... Военнослужащих... не видели? Я почему спрашиваю,— пояснил капитан,— кроме меня, посланы еще три группы квартирьеров. Так если мы для постоя одни и те же деревни присмотрим или хутора, ерунда ведь получится.

— Понятно... Нет, насчет квартир последние дни не обращались... А видеть двух командиров вчера видел. Мусить, и с вашей части,— неуверенно заметил Васюков.— Но ко мне они не приходили.

— А где вы их видели, в деревне?

— Нет. Я вчера тут спор улаживал. Тесинского и Семашко. Из-за межи разодрались. Пошли, значит, на поле, вот сюда.— Васюков рукой показал за спину.— Обмерили все, столб зарыли. Ну, и после дела, как водится, хлеб-соль: бимбера бутылку распили. Сидим у копешек, закусываем. И вижу, от леса идут двое. Командиры. Мусить, и с вашей части.

— Когда это было, в котором часу?

— Вечером. Перед заходом. Часов в восемь, должно...

— А какие они из себя? Как выглядят?

— Обыкновенно. Один постарше вроде и поплотнее.

Он впереди шел. А другой — худой, моложе, видать, этот подлиньше.

— Тот, что постарше, смуглый такой, носастый! Это же Лещенко! — обрадованно сказал Алехин, называя первую пришедшую на ум фамилию.— Капитан! В хромовых сапогах и в кителе. У него еще фуражка с матерчатым козырьком.

— Там метров двести, ежли не больше. Разве звание разберешь? Но только в пилотках они оба и в гимнастерках. Это точно.

— Может, Ткачев и Журба? — словно размышляя вслух, проговорил Алехин.— Они что же, из леса вышли? А вещи у них с собой какие-нибудь были?

— Когда я увидел, они шли от леса. А были они там или нет — не знаю. И вещей не видел. У одного, должно, плащ-палатка в руке, а у другого... вроде совсем ничего.

— А эти, Тесинский и Семашко, их видели? Может, они лучше разглядели?

— Нет. У меня глаз дальний. Ежли я не увидел, а те-то и подавно. Это точно.

Они поговорили еще минут десять; Алехин понемногу уяснил большинство интересовавших его вопросов и соображал: ехать ли отсюда прямо в Каменку или заглянуть по дороге на хутора, расположенные вдоль леса.

Васюков, под конец разговорясь, доверительно рассказал о знакомом мужике, имеющем «аппарат», и, озорновато улыбаясь, предложил:

— Ежли придется вам здесь стоять — съездим к нему обязательно! У него первачок — дух прихватывает!

У Алехина, к самогону весьма равнодушного, лицо приняло то радостно-оживленное выражение, какое появляется у любителей алкоголя, как только запахнет выпивкой. Сдерживаясь, чтобы не переиграть, он опустил глаза и согласно сказал:

— Уж если стоять здесь будем — сообразим. Непременно!

Он поднялся, чтобы уходить,— в это мгновение груда тряпья на печи зашевелилась. Посмотрев недоуменно, Алехин насторожился. Васюков с помощью костылей подскочил к печке, потянулся как мог и, сунув руку в тряпье, вытащил оттуда и быстро поставил на пол мальчонку примерно двух с половиной лет, беловолосого, в стираной-перестираной рубашонке.

— Сынишка,— пояснил он.

Выглядывая из-за ноги отца и потирая кулачком ясные голубоватые глазенки, ребенок несколько секунд рассматривал незнакомого военного и вдруг улыбнулся.

— Как тебя зовут? — ласково и весело спросил Алехин.

— Палтизан! — бойко ответил малыш.

Васюков, улыбаясь, переступил в сторону. И только тут Алехин заметил, что у мальчика нет левой руки: из короткого рукава рубашонки выглядывала необычно маленькая багровая культя.

Алехин был несентиментален и за войну перевидел всякое. И все же ему сделалось не по себе при виде этого крошечного калеки, с такой подкупающей улыбкой смотревшего ему в глаза. И, не удержавшись, он проговорил:

— Как же это, а?

— В отряде был. В Налибоках зажали нас — осколком мины задело,— вздохнул Васюков.— Ну, умываться! — велел он сынишке.

Мальчуган проворно шмыгнул за перегородку.

— А жена где? — поинтересовался Алехин.

— Ушла.— Переставив костыли, Васюков повернулся спиной к Алехину и шагнул за перегородку.— В город сбежала. С фершалом...

Опираясь на костыль и наклонясь, он лил воду из кружки, а малыш, стоя над оббитым эмалированным тазиком, старательно и торопясь тер чумазую мордаху ладошкой.

Алехин в душе выругал себя — о жене спрашивать не следовало. Ответив, Васюков замолчал, замкнулся, и лицо у него стало угрюмое.

Умывшись, мальчик поспешно утерся тем самым полотенцем, каким отец вытирал скамью для Алехина, и проворно натянул маленькие, запачканные зеленью трусики.

Его отец тем временем молча и не глядя на Алехина отрезал краюшку хлеба, сунул ее в цепкую ручонку сына и, сняв со стены автомат, повесил себе на грудь.

Алехин вышел первым и уже ступал по росистой траве, когда, услышав сзади сдавленный стон, стремительно обернулся. Васюков, стиснув зубы и закрыв глаза, стоял, прислонясь к косяку двери. Бисеринки пота про-

ступили на его нездорово-бледном лице. Ребенок, справлявший у самого порога малую нужду, замер и, задрав головку, испуганно, не по-детски озабоченными глазами смотрел на отца.

— Что с вами? — бросился к Васюкову Алехин.

— Ничего...— приоткрыв глаза, прошептал Васюков.— Рана... открылась... Уж третий день... Должно, кость наружу выходит... Мозжит, мочи нет. А тут задел костылем — аж в глазах потемнело...

— Вам необходимо в госпиталь! — с решимостью заявил Алехин, соображая, как это лучше устроить.— Насчет машины я позабочусь, вас сегодня же отвезут в Лиду!

— Нет, нельзя,— покачал головой Васюков и, зажав костыль под мышкой, поправил автомат.

— Вы что, за ребенка боитесь — оставить не с кем?

— Нет... А в госпиталь не могу! — Морщась от боли, Васюков переставил костыли и двинулся, выбрасывая вперед ногу и подпрыгивая на каждом шагу.— Сельсовет оставить нельзя.

— Почему? — Алехин, проворно открыв калитку, пропустил Васюкова вперед.— У вас заместитель есть?

— В армию забрали. Никого нет... Секретарь — девчонка. Несмышленая... Никак нельзя. Понимаете — не могу! — Опираясь на костыли, Васюков стал посреди улицы и, оглянувшись, вполголоса сказал: — Банды объявились. Третьего дня пришли в Соломенцы человек сорок. Председателя сельсовета убили, и дочь, и жену. А печать забрали...

О бандах Алехин знал, но о случае в Соломенцах не слышал. А деревня эта была неподалеку, и Алехин подумал, что в лесу, где будут вестись поиски, можно напороться не только на мины или на мелкую группу, но и на банду — запросто.

— Как же мне в госпиталь? — продолжал Васюков.— Да я здесь как на посту! Один-одинешенек — и печать передать некому. За мной вся вёска смотрит. Лягу в госпиталь, а подумают: струсил, сбежал! Не-ет! Не могу... Я здесь — советская власть, понимаете?

— Понимаю. Я только думаю: ну а в случае чего — что вы сможете?

— Всё! — убежденно сказал Васюков, и лицо его сделалось злым.— Партейный я — живым не дамся!

Их нагнали две женщины, босые, в платочках, и, сказав обычное: «День добрый», пошли в стороне, несколько поотстав,— очевидно, им нужен был председатель, но говорить с ним при Алехине они не хотели или же не решались.

Близ проулка Алехин простился с Васюковым, причем тот попытался улыбнуться и тихонько, вроде виновато или огорченно сказал:

— И какой же я председатель: образования — три класса. А никуда не денешься — другого нету!

Отойдя шагов тридцать, Алехин оглянулся — подпрыгивая на костылях, Васюков двигался посреди улицы, на ходу разговаривая с женщинами. Позади него, силясь не отстать, бежал малыш с краюшкой, зажатой в руке.

5. ЧИСТИЛЬЩИК-СТАЖЕР, ГВАРДИИ ЛЕЙТЕНАНТ АНДРЕЙ БЛИНОВ

Лес этот с узкими, заросшими тропами и большими участками непролазного глушняка местами выглядел диковато, но вовсе не был нехоженым, каким казался со стороны,— он был изрядно засорен и загажен войной.

Разложившиеся трупы немцев в обмундировании разных родов войск, ящики с боеприпасами и солдатские ранцы, пожелтевшие обрывки газет, напечатанных готическим шрифтом, и пустые коробки от сигарет, фляги и котелки, бутылки из-под рома, заржавевшие винтовки и автоматы без затворов, сожженный мотоцикл с коляской, миномет без прицела и даже немецкая дивизионная пушка, невесть как затащенная в глубину леса,— что только не встречалось на пути Андрею.

Все это явно не имело отношения к тому, что его интересовало,— он проходил мимо, не останавливаясь.

Единственно что на минуту задержало его внимание в первой половине дня — старый, разложившийся труп в полуистлевшем белье, с обрывком толстой веревки вокруг шеи. Явно повешенный или удушенный — кто?.. кем?.. за что?..

Такого обилия грибов и ягод, как в этом безлюдном лесу, Андрей никогда еще не видел. Сизоватые россыпи черники, темные, перезрелые земляничины, должно быть, невероятно сладкие — он не сорвал ни одной, дав себе

слово поесть досыта только после того, как что-либо обнаружит.

Однако свежих — суточной давности — следов человека в этом лесу не было. Ни отпечатков ног, ни разорванной паутины, ни остатков пищи или костра, ни погнутых стеблей или примятости, ни свежеобломанных веток, ни иных следов — ничего.

Над лесом и будто над всей землей стояла великолепная тишина. В жарком тускло-голубом небе не появлялось ни облачка. Как только он оказывался на солнце, горячие лучи припекали голову, жгли сквозь гимнастерку плечи и спину.

В полдень, присев на несколько минут в тени на берегу ручья, Андрей съел кусок консервированной колбасы с ломтем черного хлеба, напился, обмыл лицо и, перемотав портянки, продолжал поиски.

О минах он не забывал ни на минуту, но попались они ему только в одном месте — у развилки лесных дорог.

Он на расстоянии заметил пятно высохшей пожелтелой травы размером с большой носовой платок. Подойдя, привычно лег рядом, снял дерн, осторожно разрыл землю, пошарил пальцами по бокам ямки и внизу — минуты две спустя «шпринг-мина», обыкновенная немецкая противопехотка «S-34», лишенная взрывателя, вывинченного Андреем, валялась за кустом.

Он прошел не более двадцати метров, когда увидел впереди на зеленом фоне травы такое же желтое пятно.

Во вчерашнем инструктаже он ничуть не нуждался. В полку на Смоленщине и Витебщине ему довелось разрядить сотни, а может, тысячи таких мин с взрывателями нажимного и натяжного действия, обычных и со всякими «сюрпризами». Он мог обезвреживать их в темноте, с закрытыми глазами и делал это теперь, после восьми часов безрезультатного хождения по лесу, с чувством заметного удовлетворения. Он разряжал четвертую, когда подумал: к чему все это? зачем?

Если там, на передовой, снятые мины были показателем боевой деятельности взвода и его самого как командира, то здесь они никого не интересовали, поскольку не имели отношения к делу — к разыскиваемой рации и агентам. Они были всего лишь особенностью местности, где велись поиски.

И, подумав об этом, он не стал более терять на них

время и последние две просто обозначил вешками, а разряжать не стал.

И снова шагал, упорно двигая ногами в густой лопушистой траве. Пробираясь цѐликом, поминутно отклонял руками ветки, обрывал разгоряченным лицом паутину, пролезал под нижними сучьями. Стремясь ничего не пропустить, беспрестанно вертел головой, отчего болезненно ныла шея. Ставший необычайно тяжелым пистолет оттягивал карман и растирал ляжку, взмокшие пóтом гимнастерка и шаровары липли к телу, жаром горели в сапогах натруженные ноги.

Ему, как и его товарищам, неделями приходилось спать по четыре-пять часов в сутки. Постоянное недосыпание изнуряло даже двужильного Таманцева; Андрей же подчас прямо-таки валился с ног. И сейчас он находился в том гадком состоянии, когда хочется только спать: упасть в любом месте и спать, спать и спать. С трудом превозмогая себя, спотыкаясь усталыми ногами об обнажившиеся кое-где корни, он настойчиво шагал так похожими одна на другую заросшими тропинками...

6. СТАРШИЙ ГРУППЫ КАПИТАН АЛЕХИН ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ

Первый день ничего, по существу, не дал.

Кроме Шиловичей, я побывал еще в Каменке, и в Новоселках — деревнях, прилегающих к Шиловичскому лесу с противоположной стороны,— и на двух десятках окрестных хуторов.

Те, кого мы искали, навряд ли находились в лесу. Представлялось вероятным, что вчера или позавчера они проникли туда, а после передачи, не теряя времени, тотчас скрылись; естественно было полагать, что на подступах к лесу их кто-нибудь видел.

Двое неизвестных, замеченные Васюковым, несомненно заслуживали нашего внимания, однако принимать их за рабочую версию следовало с существенными оговорками. Во-первых, Васюков не видел, взялись ли эти двое из леса или двигались до того вдоль опушки,— может, в лесу они и не были? Во-вторых, передача велась с участка, расположенного ближе к Новоселкам, чем к Шиловичам, и, чтобы оставить массив и побыстрее удалиться от места выхода рации в эфир, разумнее было не идти

через весь лес, а по-скорому выбраться там на оживленное шоссе и сесть на попутную машину. И в-третьих — самое для нас огорчительное,— Васюков видел неизвестных на значительном расстоянии, не разглядел и не смог хотя бы приблизительно обрисовать их внешность.

Я без труда нахожу общий язык с крестьянами, а интересовал меня простой и, казалось бы, безобидный вопрос: кого из незнакомых людей встречали или видели в последние дни близ леса и неподалеку? Понятно, я не спрашивал об этом прямо — как и обычно, приходилось конспирировать.

Я побеседовал, наверное, не менее чем с полусотней человек — в основном с женщинами, стариками и подростками,— полагаю, из них лишь двое, бывшие партизаны, были со мной по-настоящему откровенны; остальные смотрели настороженно и говорили, что ничего не знают.

— Темный народ, забитый,— жаловался мне в Лиде начальник милиции.— Западники, известное дело. Слова из них не вытянешь...

Такие суждения я слышал не раз, и доля истины в том имелась, впрочем, я хорошо понимал и этих «темных» людей.

За пять последних лет здесь четырежды круто менялась жизнь: сначала санационная Польша, затем — присоединение к Советской Белоруссии, потом война — она пришла сюда на вторые сутки — и кровавая немецкая оккупация и, наконец, снова — уже второй месяц — советская власть.

Причем, помимо официальных сил, были весьма действенные и нелегальные. Во время оккупации в лесах хозяйничали партизаны, теперь же рыскали различные банды, остаточные группы немцев, встречались и мелкие шайки обыкновенных дезертиров.

В действиях враждебных нелегальных сил было и общее — внезапность появления, жестокость, пренебрежение человеческими жизнями, имелись и свои особенности. Аковцы, устраивая засады, обстреливали на дорогах автомашины, убивали в первую очередь военнослужащих, ввязывались в бои даже с небольшими подразделениями Красной Армии. «Зеленые»— банды литовских националистов,— наведываясь с севера, расправлялись с комму-

нистами и сельсоветчиками, вырезая подчас без разбору целые семьи, грабили нещадно крестьян; немцы и власовцы были осторожны, в деревни обычно не заходили, нападали только в лесах, на глухих дорогах и на хуторах, не оставляя, однако, в живых ни одного свидетеля: они старались себя не обнаруживать, чтобы избежать возможного преследования и уничтожения.

Со всеми этими страшными силами местные жители оказывались, как правило, один на один; они пребывали в постоянном страхе перед любым пришельцем, ожидая от каждого только насилия, ограбления или смерти и не без основания полагая, что короткий язык — хоть какой-то залог покоя и личной безопасности. Моя же форма их едва ли в чем убеждала, поскольку наше армейское обмундирование пользовали и аковцы, и «зеленые», и власовцы, и даже немцы.

Отмолчаться подчас стремились и местные должностные лица. Весьма характерный разговор произошел у меня в Каменке.

Обязанности председателя сельсовета там исполнял старый носатый крестьянин — белорус с реденькими выцветшими усами и самокруткой в зубах. Сидя за столом посреди пустой грязной хаты, он увлеченно играл в шашки с длинноногим подростком — посыльным — и даже не скрыл своего огорчения, что им помешали.

Трое стариков, вооруженных немецкими винтовками, охраняли сельсовет снаружи. Они ввалились следом за мной и молча наблюдали, как «старшина» проверял мои документы, затем, потоптавшись, вышли вместе с мальчишкой.

Как и в Шиловичах, я отрекомендовался представителем по расквартированию и предъявил вместе с командировочным предписанием не красную книжечку с пугающей надписью «Контрразведка «Смерш», а офицерское удостоверение личности.

Старик показался мне простоватым и словоохотливым, но это только с первого взгляда.

Он действительно охотно говорил на разные общие темы, например про хлеба и дороговизну, про нехватку мужчин или тягла, на что пожаловался трижды, видимо опасаясь, что я попрошу подводу. Однако за время нашей беседы он умудрился не назвать почти ни одной фамилии, ни словом не обмолвился о бандах, будто их и не

было; меж тем я проникся мыслью, что именно их он более всего боялся.

Он ловко уклонился от разговора о тех, кто сотрудничал и ушел с немцами, на вопрос же о Шиловичском лесе коротко заметил: «Мы туда не ходим». И начал о другом.

На счету у меня была каждая минута, а он пространно рассказывал, и я был вынужден слушать, как дети его соседки, играя, чуть не спалили хату или как баба по имени Феофина родила весной двойню, причем у девочки белые волосики, а у мальчика черные, к чему бы так?

При этом он все время простецки, добродушно улыбался и дымил свирепым самосадом, лицо же его, казалось, говорило: «Пойми, ты приехал и уехал, а мне здесь жить!»

После Каменки я заглянул на хутора, окаймлявшие Шиловичский массив с северо-запада.

Одинокие хаты с надворными постройками тянулись вдоль леса на значительном расстоянии друг от друга, каждая посреди своих огородиков, рощиц и крохотных полей. Я заходил во все, где были хозяева, но не услышал и не увидел ничего для нас интересного.

Хижняк должен был к двум часам подъехать и в условленном месте ожидать меня. В начале третьего я направился к шоссе, чтобы, оставив в машине погоны, пилотку и документы, идти в лес осматривать свой участок.

Я спешил орешником, когда различил позади приближающиеся шаги. Оглянулся — никого. Прислушался — меня определенно кто-то догонял. Сдвинув на ходу предохранитель «ТТ», я сунул пистолет в брючный карман и, выбрав подходящее место, мгновенно спрятался за кустом.

Вскоре я увидел того, кто торопился мне вслед. По орешнику быстро шел, почти бежал черноволосый горбатый мужчина, приземистый, тщедушный, лет сорока, в истрепанном пиджаке и таких же стареньких, с большими заплатами на коленях и сзади брюках, заправленных в грязные сапоги.

С этим крестьянином я беседовал не далее чем час назад в его хате, где, кроме него, в тот момент находились еще две женщины, как я понял, жена и теща. Я заметил, что перед моим приходом у них что-то произошло, ссора или серьезная размолвка. В лицах у всех троих

проглядывала какая-то встревоженность или расстройство. У женщин, особенно у старшей, были красноватые, с припухшими веками, явно заплаканные глаза. Сам горбун смотрел с плохо скрываемой боязнью: он говорил по-польски, отвечал односложно, тихо, то и дело повторяя: «Не разумем... Не вем»[1].

Сейчас, миновав меня, он сделал еще с десяток шагов, остановился и прислушался, наверно пытаясь определить, куда я делся. Затем обернулся, увидев меня, испуганно вздрогнул и в замешательстве проговорил:

— День добры...

— День добрый,— невозмутимо ответил я, хотя мы с ним уже здоровались и по логике следовало бы спросить: «Что вам от меня нужно?»

Несомненно, он бежал за мной. Я смотрел выжидательно. Капли пота блестели на его небритом разгоряченном лице; выпуклая уродливая грудь дышала часто и возбужденно. Его грубые сапоги до верха голенищ были запачканы засохшим навозом.

— Пан товарищ...— испуганно оглянувшись, начал он, тут же умолк и снова прислушался.— Пан официэр...

* * *

Он говорил по-польски, взволнованно, сбивчивым полушепотом; очень многого я не понимал, все время переспрашивал и минут за тридцать нашей беседы с немалым трудом уяснил суть.

Рассказывая, он то и дело оглядывался или, сделав мне знак, умолкал и напряженно прислушивался. Я дважды поинтересовался причиной его беспокойства, но оба раза он, вероятно не понимая, лишь недоуменно пожимал плечами.

Расставшись с ним и держа путь к машине, я обдумывал его рассказ.

То, что я сумел понять, выглядело так.

Вчера на рассвете он, Станислав Свирид, разыскивая корову, не вернувшуюся вечером к дому, увидел неподалеку от опушки Шиловичского леса трех человек в советской военной форме. Они прошли гуськом поблизости, но

---

[1] Не разумем... Не вем — Не понимаю... Не знаю.

он притаился в ельнике, и его не заметили. В переднем он узнал Павловского Казимира, двух других видел впервые.

По словам Свирида, во время оккупации этот Павловский служил немцам где-то под Варшавой, якобы в полиции, на какой-то ответственной должности; во всяком случае, получал большие деньги. (О больших деньгах, как мне показалось, с оттенком зависти, Свирид упомянул трижды.) Неоднократно Павловский приезжал на побывку к своему отцу, жившему на соседнем хуторе; был он всегда в цивильном и в шляпе, но, как уверял Свирид, якобы имел офицерский чин и награды от немцев.

По словам Свирида, отец Павловского, по национальности немец, в настоящее время арестованный, находился в Лиде, а родная тетка проживала в Каменке.

Собственно, по лесам в разных шайках бродили и бывшие полицаи и всякие пособники, не успевшие уйти с немцами. Занимались ими местные органы и маневренные группы войск НКВД, нас же они интересовали лишь в той мере, в какой представляли опасность для армии и тылов фронта.

Настораживало в этой истории другое.

Публика в шайках собиралась неоднородная, одетая и вооруженная весьма по-разному. Свирид же уверял, что эти трое были чуть ли не в одинаковом нашем офицерском обмундировании, причем у двоих наверняка были советские автоматы.

И второе. При отступлении немцев полицаи обычно уходили с ними на Запад. Павловский же, служивший где-то под Варшавой, наоборот, оказался почему-то километров на двести восточнее, по эту сторону фронта — каким образом? В то же время я понимал, что его пребывание близ Шиловичского массива за тринадцать часов до выхода разыскиваемого передатчика в эфир могло быть и чистой случайностью.

Меня занимало, чем был так обеспокоен Свирид и почему у себя в хате он отмалчивался, а затем, очевидно, следил за мной, догнал и все рассказал.

Многое относительно Павловского еще требовалось узнать, проверить и уточнить как в Лиде, так и здесь, на месте — безотлагательно. Но сейчас я не мог терять даже минуты: меня ждал лес.

На глаза ему попался старый дуб: небольшое дупло таинственно чернело в стволе дерева примерно в метре над головой Андрея. Несколько секунд он стоял, размышляя. «А вдруг?..» Подпрыгнув, ухватился за край дупла, подтянулся и, опираясь кромками подошв о кору, всунул руку — труха, гнилая труха. В тот же миг нога соскользнула, и он сорвался вниз, едва не сломав руку и до крови ободрав запястье.

Если поутру этот глуховатый, ничем не примечательный лес представлялся ему особенным и значительным, представлялся тем самым местом, откуда велась передача, если утром Андрей был полон уверенности и надежд, волновался и ждал, то под вечер с каждым часом он все менее и менее верил, что удастся что-либо обнаружить.

В самом деле, легко ли сыскать средь такого массива следы тех, кто радировал, и почему они должны были наследить — это вовсе не обязательно. И потом — сколь точно определено место выхода: Андрей знал, что действительное положение пеленгуемой рации будет всегда несколько в стороне от предположительно найденного и что погрешности при пеленгации могут иногда достигать нескольких километров.

Более всего его угнетало ощущение своей неполноценности. Если до ранения, в полку на передовой, он был не хуже других командиров взводов, а порой и лучше, то здесь, в группе, он был из троих самый слабый по опыту, умению и, естественно, по результатам. И сколь он ни старался, но, в общем-то, каждый раз оказывался в той или иной степени иждивенцем Алехина и Таманцева, и мысль об этом постоянно удручала его.

Когда солнце склонилось к горизонту, он пошел на восток, чтобы дотемна выйти к Шиловичам, и вскоре забрел на обширную болотину, покрытую мхом, ржавчиной и мелким ольшаником. Выдерживая направление, он продолжал двигаться напрямую, однако ноги вязли все глубже, ржавая гнилая вода заливалась в голенища.

Он мучительно припоминал карту. Болото в этом месте вроде не значилось, или он просто не обратил внимания. Лес виднелся вокруг на одинаковом примерно расстоянии, надо было только решить, как лучше выбраться.

Он осматривался, когда услышал в отдалении две короткие автоматные очереди и тотчас еще одиночные выстрелы, и прежде всего подумал об Алехине и Таманцеве. Не теряя и секунды, он бросился бежать вправо, в ту сторону, где стреляли, с трудом выдирая ноги и проклиная и это болото и свою невезучесть. На ходу он все время прислушивался, ожидая услышать условный сигнал манком: «Необходима помощь!»— однако над лесом снова царила тишина. Что там произошло?.. Ни у Алехина, ни у Таманцева не было с собой автоматов — кто же стрелял первым? Кто и в кого?.. Неужто Алехина или Таманцева подловили, как Басоса?..

Выбиваясь из сил, он достиг окраины болота, почва под ногами стала тверже, сапоги погружались только по щиколотку. За узкой полосой ветвистого ольшаника высились большие деревья. Торопливо продираясь кустарником, Андрей выскочил на крохотную полянку, поросшую осокой, и влево у кустов увидел бьющий из земли родник, обложенный черными, словно обугленными коряжинами, наполовину ушедшими в землю.

Став на колени у бочажка, он припал к воде и жадно пил, одновременно поспешно умывая разгоряченное лицо. Студеная прозрачная вода отдавала болотом и жестоко щемила зубы.

Он выпрямился на коряжине, прислушиваясь, и в следующее мгновение замер от неожиданности... На темной болотной земле, шагах в трех от себя он увидел то, что искал весь день и о чем можно было только мечтать: свежие отпечатки армейских сапог, свеженькие, еще не успевшие выветриться...

8. СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ТАМАНЦЕВ

Было около шести; времени до возвращения оставалось немного, и он решил заглянуть к заброшенной смолокурне, находившейся южнее, в каких-нибудь двух километрах. Его тянуло туда с самого утра, наверно, потому, что стоящие отдельно в лесу или пустынном месте строения всегда привлекают.

Трупный запах он почувствовал издалека. Когда же, ориентируясь преимущественно по солнцу, вышел к тому месту, где в прошлые годы курили смолу, смрад разложения стал совсем непереносимым.

Хоронясь за кустами, он несколько минут прислушивался и рассматривал поляну, протекающий по ней ручей и то, что осталось от смолокурни.

Бревенчатые постройки вправо от него были разрушены и частично пожжены; там же торчал дымоход разваленной наполовину смолокуренной печи с остатками вмурованного в нее котла. Порушено все это было не теперь, когда проходил фронт, а раньше — остатки строений и печь успели замшеть и порасти травой.

Влево, ближе к Таманцеву, на высоком крепком фундаменте стояла каменная коробка одноэтажного дома без крыши и без стропил. Внимание его привлекли пустые оконные проемы, вернее прилегающие к ним снизу и по бокам участки степы, густо усеянные щербинами. Что здесь недавно была перестрелка, он отметил еще раньше по следам на кустах и на стволе дерева — судя по срезанным пулями увядшим веточкам и листьям, случилось это дней восемь—десять назад.

В зловонной тишине едва слышно журчал ручей, из леса доносилось негромкое пение птиц, но ни звуков, ни каких-нибудь признаков пребывания здесь или вблизи человека Таманцев не обнаружил.

Под прикрытием кустов он перешел левее, откуда до остова здания оставалось всего метров десять, и в углу, между стеной и крыльцом, увидел раздутый, обезображенный труп немца. На лице трупа, точнее на обклеванном до костей светлом черепе, неподвижно сидел большой иссиня-черный ворон с длинным изогнутым клювом. Веселенький натюрмортик, нечего сказать!

Переложив пистолет из заднего кармана брюк в боковой, Таманцев рывком достиг крыльца и взбежал по ступенькам. При его появлении стервятник недовольно взлетел, а когда он вскочил в здание, с громким карканьем метнулись в окна десятки ворон.

На темном полу среди разного хлама, пустых консервных банок, кусков штукатурки и бесчисленной россыпи стреляных автоматных гильз лежало в различных позах семь трупов — немцы. Все они были без сапог и без кожаных ремней, с обклеванными вороньем черепами и конечностями, двое — без мундиров, а один — без брюк, в грязных-прегрязных подштанниках. Сотни синеватых мух роились на мертвечине.

В соседнем, меньшем по размеру, помещении у окон

оказалось еще четыре обезображенных тлением и стервятниками трупа.

Сбродные были фрицы — один в темной, с брюками навыпуск танкистской форме, шестеро в эсэсовском обмундировании, остальные в серовато-мышином, пехотном. По тысячам патронных гильз — возле оконных проемов они сплошь устилали пол,— по отбитой на стенах штукатурке и расположению трупов можно было представить, как все это произошло: заняв круговую оборону, они отстреливались ожесточенно, однако их всех перебили. Автоматно-пулеметным огнем и брошенными сюда гранатами. Приняв в соображение жару и влажность этого места, а также по цвету пятен крови Таманцев определил примерно и возраст трупов: пять—семь суток, не меньше.

От нестерпимого смрада он буквально задыхался и с радостью бежал бы в лес подальше, но, коль уж забрел сюда, следовало осмотреть все как положено.

В первом помещении, влево, у окна вытянулись рядом трупы двух эсэсовцев — большой и малый. И, остановив взгляд на меньшем, Таманцев по фигуре определил: женщина!

Она лежала спиной вверх, в форменных эсэсовских брюках и офицерском мундирчике РОА без погон. От презрения он даже сплюнул и в то же мгновение боковым зрением — уголком глаза — уловил, как на краю поляны против окна шевельнулась ветка куста. Он стремглав пригнулся — тотчас автоматные очереди прошили воздух над его головой. Выставив над подоконником ствол пистолета, он, не выглядывая, выстрелил дважды туда, где шевельнулась ветка. В следующее мгновение он отпрянул в угол, за кафельную печь, чтобы иметь каменные стены за спиной и прикрытие спереди на случай, если сюда бросят гранату. Сколько их и кто они?! По звуку — стреляли из немецких автоматов. С двумя пистолетами и запасными обоймами — дорого же он им дастся! Он ожидал услышать голоса, крики команд, ожидал нападения, а различил лишь шорох шагов, причем удаляющихся.

Очевидно, их было мало, и они не решились. Он прополз между трупами к дверному проему, огляделся и спустя мгновения был в кустах с противоположной стороны. Никто не стрелял, и вообще не было слышно ни шороха, ни звука. Не менее минуты он выжидал, потом с пистолетом наготове, огибая поляну, прокрался к тому месту

в кустах, откуда в него стреляли. Здесь в траве полно было гильз от ППШ, несегодняшних, начавших темнеть, и он не сразу нашел то, что его интересовало: четыре, а затем отдельно еще пять свеженьких гильз от немецкого автомата. Он продолжал искать и дальше в лесу обнаружил на траве и на листьях внизу капли крови. Они были овальной формы с ответвлениями в сторону движения раненного им человека—тот поспешно удалялся от поляны.

Теперь он мог определенно сказать: стрелявших было двое, и вооружены они были немецкими автоматами. Одного он ранил, и они скрылись, не пытаясь больше его убить или захватить. Скорее всего он напоролся на каких-нибудь шальных, блуждающих фрицев или же на аковцев.

В первую минуту он решил было преследовать и настичь их, но, взглянув на часы, удержался. Солнце уже спустилось к горизонту, быстро темнело, а обнаружить в густом лесу с наступлением сумерек мелкую группу или одиночного противника чрезвычайно трудно, практически невозможно.

Он возвращался опушкой к Шиловичам, обдумывал происшедшее и мысленно ругал себя. Прослушать их приближение он не мог. Значит, они подошли туда раньше, услышав его шаги, затаились, и он их вовремя не обнаружил. «Кулема!.. Пижон!.. Скотина безрогая!..»

9. ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Срочно!

Полякову

На № . . . . от 13.08.44 г.

1. Длина рабочей волны передатчика, разыскиваемого по делу «Неман», соответствует одному из диапазонов аковской радиосвязи. К тому же в начале второго перехвата повторяются три одинаковых цифровых сочетания, которые, возможно, расшифровываются как «999» или «555». Наличие этих знаков перед текстом при радиосвязи АК[овцев] с лондонской централью соответственно означает «оперативный» или «в собственные руки главнокомандующего».

2. Шиловичский лесной массив находится в 140 километрах к западу от места первого выхода рации в эфир; перемещение передатчика соответствует направлению движения остаточных групп немцев, пытающихся лесами пробраться к линии фронта.

Сообщите, учтены ли Вами эти обстоятельства при проведении розыскных мероприятий.

О ходе розыска докладывайте каждые сутки.

Устинов».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Москва, Устинову

На № . . . . от 14.08.44 г.

Обстоятельства, на которые Вы обращаете наше внимание, нами ранее уже учтены и все органы контрразведки фронта по обеим версиям ориентированы.

Поляков».

10. АЛЕХИН ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ

С майором, начальником Лидского отдела госбезопасности, у меня были свои, особые отношения.

Собственно, по закону, без официального в каждом случае запроса, он не имел права сообщать мне какие-либо сведения. Однако мы не раз помогали ему, и не только машиной и бензином, с чем у них было совсем худо; в свою очередь, он старался всячески идти нам навстречу.

Я намеревался при содействии майора хоть что-нибудь узнать о ряде людей, в том числе о Павловском и Свириде. И еще мне хотелось посмотреть следственные дела лиц, арестованных в последние дни и недели в той части района, где находился Шиловичский лес, а может, и побеседовать кое с кем из них.

Как назло, в этот поздний час в кабинете, кроме самого майора, находилось еще его начальство: незнакомый мне подполковник из Барановичей. Я представился и был вынужден в двух словах упомянуть, что интересуюсь Шиловичами и Каменкой.

Услышав это, подполковник поднялся и, расхаживая по кабинету, произнес целую речь. Смысл ее состоял в

том, что Шиловичский массив занозой сидит на территории области и что у них нет сил и возможностей очистить, или, как он выразился, «обезвредить» его. Это дело армии, но, мол, нас это ничуть не волнует, поскольку коммуникации фронта проходят в стороне, что же касается жизни района, безопасности местных жителей и властей, то нам, мол, нет до них никакого дела.

Вот так всегда. Армия считает нас органами госбезопасности, а органы считают нас армией.

Он говорил громко и с пафосом, словно выступал на трибуне. Я попал как кур в ощип. Он обращался ко мне так, будто я был, по крайней мере, командующим армией и при желании мне ничего не стоило выделить потребные силы (как я прикинул, не менее трех тысяч человек), чтобы «обезвредить» Шиловичский лес.

Я бы многое мог ему сказать, но противоречить в таких ситуациях — пустая трата времени. К тому же мне смертельно хотелось спать.

Он вещал, а я сидел перед ним на табурете, делая вид, что внимательно слушаю, и даже согласно кивал головой; в одном же месте, заметив улыбку на лице майора, я тоже как дурак улыбнулся. Более всего я боялся, что забудусь хоть на мгновение, усну и свалюсь.

Наконец он умолк и, сопровождаемый майором, отправился отдыхать. Я спускался за ними по лестнице, лихорадочно измышляя предлог, чтобы отозвать майора в сторону и переговорить.

Внизу, извинясь перед начальством, он заскочил в кабинет, где сидел дежурный — румяный усатый капитан с орденом Красного Знамени на гимнастерке. Я вошел следом и, прикрыв за собой дверь, без обиняков сказал, что мне надо чуть позже позвонить начальству по «ВЧ».

— Откроешь ему кабинет,— вешая ключ на доску, приказал майор дежурному.

— И не в службу, а в дружбу,— мгновенно продолжал я,— разреши посмотреть следственные дела.

— Тетенька, дайте попить, а то так есть хочется, аж переночевать негде,— оборачиваясь, не без ехидства заметил майор и велел дежурному: — Передай Сенчиле, пусть покажет... Только карателей и пособников!.. Ты извини — начальство.— Кивнув в сторону двери, он торопливо сунул мне руку.— Заскакивай завтра.

«Только карателей и пособников!..» И за это спасибо... На большее я и не рассчитывал.

— Минутку.— Удерживая его ладонь, я бесцеремонно загородил дорогу — Ты на Каменских хуторах горбуна Станислава Свирида знаешь? Чернявый такой... нервный.

— Не знаю,— выдернув руку и обходя меня, сказал майор.— И фамилия не встречалась.

— А Павловского?

— Какого? Один сидит у нас.

— Это старший.— Сам удивляясь своей настырности, я у самого выхода ухватил майора сзади за рукав.— А сын?

— У него два сына.— Открыв дверь, майор проворно ступил через порог и уже из коридора повторил: — Заскакивай завтра...

Немного погодя я сидел в чьем-то пустом прокуренном кабинете и при тусклом свете керосиновой лампы просматривал следственные дела бывших старост, полицаев и других пособников немцев.

В протоколах значились весьма стереотипные вопросы и почти одними и теми же словами фиксировались ответы подследственных. Большинство из них было арестовано еще несколько недель назад. Ничего для нас интересного. Совершенно.

«...Расскажите, когда и при каких обстоятельствах вы выдали немцам семью партизана Иосифа Тышкевича?..»

«...Перечислите, кто еще, кроме вас, участвовал в массовых расстрелах советских военнопленных в Кашарах в августе 1941 года?»

«...При обыске у вас обнаружены золотые вещи: кольца, монеты, бывшие в употреблении зубные коронки. Расскажите, где, когда и при каких обстоятельствах они к вам попали?»

Понятно, они боролись за жизнь, отказывались, отпирались. Тоже довольно однообразно, одинаково. Их уличали свидетельскими показаниями, очными ставками, документами.

Каратели, убийцы, мародеры — но какое отношение они могли иметь к разыскиваемой нами рации и вообще к шпионажу? Зачем они нам? Зачем я трачу на них время?

А вдруг?..

Это «А вдруг?» всегда подбадривает при поисках, порождает надежду и энергию. Но я клевал носом и еле соображал. Чтобы не заснуть, я попытался петь — меня хватило на полтора или два куплета.

Дело Павловского-старшего выглядело точно так же, как и другие: сероватая папка, постановление об аресте, протоколы допросов и далее неподшитые рабочие документы.

Он был арестован как фольксдойче, за измену Родине, однако что он совершил криминального, кроме подписания фолькслиста и попытки уйти с немцами, я так и не понял.

И не только я. За протоколами следовала бумажка с замечанием начальства:

«т. Зайцев Не вскрыта практическая предательская деятельность П. Необходимо выявить и задокументировать».

Задавался между прочим Павловскому и вопрос о сыновьях, на что он ответил:

«Мои сыновья, Казимир и Николай, действительно служили у немцев на территории Польши в строительных организациях, в каких именно — я не знаю. Никакие подробности их службы у немцев мне неизвестны».

Вот так. В строительных организациях. А Свирид уверял, что в полиции. На ответственной должности.

Собственно, полицаи и другие пособники нас мало интересовали. Однако меня занимало, что делал Казимир Павловский и двое с ним в день радиосеанса вблизи Шиловичского леса? Как он оказался там? И почему все трое экипированы одинаково, в наше якобы офицерское обмундирование? Для того чтобы лазать по лесам, это не нужно, более того — опасно. Впрочем, я допускал, что относительно их вида, деталей внешности Свирид с перепугу мог и напутать.

* * *

Минуть десять спустя, сидя у аппарата «ВЧ» в кабинете начальника отдела, я ждал, пока меня соединят с подполковником Поляковым.

Я звонил, чтобы доложить о ходе розыска и в тайной надежде, что в Управлении уже получен текст расшифровки или, может, какие-нибудь новые сведения о передатчике с позывными КАО и о разыскиваемых.

Такая надежда в тебе всегда. И вовсе не от иждивенчества. Сколь бы успешно ни шли дела, никогда не забываешь, что группа не одинока, что на тебя работают, и не только в Управлении. Кто-кто, а Поляков не упустит проследить, чтобы делалось все возможное повсюду, в том числе и в Москве.

Наконец в трубке послышался негромкий, чуть картавый голос подполковника, и я весьма отчетливо представил его себе — невысокого, с выпуклым шишкастым лбом и чуть оттопыренными ушами, в гимнастерке с измятыми полевыми погонами, сидевшей на нем свободно, мешковато. Я представил, как, слушая меня, он, сидя боком в кресле, станет делать пометки на листе бумаги и при этом по привычке будет время от времени тихонько пошмыгивать носом как-то по-детски и вроде обиженно.

Я стал докладывать о ходе розыска, рассказал о следах у родника и о том, как обстреляли Таманцева, о разговорах с Васюковым и Свиридом. Во всем этом не было ничего значительного, но он слушал меня не перебивая, только изредка поддакивал, уточнял, и я уже понял — ничего нового у них нет.

— Что делал Павловский и двое с ним в день радиосеанса вблизи Шиловичского леса — это вопрос...— когда я умолк, произнес он.— Как оказался там?.. Значит, так... Павловский Казимир, или Казимеж, Георгиевич, тысяча девятьсот семнадцатого или восемнадцатого года рождения, уроженец города Минска (неточно), по документам предположительно белорус или поляк... Да-а, негусто... Проверим по всем материалам розыска... Теперь, Павел Васильевич, относительно текста... Генерал только что разговаривал с Москвой. Дешифровки еще нет. И наши бьются пока без результата. Но я надеюсь, что завтра или послезавтра текст будет. А пока дожимайте лес!..

11. В ЛЕСУ У РОДНИКА

Хижняк разбудил их затемно — наскоро позавтракав, они до солнца уже были в лесу.

Все вокруг еще спало предрассветным сном. Они шли узенькой дорогой, оставляя темные полосы следов на серебристо-белой от росы траве. Таманцев недовольно оглядывался. Впрочем, день обещал быть жарким: сойдет роса и полосы-следы исчезнут. А пока воздух прохладен

и полон пахучей свежести — шагать бы вот так налегке и шагать...

Андрею мучительно хотелось заговорить. Ведь вскоре придется разойтись и провести весь день в одиночестве. Но говорить можно лишь о деле (а что ему сказать?), да и то шепотом. «Лес шума не любит»,— не раз замечал Алехин.

Спустя полчаса Андрей вывел их к роднику. По ту сторону коряг на темной болотной земле, под кустом, как и вчера, отчетливо виднелись отпечатки сапог. Балансируя на длинной изогнутой коряжине, Таманцев и Алехин присели на корточки и рассматривали следы. Вытянув из кармана нитку с разноцветными узелками, Таманцев промерил длину отпечатка, длину и ширину подметки и каблука. Затем, послюнив палец, приложил его к следу: земля почти не липла.

Еще около минуты он разглядывал отпечатки и трогал их, осторожно касаясь краев сильными пальцами.

— Немецкий офицерский сапог. Массового пошива,— выпрямляясь, наконец промолвил он.— Размер соответствует нашему сорок второму. Малоношеные, можно сказать, новые. Индивидуальные дефекты износа еще не выражены. След сравнительно свежий, давностью не более двух суток. Отпечаток случайный: тот, кто пил, оступился или же соскользнул с коряги и наследил. Это человек высокого роста: сто семьдесят пять—сто восемьдесят сантиметров.

— В-в лесу к-кто-то есть,— не выдержав, прошептал Андрей (после контузии он заикался, особенно в минуты волнения).

— Тонкое жизненное наблюдение! — фыркнул Таманцев и, помедля, продолжал:

— Возможно, он был не один. Трава следов не хранит, а здесь они наверняка ступали по корягам. И если бы один не наследил, то ничего бы и не осталось.

— Р-родник не с-слышен и с д-дороги не виден,— обращаясь к Алехину, прошептал Андрей; ему очень хотелось, чтобы обнаруженные им следы оказались результативными и пригодились при розыске.— С-следовательно, з-зайти сюда могли т-только люди, з-знающие лес или б-бывавшие здесь.

— А также тот, у кого есть карта,— мгновенно добавил Таманцев.— Родник наверняка обозначен.

К огорчению Андрея, он оказался прав.

Несколько минут они втроем лазили в мокрой густой траве, осматривали кусты и деревья вокруг родника.

— Мартышкин труд! — сплюнул Таманцев, с неприязнью разглядывая следы.— Вот вам еще фактик! Который тоже ничего не дает и не объясняет. Нужен текст! — убежденно сказал он. — А без текста будем торкаться, как слепые щенята!

— Текст должны сообщить сегодня или завтра,— сказал Алехин.— Текст будет! — заверил он.— А пока мы должны отыскать место выхода и установить, кто позавчера был в этом лесу.

— «Должны... Обязаны»! — усмехнулся Таманцев.— Следы-то мы может, и соберем, а вот людей... Кто они?..— указывая на отпечатки, спросил он.— Агенты-парашютисты?.. Отнюдь! За три года я не видел ни одного обутого в новенькие немецкие армейские сапоги. Может, это аковцы?.. Или немцы? А может, просто дезертиры?..

— Д-дезертиры с р-рацией?..— запротестовал Андрей.

— А кто сказал, что у них есть рация?! — ни к кому не обращаясь, холодно осведомился Таманцев.— Лично мне этот след ничего не говорит. Это отпечаток немецкого сапога. Всего-навсего! И не более!..

12. ТАМАНЦЕВ

Жизнь — чертовски капризная штука. Изредка она улыбается, но чаще поворачивается задом и показывает свой характер. Как ни странно, в этот день она нам улыбнулась.

Около часа мы осматривали лес в окрестностях родника. В одном месте, на дороге, Паша разглядел неясные следы сапог. В траве на глинистой влажной земле удалось различить шесть оттисков подошв. Они оказались идентичными с обнаруженными у родника и той же давности.

И здесь и там были следы одного и того же человека. Очевидно, напившись, он прошел в сторону Каменки или к смолокурне; так мы предположили, посмотрев по карте. Не исключено, что это был один из тех, кто вчера меня там обстрелял. Но здесь-то он, по-видимому, был один.

Судя по дорожке следов, он шел деловым шагом, со скоростью пять-шесть километров в час.

Паша решил проследовать в направлении его движения до опушки или даже до Каменки. Расставаясь, я ему еще раз сказал, что нужен текст дешифровки, он поморщился, но промолчал.

Блинов и я отправились на свои участки. Мы разошлись, не подозревая, что несколько часов спустя жизнь улыбнется нам, и как — в тридцать два зуба!

Даже не знаю, что меня дернуло свернуть на ту глухую тропинку. Трудно сказать, что в таких случаях срабатывает — интуиция или верхнее чутье[1]. Тропка была как тропка, заросшая травой, и я все время усиленно смотрел себе под ноги. Как и вчера, немецкая противопехотная мина с взрывателем нажимного или натяжного действия более всего волновала мой организм.

Удивительно, как в высокой густой траве я ее заметил. Нет, не мину, а обыкновенную ромашку с недавно обломанной головкой, поникшей на стебельке сантиметрах в тридцати над землей. На ходу задев, повредить ее, наверно, мог и зверь, но я все же свернул туда, тем более что различил в кустах слабый просвет. Не сделал и десяти шагов — поляна. Начал ее осматривать и увидел под орешником примятую траву — квадрат размером с плащ-палатку. Я весь напрягся — наверно, такие ощущения бывают у собаки, когда она делает стойку. Я стал обыскивать все последовательно, обшаривать, разводя траву и ветви руками, и минут через двадцать в стороне, за кустами, отыскал огурец — свеженький! Причем надкушенный.

Я отрезал кусочек, пожевал и тут же выплюнул — горький. Поэтому его и выбросили. Да здравствуют горькие огурцы! Да здравствуют следы и улики!

Скинув сапоги и брюки, чтобы не зазеленить, и сунув пистолеты за ремень гимнастерки, я разбил поляну на сектора и за два с лишним часа пядь за пядью обползал на четвереньках ее всю и кусты под деревьями, по краям. Я растер колени, а левое умудрился ободрать, однако попотел не зря. В высокой густой траве за кромкой по-

---

[1] Верхнее чутье (охотничье) — способность собаки улавливать запахи по воздуху, а не по следу.

ляны я обнаружил второй огурец, тоже надкушенный и, как я тут же убедился, горький, а за кустом, вблизи примятости, обгорелую спичку — свеженькую! — и едва заметные в траве остатки рассыпавшегося пепла.

Это взволновало меня более всего. Следов костра поблизости не было, очевидно, от спички прикуривали или что-либо поджигали. Может, уничтожали листки шифровального блокнота?..

Пепла оказалось с гулькин нос, однако я все же смог определить, что он — увы! — не от бумаги, а табачный: от папиросы или сигареты.

Дорого бы я сейчас дал за тот самый окурок. Хотя все вокруг было осмотрено, я принялся снова обыскивать поляну...

13. ГВАРДИИ ЛЕЙТЕНАНТ БЛИНОВ

Впереди, за кустарником, он увидел ветхие крыши двух каких-то строеньиц, длинный тонкий журавль и понял, что перед ним один из хуторов и что вышел он к опушке леса раньше, чем следовало.

Жажда томила его, он направился к хутору, решив напиться, а затем на час вернуться в лес. Он пробирался кустарником, когда неожиданно там, у строений, хрипло надрываясь, залаяла собака, и сквозь ветви почти одновременно Андрей разглядел старую хату, а чуть правее и дальше, метрах в двухстах от себя, увидел двух военных, подходивших к хутору с противоположной стороны. Он их наблюдал несколько мгновений, успел заметить вещмешок за плечами у одного, и тут же угол хаты скрыл их.

Андрей заторопился, забирая несколько вправо, чтобы, не обнаруживая себя, оказаться с другой стороны хаты, где уже слышались голоса, кто-то дважды прикрикнул на собаку, но она не умолкая лаяла и заглушала слова.

Ориентируясь по замшелой крыше и высокому журавлю, он продвинулся еще и остановился. Подойти ближе не решился — могла учуять собака — и стал выглядывать место для наблюдения.

Он выбрал корявый дуб с толстым стволом и густой развесистой кроной. Высокие кусты вплотную подступали к дереву, окружая его внизу, как цыплята наседку.

Подобравшись орешником к дубу, Андрей без шума вскарабкался на дерево и прильнул к одному из просветов в листве.

Военные, скинув гимнастерки и одинаковые выцветшие синие майки, обливались водой у колодца, перед хатой. Судя по обмундированию, это были офицеры, но в каких званиях, Андрей издалека разглядеть не мог. Он поискал глазами вещмешок, но не нашел, наверно, его занесли в хату.

Тут же Андрей увидел хозяина — щупловатого невзрачного мужчину, босого, в темно-серых штанах и рубахе без ремня. С крынкой в руке он появился из погреба и, проходя по двору в хату, прикрикнул на собаку, что, впрочем, не оказало на нее никакого действия.

Старший из офицеров был среднего роста, лет, наверно, сорока, плотно сложенный мужчина с вытянутым носом на приметном совершенно круглом лице и несколько коротковатыми ногами. Младший — юноша, немного выше ростом, худощавый, на вид лет двадцати, со светлыми, зачесанными назад волосами.

Они с заметным удовольствием плескали водой в лицо, терли шею, плечи, о чем-то негромко разговаривая,— ни одного слова Андрей не разобрал. Собака — рослая кудластая псина, посаженная на цепь у конуры, возле амбарчика,— время от времени лаяла, но уже без прежней злобы, а так, по обязанности.

Еще раз появился хозяин, прошел в сарай и вскоре вернулся, неся миску с яйцами. Офицеры вслед за ним ушли в хату, и Андрей принялся рассматривать хутор.

Приземистая захудалая хата с полусгнившей драночной крышей, низковатой дверью и тремя небольшими окошками на фасадной стороне.

Рядом находились: погреб с просевшей погребицей, бревенчатый амбарчик, сарай с покосившимися воротами, а за ним — десяток низкорослых яблонь.

И постройки, и ограда изрядно потемнели от старости, крыши сквозили дырами; все выглядело запустело и неприглядно.

Справа метрах в трехстах за деревьями виднелся еще хутор, оттуда вроде и появились офицеры.

«Кто они?.. Зачем пришли?.. Какие отношения у них с хозяином?..»— размышлял Андрей; во внешности офи-

церов, в их поведении не было, пожалуй, ничего, что могло бы внести ясность в эти вопросы.

Прошло добрых полчаса, из хаты никто не выходил, и он по-прежнему сидел на дереве. От соседнего хутора доносилось негромкое пение — заунывно-жалостный девичий голос:

Ты ж мая, ты ж мая пирапелка...

Жажда мучала его, руки и ноги совершенно онемели. Желая переменить положение, он переступил ногой, гнилой сук обломился, и Андрей чуть не сверзился — едва успел ухватиться одеревеневшей, дрожавшей от долгого напряжения рукою за ветвь над головой. Он тотчас замер, но собака услышала треск и залилась хриплым яростным лаем.

Она не умолкала и рвалась на цепи в том направлении, где на дереве сидел Андрей, даже когда вышел хозяин. Он сказал ей что-то, однако она продолжала лаять и рваться.

Только тут Андрей сообразил, что ветер тянет от него к хате, что собака почуяла чужого и теперь не успокоится. Не хватало еще, чтобы его обнаружили! Он увидел, как хозяин нагнулся у конуры, возможно, собираясь отомкнуть цепь. Андрей буквально свалился с дерева и бросился к опушке в сторону Шиловичей...

14. ТАМАНЦЕВ

Я потратил еще около часа, пытаясь найти окурок, однако безуспешно.

Я мог определенно сказать, что не так давно, судя по всему позавчера днем, здесь побывали два или три человека, сидели, курили и закусывали. Причем это стреляные воробьи и весьма осторожные. На месте пребывания они не оставили ни клочка бумаги, ни окурка, ни следов пищи. Оказавшиеся несъедобными огурцы заброшены далеко, за край поляны, а обгорелая спичка сунута в густой мох за кустом — обнаружить их без тщательного обыскивания практически невозможно.

Такая предусмотрительность укрепила меня в мысли, что те, кто был здесь, старались не наследить, и более того — зародила надежду, что я наткнулся на место выхода рации в эфир. Хотя от этой поляны до треугольника

ошибок[1], определенного при пеленгации слежечными станциями, было не меньше километра.

По обыкновению, я попытался смоделировать действия этих людей и «развернул» рацию, предположив, что передатчик находился там, где примята трава. Скинув опять сапоги, я облазил деревья на краю поляны к западу и северо-западу от этого места, с особым вниманием осматривая ветви от нижних до самой вершины, но при всем старании никаких следов забрасывания антенны так и не нашел.

А если мои предположения ошибочны и у тех, кто позавчера побывал здесь, не было с собой никакой рации? Я стоял босой посреди поляны, побуждая свои извилины к усиленной мозговой деятельности

Я понимал, что из огурцов, спички и примятости на траве шубы еще не сошьешь. Пока что все это — фактики в мире Галактики! А она велика и бесконечна...

В раздумье я остановил взгляд на двух высоких орешинах и дубке шагах в пятнадцати от примятости. На них я не лазил — не выдержали бы, да и росли они в стороне от «раскинутой» мною антенны.

Не без труда пригибая, я стал по очереди осматривать их и на второй орешине на высоте метров четырех в углублении развилки двух верхних ветвей увидел то, что искал: повреждение коры, свежий след — как пропилено — забрасывали проволочную антенну с грузиком, а потом стягивали.

В таком огромном глухом массиве силами всего лишь трех человек обнаружить на вторые сутки место выхода рации в эфир — все равно что углядеть иголку в стоге сена. Или выиграть сто тысяч по лотерейному билету. Мысленно я себе аплодировал; от радости мне хотелось хлопать себя по ляжкам и кричать: «Я самый великий!»

Эмоции эмоциями, а дело делом. Достав один из манков, я приладился и, подражая голосу самки рябчика, засвистел:

— Ти-уу-ти... Ти-уу-ти... Ти-уу-ти...

Выждав с полминуты, повторил зов, и тут же в отдалении послышались ответные клики самца:

— Тии-тии-тиу-ти...Тии-тии-тиу-ти...

[1] Треугольник ошибок — треугольник, образуемый синхронно точками пересечения слежечных пеленгов на искомый передатчик.

Наши условные сигналы означали прмерно: «Желательно ваше присутствие», «Иду»— приняв мой зов, капитан уже двигался ко мне через лес. Судя по звуку, он находился от меня примерно в километре.

Пока он шел, я продолжал поиски. Под кустами при выходе на тропу я разглядел на земле крупинки махорки и толченого перца — присыпали следы — и снова отметил осторожность и предусмотрительность побывавших здесь людей. Я ползал на четвереньках в лопушистой траве, выбирая крупинки; время от времени я подавал манком сигналы, чтобы капитан мог на ходу уточнять направление движения.

Раньше Паши. к моему удовольствию, появились настоящие рябчики: старый и два молодых петушка, ладные, с красивыми пепельно-серыми хвостами. Перелетая с дерева на дерево, они достигли края поляны и, обнаружив человека, мгновенно исчезли.

Паша даже не пытался скрыть свою радость. Не говоря ни слова, я показал ему примятость, спичку и огурцы, а затем пригнул орешину; он увидел пропил на коре и не удержался — обнял меня. Такое за ним не водилось, и я это оценил.

— Ну а дальше? — шепотом осведомился я.

Мы обшарили все вокруг, облазили кусты и все тропинки в радиусе не менее пятисот метров, однако ничего больше не нашли. Словно те, кто вел передачу, не ступали затем по земле, а поднялись в воздух или вообще растворились. Теоретически якобы невозможно не наследить, но это только теоретически...

Я знал, что сегодня же к ночи в Москве станет известно, что в таком-то лесном массиве, большом и непроходимом (это отметят непременно), мы отыскали место выхода рации в эфир, и в сообщении, должно быть, упомянут и мою фамилию. Это, разумеется, приятно, ну а дальше?..

По существу, имелось с десяток вопросов, на которые мы должны были бы теперь ответить. Однако на три из них, пожалуй основные, мы не могли бы сказать ничего определенного:

откуда пришли и каким путем ушли те, кто вел передачу?

сколько здесь было человек (два или три?) и, главное, кто они?

откуда и кто мог их видеть на подступах к лесу?

Усталые и голодные, мы молча возвращались под вечер к Шиловичам. Мы были чисты перед начальством и перед Москвой — как ангелы. Но проку пока что от этого — шиш да кумыш!

15. ПРИДЕТСЯ ИХ УСТАНАВЛИВАТЬ...

Не доходя Шиловичей, Андрей свернул от опушки влево, где над рощицей поднимался легкий дымок. Вскоре сквозь кустарник он различил укромную полянку, почерневший котел над костром и дюжую фигуру Хижняка с поварешкой в руке. На траве возле костра стояли наготове чистые алюминиевые миски. Ни Алехина, ни Таманцева еще не было, и Андрея это весьма огорчило.

Уходя от хутора, он спешил сюда, чтобы сообщить об офицерах, а дальше, как он надеялся, все делалось бы по усмотрению Алехина или Таманцева. Сам Андрей при всем желании не мог определить, в какой степени эти офицеры представляют интерес и следует ли ими заниматься. Однако Алехин и Таманцев еще не вернулись, и получалось нескладно.

Взяв в машине бинокль, Андрей вышел кустами к всполью и улегся под орешиной. Прямо перед ним широкой полосою расстилалось несеяное поле, вправо было видно шоссе, слева — опушка леса.

По шоссе время от времени проезжали машины, груженные боеприпасами, ящиками и мешками с продуктами. Тупорылый тягач медленно буксировал громоздкое артиллерийское орудие; потом со стороны Лиды на северо-запад потянулся стрелковый полк.

Лежа под кустом, Андрей в бинокль разглядывал двигавшихся по шоссе солдат. В полном боевом снаряжении, обвешанные автоматами, малыми саперными лопатками, поясными сумками и с вещмешками за спиной, они шагали рота за ротой, колоннами по четыре, мерно и неторопливо.

Где-то они будут через неделю?.. За Мариамполем, у Шауляя или, может, под Сувалками?..

Андрею вспомнился родной гвардейский полк, в котором он провоевал около года и где знал чуть ли не всех офицеров, многих сержантов, солдат; вспомнились бойцы его, Андрея, взвода. Где они сейчас?..

«Теперь бы идти да идти... На Запад!.. А здесь?.. Ищи да собирай окурки...»

Тоскливая грусть овладела Андреем. Последняя повозка полкового обоза скрылась за поворотом, и шоссе на время опустело, а Андрей в печальном оцепенении все лежал, опустив бинокль и устремив глаза вдаль...

Он очнулся, заслышав на поляне голоса Алехина и Таманцева, и оглянулся. Таманцев подходил к костру быстрой упругой походкой так легко и бодро, словно весь день отсыпался где-то неподалеку и, только что проснувшись, поспешал к ужину. Андрей подумал, что Таманцев сейчас или после ужина будет еще обязательно не менее получаса тренироваться в силовом задержании, в «качании маятника», в различных прыжках, финтах и перебежках, будет до третьего пота вырабатывать суплес[1], и Андрей с особой силой ощутил свою неполноценность.

Надо было подняться и подойти. Высвобождая занемевшую руку, Андрей перевалился на бок и при этом невольно повел взглядом влево. По полю от леса к шоссе, шагах в двухстах от Андрея, шли двое. Андрей машинально поднес бинокль к глазам и замер от неожиданности, а в следующий миг отодвинулся за орешину: это были те самые офицеры, которых он видел час назад на хуторе у опушки леса. Причем — он заметил это сразу — вещмешка у них не было!

— Т-товарищ к-капитан, сюда! — оборотясь, взволнованно позвал Андрей.— Б-быстрее!

Алехин подошел и, взяв протянутый ему бинокль, стал за кустом возле Андрея; тотчас здесь же оказался Таманцев.

Офицеры со сложенными плащ-палатками в руках шли по полю, о чем-то переговариваясь. Андрей торопливо рассказывал, как увидел их на хуторе, как залаяла собака и он был вынужден ретироваться. Трижды он упомянул о вещмешке.

— Кто же подходит к собаке с подветренной стороны?! Кулема!..— сплюнул Таманцев.— Выйдут к шоссе и будут голосовать за развитие автотранспорта,— предпо-

---

[1] Суплес — гибкость тела. Вырабатывается специальными тренировочными упражнениями, способствующими увеличению подвижности позвоночника и эластичности межпозвоночных хрящевых дисков, всего суставно-связочного аппарата и мышечной системы.

ложил он, переступая между орешинами и осторожно отклоняя ветвь рукой.

В это мгновение шедший справа коренастый капитан обернул свое круглое лицо в сторону деревни, и Алехин в бинокль, а Таманцев своими дальнозоркими глазами смогли его разглядеть.

— Я его, кажется, видел в Лиде,— проговорил Алехин неуверенно.

— Ввек бы их не видеть! — с чувством сказал Таманцев.— Я жрать хочу, понимаете, жрать! А теперь придется их устанавливать!

Он был прав. Алехин молча смотрел в бинокль. Офицеры находились уже метрах в пятидесяти от шоссе.

— Чего думать-то?! — раздувая ноздри, нетерпеливо и с недовольством воскликнул Таманцев.— Надо ехать за ними!

Выйдя к шоссе, офицеры перепрыгнули кювет и стали на ближней к разведчикам обочине, судя по всему, намереваясь остановить попутную машину. Наблюдая за ними в бинокль, Алехин еще несколько секунд молчал.

— К машине! — наконец приказал он.— Едем.

Таманцев и Андрей бросились сквозь кустарник к полуторке. Хижняк, ничего не подозревая, с поварешкой в руке стоял у костра и мурлыкал что-то под нос.

— Готово,— не оборачиваясь, сообщил он.

— Моторы! — скомандовал Таманцев.— Выезжаем!

Откинув задний борт, он и Андрей поспешно вбрасывали вещи в кузов. Хижняк некоторое время смотрел не понимая, затем подбежал к машине, запустил мотор и, быстро вернувшись, в растерянности стал у костра. Таманцев, оттолкнув его, ухватил котел и решительным движением вылил всю жирную дымящуюся жидель на огонь.

— Бульон!

— К черту! — выругался Таманцев, заливая костер водой.— По местам!

Скользя меж кустами, он бросился к всполью — спустя полминуты выбежал и сообщил Андрею:

— Они сели на машину! «ЗИС» И 1-72-15...

Вслед за ним из орешника выскочил Алехин. Таманцев и Андрей как по команде разом полезли в кузов.

— Останешься! — приказал Таманцеву капитан.—

Осмотри дорожку следов: на пашне должны быть хорошие отпечатки... Связь в городе через коменданта...

Он впрыгнул в кабину, крикнув Хижняку:

— В Лиду!

16. ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Срочно!

Егорову

Спецсообщение

Сегодня, 15.08.44 г., на рассвете оперативно-войсковой группой отдела контрразведки армии был скрытно окружен хутор Залески (18 км северо-западнее города Лида) с целью изъятия подпольной радиостанции АК и ареста содержателей передатчика Святковских Витольда и Янины, выявлённых нами по связям с отрядом «Рагнера».

При появлении наших офицеров (под предлогом покупки молока) Святковские вместе с третьим аковцем Юзефом Новаком, состоящим якобы в одной с ними террористической, так называемой «ликвидационной» группе, заперлись в доме, уничтожая компрометирующие улики, а затем оказали ожесточенное сопротивление. В результате Святковская и Новак были убиты, а Святковский подорвал себя связкой противотанковых гранат.

В развалинах дома обнаружены: две сильно поврежденные и обгоревшие рации — аппарат английского производства типа АП-4 выпуск 1943 г. и коротковолновый приемник типа КС-1. В разбитом зеркале-тайнике найдены старые кодовые таблицы и два неначатых оперативных журнала для фиксации данных о связи (позывные, волны, слышимость) и количестве принятых и переданных корреспонденций.

Бóльшую часть документов Святковским и Новаку удалось уничтожить. Собрать цельный пепел для восстановления текста не представилось возможным.

При раскопках у задней стены амбара абнаружен тайник, из которого нами изъяты: ящик с радиодеталями и запасными батареями для раций и три комплекта советского военного обмундирования, из них один — офицерского состава, с пятнами крови на груди и на правом плече.

По имеющимся у нас проверенным данным, 12 и 13 августа Святковские отсутствовали, и дом их пустовал. Не исключено пребывание Святковских 13 августа в час радиосеанса передатчика с позывными КАО в районе Шиловичского леса, находящегося в зоне действий отряда «Рагнера», всего в тридцати километрах от их дома-хутора Залески.

Понтрягин».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Понтрягину

Примите все меры, чтобы установить, где находились Святковские 13 и 7 августа сего года во второй половине дня.

Особый интерес для нас представляют сведения о радиошифре, которым они могли пользоваться, а также режим и любые подробности радиопередачи.

Егоров».

17 В ЛИДУ!

Когда Хижняк проулком выехал на шоссе, трехтонный «ЗИС», на который сели двое офицеров, уже скрылся из виду.

Стрелка на спидометре полуторки дрожала между цифрами «сорок» и «пятьдесят»: скорость для булыжного покрытия немалая, но, как казалось теперь Андрею, все же недостаточная. Алехин откинулся в угол кабины и, обернув бинокль платком, прижал к глазам. У следующей вёски он смог хорошо рассмотреть ехавший далеко впереди «ЗИС».

Это была потрепанная трехтонка со слабо различимым на заднем борту номером И 1-72-15. Кроме молодого офицера (круглолицый капитан сел в кабину), в кузове машины ехало человек семь гражданских, судя по одежде, крестьян, и двое солдат. Кусок заднего борта с левой стороны вверху был выломан: «Приметная машина!»

Вскоре у одной из деревень «ЗИС» остановился; было видно, как крестьяне снимали мешки с машины, а затем, сгрудясь у кабины, расплачивались с водителем. Хижняк, чтобы сохранить дистанцию, вынужден был притормозить, и сейчас же колонна «студебеккеров», с

десяток автомашин, обогнала «газик» и поехала перед ним. Это разведчиков никак не устраивало: между полуторкой и «ЗИСом» с обломанным бортом должно было быть — для прикрытия — не более двух-трех машин.

— Обгоняй! — приказал Алехин.

Хижняк поочередно обогнал несколько грузовиков; перед «газиком» теперь катил кургузый «виллис». Хижняк сигналом трижды просил принять вправо, однако шофер «виллиса» продолжал ехать как ехал. Обсаженная с обеих сторон деревьями дорога была довольно узка, что затрудняло обгон, а в данном положении делало его совсем невозможным. И все же, выбрав удобный момент, Хижняк в нарушение всех правил пошел на обгон с правой стороны и поравнялся с «виллисом»; какое-то мгновение машины неслись рядышком бок о бок. Сидевший подле шофера усатый майор-танкист что-то негодующе прокричал и погрозил Хижняку кулаком. Хижняк не обратил на это внимания, но «виллис» выскочил вперед, и шофер, очевидно по приказанию майора не уступая дороги, снова катил по самой середке. Сквозь заднее стекло кабины Андрей видел, как Хижняк, возбужденно размахивая рукой, говорил что-то Алехину. Как и большинство опытных шоферов, Хижняк не терпел быстрой езды, а тем более гонки по неровной дороге; обычно спокойный и несколько флегматичный, он в таких случаях, распаляясь, выходил из себя и ругался на чем свет стоит.

До Лиды оставалось четыре километра.

Впереди на переезде путеобходчица, приземистая женщина в выгоревшем ситцевом платке и старых сапогах, опускала полосатый шлагбаум.

«Виллис» рванулся и проскочил под перекладиной, которая все опускалась. Хижняк и Алехин закричали из кабины в один голос — женщина обернулась, у нее было красное, с очень светлыми бровями, сонное лицо. Алехин пулей вылетел из машины, вырвав у нее веревку, толкнул шлагбаум кверху, и под оглушающе-тревожный гудок паровоза полуторка, подпрыгнув на рельсах, перескочила полотно.

Далеко впереди завиднелись освещенные неярким вечерним солнцем окраины Лиды.

Хижняк быстро нагнал «виллис» и опять засигналил; маленькая кургузая машина, по-прежнему не торопясь,

упрямо ехала по самой середке. Дорога стала пошире, и Хижняк, решившись, неожиданно резко прибавил скорость и по самой обочине, чуть не слетев в кювет, впритирку обошел «виллис».

Теперь ему ничто не мешало, и он гнал вовсю. Перед полуторкой мчались грузовые машины, впереди них время от времени был виден «ЗИС» И 1-72-15; в кузове на скамье у самой кабины в профиль к разведчикам сидел молодой светловолосый офицер.

На контрольно-проверочном пункте при въезде в город по обе стороны шлагбаума скопилось десятка три машин. Девушки-регулировщицы проверяли у водителей проездные документы и пропускали машины поочередно с той и другой стороны. Полуторка остановилась, между ней и «ЗИСом» с обломанным бортом было шесть грузовиков. Хижняк сразу вылез и пошел вокруг полуторки, осматривая и обстукивая баллоны ногой; Алехин, соскочив на обочину, разглядывал, что делается впереди.

Из подъехавшего «виллиса» с грозным видом вылез усатый майор; он был еще молод, лет двадцати шести.

Похлопывая себя прутом по голенищу хромого сапога, он властно и нетерпеливо крикнул Хижняку:

— Сержант, ко мне!..

Хижняк вопросительно посмотрел на Алехина.

— Садись за руль,— приказал Алехин, и Хижняк, пригнув голову, втиснулся в кабину.

— Капитан, идите сюда! — весь красный от бешенства, вскричал майор.

Алехин подошел и отдал честь.

— Да как вы смеете...— задыхаясь, проговорил майор,— обгонять легковую машину... старшего по званию!..

Алехин молча достал и показал ему свое служебное удостоверение, вернее, обложку с вытисненной надписью «Контрразведка «Смерш»».

— Но я же не знал,— произнес майор растерянно.— Поверьте, товарищ капитан, не знал...

— А вам и нечего знать,— вполголоса заметил Алехин.— Есть правила движения, обязательные для всех, и надо их соблюдать...

Козырнув, он пошел вперед и догнал полуторку — машины медленно одна за другой подвигались к шлагбауму.

— Уйдут... т-товарищ капитан! — не выдержал Андрей.

— Не подымайся в кузове,— велел ему Алехин и быстро направился к дощатой будке КПП; он понимал, что, пока проверят шесть передних грузовиков, «ЗИС» будет далеко.

Андрей видел, как Алехин зашел в открытую дверь. Спустя какие-то секунды у водителя «ЗИСа», за которым они следили, проверили документы, и машина тронулась от шлагбаума.

— Выворачивай влево! — приказал Андрей Хижняку.— Живо!

Хижняк выехал влево и умудрился рывком проскочить к шлагбауму, но уже двинулась встречная машина, и он вынужден был затормозить, успев, однако, в последнее мгновение вывернуть вправо так, что полуторка стала наискось, загородив дорогу. Сержант-регулировщица с загорелым, ставшим от злости некрасивым лицом, размахивая флажком, бросилась к полуторке.

— Куда?! Куда прешься?! — охриплым голосом кричала она.

И спереди и сзади яростно сигналили; слышались бранные выкрики возмущенных шоферов. Хижняк, приоткрыв дверцу, ступил ногой на подножку и, не снимая руки с крестовины руля, высунулся из кабины, осматриваясь. В эту критическую минуту появился Таманцев — он только что подъехал на попутной машине. Ни о чем не спрашивая, он обежал полуторку и рванулся к встречной машине.

— Назад!.. Назад осаживай! — сделав свирепое лицо, зычным голосом заорал он на водителя и нагло представился: — Военный автоинспектор!.. Ты что делаешь?! Назад осаживай!..

Рябой старшина, водитель встречного «ЗИСа», несколько оторопев от такого натиска, начал было оправдываться, но Таманцев, распахнув дверцу кабины, решительно отодвинул его и, сам вскочив за руль, проворно откатил машину назад и вправо, к самому кювету.

Меж тем регулировщица, став перед полуторкой, ругала Хижняка, несомненного виновника затора, к тому же не желавшего осаживать назад, за обочину, на арестную площадку, как она требовала.

— Не шуми! У меня нет заднего ходу! Понимаешь, нету! — умоляющим басом клялся Хижняк, грязной тряпкой утирая пот с лица.— Ну не ори. Сейчас разъедемся... И зачем вас на войну берут?! Тьфу, дьявол! — в сердцах сплюнул он.

Из дощатой будки к шлагбауму уже спешил Алехин и массивная, злая начальница КПП.

— Пропусти их! — дожевывая на ходу, закричала она регулировщице.

...Домчать до поворота и, почти не сбрасывая скорости, развернуться вправо, куда скрылся «ЗИС», было для Хижняка делом одной минуты, но впереди... впереди не было видно ни одной машины...

— Прямо! — приказал Алехин.

Полуторка пронеслась по улице несколько кварталов, и вот на одном из перекрестков на параллельной улочке промелькнул «ЗИС» с военными в кузове. Хижняк тормознул так, что Андрея и Таманцева с силой прижало к переднему борту, и тотчас стал разворачиваться назад, но Таманцев, перегнувшись в кабину, закричал:

— Это не та машина!

Полуторка остановилась; Алехин вылез на подножку, росинки пота блестели у него на лбу.

— Р-развернемся влево,— посоветовал Андрей нерешительно,— п-проскочим назад, мимо базара и к с-станции.

— Наши армейские сапоги,— сказал Алехину Таманцев,— сорок первый и сорок второй размеры, массового пошива, широкой колодки... Ношеные, с выраженными индивидуальными признаками... С теми отпечатками, что у родника, разумеется, ничего схожего... Но установить их все равно придется,— имея в виду офицеров, заметил он.— С нас потребуют!.. Что же касается машины, полагаю, что «ЗИС» с фронтового продсклада. Знаете, возле станции огороженные штабеля?

— И мне так думается, «зисок» с продсклада,— не совсем уверенно вступился Хижняк.

— Что же ты раньше молчал?

— Ручаться не могу. И вам ведь люди нужны, а не машина,— сказал Хижняк понимающе.— А они, может, сойдут, и тогда...

— Разворачивайся! На склад!

18. НА ФРОНТОВОМ ПРОДСКЛАДЕ

Как только машина подъехала к территории склада, Таманцев на ходу перевалился через борт и, пока Алехин, выйдя из машины, объяснялся у въезда с часовым, прошмыгнул в ворота.

На большой ровной площадке под брезентами, штабелями ящиков, бочек и мешков были сложены различные продукты. Все вокруг находились в движении: шофера и кладовщики, этот беспокойный полустроевой люд, более чем кто-либо исполненный сознания своей значительности и необходимости на войне, получатели из частей и солдаты в перепачканных мукой гимнастерках, что таскали ящики и мешки на весы, грузили в автомашины. В правом углу, у изгороди из колючей проволоки, с враждебной настороженностью уставилось стволом в небо зенитное орудие.

Возле штабеля мешков с мукой, у вереницы машин, ожидавших очереди на погрузку, Алехин разыскал начальника склада, пожилого майора, толстого, с большим выступающим животом, однако на редкость подвижного и энергичного. Узнав, что Алехин из контрразведки, он. оставив дела, провел его в просторную землянку, где помещался штаб склада, попросил двух сержантов-писарей выйти и только тогда, усевшись сам и усадив Алехина, спросил, что его интересует.

— «ЗИС» И 1-72-15 ваша машина?

— И 1-72-15?.. Моя. А что случилось?

— Пока ничего,— успокоил Алехин.— Она только что вернулась со стороны Алитуса: очевидно, из Мариамполя или же Каунаса. У нее еще сзади выломан кусок борта.

— В Мариамполь машина ходила. Какая — точно не скажу. И насчет борта не знаю: транспортом ведает мой заместитель... Сейчас выясним,— пообещал майор и поднялся.

— А шофера вы знаете?

— И 1-72-15?.. Борискин... Откровенно говоря, знаю его мало. Он у нас недавно, месяца два... Но плохого ничего сказать не могу. Шофер как шофер.

— Мне бы хотелось побеседовать с ним. И посмотреть книгу учета личного состава. Только чтобы без шума,— попросил Алехин.

— Понятно.

Выйдя из землянки, майор что-то сказал одному из писарей, затем вернулся и, по армейскому обыкновению спросив Алехина, не хочет ли он поесть, молча принялся рыться в стареньком канцелярском шкафу. Он, как видно, был нелюбопытен, лишних вопросов не задавал; во всех его действиях чувствовалась спокойная деловитость, и Алехин не мог это не оценить.

В дверь постучали.

— Войдите!

— Товарищ майор, ефрейтор Борискин по вашему приказанию прибыл...

Алехин увидел перед собой невысокого худого блондина с темными хитроватыми глазами на бледном немытом лице. На Борискине были грязные, промасленные шаровары и гимнастерка с солдатскими погонами, а на ногах старые, с порыжевшими голяшками хромовые сапоги; он быстро перевел взгляд с майора на незнакомого капитана и, по-видимому не ожидая для себя ничего хорошего, сразу насторожился.

— Садись,— предложил майор.

— Ничего... постоим.— Борискин снова быстро посмотрел на Алехина.

— Ты когда борт обломал?

— Это прошлой ночью на разгрузке. Я не виноват! «Студер» задним ходом разворачивался и врезал. А я тут ни при чем. Я докладывал помпотеху...

— Ладно. Проверю... Вот капитан хочет с тобой побеседовать.— Майор кивнул в сторону Алехина.

— Это насчет чего? — прищурился Борискин.

— Узнаешь,— сказал майор и склонившись к уху Алехина шепотом спросил: — Мне уйти?

— Почему? Оставайтесь... Садитесь, ефрейтор,— предложил Алехин, и Борискин уселся на табурете шагах в трех от стола.

Алехин как можно непринужденнее задал ему несколько общих вопросов: откуда родом, кого из родственников имеет, с какого времени в армии, доволен ли службой в части, много ли приходится ездить, куда и с каким грузом.

Борискин отвечал не спеша и довольно лаконично, с какой-то настороженностью обдумывая каждое слово и избегая при этом смотреть Алехину в глаза.

— Сегодня куда-нибудь ездили?

— Ездил... В Мариамполь. Мешки возил... Вот маршрутный лист.— Борискин с готовностью достал из кармана гимнастерки сложенный вчетверо помятый листок бумаги и, развернув, положил на стол перед Алехиным.

— А кто еще сегодня ехал на вашей машине?

— Как кто? Никто.

— Может, подвозили кого-нибудь?

— Нет! У нас не положено. Продуктовая машина! Порожнем разве когда офицера подвезешь, и то своего, из начальства. А гражданских ни-ни!.. Насчет этого бдительность...

Он говорил так убедительно, что можно было ему поверить. Можно, если бы Алехин своими глазами не видел, как Борискин вез на машине людей и получал деньги с крестьян.

Майор между тем отыскал в шкафу большую тетрадь в картонной обложке, став спиной к Борискину, разложил ее на столе, полистал и прочел что-то такое, отчего в лице его выразилось удивление. Сделав какую-то пометку, он пододвинул тетрадь Алехину; капитан уже догадался, что это форма четыре — книга учета личного состава.

Продолжая разговаривать с Борискиным, Алехин прочел: «...Водитель... ефрейтор... Борискин Сергей Александрович, 1912 г. р., б/п... образование 4 класса, в плену и под оккупацией не был... В 1936 году судим по ст. 162-й[1] п. «д» на 5 лет... Награды: медали «За боевые заслуги» и «За оборону Москвы».

Отметку о судимости майор отчеркнул сбоку карандашом. Когда Алехин, просмотрев запись о Борискине, глянул на майора, тот, колыхнув грузный живот, понимающе вздохнул.

— Значит, сегодня вы никого не подвозили? — продолжал Алехин.

— Нет!

— Никого за всю дорогу?.. Припомните получше.

— Чего тут припоминать-то,— обидчиво сказал Борискин.— Один ехал — зачем мне врать?

---

[1] Статья 162 УК РСФСР того времени предусматривала уголовную ответственность за хищение имущества.

...Чего от него хотят, он не мог понять, предположил же поначалу совсем иное.

Уже несколько лет он был в основном чист на руку, но сегодня на рассвете перед поездкой в Мариамполь, как на грех, не удержался и, когда кладовщик отвернулся, сунул в кузов под мешкотару коробку с американским пиленым сахаром. Сделал он это не оттого, что его тянуло украсть или выпить (страдая желудком, он пил редко и мало), а просто потому, что кладовщик этот, с шоферами и солдатами беспричинно грубый, перед начальством лисил, имел славу бабьего угодника, частенько выпивал и ходил в офицерском обмундировании — словом, преуспевал. Сахара же у него было несколько вагонов, и, по понятиям Борискина, он не мог не воровать.

И вот стоило после стольких лет праведной жизни украсть, как его попутали! — так он решил, когда вызвали к начальнику склада; он был уверен, что Алехин из военной прокуратуры. Попался! И как же это могло получиться?.. Видеть его никто не видел, в этом он не сомневался, сахар же был продан барыгам в Мариамполе, а оставшиеся грамм двести, завернутые в тряпочку, спокойно лежали в кабине под сиденьем. И неужто дознались, он и придумать не мог, как не мог понять, какое отношение к краже сахара имеют вопросы этого капитана; Алехин казался ему прожженным хитрецом: «Издалека подъезжает!»

Подвозить же по пути пассажиров запрещалось, а калымить тем более — по головке за это не гладили,— и Борискин все отрицал, сразу решив, что признаваться не следует. И, начав врать, он врал все дальше. А вежливость Алехина, та самая вежливость, которой Борискину в жизни перепадали жалкие крохи, еще более настораживала его.

Алехин же старался уяснить себе, почему Борискин лжет — с какой целью? Он с самого начала полагал, что неизвестные офицеры были случайными пассажирами машины И 1-72-15, и Борискин интересовал Алехина только как источник получения хоть каких-либо сведений об этих офицерах для их дальнейшего розыска.

Алехин еще минут десять бился с Борискиным, а тот упрямо врал, пока не начал смекать, что дело тут не в сахаре, а в чем-то другом, а поскольку он себя больше

ни в чем существенном виновным не чувствовал, он помалу успокоился и стал несколько откровеннее. Однако сознаться во лжи было не так-то легко.

— Послушайте, Борискин.— Алехин поднялся и, улыбаясь, подошел к шоферу.— Вот вы утверждаете, что сегодня никого не подвозили. Так ведь?..— весело спросил он, наблюдая за выражением лица Борискина.— Так!.. Однако не более как полчаса назад здесь, в городе, с вашей машины сошли двое офицеров...

Борискин посмотрел на Алехина, словно припоминая, озабоченно сдвинул брови и закусил губу, затем уставился глазами в землю и, почесывая затылок и стараясь скрыть некоторую растерянность, проговорил:

— Обождите, обождите.. Ах да! — вдруг радостно воскликнул он, поднимаясь, и облегченно заулыбался.— Точно! Совсем забыл!.. По дороге попросились двое, и я их подвез. И чего тут плохого? Что ж им, пешедрала топать?

— Пешедралом скучновато,— согласился Алехин, угощая папиросой повеселевшего Борискина и закуривая сам,— хорошие знакомые?

— Не. Я их не знаю!.. Гад буду, товарищ капитан,— приложив руку к груди и глядя Алехину в глаза, поклялся Борискин.— Попросились, я и взял. Пожалел!..

— Кто они и откуда, не говорили?

— Нет. Да я и не спрашивал: мне это ни к чему. Ссадил их возле комендатуры — вы же видели... Один капитан, в годах уже, лысый. Обходительный такой, газеты мне еще на курево дал.— Борискин зашарил руками по карманам и, усмехаясь, поинтересовался: — Они небось натворили чего?.. А другой молоденький, лейтенант; у него еще слева фикса, ну, зуб золотой... Через эту жалость одни неприятности... Знал бы такое дело...

19. ВЕЧЕРОМ И НОЧЬЮ В ГОРОДЕ

Пока Алехин беседовал в землянке с Борискиным, Таманцев умудрился проникнуть в автопарк, где стоял «ЗИС» с выломанным бортом, и буквально на глазах у часового обшарил кабину и кузов машины, не забыв заглянуть под сиденье и в ящик для инструментов. На самом дне под промасленной ветошью он нашел сахар,

завернутый в тряпочку, подумал, что он, наверно, ворованный, но ничего представляющего интерес для дела обнаружить не смог.

Кусок газеты, что дали Борискину на «курево», оказался обрывком сегодняшнего номера лидской газеты «Уперад».

Очевидно, неизвестные, замеченные Блиновым, утром выехали зи Лиды; вечером же они вернулись в город и сошли у комендатуры. Оставалось установить их среди офицеров, посетивших комендатуру после девятнадцати часов, а также проживающих по соседству,— дело представлялось вроде бы ясным и простым.

Комендант города, худой, с ввалившимися щеками, мрачного вида майор, знал Алехина еще с сорок первого года, по боям под Москвой, и был рад оказать содействие. Он принес регистрационные книги, и Алехин выписал четырех офицеров из числа тех, кто проживал поблизости или побывал в комендатуре за последние полтора часа и по установочным данным имел некоторое сходство с бритым капитаном и его товарищем. Таманцева Алехин сразу же послал на станцию.

Вызванные по распоряжению коменданта с квартир офицеры (трое, одного не нашли) были незаметно показаны Алехину и Андрею: интересующих разведчиков людей среди них, увы, не оказалось...

А всего в городе, по данным комендатуры, размещалось на частных квартирах свыше пятисот офицеров из разных частей и до двухсот командированных.

— Вот смотрите.— Майор, достав из сейфа, разложил на столе план Лиды с обозначением частей и соединений, дислоцированных в районе города.— Сложность в том, что окраины города закреплены за частями. Это их районы расквартирования... В Северном городке и в Южном,— он показал пальцем на карте,— свои комендатуры. А мы осуществляем только общий надзор. Учеты у них аховые, и проверить по-настоящему — дьявольски трудно!

Алехин поднялся: на улице стемнело, надо было спешить, в комендатуре же делать больше было нечего.

— Я ночую здесь,— сказал, прощаясь, майор.— Если понадоблюсь — беспокойте.

* * *

— Они где-то тут, в городе,— заметил Алехин, когда он и Андрей вышли на улицу.

— А может, шофер врет? Может, он ссадил их у станции, они уехали, а мы будем искать понапрасну?

— Не думаю. Они просили остановить возле комендатуры, а заходили они туда или нет, он не видел и не говорил. Будем искать в городе.

Алехин разбил город на участки: себе он взял станцию, прилегающий район и выезд по Варшавской в сторону Гродно; Таманцеву поручил юго-восточную часть города и выезд на Молодечно; Андрею — контрольно-проверочный пункт при выезде из Лиды в Вильно и соседние улицы.

...После десяти улицы обезлюдели: наступил комендантский час. Но Андрей все ходил и ходил, присматриваясь в темноте к редким прохожим — в большинстве своем военным,— настороженно следил за одиночными машинами, что останавливались у контрольного пункта.

...На станции — в помещениях, на перроне, во всех закоулках — Алехин оглядел и знал уже каждого. В бараке для военнослужащих и в агитпункте спали вповалку на полу, на скамьях и на столах, изнемогая от жаркой духоты и храпя. Новые пассажиры после полуночи не появлялись.

Дежурные по контрольному пункту в час ночи ушли, и очень редкие машины проезжали под задранным к небу шлагбаумом не останавливаясь. Прилегающие к станции улицы, казалось, вымерли: ближайший пассажирский поезд, как сказали Алехину в комендатуре, должен был пройти только утром.

...В третьем часу, еле двигая ногами от усталости, Андрей добрел до квартиры, где остановился Хижняк с машиной, сняв ремень и сапоги, свалился на широченную деревянную кровать и, едва коснувшись щекой подушки, уже спал мертвым сном. Он не слышал, как Таманцев, вернувшись злой и голодный, искал в темноте что поесть, ругался вполголоса и ворчал, пока не улегся.

20. ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Срочно!

Начальнику Главного Управления Контрразведки «Смерш»

В дополнение к №№ . . . . и . . . . . от . . . и . . . . . . августа 1944 г.

Розыск передатчика с позывными КАО осложнен отсутствием текстов радиоперехватов от 7 и 13 августа с/г., сообщенным нами незамедлительно в ГУКР «Смерш» для параллельной дешифровки.

Учитывая отсутствие квалифицированных криптографов в Управлении контрразведки фронта, прошу Вашего распоряжения о внеочередной дешифровке обоих перехватов.

Пользуясь случаем, считаю своим долгом еще раз обратить Ваше внимание на выраженный некомплект оперативного состава в розыскном отделе и в отделении дешифровки Управления.

За семь недель наступления из 48 розыскников (при штате 56) выбыло 23, причем в числе оставшихся 9 человек — стажеры, не имеющие достаточного опыта розыскной работы.

В отделении дешифровки из 5 положенных по штату криптографов после прямого попадания бомбы при передислокации в районе Януш осталось всего лишь двое молодых офицеров, неспособных к оперативной дешифровке шифрсистем высокой надежности.

Егоров».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Егорову

На № . . . . от 15.08.44 г.

Ликвидировать некомплект оперативного состава в розыскном отделе и отделении дешифровки Управления контрразведки фронта в ближайшее время не представляется возможным.

Мною дано распоряжение о внеочередной расшифровке перехватов от 7 и 13 августа сего года.

Колыбанов».

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Срочно!

Егорову

На № . . . . от 13.08.44 г.

Сообщаю, что сегодня, 15 августа, в тылах армии, юго-восточнее Солтанишек, была обнаружена и после перестрелки ликвидирована остаточная группа немцев в количестве 39 человек, из них 17 было убито, 4 удалось скрыться, остальные, частично раненые, взяты в плен.

Как установлено при допросах, в составе группы более месяца продвигались к линии фронта из района Могилева военнослужащие штаба 4-й немецкой армии, 12-й и 337-й пехотных дивизий и 76-й штурмовой. Медленность передвижения объясняется как крайней осторожностью, так и наличием в группе 8 тяжелораненых, в том числе командира 76-й штурмовой дивизии генерал-майора Людвига Хорта и старшего офицера штаба 4-й армии подполковника Ганса Кефера, которых якобы несли на самодельных носилках около шестисот километров.

Ликвидированная группа имела 2 станковых пулемета МГ-34, 27 автоматов, гранаты и армейский коротковолновый передатчик образца 1942 г. фирмы «Телефункен». Как выяснилось при допросах, 13 августа, во второй половине дня, после выбора поляны, подходящей для посадочной полосы, радист группы выходил в эфир якобы с просьбой о немедленной присылке самолета за умиравшим от гангрены генералом Хортом и еще двумя ранеными.

Согласно показаниям пленных Отто Гайна и Эриха Штоббе, которые во время сеанса находились в сторожевом охранении неподалеку от передатчика, место выхода рации в эфир определяется как северо-западная окраина Шиловичского леса. В связи с гибелью во время перестрелки подполковника Кефера, фельдфебеля Химмеля и двух офицеров, принимавших непосредственное участие в радиопередаче, установить ее подробности, в частности позывные, рабочую волну и т. п., не представляется возможным.

Показания Гайна и Штоббе не вызывают сомнений в достоверности. Полагаю целесообразным доставку обо-

их в район Шиловичского леса для установления места выхода рации в эфир.

Быстров».

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Срочно!

Быстрову

На № . . . . . от 15.08.44 г.

Допросом военнопленных остаточной группы установите, выходила ли рация группы в эфир до 13 августа. Если выходила, то где, когда и при каких обстоятельствах. Особый интерес для нас представляют любые сведения о шифре или коде и о режиме радиопередачи.

Также выясните, занималась ли группа во время своего передвижения сбором разведывательных данных, велось ли ими наблюдение за железными и шоссейными дорогами.

Военнопленных Гайна и Штоббе незамедлительно этапируйте в Лиду, отдел контрразведки авиакорпуса, для проведения следственного эксперимента с целью установления точного места выхода рации в эфир и воспроизведения обстановки и обстоятельств передачи.

Егоров».

21. КАПИТАН АЛЕХИН

Тринадцать лет назад, еще до того, как он начал специализироваться по зерновым культурам, его курсовая об огурцах была напечатана в сборнике лучших студенческих работ. Тринадцать лет назад он превосходно знал (да и по сей день вроде не забыл) признаки и характеристики всех сортов, но определить найденные Таманцевым на месте выхода рации в эфир так и не смог.

Рано утром он заехал на базар, где ведрами, мешками и на вес продавалось немало огурцов; все они без исключения были одного, хорошо известного ему сортотипа —«должик» («Западнорусская подгруппа... Зеленец удлиненно-эллипсоидальный с сильным сбегом к основанию, с суженной и заостренной вершиной.. крупнобугорчатый, черношипный... трехгранный в поперечном разрезе... Длина зеленца 10—14 см, диаметр 4—5 см, вес

100—150 граммов... Окраска плода зеленая с крупными продолговатыми ситцевыми пятнами и светлыми полосками...»).

Огурцы, найденные на поляне, отличались от «должика» и формой, в частности закругленностью граней, и окраской, и толщиной зеленца.

В городской милиции Алехину порекомендовали известного здесь овощевода, местного старожила, в давнем прошлом — поручика русской армии, некоего Шорохова Ивана Семеновича.

Минут через пять, оставив машину за углом, Алехин подходил к его домику.

Шорохова можно было найти на этой улице и без точного адреса. Его участок выделялся среди других палисадов отменно ухоженными грядками и обилием плодовых деревьев. Сам хозяин — Алехин увидел его издалека,— маленький щуплый старичок с седым прозрачным пушком вокруг макушки, строгал рейку на верстаке под навесом.

— Иван Семенович?

— Иван Семенович! — весело подтвердил старикан.

— Мне рекомендовали вас как главного специалиста,— улыбнулся Алехин.— Хочу посоветоваться насчет огурцов.

— Для закуски? — пошутил старик.

— Не без этого.— Алехин выложил на верстак пять огурцов, в том числе два с обкусанными кончиками.— Что можно о них сказать?

Старик живо разобрал огурцы на две кучки.

— Должик, траку, должик, должик, траку...

— Местные сорта?

— Должик — местный, а траку — Прибалтика, за — Вильно... Тракайский уезд... Здесь его не выращивают.

— Это точно?

— Так точно. С ручательством.

— Вы их определяете по форме и окраске зеленца... по сбегу к плодоножке?

— Да. Вы что — овощник? — оживился старик.

— Любитель,— улыбнулся Алехин и указал на огурцы: — Как вы думаете, когда они сорваны?

— Должик — свежие, вчера, а может, и сегодня. На базаре купили?.. А траку...— Он разглядывал огурцы с обкусанными концами.— Все зависит от условий хране-

ния... Трое суток как минимум, если не четверо. А зачем вам это?

— Спасибо, Иван Семенович.— Алехин собрал огурцы и отшутился: — На закуску пустим должик...

* * *

В залитом утреннем радужным светом кабинете начальника городского отдела госбезопасности, кроме самого майора, находился еще смуглый длинноволосый лейтенант.

— Ты интересовался Павловскими,— сказал майор, беря в руки маленькую просаленную бумажку, и протянул ее Алехину.— Эту записку, запеченную в пирог, пытались передать в камеру старику.

— Кто?

— Его сестра... Вот перевод.

Алехин взял бумажку, затем листок с русским текстом и прочел:

«Юзеф!
Да поможет тебе бог.
Вчера вернулась Юлия. Девочка здорова.
Молимся за тебя.

Твоя сестра София».

— Кто это — Юлия? — поинтересовался Алехин.

— Пока не знаем... Займись и доложи,— приказал майор лейтенанту.— Давай.

Лейтенант взял обе бумажки и положил в свою папку.

— Слушай, если ехать из Шиловичей на Каменку, первый хутор слева, у леса,— кто там живет? — спросил майора Алехин.

— Из Шиловичей на Каменку... первый хутор слева...— припоминая, повторил майор и сказал уже подошедшему к двери лейтенанту: — Мы были у него. Помнишь, он нас самогоном угощал?

— Окулич,— назвал лейтенант, оборачиваясь, и осведомился у Алехина: — Зачем он вам?

— Он был связан с партизанами,— вспомнил майор, раскрывая папку с бумагами, и приказал: — Что мы о нем знаем — поделись с капитаном...

22. ПОДПОЛКОВНИК ПОЛЯКОВ

В районах Лиды и Гродно у него работали три розыскные группы, имелись и небольшие, но весьма ответственные дела, которые не хотелось кому-либо перепоручать.

Но самым важным в этой поездке было посещение двух точек по радиоигре[1]; на одной из них, под Лидой, сегодня ночью предстояла приемка груза и немецкого агента.

Начинал эту игру почти год назад сам Поляков, и велась она — по характеру дезинформации — весьма дерзко, и в этой дерзости заключалась ее неизмеримая ценность и одновременно опасность провала. Риск возрастал с каждой неделей, с каждой переданной радиограммой, все это не могло продолжаться бесконечно, и подполковник решил присутствовать сегодня ночью, считал себя обязанным не только потому, что хотел первым беседовать с приземлившимся агентом, но и оттого, что сегодня вместо контейнеров и человека на костры вполне могли сбросить и десяток осколочных бомб — такое тоже случалось.

Для Полякова, в свое время за каких-то два часа в осеннем лесочке под Вязьмой склонившего к сотрудничеству только что пойманных радиста и старшего группы, на свою ответственность тут же доверившего им первый выход в эфир, сочинявшего для них легенду и составлявшего все до единого «донесения», эта игра была родным детищем в полном смысле слова, и размышлял о ней в это утро он более всего.

Выехав перед рассветом, он за три часа дороги из Управления ни разу не вспомнил о рации с позывными КАО. Он переключился и подумал о ней, лишь когда, не доезжая Каменки, шофер притормозил и он увидел стоявший впереди на обочине «студебеккер» и около него двух военнопленных, автоматчиков охраны и трех офицеров. Он знал только одного из них — хромого после ранения, большеголового капитана, переводчика отдела контрразведки армии. Взяв объемистый авиационный планшет, Поляков выскочил из машины.

---

[1] Радиоигра — использование захваченной рации и радиста для дезинформации противника.

Хотя он склонялся к мысли, что разыскиваемые группой Алехина — агенты-парашютисты, не следовало пренебрегать и остальными версиями.

Алехин физически был не в состоянии все охватить, хотелось, чем возможно, ему помочь. И вчера вечером, когда пришло сообщение о ликвидации остаточной группы противника, Поляков сразу прикинул, что сумеет по дороге выкроить полтора-два часа, тем более что в его напряженном, преимущественно кабинетном образе жизни проведение следственного эксперимента — установление точного места выхода немецкой рации в эфир и поиски там вещественных доказательств — было, можно сказать, отдыхом, прогулкой на свежем воздухе.

Разведенные порознь военнопленные: долговязый Штоббе, заискивающе-услужливый штабной фельдфебель, и плотный, приземистый Гайн, молчаливый, сумрачный повар, солдат,— указали одну и ту же поляну на краю леса.

Офицерам и автоматчикам из роты охраны Поляков приказал тщательно осмотреть окрестность, а сам с немцами и капитаном-переводчиком занялся непосредственно участком, где, по словам Гайна и Штоббе, располагалось ядро группы.

— Die Bahre mit dem General war hier...— указывая рукой, сказал длинный худой немец.— Die Funkstelle befand sich in diesem Gebüsch... Und ich war in der Sicherung da drüben...

— Он говорит, что носилки с генералом стояли здесь,— перевел капитан,— рация располагалась у этих кустов, а сам он находился в охранении вон там...

— Я понял... Рация располагалась здесь...— заметил Поляков, шаря глазами по траве.— Спросите их, как раскидывали антенну.

— Wie wurde die Antenne angespannt?..— спросил переводчик.— Haben sie es gesehen?[1]

Невысокий плотный отрицательно качнул головой.

— Nicht![2]— поспешно сказал длинный, вытягивая руки по швам.

Тощий, с ввалившимися глазами и щеками, в грязном, заштопанном во многих местах обмундировании и

---

[1] Как раскидывали антенну?.. Вы видели?..
[2] Никак нет!

разбитых ботинках без шнурков, он выглядел довольно жалко. Он шел рядом с Поляковым, старательно осматривая траву, и вдруг с радостным криком бросился под куст и поднял немецкую батарейку. Подскочил к Полякову и, щелкнув металлическими оковками каблуков, протянул ему батарейку и заискивающе сказал:

— Ich bin Mechaniker, ich hab' in einem Werk gearbeitet[1].

— Питание для рации,— рассматривая батарейку в руке Полякова, заметил капитан.— Значит, они не врут.

— Врать им теперь ни к чему...— заглядывая под куст, сказал Поляков и поднял отрезок проволоки с маленькой вилкой.— Это тоже от рации.

— Funker, Funker...— радостно подтвердил длинный.— Herr Oberst, ich bitte zu berücksichtigen, dass ich Arbeiter bin... Ich habe drei Kinder und muss unbedingt zurück![2]

Приземистый немец смотрел на него исподлобья с презрительной враждебностью.

— Аромат-то какой,— вдыхая воздух, заметил Поляков,— божественный!.. Чего он хочет?..

— Боится, что его расстреляют. Просит учесть, что он механик, словом, рабочий...

— Это я понял...— оглядывая поляну, в раздумье сказал Поляков.— Рацию развертывали здесь, но нам от этого не легче... Чтобы исключить или, наоборот, принять эту версию, нужна дешифровка перехвата... На месте задержания шифровальный блокнот не обнаружен. Здесь-то он несомненно был. Попытайтесь отыскать...

— Но... Где?

— Возможно, блокнот брошен или утерян по дороге... Вам всем... вместе с ними,— Поляков взглядом указал в сторону немцев,— придется проделать их путь... Все сорок километров двигайтесь цепью... Как с ногой, выдержите?

— Да.— Капитан покраснел.

— Обнюхайте каждую травинку. Особое внимание к местам, где они устраивали привалы.

---

[1] Я механик, работал на заводе.

[2] Радио, радио... Господин полковник, прошу учесть, что я механик, рабочий человек... У меня трое детей... Я должен вернуться!

— А если шифр уничтожен, сожжен?

— Не думаю. Штабные документы целы. Постарайтесь отыскать!

23. ПОИСКИ УТРОМ В ГОРОДЕ

Рано утром, когда, позавтракав, они вышли на улицу, Таманцева прорвало. Он перебил вдруг Алехина и, раздувая ноздри, возбужденно сказал:

— Что вы все твердите: «должны», «обязаны»? Нужен текст дешифровки. А без текста можно торкаться до второго пришествия, как слепые щенята!

— Текст будет,— пообещал капитан.

— Когда?! — распаляясь, воскликнул Таманцев.— Москва десятые сутки не может размотать перехват, а мы — отдувайся!

— Девятые,— поправил Алехин.— Ты что, не с той ноги встал?

— Я — с той! — разозлился Таманцев.— Вы меня дурачком не делайте! Мы уродуемся как бобики! Москве не укажешь, а с нас с живых не слезут!..

— Короче! Что ты предлагаешь?

— От текста надо танцевать, от текста! Вы боитесь потребовать расшифровку с Управления, а они дрейфят перед Москвой. Цирлих-манирлих! Я так не могу и не желаю!.. У Москвы одних только фронтов — двенадцать, да разве они о нас помнят?! Их за глотку надо брать, за глотку! Давайте я сам позвоню — хоть генералу, хоть в Москву, хоть куда... Плевал я на субординацию! Мы не в бирюльки играем и не на белок охотимся! Это дело государственной важности! И у нас железная позиция! Давайте я позвоню! Да я им так мозги раскручу, что не соберут!

— Все?

— Нет, не все!

— Андрея бы постыдился.

— А я не ему, я вам это говорю!

— Принял к сведению, — невозмутимо сказал Алехин.

В ярости сплюнув, Таманцев взялся рукой за край борта и прыгнул в полуторку.

Потом, нахохлясь, он трясся в кузове возле Андрея оскорбленный и обиженный. Когда машина останови-

лась, чтобы его высадить, Алехин, ступив на подножку, сказал:

— В двенадцать часов подполковник должен быть в отделе контрразведки авиакорпуса. Можешь все ему высказать.

Таманцев молча соскочил и не оглядываясь пошел по улице. Андрей с капитаном поехали дальше.

Утро оказалось столь же бесплодным, как и вечер.

Андрею достался центр города и базар. Он ходил по улицам, время от времени толкался по базару, присматривался ко всем военным, а заодно и к гражданским,— ни одного похожего лица.

На базаре среди покупателей, точнее, покупательниц, попадались и военные; но более всего там было крестьян.

В порыжелых домотканых маринарках, в платках, картузах и польских форменных фуражках с лакированными козырьками, они теснились у подвод, ходили по рядам, ко всему прицениваться, покупали же мало, только что из одежи. Слышалась русская, белорусская, а чаще польская речь.

Продавалась всякая всячина — от картошки и живых свиней до католических иконок и военного обмундирования. На лотках торговцев-профессионалов красовались сотни пачек литовских и немецких сигарет, самодельные пирожные и свечи, конфеты, полукопченая колбаса и булочки; здесь же под яркой заманчивой вывеской «Буфет. Обеды как у мамы!» продавали горячие блюда и ароматный самогон — бимбер.

Частная торговля в освобожденных городах удивляла Андрея: он не мог понять предпринимательства. Буржуи, как он представлял их по книгам и кино, наверно, выглядели точно так, как эти сытые люди за лотками.

— Нэп,— авторитетно объяснял Таманцев.— Некоторое оживление частного капитала и спекулянтов. Придет время, их так прижмут — небо с овчинку покажется!..

Как и вчера, стояла тягостная жара, разогретый воздух был неподвижен. Заплатив двадцать рублей, Андрей выпил бутылку ядовито-красной воды на сахарине и снова отправился на улицы города.

Он остановился, не доходя перекрестка, увидев на другой стороне улицы, у тенистого палисада, заметную своей красотой пару: девушку в медицинском халате и белой шапочке и высокого щеголеватого лейтенанта.

— Ну что?— раздался рядом с Андреем голос вышедшего из-за угла Таманцева.

— Ничего.

— Ниц нема,— понимающе сказал Таманцев и перевел взгляд на парочку:— Влюбляются... Живут же люди!

— Надо было з-задержать их вчера на к-контрольном пункте.

— Учат тебя, учат,— досадливо поморщился Таманцев.— Ты пойми: нам нужны их связи, нужны факты, улики... Да, может, они в этом лесу даже не были. А может, были, но не имеют отношения к разыскиваемой нами рации. А если, допустим, имеют — брать их надо с поличным, доказательно. Или разобраться и исключить... А ты все одно: хватай мешки — вокзал отходит!

Несколько секунд они молчали. Пара на той стороне уже рассталась; девушка ушла, а лейтенант стоял с невеселым лицом и курил.

— Кошка между ними пробежала,— сказал Таманцев (он считал себя незаурядным психологом и физиономистом).— Или котенок как минимум.

— Ты д-думаешь, они в городе и мы их найдем?

— Думаю!.. Должны: городишко-то небольшой!.. Выше голову!— Он похлопал Андрея по плечу.— Шарик ведь круглый — куда же они денутся?!

24. ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Весьма срочно!

Егорову *Из Москвы* *16.08.44 г.*

Сообщая дешифровку перехвата по делу «Неман», предлагаю принять активные меры к розыску и задержанию агентов и незамедлительному пресечению работы передатчика.

Судя по тексту, вы имеете дело с крупной квалифицированной резидентурой, действующей с заданием оперативной разведки в тылах вашего и сопредельных фронтов. Очевидно наблюдения за железной дорогой на линии Гродно — Белосток; не исключены челночные

маршруты Вильнюс — Белосток (через Гродно) и Вильнюс—Брест (через Лиду—Мосты—Волковыск)...[1].

...О ходе розыска и всех проводимых Вами мероприятиях докладывайте ежедневно.

Приложение — упомянутое.

Колыбанов».

«ЗБ № 1604 «Неман». Перехват от 13.08.44 г.

«ККК» Последние трое суток [на] участке Гродно—Белосток проходило [в] среднем 22—25 эшелонов [с] войсками [и] техникой. [В] обратном направлении 5—7 санлетучек [и] порожняк. [Из] Прибалтики [на] Вислу [в] район Варшавы [и] Демблина перебрасываются моторизованные понтонно-мостовые части [с] парками ТМП [и] Н2П, дивизионы РА М-13 [и] М-31. [На] Брест проследовал 473-й батальон автомобилей-амфибий. [В] Белостоке, Гродно, Вильно призваны 1895—1927 года рождения. Ваши указания нотариусу переданы. Срочно нужны батареи [и] бланки. Кравцов.

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Срочно!

Лида, Полякову

Сообщаю дешифрованный перехват от 13.08.44 г. и розыскную ориентировку на Павловского.

Рация с позывными КАО заслуживает самого серьезного внимания. Продумайте и доложите, что еще возможно предпринять.

Задержитесь на сутки в Лиде для активизации розыска, оказания практической помощи группе Алехина и организации поимки Павловского.

Егоров».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Срочно!

Лида, Полякову, Алехину

По ориентировке ГУКР «Смерш» № 9.651 от 27.07.44 г. разыскивается агент германской разведки Грибовский, он же Волков, он же Трофименко, он же Павловский Казимир, он же Иван, он же Владимир, по отчеству Георгиевич, а также Иосифович, 1915 г. р.,

[1] Два абзаца этого документа опускаются.

урож. г. Минска, образование среднее, в прошлом член ВЛКСМ, инструктор и активист Осоавиахима.

В 1936—1939 гг. служил действительную в радиотехнических частях Московского военного округа.

Мать Павловского перед войной якобы осуждена за антисоветскую деятельность к 10 годам лишения свободы. Отец — по национальности немец, проживает на одном из хуторов Лидского р-на, Барановичской области.

Сам Павловский в начале войны, будучи сержантом Красной Армии, с оружием перешел на сторону немцев. Весной 1942 года с отличием окончил кенигсбергскую школу германской разведки. В 1942—1943 гг. девять или десять раз перебрасывался в тылы Красной Армии: радистом и старшим разведывательной группы. В 1942 г. под Москвой в момент задержания, отстреливаясь, убил офицера комендатуры и двух патрулей. С 1942 г. (неточно)—фольксдойче. За успешное выполнение заданий абвера награжден Железным крестом II степени, серебряной и двумя бронзовыми боевыми медалями.

В совершенстве владеет стрелковым оружием, приемами защиты и нападения. Особо опасен при задержании.

Словесный портрет: рост — высокий; фигура — средняя; волосы — русые; лоб — широкий; глаза — темно-серые; лицо — овальное; брови — дугообразные, широкие; нос — толстый, прямой, с горизонтальным основанием. Броских примет не имеет.

В середине июля сего года в группе агентов, также обмундированных в форму советских офицеров, находился на переправочном пункте немецкой разведки в местечке Дальвитц близ Инстербурга (Восточная Пруссия), ожидая переброски в тылы Красной Армии».

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Срочно!

Егорову

Сегодня, 16 августа, в тылах корпуса, севернее местечка Заболотье, окружена и после отказа сдаться уничтожена остаточная группа противника в количестве девяти человек.

В составе группы, кроме двух немцев, офицеров отдела «1-Ц» и штаба 9-й германской армии капитана Эриха Гебба и обер-лейтенанта Гельмута Штиля, продвигались в западном направлении семь власовцев, из них трое в форме РОА (без знаков различия) а четверо в советском военном обмундировании с погонами и красноармейскими книжками сержантов частей 1-го Белорусского фронта, очевидно, захваченными и убитых ими советских военнослужащих.

При ликвидации группы взято восемь автоматов, в том числе четыре ППШ, девять пистолетов, пятнадцать гранат, а также коротковолновая приемо-передаточная радиостанция немецкого производства, выпуск 1943 г., в рабочем состоянии.

Среди документов обнаружены: таблицы цифрового кода, перешифровальные блокноты с вырванными использованными листами, немецкие топографические крупномасштабные карты с нанесенным на них маршрутом движения из района Бобруйска, личные письма и фотографии.

Судя по записям в блокноте капитана Гебба, в пути группой дважды велось наблюдение за железной дорогой: в первом случае — трое суток, во втором — около двух. Пункты наблюдения не указаны, и установить их не представилось возможным.

Как явствует из маршрута, 12 или 13 августа группа проследовала северной опушкой Шиловичского лесного массива, где, судя по отметке, устраивала привал. Не исключено, что захваченная нами рация является разыскиваемым передатчиком с позывными КАО.

Буняченко».

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

Буняченко *«Срочно!*

Рацию и все документы ликвидированной группы немедленно доставьте в розыскной отдел Управления.

Егоров».

25. В ПОЛДЕНЬ НА АЭРОДРОМЕ

— Ты хотел танцевать от текста — танцуй! — сумрачно сказал Алехин Таманцеву и взял папиросу, предложенную Поляковым.— Благодарю.

Они стояли втроем у «виллиса» на краю аэродрома, возле одноэтажного здания отдела контрразведки авиакорпуса. В руке Поляков держал несколько листков — он только что прочел Алехину и Таманцеву дешифровку перехвата и ориентировку о Павловском.

— Разрешите,— попросил Таманцев у Полякова и взял листок с текстом.

— Ждешь его как манны небесной...— с досадой заметил Алехин и нетерпеливо прикурил.— Благодарю... А первый перехват, от седьмого августа?

— С тем, очевидно, задержка...— Поляков недовольно шмыгнул носом.— Приказание о внеочередной расшифровке касалось обоих. Очевидно, задержка... Шифр сложный, а они еще, наверно, меняют ключ. Я буду звонить и напомню.

— Квалифицированная разведсводка...— рассматривая текст, проговорил Таманцев.

— И все?

— Наблюдение за перевозками... за железной дорогой...— глядя в текст и напряженно соображая, не сдавался Таманцев.— Это... должно быть, резидентура...

— И все? — не унимался Алехин.

— А что, в Москве тоже так думают,— с почти неуловимой иронией сказал Поляков; он посмотрел на второй лист и прочел: —«Судя по тексту, вы имеете дело с крупной квалифицированной резидентурой, действующей с заданием оперативной разведки в тылах вашего и сопредельных фронтов. Очевидно наблюдение за железной дорогой на линии Гродно—Белосток; не исключены челночные маршруты Вильнюс—Белосток (через Гродно) и Вильнюс—Брест (через Лиду—Мосты—Волковыск)...»

— И все?

— Нет, почему же...— Поляков посмотрел в текст.— «...предлагаю принять активные меры... Обращаю Ваше внимание... Обеспечьте... докладывайте...»

— Да, из этого шубы не сошьешь,— возвращая листок с текстом, сказал Таманцев.— Кстати, территориально Белосток и все, что южнее Гродно,— Второй Белорусский фронт.

— Но все остальное-то наше! И в эфир они выходят у нас.

— Есть место выхода рации в эфир, есть текст и кое-

какие улики, а зацепиться не за что...— вроде бы рассуждая вслух, неторопливо произнес Поляков.— Скверно... Безусловно наблюдение за железной дорогой, причем не визуальное, со стороны, а где-то на станциях...

— Будто под брезент заглядывают,— заметил Алехин.

— Маршрутники или фланеры?[1] — спросил Таманцев; он во всем любил конкретность, определенность.

— Очевидно, стационарное наблюдение[2],— глядя на Полякова, предположил Алехин.

— Скорей всего комбинированное,— сказал подполковник.— Это опытные, знающие свое дело люди...

— Судя по тексту, не немцы и, очевидно, не аковцы

— Я же говорил: агенты-парашютисты! — воскликнул Таманцев.

— Возможно,— уклончиво сказал Поляков; он, как всегда, до последнего не хотел отсекать и другие версии.— Причем связанные с агентурой, оставленной немцами на оседание... Попытаемся установить, в каких пунктах ведется наблюдение...

— Тут нужен анализ движения эшелонов по всем этим линиям...

— Все, что касается анализа движений, я беру на себя...— заявил Поляков и взглянул на следующий лист: — Теперь Павловский... Независимо от того, имеет он отношение к разыскиваемой нами рации или нет, его необходимо взять! Не теряя времени и непременно живым. И тех, кто с ним,— тоже..! Поручить это придется Таманцеву.

---

[1] Термины агентурной разведки. Фланеры — агенты, которые собирают разведывательные сведения (главным образом о передвижении войск и техники), перекочевывая со станции на станцию, нигде при этом подолгу не задерживаясь, чтобы не привлекать к себе внимания. Маршрутники в отличие от фланеров ведут визуальное наблюдение преимущественно в пути, при проезде в поездах и эшелонах.

Наилучшая маска для фланеров и маршрутников во время войны — форма и документы военнослужащих. В начальный период Отечественной войны фланирование по железнодорожным узлам прифронтовой полосы нередко осуществлялось немецкими агентами под видом эвакуированных граждан.

[2] Стационарное наблюдение — систематическое визуальное наблюдение в одном пункте.

— А кто же у меня останется? — попытался улыбнуться Алехин.

— Я!.. Другого решения у меня нет. Дадим ему двух человек от Голубова. Возможно, нужна продуманная, тщательно организованная ловушка или засада — действуйте по обстоятельствам. Но займитесь этим сегодня же, немедля!.. Одновременно,— он перевел взгляд на Таманцева,— сделайте все, чтобы до вечера отыскать этих двух, что были вчера на хуторе, и разобраться с ними.

— Хозяин хутора некто Окулич,— сказал Алехин,— характеризуется положительно. Во время оккупации был связан с партизанами. Ничего компрометирующего на него нет.

— Тем лучше. Поедешь насчет засады — заскочи к нему и поговори...

26. АЛЕХИН

К Окуличу я заехал по дороге, но его не оказалось дома, и поговорить с ним в этот день мне не удалось.

Для организации продуманной, тщательно подготовленной ловушки, для того, чтобы как-то обставить и разрабатывать связи Павловского, у нас просто не было времени. Реальным же было устройство засады в местах вероятного появления Павловского, точнее, в одном из мест — на большее у нас не хватило бы людей.

Таким местом мне прежде всего представился северный край Каменки, где у околицы проживала тетка Павловского, София Басияда, единственная его близкая родственница в этом районе. Мысль о ней не оставляла меня все утро в Лиде, о ней более всего я размышлял и приехав на Каменские хутора.

С участковым милиционером мне повезло. Немолодой и не очень грамотный, он обладал мужицкой сметливостью, памятью и хитрецой. Он партизанил в этих местах, знал здесь многих, причем держался с крестьянами запанибрата, и разговаривали с ним охотнее, да и откровеннее, чем со мной или с любым незнакомым человеком. Сняв пилотку и погоны, я работал под видом сотрудника милиции, впрочем, никому не представлялся.

Поводов для бесед с местными жителями у нас оказалось более чем достаточно. Четыре дня назад невдалеке от Каменки обстреляли воинскую автомашину, шо-

фер и сопровождающий были убиты, из кузова растащили около сорока комплектов военного обмундирования. Последнее время в округе участились ночные кражи, преимущественно продуктов, из амбаров и погребов; в двух случаях предварительно были отравлены собаки. Забирали в основном муку, сало, а в одном месте умудрились без шума унести кабана весом пудов на десять — хозяева даже не проснулись. И еще был ряд разных дел: подпольное акушерство, пьяные драки, подделка документов, попытка членовредительства с целью уклонения от мобилизации и тому подобное.

Откровенностью, разумеется, нас не баловали. Все, что удалось мне узнать, складывалось по крупицам, выуженным в разговорах на отвлеченные темы, причем в услышанном отсутствовало единогласие, необходимое для уточнения и перепроверки,— сведения были во многом противоречивы.

Примечательно, что Павловский-старший и его сестра София Басияда характеризовались большинством положительно, о Свириде же отзывались как о человеке недобром, мелочно-корыстном и завистливом.

С ним я встретился и разговаривал один на один. Высмотрел издалека на поле, подобрался незаметно и окликнул из кустов.

Вел он себя спокойней и несравненно сдержанней, чем при первом разговоре в орешнике. Он явно замкнулся, сам уже ничего не рассказывал, только отвечал на вопросы односложно и, как я почувствовал, весьма неохотно. Более того, у меня возникло ощущение, что он локти себе кусает — зачем в прошлый раз наговорил мне лишнего. Что же позавчера толкнуло его на это?

Патриотические побуждения в данном случае я исключал. Зависть?.. Корысть?.. Неприязнь?.. Ненависть?.. Чувство мести?..

Само собой напрашивалось довольно правдоподобное психологическое построение. Павловский и Свирид — ровесники, один сильный, преуспевающий (по понятиям горбуна), другой — физически неполноценный и неудачливый. Тут возможны и зависть и неприязнь — они в характере Свирида, но это, так сказать, постоянный, долговременный фактор — причина. А повод, толчок?..

Все это вроде бы прояснилось, когда в разговорах на хуторах я узнал подробнее о Юлии, той самой Юлии,

о ком сообщалось в записке, посланной в тюрьму Павловскому-старшему.

Что она батрачка Павловских, я выяснил у участкового еще по дороге. А тут обнаружилось, что она ни больше ни меньше как младшая сестра жены горбуна, Брониславы.

То, что я о ней по частицам узнал, выглядело в целом так.

Антонюк Юлия Алексеевна, 1926 года рождения, белоруска, католического вероисповедания, уроженка деревни Белица Лидского района, образование два класса.

Сирота; с тринадцати лет в услужении у Павловских.

Якобы нещадно эксплуатировалась Павловским-старшим; по другим данным, относился он к ней как к родной, очень хорошо.

«Файная»[1],— это отмечали почти все. В период оккупации одевалась нарочито неряшливо, грязно. Будто бы неделями не умывалась, чтобы избежать приставаний немцев. По другим данным, тайком встречалась с каким-то немцем и от него прижила ребенка — девочке полтора года, зовут Эльза.

Как бы то ни было, во время оккупации имела какой-то аусвайс[2], документ, который помог ей избежать отправки на работу в Германию (а может, ее отстоял фольксдойче Павловский-старший?).

В первых числах июля, перед приходом наших войск, якобы уехала с немцами в Германию, во всяком случае, отсутствовала около полутора месяцев. Вернулась два дня назад под вечер, примерно за сутки до моего первого разговора со Свиридом.

Как выяснилось, после отъезда Юлии Свирид забрал все ее вещи к себе в хату, а по возвращении кое-что не захотел отдать. Очевидно, из-за этого и происходил скандал позавчера, когда я зашел к нему в хату. Юлии там не было, но заплаканные женщины — жена Свирида и его старуха мать,— полагаю, уговаривали горбуна вернуть все по принадлежности.

Примечательно, что он, в прошлый раз по собственной инициативе заявивший, что у него в доме есть фото-

---

[1] Файная — красивая *(польск.)*.

[2] Аусвайс — удостоверение личности, выдававшееся жителям на временно оккупированной немцами территории.

графии Павловского, и сам пообещавший принести их мне, теперь сказал, что не смог найти ни одной. Фотокарточки были необходимы для розыска, и, чувствуя, что на этого человека сильнее всего действует страх, я с волчьим, наверное, выражением лица и откровенной угрозой сказал ему, что он, очевидно, захотел обмануть советскую власть, так вот, у него это не получится. Я заверил его, что все, о чем он мне рассказал, останется между нами, однако если он не будет помогать нам и дальше и не принесет немедля фотографии Павловского, то пусть пеняет на себя. Он даже не представляет, пригрозил я, что тогда с ним будет.

Такое наглое запугивание, как я и рассчитывал, оказалось весьма действенным. Во всяком случае, спустя минуты он принес и отдал мне две хорошие отчетливые фотографии Павловского. Их следовало переснять и размножить — это без труда сделали бы в отделе контрразведки авиакорпуса,— но прежде надо было показать их Таманцеву.

Я уже послал за ним машину в Лиду на станцию, как мы договаривались, и ждал его с нетерпением. Не только потому, что хотелось поделиться с ним своими соображениями и послушать его, но и потому, что требовалось засветло выбрать место, наиболее подходящее для засады, а решающее слово тут, конечно, было за ним. Относительно места для засады — за ним, что же касается выбора объекта наблюдения — за мной, и тут уж я не имел права ошибиться. Он должен был приехать с минуты на минуту, а я все еще раздумывал...

27. В ПАРИКМАХЕРСКОЙ

От солнца и духоты разламывалась голова. Упрямо передвигая натруженными, зачугуневшими ногами, Андрей дошел до перекрестка. На противоположном углу в сколоченном из досок домике помещалась парикмахерская Военторга — за день Андрей уже раз пять заглядывал в нее.

Не хотелось переходить на солнечную сторону, и какие-то мгновения он колебался. Затем пересек улицу, поднялся на крыльцо, к порогу и... обнаружил того самого лейтенанта, которого видел вчера на хуторе у опушки Шиловичского леса.

Лейтенант сидел в кресле, и мастер, чернявый узкогрудый старик с большим крючковатым носом, стриг его.

Андрей невольно окинул взглядом улицу — с кем бы посоветоваться?! — хотя знал, что ни Алехина, ни Таманцева поблизости нет. Затем сел на лавочку на крыльце и скосил глаза в раскрытую настежь дверь.

У столиков с зеркалами помещались три обшарпанных деревянных кресла; кроме чернявого старика, работали еще две парикмахерши: толстая, уже в годах, но быстрая, с бесчисленными кудряшками на голове и очень молодая хорошенькая девушка в чистом аккуратном халатике и сапожках. Слева у самого входа была прибита вешалка, далее на расставленных вдоль стены стульях ожидали своей очереди пятеро военнослужащих: худой длиннолицый военврач с погонами капитана медицинской службы (он читал газету); младший лейтенант — летчик, миловидный, пухлощекий, совсем еще мальчик; старшина, тоже из авиации, одетый весьма нарядно, в летнем офицерском обмундировании, с планшеткой на длинном ремне, и два солдата-артиллериста.

Шестой же — сержант-танкист, за кем Андрей занял очередь,— курил возле дверей.

— ...Павлик Федотов из Двадцать пятой,— рассказывал старшина-авиатор молоденькому летчику,— сбил вчера тридцатого фрица... Мужик!— восторженно воскликнул он, подняв вверх большой палец.— Выпьет два литра — и как огурчик!..

— Следующий! — утирая потное лицо платочком и вздыхая, позвала полная парикмахерша; от жары она страдала, очевидно, более всех, но работала проворнее, чем старик или молоденькая.

— Ваша очередь,— сказал военврач старшине.

— Я пас! — ухмыляясь, небрежно сообщил старшина и указал глазами на хорошенькую девушку.— Жду мастера.

Военврач торопливо сложил газету и, сняв очки, уселся в кресло. Бриться он не пожелал и, брезгливо оглядывая не первой свежести простынку и халат толстой парикмахерши, подробно объяснил, как именно его постричь.

Андрей потихоньку рассматривал в зеркале лейтенанта.

Тот с довольно флегматичным видом, как-то расслаб-

ленно сидел под белой простынкой в кресле, откинувшись на спинку, положив руки на подлокотники и время от времени полуприкрывая веки; чернявый мастер, не спеша действуя ножницами, подстригал его длинные белокурые волосы.

У лейтенанта было славное простое лицо, большие светлые глаза — как показалось Андрею, в них было что-то задумчиво-усталое.

Андрей припомнил, что в дивизии, где он воевал, в соседнем полку был начхим, удивительно похожий на этого лейтенанта,— бедняга подорвался на мине, его разнесло на части...

В раскрытую дверь из парикмахерской плыл сладковатый запах дешевой парфюмерии; там, в духоте, было еще хуже, чем на улице, и дышалось с трудом. Назойливо жужжали десятки мух, норовя усесться на потные лица.

Старшина из авиации негромко, но оживленно рассказывал юному летчику о воздушных боях. Тот слушал с явным интересом, больше молчал, лишь изредка поддакивая или понимающе улыбаясь. Это был разговор избранных, густо пересыпанный специальными авиационными терминами и сопровождаемый выразительной жестикуляцией старшины: движениями ладоней он весьма наглядно изображал различные маневры воздушного боя.

Судя по разговору, это был человек знающий и бывалый: ему доводилось сбивать «мессершмитты» и «юнкерсы», бомбить Кенигсберг и обстреливать с воздуха немецкие эшелоны. Об известном летчике он говорил так, словно тот был его близким приятелем и общался с ним повседневно; о различных системах самолетов он рассуждал свободно и уверенно, как пилот, самолично испытавший их летные и боевые качества. Он знал решительно все, и было только непонятно, в какой, собственно, авиации он служит: в истребительной, в штурмовой или бомбардировочной?

Незаметно рассматривая в зеркале лицо лейтенанта, Андрей пытался определить, прислушивается ли он к разговору или нет. Было совершенно очевидно: лейтенант не проявляет интереса ни к тому, что происходит в парикмахерской, ни к тем, кто в ней находится. Выражение лица у него было безразлично-вялое и даже немного

сонное — может, оттого, что он тоже был разморен жарой. Временами, поворачивая голову, он разглядывал в зеркале свою прическу, дважды трогал рукой волосы на затылке и что-то говорил мастеру.

Когда лейтенант смотрел в зеркало, Андрей, чтоб не встретиться с ним взглядом, рассматривал плакаты, расклеенные на стенах парикмахерской.

Один из плакатов — «Болтун — находка для шпиона!», — висевший на видном месте, меж зеркал, и, пожалуй, наиболее броский, привлек внимание Андрея. Пожилая работница, приставив палец к губам и гипнотизируя строгим неотступным взглядом, предостерегала: «Не болтай!» Эти два слова большими буквами были выведены внизу плаката, а в верхнем углу было написано:

Будь начеку!
В такие дни
подслушивают стены.
Недалеко от болтовни
и сплетни
до измены.

Взяв гребень с ваткой, чернявый расчесал лейтенанту волосы, сделал еще несколько движений ножницами и, осмотрев свою работу с разных сторон, принес из чуланчика, где горела керосинка, алюминиевый стакан с кипятком, кисточку и так же неторопливо, как и все, что он делал, принялся править бритву на ремне.

В парикмахерскую, запыхавшись, вошел и окинул всех хмурым взглядом пожилой капитан-артиллерист с палочкой в руках; как оказалось, заняв ранее очередь, он куда-то отлучался и, возвратившись как раз вовремя, тут же уселся в среднее кресло к полной парикмахерше.

«И ничего в нем нет подозрительного», — огорченно размышлял Андрей, глядя на лейтенанта.

Рядом словоохотливый старшина не умолкая рассказывал молоденькому авиатору:

— Двадцать седьмую перебросили в Белосток. Вот это город! Правда, центр побит, но женщины! — Старшина восторженно почмокал губами; только теперь Андрей заметил, что тот навеселе. — Это с нашей Дунькой раз, два — и в дамки, — заявил он убежденно. — А польки не-ет! Обхожденьице дай, ласку, подходец. Разные там: падам до нужек шановни пани, пшепрашем, пани, цалую

рончики[1]... И еще вагон всякой галантерейности. Не раз вспотеешь. А иначе — напрасные хлопоты. Это тебе не наша Дунька: погладил по шерстке — и замурлыкала! Не-ет!.. Обхождение дай! Подходец тонкий требуется, с виражами! А так запросто не прошелестишь...

Капитан-артиллерист (ему только намылили лицо) обернулся и угрюмо посмотрел на старшину; тот, не заметив, продолжал рассказывать об особенностях обхаживания женщин в Польше, о каком-то Березкине из 6-й истребительной и о случае, который произошел с этим летчиком, когда он, хлебнув «послеполетные» за всю эскадрилью, отправился с аэродрома в Белосток и спьяна «пустил пузыря»[2].

Старшина совершенно не умел молчать. Оставив Березкина, он заговорил о новых, только что полученных истребителях «ЯК-3». Если о некоторых других самолетах он был весьма невысокого мнения и называл их не иначе как «дубами», «гробами» и даже «дерьмом», то о новых истребителях он отзывался с похвалой и всячески расписывал их достоинства:

— ...Устойчивы, поворотливы, в управлении — как перышко! Но главное — скорость! Не машина — молния! Как-нибудь шестьсот пятьдесят, а это не семечки — абсолютное превосходство! И в маневре бесподобны. Ручку на себя — в небе тает. И вооружение усилено. Скажи мне: есть у немцев такая машина?.. И не снилась!..

«Вот звонарь! — с досадой подумал Андрей.— Ну что его, за язык тянут, что ли?»

— Прыщичек тут у вас,— виновато улыбаясь, сообщил чернявый лейтенанту, неосторожно задев его бритвой около уха и заметив капельку крови.

— Из Тринадцатой и Двадцать пятой тоже поехали за новыми машинами. Нагонят этих «ЯКов» или, может, «ЛА-7» получат — и немцам неба не видать. Точно! Это тебе не сорок первый год...

Отстранив брившую его толстую парикмахершу, капитан-артиллерист с мыльной пеной на лице и салфеткой на груди поднялся в этот миг из кресла и шагнул к старшине.

---

[1] Падам до нужек шановни пани, пшепрашем, пани, цалую рончики...— Падаю к ножкам прекрасной пани, прошу прощения, пани, целую ручки... *(польск.)*.

[2] Пустить пузыря — потерять ориентировку, заблудиться.

— Встаньте! — потребовал он.

Старшина, не понимая, поднялся, планшетка болталась у голенищ его щегольских сапожек.

— Трепач! — вдруг резко сказал, вернее, выкрикнул капитан.— С вашим языком не в авиации служить, а коров пасти!.. Идите отсюда!..

Мастера обернулись на шум; весь красный, старшина еще какое-то время продолжал стоять, затем медленно прошел к выходу и, поймав участливый взгляд смазливой парикмахерши, остановился вполоборота у двери и попытался улыбнуться: улыбка получилась растерянная и неестественная; вся развязность и бойкость сразу слетели с него. Постояв так секунды, он вышел. Младший лейтенант — летчик, с которым он говорил,— покраснел как кумач; все молчали.

— Вы мне йодом помажьте,— негромко промолвил в наступившей тишине старому мастеру лейтенант; он менее других обратил внимание на это небольшое происшествие, он был занят осмотром пореза и заметно тревожился.— А то, знаете...

— Не извольте беспокоиться,— услужливо заметил чернявый.— Сделаем в лучшем виде...

Капитан-артиллерист снова сел в кресло и, подергивая головой и нервно поправляя салфетку у воротника, с возмущением говорил в это время парикмахерше:

— Трепется и трепется. Как баба! Противно слушать!..

— И верно! Мы, женщины, куда как разговорчивы,— вдруг не к месту певучим голосом сказала парикмахерша, игриво и весьма глупо улыбаясь.— Все от простоты нашей, откровенности!.. И страдаем всегда за это...

— Уж вы откровенны! — мрачно и с раздражением сказал капитан.— Трепачишка чертов! Сопляк!..— Он никак не мог успокоиться.— Знаю я вашу простоту,— он похлопал себя по шее,— на своей шкуре испытал!

И, проведя ладонью по выбритой щеке, тем же злым, возбужденным тоном спросил:

— Вы думаете, он летает?.. Писарюга какой-нибудь! Или на аэродроме самолетам хвосты вертит. А я вгорячах промашку дал: его, разгильдяя, в комендатуру отправить надо было!..

Между тем лейтенанту приложили к лицу горячую салфетку — компресс.

— Я за вами,— поднимаясь, напомнил Андрей сержанту.— Сейчас п-приду...

28. ВОТ И ВТОРОЙ!

Выйдя из парикмахерской, лейтенант, подстриженный и похорошевший, взглянул на часы, закурил и неторопливой походкой направился в сторону станции. Андрей на значительном расстоянии следовал за ним.

Как и большинство его сверстников, лейтенант с откровенным интересом поглядывал на встречных девушек и молодых женщин; остановился у афиши кино, прочитал, попытался заговорить с худенькой блондинкой, впрочем, безуспешно. Пошел дальше, вид у него был довольно беззаботный, однако он не забывал отдавать честь, причем делал это четко, с той легкостью, какая отличает служащих в армии не первый год. У железнодорожного переезда он бросил окурок, который, как перед этим и спичка, был тут же украдкой подобран Андреем.

Во всем облике лейтенанта, в его фигуре, лице, походке, поведении и обмундировании, не было ничего примечательного или необычного, как говорится, не на чем взгляд остановить; за годы войны Андрею приходилось видеть десятки, если не сотни таких юношей в военной форме.

Вслед за лейтенантом Андрей вышел на пристанционную площадь, где вдоль штакетника стояло несколько автомашин.

— Товарищ полковник,— послышалось совсем рядом,— разрешите...

Андрей обернулся и буквально в двух метрах от себя увидел стоящего навытяжку возле полуторки Таманцева и рядом с ним двух незнакомых усмехающихся офицеров — капитана и старшего лейтенанта, как догадался Андрей, прикомандированных.

— Виноват,— дурачился Таманцев.— Разрешите обратиться...

— Т-ты еще не уехал? — не обращая внимания на подначку, удивился Андрей и, жестом подозвав Таманцева, указал взглядом на идущего впереди, метрах в сорока, лейтенанта.

Таманцев посмотрел и сразу сделался серьезным.

— Где ты его достал?

— В п-парикмахерской.

— Молодчик!

Таманцев уже принял решение и, оборотясь, велел двум офицерам:

— Ждите меня!

Он и Андрей последовали за лейтенантом. Тот направился в конец станицы, где возле столовой продпункта, очевидно поджидая его, стоял круглолицый капитан.

— Вот и второй,— обрадованно сказал Таманцев и посмотрел на часы.— Без трех минут четыре... Надо полагать, они условились здесь встретиться...

* * *

Капитан и лейтенант обедали долго, около часа, по-видимому никуда не торопясь. Тем временем Таманцев и Андрей лежали на траве за низкорослым крапивником метрах в пятидесяти от столовой. В тени места, пригодного для наблюдения, поблизости не было, приходилось снова жариться на солнце.

Таманцев внимательно рассмотрел окурок, затем сравнил две обгорелые спички — брошенную лейтенантом и найденную в лесу на поляне,— они оказались разными.

— Все это фактики...— вздохнул он и, бережно завернув окурок и спички в старое письмо, уложил в плексигласовый портсигар и спрятал в карман.

— Топаешь целый день,— заметил он погодя,— и дела будто не делаешь, а устанешь как собака и проголодаешься. Ты ел чего?

— Нет.

— И я тоже.— Таманцев жадно потянул носом, ему все казалось, что от столовой доносится запах мясного борща.— Сейчас бы чего-нибудь кисленького...— мечтательно произнес он,— вроде жареного поросеночка!.. С хренком! И пивка бы пару бутылочек со льда...

Андрей угодил рукой в крапиву и, растирая ожженное место, осматривал небо.

— Ну и ж-жарынь... Как бы грозы не было.

— Грозой сыт не будешь... А они обедают,— кивая в сторону столовой, не унимался Таманцев.— Сегодня

там борщ мясной с помидорками и гуляшик с макаронами. Такой гуляшик — пальчики оближешь!

— А ты откуда з-знаешь?

— А я не знаю, я только так думаю... Да-а, пожрать не мешало бы! Как говорил товарищ Мечников, еда — самое интимное общение человека с окружающей средой. А уж он-то соображал...

Таманцев дважды со стороны кухни подходил к продпункту и заглядывал в уставленный длинными столами большой зал, но зайти внутрь не решился: кормили маршевый эшелон, в столовой, как и вообще на станции, было многолюдно, но офицеров — единицы. И рисковать — вести наблюдение в самом помещении — не стоило, тем более что круглолицый капитан и лейтенант сидели за столом одни.

Когда же, пообедав, они вышли из столовой, закурил только лейтенант; капитан, очевидно, был некурящим.

Медлительной походкой сытно пообедавших людей они направились в расположенный рядом агитпункт, где, сидя у открытого окна, минут пятнадцать читали газеты.

Оставив Андрея наблюдать, Таманцев зашел к своему знакомому, помощнику коменданта станции, который находился неподалеку, в здании блокпоста. Дождавшись, когда наблюдаемые вышли из агитпункта, Таманцев подозвал помощника коменданта к окну и показал ему офицеров. Тот сказал, что лейтенанта он наверняка видит впервые, капитана же вроде встречал на станции, но не ручается, так как, мол, ежедневно проезжают «тысячи офицеров» и всех не упомнишь.

— А зачем они тебе? — поинтересовался он.

— Хотел бы знать — кто они.

— Всего-то?! — хмыкнул помощник коменданта.— Сейчас приглашу их — и все узнаем.

— Нет, нет, это не годится...

29. НА СТАНЦИИ

На путях станции, где находилось семь воинских эшелонов с людьми и техникой, царило обычное для прифронтового железнодорожного узла шумное оживление.

Солдаты и сержанты кучками теснились меж составами, на перроне и окрест, гомонили, бегали с котелками и фляжками, таскали ведра и бачки с варевом, обедали,

щелкали семечки, плясали, играли в «жучка», мылись и даже стирали. Пронзительно крича, двигался маневровый паровозик; около вагонов, обстукивая молоточками колеса и хлопая крышками букс, проворно суетились перепачканные потные смазчики; слышалось мощное дыхание и гудки паровозов.

На платформах тесно, одна к другой, стояли прикрытые брезентами самоходные установки, затянутые маскировочными сетями длинноствольные пушки со следами еще заводской смазки, замаскированные ветками полевые кухни, легковые и специальные автомашины. Кое-где над эшелонами, как руки, прикрывающие от удара с воздуха, вытянулись стволы зенитных орудий.

На одной из платформ у тупорылой, угрюмого вида гаубицы возились рослые, мокрые от жары и напряжения артиллеристы. Молодцеватые казаки-гвардейцы с обязательными чубами, в фуражках, где-то на самом затылке лихо заломленных набекрень, и шароварах с красными лампасами прямо в теплушках, откуда несло крепким запахом навоза и лошадиного пота, чистили и обливали водой коней. За их работой из соседнего состава с выражением на лицах высокого достоинства, превосходства и явного пренебрежения молча наблюдали молоденькие морячки в форменках и тельняшках.

Бывалые солдаты с орденами, медалями, гвардейскими значками и нашивками за ранения на побелевших от солнца и стирки гимнастерках; молодые бойцы маршевых рот в новеньком, только со склада обмундировании, танкисты в надетых на голое тело замасленных комбинезонах, пехотные офицеры в полевых, с зелеными звездочками фуражках, морские лейтенанты в щегольских мичманках с золотистыми крабами, летчики в пилотках с голубым кантом и хромовых шлемофонах — кого здесь только не было!

Все это разнородное войско — видавшие всякие виды гвардейские подразделения, одетые с иголочки маршевые роты и офицерские команды, вся эта новенькая без царапинки техника — все двигалось к фронту, навстречу тяжелым и для многих последним боям...

Простираясь широкой полосой своих оперативных тылов к северу и юго-западу, фронт, по существу, начинался уже здесь, только пушки еще молчали, а действовали паровозы.

Но мысли о предстоящих боях и о смерти, должно быть, мало кого занимали. Со всех сторон слышались громкий разноголосый говор, веселые, а подчас соленые прибаутки, звуки гармошек и взрывы хохота. О противнике же было положено думать лишь тем, кто дежурил на платформах у зениток и счетверенных пулеметов, да еще летчикам-истребителям, что барражировали в знойном небе высоко над станцией.

Андрей не без волнения ожидал, что круглолицый капитан и лейтенант затеряются в толпе и будут толкаться меж составами, прислушиваясь к разговорам и присматриваясь. Однако этого не произошло.

Покинув агитпункт, они, не подходя к эшелонам, минут десять постояли на перроне, где в многолюдном, очень шумном кругу, распаленные азартными выкриками зрителей, обливаясь по́том, состязались в веселом переплясе двое: пожилой, кряжистый, с бочкообразной грудью старшина-артиллерист (несмотря на возраст, вся его тучная фигура дышала здоровьем и силой) и маленький круглоголовый пехотинец, этакий задорный живчик, крепыш лет восемнадцати, с новеньким орденом Ленина на гимнастерке.

Затесавшись в толпу увлеченных пляской зрителей, Таманцев и Андрей могли теперь вблизи хорошенько рассмотреть наблюдаемых.

У капитана было толстощекое, совершенно круглое, с утиным носом и мелкими щербинками бабье лицо, некрасивое, но очень доброе. За мочкой правого уха темнела родинка величиной с горошину. Большими зеленоватыми глазами он увлеченно следил за плясавшими и улыбался. Над правым карманом его гимнастерки желтела нашивка за ранение, над левым — виднелась планка с ленточками ордена Красной Звезды и двух медалей.

Лейтенант не сводил глаз с плясавшего и от души смеялся, показывая рот, полный ровных белых зубов. В его юношеском, мягкого очерка лице было что-то нежное, девичье, и Таманцеву он вдруг напомнил светловолосую артистку, певшую партию пастушка в единственной слышанной Таманцевым опере.

На обоих офицерах было не новое, но чистое обмундирование, свежие подворотнички, а на ногах — форменные, массового пошива яловые сапоги, отпечатки кото-

рых, как еще вчера определил Таманцев, несомненно, не имели сходства со следами, обнаруженными у родника.

Если Андрей разглядывал офицеров главным образом с любопытством, то Таманцев сосредоточенно работал: на всякий случай составлял мысленно и запоминал словесные портреты обоих — занятие сложное, требующее острого глаза, опыта и наблюдательности.

По перрону пробегали два молоденьких лейтенанта — рыжеволосый, коренастый, с забинтованной рукой на перевязи и тонкий, сутуловатый, с пачкой газет под мышкой. Увидав Андрея, стоявшего позади круга зрителей, они бросились к нему.

— Блинов, ты?! Вот это встреча!.. Здорово! — вперебивку закричали они, пожимая Андрею руку и хлопая его по плечу.— Ты где?

— З-здесь...— смущенно промолвил Андрей.

— Смотри!.. Мы-то думали, ты там...— указал рукой на запад рыжеволосый, и оба продолжали: — Говорили, ты после госпиталя в разведку попал... за линию фронта... А ты по тылам кантуешься...

— А вы к-как, р-ребята? — попытался перевести разговор Андрей.

— Два месяца в боях... Видишь, по ордену прибавилось... До Восточной Пруссии дошли...— тараторили лейтенанты.— А ты свои чего не носишь?.. Три благодарности от Верховного...

— Как там, в б-батальоне? Васек К-косолапов, Терпячий, Скоков?

— Васек убит, а Терпячий в госпитале... И комбат убит, и замполит... Еще под Минском... Прямое попадание в капэ...— перебивая друг друга, восклицали лейтенанты.— Наумов на амбразуру лег — посмертно Героя дали... И ротный твой погиб, и Фельдман... А Басову ноги оторвало... И меня тоже хватило.— Рыжеволосый приподнял перебинтованную руку и радостно сообщил: — Гангрена начиналась, чуть не оттяпали!.. Старого состава человек сорок, остальные из пополнения... Нас под Варшаву перебрасывают... Идем — посмотришь!.. Наш эшелон на втором пути... Скоро отправляемся...

— На втором п-пути... Сейчас, ребята...

— Идем! — Рыжеволосый ухватил Андрея за руку.

— Сейчас, р-ребята... Одну минуту... Сейчас п-приду...

С тоской смотрел Блинов вслед убегавшим офицерам; он чувствовал, как слезы навертываются на глаза.

— Ты что, Андрюша? — подошел к нему Таманцев.

— Ничего,— дрогнувшим голосом сказал Андрей.— Мой п-полк...

— Я понял...

— Под Варшаву едут... В-васек убит... и ротный, и к-комбат...— Андрей отвернул лицо: слеза все же выползла и заскользила по щеке.— А я... ищи и с-собирай окурки... Не хочу! — обиженно произнес Андрей.— П-подозреваемые, проверяемые — сам черт ногу сломит... П-пропади они в-все п-пропадом!

— Милый, да если окурок нужен для дела, за него полжизни отдать не жалко! — заверил Таманцев, поспешно соображая, как разрядить ситуацию, и вмиг настраиваясь «бутафорить»[1].

— В п-полку я ч-человеком был... Лучшим взводом к-командовал! А з-здесь иждивенец ваш... и п-пользы от меня...

— Некачественно ты ко мне относишься! — сделав обиженное лицо и раздувая ноздри, заявил Таманцев.— И к Паше тоже!

— П-почему некачественно? — запротестовал Блинов.

— Потому!.. Если ты серьезно считаешь, что от нас здесь меньше пользы, чем на передовой, то... извини... Это настолько оскорбительно — нет слов!

С обиженным видом и не без возмущения Таманцев развел руками и, чувствуя, что теперь надо смягчать, примиряюще продолжал:

— Ты эти завиральные мысли брось... Какой же ты иждивенец?.. А кто на этих двух наткнулся?.. Кто лейтенанта нашел?.. А след у родника?! Дурашка, да мысленно я тебе аплодирую!

— Т-толку-то что?

— Толк будет! Как говорил товарищ Христос: ищите и обрящете!.. Ты пойми...— Таманцев неожиданно обнял

---

[1] Бутафорить — играть, изображать что-нибудь с какой-либо целью.

Андрея и быстро доверительно зашептал: — Я обучу тебя стрельбе по-македонски, силовому задержанию... поднаберешься опыта, оперативная хватка появится — да тебе же цены не будет!.. Мы с Пашей сделаем из тебя настоящего чистильщика!.. Волкодава!..[1] Да ты любого парша[2] голыми руками брать сможешь!..

Пляска оборвалась внезапно. На путях у эшелонов призывно заиграл горн, зазвучала повторяемая громкими голосами команда: «По ваго-нам!.. По ва-го-онам!..» Многие оборачивались, высматривая, какой эшелон отправляется; гармошка умолкла.

Маленький пехотинец, бросив плясать, с досадой сплюнул и, переводя дыхание и утирая платком мокрое лицо, вытянулся, став на цыпочки, чтобы разглядеть; ему крикнули из толпы, и, махнув гармонисту рукой, он, одергивая гимнастерку, подошел к старшине-артиллеристу и, энергично пожимая ему руку, ломающимся баском, улыбаясь, но с огорчением громко сказал:

— Ну... бывай! Свидимся — допляшем!..

И вслед за гармонистом пошел из круга.

Зрители неохотно расходились. Круглолицый капитан и лейтенант, словно что-то вдруг вспомнив, заторопились и, покинув перрон, направились в город.

В их поведении не было ничего подозрительного или даже примечательного. Если на станции они не прислушивались к разговорам, не присматривались и не проявляли интереса к воинским эшелонам, то теперь они шли, разговаривая между собой, и ни разу не оглянулись.

Тем не менее Таманцев, как всегда, действовал с большой осторожностью; он следовал за офицерами на предельно дальней дистанции, Андрей шел, отстав от него еще на полсотни метров.

Двигаясь таким образом, они оставили вправо развалины древней крепости, миновали костел и вышли к восточной окраине города. Здесь, не доходя речушки, на тихой, совсем деревенской улочке офицеры, приблизясь

---

[1] Волкодав — розыскник, способный брать живьем сильного, хорошо вооруженного и оказывающего активное сопротивление противника.

[2] Парш — агент-парашютист; более распространенно: сильный; способный оказать серьезное сопротивление противник.

к одному палисаднику, открыли калитку, зайдя, заперли ее и прошли в дом, причем сделали все это привычно: по-видимому, они здесь жили или не раз бывали.

Знаком руки Таманцев подозвал Андрея.

— Слава богу, кажется, причалили,— с облегчением сказал он.— Ближе подходить нельзя. И здесь оставаться тоже.

Сворачивая направо, он поспешно зашарил взглядом и, высмотрев укрытие, подходящее для наблюдения, повел глазами влево:

— Тебе придется обойти... за речку, вон в те кусты. Я объясню капитану, как тебя найти. Давай!..

30. ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Срочно!

Егорову, Полякову

По данным НКГБ СССР, на территории Южной Литвы и Западной Белоруссии действует подпольная организация польского эмигрантского правительства в Лондоне «Делегатура Жонду», имеющая одной из основных задач ведение оперативной разведки в тылах Красной Армии и на фронтовых коммуникациях. Для передачи сведений «Делегатура» располагает коротковолновыми радиопередатчиками и сложными цифровыми шифрами.

Одним из руководителей этой организации является находящийся ныне на нелегальном положении в районе г. Вильнюса Мариан Квапинский 1906 или 1908 г. р., урож г. Белосток, в прошлом офицер польской армии, по образованию адвокат, сын владельца крупной нотариальной конторы в Кракове.

Содержание перехваченной 13.08.44 г. шифрограммы рации с позывными КАО соответствует информации, весьма интересующей лондонский и варшавский центры. Вполне допустима принадлежность разыскиваемого передатчика к «Делегатуре», не исключено, что Мариан Квапинский и есть «нотариус», упоминаемый в тексте перехвата.

Устинов».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Срочно!

Егорову

Управлением Контрразведки 1-го Прибалтийского фронта 2 августа с/г арестованы немецкие агенты-парашютисты Антанас Гогелис и Владас Жельнис, окончившие разведывательно-диверсионную школу, дислоцированную в 14 километрах от города Быдгощ (Бромберг), в имении Вальден.

Органами контрразведки того же Управления 11 августа захвачена еще одна группа агентов в составе Люкайтиса, Сенкявичюса, Яцунскаса, которые окончили ту же самую школу.

Обеим группам, переброшенным в тыл фронта под видом офицеров Красной Армии с заданием оперативной разведки было предложено:

а) связаться с действующими бандами литовско-немецких националистов, так называемой ЛЛА, для получения от них шпионской информации;

б) с целью сбора сведений о передвижениях наших войск вести визуальное наблюдение на коммуникациях Прибалтийских и Белорусских фронтов, совершать челночные железнодорожные маршруты, в частности на линиях Даугавпилс — Белосток (через Вильнюс, Гродно) и Вильнюс — Брест (через Лиду и Барановичи или Волковыск).

Согласно показаниям арестованных, в вальденской разведшколе создано специальное отделение, где обучаются лица литовской национальности, в основном скомпрометированные пособничеством оккупантам, как правило, свободно владеющие русским языком.

Сведения, содержащиеся в перехваченной 13.08.44 г. шифрограмме рации с позывными КАО, соответствуют заданиям, полученным группами А. Гогелиса и В. Люкайтиса. Вполне возможно, что разыскиваемый Вами передатчик используется одной из групп агентов, окончивших литовское отделение вальденской разведшколы и переброшенных в тылы фронта.

Ваши соображения по поводу этой версии сообщите.

Управлению Контрразведки 1-го Прибалтийского фронта даны указания немедленно подробно информировать Вас обо всех имеющихся у них материалах по

вальденской разведшколе противника, а также передать Вам в случае необходимости опознавателя из числа арестованных ими агентов.

Колыбанов»

31. ПРИ ЧЕМ ТУТ ЮЛИЯ!

Таманцев с двумя офицерами должен был приехать еще полтора-два часа тому назад. Ожидая их в условленном месте, у мостика через крохотную речушку, Алехин лежал близ обочины мощенной булыжником пустынной дороги на успевшей остыть земле, размышлял о деле и терялся в догадках, почему они так задерживаются.

Еще не стемнело, но от низких сумрачных туч повечерело раньше времени.

Звук мотора полуторки он заслышал издалека и погодя, когда шум приблизился, вышел на дорогу.

Как только машина остановилась, Таманцев и за ним двое прикомандированных выпрыгнули из кузова.

— Капитан Фомченко,— представился плечистый, с головой, обожженной справа от виска до затылка.

— Старший лейтенант Лужнов,— вытянулся перед Алехиным высокий, помоложе.

Как и Таманцев, они были без головных уборов, в плащ-палатках, с автоматами ППШ и вещмешками в руках; только Таманцев дополнительно захватил еще «шмайссер»[1].

Обоих прикомандированных Алехин наверняка видел в отделе контрразведки авиакорпуса. Он даже припомнил, что у капитана на одной из медалей вмятина от пули или осколка.

— Развернись и стань сюда,— указывая в кусты на отходящую перпендикулярно неторную дорогу, велел он Хижняку и позвал офицеров: — Идемте.

Широкой травянистой тропой, обжатой с обеих сторон кустарником, они направились к темнеющему вдали лесу — Алехин и Таманцев впереди, Фомченко и Лужнов за ними.

— Что так долго? — справился Алехин у Таманцева.

— Можете проколоть себе дырочку для ордена,— небрежно сообщил Таманцев.— Мы нашли этих — капитана и лейтенанта.

---

[1] Немецкий автомат.

— Кто это? — заинтригованный упоминанием об ордене, поинтересовался Фомченко.

— Подозреваемые,— пояснил Алехин,— точнее даже — проверяемые... Где они?

— Зашли в дом шесть на улице Вызволенья. Судя по всему, они там уже бывали. Блинов наблюдает за ними. По данным комендатуры, фамилия капитана — Николаев, лейтенанта — Сенцов. Прибыли из воинской части тридцать один пятьсот восемнадцать... Цель командировки указана стандартно: выполнение задания командования

— Блинову там не управиться,— вздохнул Алехин.— Тридцать один пятьсот восемнадцать — это что за часть?

— Второго Белорусского фронта. Я сделал запрос. Подполковника не было, потому и задержался.

— Если они действительно из этой части... другого фронта, что же они лазят у нас по хуторам? Странно... Твои соображения?

— Ничего примечательного. Держатся спокойно, непринужденно... По виду в армии не новички... Их надо понаблюдать,— заключил Таманцев.— Вы же сами говорите — проверяемые. Возможно, этим и ограничится... К утру будет ответ.

— Ну уж к утру.

— Будет,— заверил Таманцев.— Я сам звонил по вэчэ в Управление Второго Белорусского. И передал с литером «Весьма срочно»... За подписью генерала.

— Плачет по тебе гауптвахта,— покачал головой Алехин.— Кончится война, посадить на полгодика — вполне по заслугам!

— Уж я бы там отоспался. И ряшку бы наел — во! — Таманцев развел руками.— Есть элементы авантюризма,— со вздохом признал он,— но исключительно для пользы дела.

— Там гроза...— оборачиваясь в сторону Лиды, помолчав, проговорил Алехин.

— Уж это точно!... Веселенькая ночка вам предстоит...

Таманцев осмотрел темное небо, потом лес впереди — выглядело все вокруг мрачно, диковато — и заметил:

— Прекрасное место для отдыха. В каком отеле для нас приготовлены номера?

Алехин, будто не слыша, молчал.

— Распорядитесь доставить туда багаж,— не унимался Таманцев,— массажистку и педикюрных операторов.

— Ожидают тебя с нетерпением,— принимая тон Таманцева, сказал Алехин.

— Очень мило... А каков приказ Родины?

— Взять Казимира Павловского и тех, кто с ним,— вполне серьезно сказал Алехин.

— Кто это — Павловский? — спросил Фомченко; он, видно, был любознателен и, во всяком случае, хотел быть в курсе дела; а Лужнов молчал.

— Агент германской разведки,— оборачиваясь, сказал Алехин.

— Милейший парень,— добавил Таманцев.— Девять успешных перебросок и четыре железки от немцев... Особо опасен при задержании. Как-то под настроение ухлопал трех лопухов из комендатуры.

— Понятно,— несколько озадаченно проговорил Фомченко.

— Ну уж — лопухов,— не согласился Алехин.— Офицера и двух патрулей. С ним надо ухо держать востро. Я ознакомлю вас с ориентировкой и фотографиями,— пообещал он.

— Нам сказали...— наконец произнес Лужнов,— здесь полно банд. Правда?

— Говорят, убивают,— Таманцев пожал плечами,— но мы не видели.

Лужнов держал автомат наизготове, время от времени утыкаясь стволом в спину Таманцеву.

— Поставьте на предохранитель,— посоветовал ему Алехин и улыбнулся.— Вы летчик?

— Летчик,— покраснев, подтвердил Лужнов и сдвинул шишечку.

— Восемьдесят семь боевых вылетов,— сказал за него Фомченко.— Комиссован после ранения. Как и я, грешный...

«Вот так... Восемьдесят семь боевых вылетов, а автомата, возможно, в руках не держал. Летчики... Ладно, скажи спасибо, что этих дали».

Они вышли к всполью и все четверо встали за кустами. На поле, метрах в двухстах от них, виднелся добротный дом с мансардой, левее — две бедноватые хаты, за ними зловеще чернел лес.

— Это дом Павловских,— показал Алехин.

— Он заколочен,— заметил Таманцев.

— Да... Сам хозяин, Павловский-старший, арестован как фольксдойче... сидит в Лиде,— объяснил Алехин Фомченко и Лужнову.— В меньшей хате,— Алехин указал рукой,— проживает Юлия Антонюк.

— А это кто? — нетерпеливо осведомился Таманцев.

— Сирота... Она с детства в услужении у Павловских; то ли батрачка, то ли служанка — не поймешь. Имеет дочку полутора лет.

— От кого? — спросил Таманцев.

— Поговаривают, что от немца, но я думаю иначе... Эта Юлия — родная сестра жены Свирида. Кстати, вон его хата...

— А кто это — Свирид? — вступился Фомченко.

— Приятель капитана,— с иронией заметил Таманцев. - Он и подарил нам Павловского.

— Вот именно...— улыбнулся Алехин и пояснил Фомченко: — Обездоленный человек, горбун.

— А тетка?— озабоченно спросил Таманцев.— У Казимира тут где-то есть родная тетка.

— Не здесь, а в Каменке.. Я отдаю предпочтение Юлии. На две засады у нас просто нет сил.

-- Нам-то все равно, где блох кормить — там или тут.— Таманцев сплюнул.— Только просветите. Не дайте помереть дурой! При чем тут Юлия? Почему Павловский должен появиться здесь?..

32. АЛЕХИН

Трудно было допустить, что, попав в эти места после многих месяцев отсутствия, Павловский не попытается встретиться с кем-либо из родных или близких ему людей. Но с кем?

Отец, которого он, по словам крестьян, уважал и любил, находился в тюрьме, дом стоял заколоченный, и со стороны издалека было видно, что там никто не живет. Следовало предполагать, что Павловский через кого-нибудь (скорей всего через свою родную тетку Софию Басияда) постарается узнать о судьбе отца.

Как я выяснил, Басияда, истовая католичка, без симпатии относилась к немцам, запрещавшим религиозные службы на польском языке и жестоко притеснявшим не

только рядовых верующих, но и «наместников божьих»— ксендзов. Фактом было, что она, наполовину немка, не подписала фольксЛист, как это сделали ее брат и племянник, хотя в тяжелых условиях оккупации германское гражданство давало немалые блага. Своего единственного брата она любила, с племянником же отношения у нее, как я понял, были не лучшие.

Обдумывая все, что мне удалось узнать о Павловских, Свиридах, о их родственниках, я из двух вариантов — София Басияда и Юлия Антонюк — постепенно склонился ко второму.

Дело в том, что у меня еще раньше возникло предположение, что дочка у Юлии Антонюк от Казимира Павловского.

Эта догадка появилась у меня, когда, узнав, кто такая Юлия, я обдумывал текст записки, извлеченной из пирога в отделе госбезопасности. Зачем сидящему в тюрьме отнюдь не сентиментальному пожилому человеку в коротком тайном послании сообщать, что девочка его батрачки здорова?

Мысль эта получила некоторое подтверждение, когда на одной из двух фотографий Павловского, принесенных Свиридом, я не без труда разобрал стертую кем-то надпись: «Самой дорогой от Казика». И ниже: «1943 год».

Кто мог быть для Павловского-младшего «самой дорогой» в доме Свирида? Как попала туда эта карточка?.. Естественным было предположение, что фотография подарена Казимиром Юлии. И что полтора месяца назад после спешного отъезда Юлии карточка вместе с другими ее вещами попала в дом к Свириду.

Кто же и когда стер надпись?.. Возможно, Юлия — перед приходом наших войск,— а может, и Свирид. Примечательно, что, когда я потребовал принести фото Павловского, он отправился к хате, зашел туда и тут же полез в погреб — несомненно, там и были спрятаны карточки.

Дорого бы я дал, чтобы узнать истину о взаимоотношениях Павловского и Юлии, чтобы знать доподлинно, кто отец девочки.

Кстати, Эльзой, именем в этих местах весьма редким, звали, как мне запомнилось по следственному делу, мать Юзефа Павловского — бабушку Казимира.

Мое предположение об отцовстве Павловского-млад-

шего представлялось вполне вероятным, но не более. Чтобы как-то проверить его, я до приезда Таманцева попытался установить дату рождения девочки.

Она была зарегистрирована у каменского старосты как родившаяся 30 декабря 1942 года. В графе «Отец», естественно, красовался прочерк, свидетельницей при записи значилась Бронислава Свирид.

Эта дата, к сожалению, не подтверждала мою догадку, наоборот. Так случается частенько: фактов нет, одни предположения, доказать или опровергнуть их практически невозможно, а надо тотчас принять решение. И ошибиться нельзя, а посоветоваться — для уверенности — не с кем.

Был у меня, правда, еще небольшой довод против варианта с Зофией Басияда: Павловский переброшен, очевидно, в конце июля или в начале августа и за это время повидаться с теткой мог бы уже не раз. Юлия же появилась здесь всего два дня назад.

Я вовсе не тешил себя иллюзией, что Павловского привели сюда только родственные чувства. Тут наверняка был случай невольного сочетания личного с нужным для дела, необходимым.

Шиловичский лесной массив, безусловно, превосходное место и для выхода агентурного передатчика в эфир, и для устройства тайника, где эту рацию можно прятать, и для скрытной приемки грузов с самолета. Павловский же хорошо знал этот район, знал до тропинки лес, все подъезды и подступы; действовать здесь ему, естественно, было легче, удобнее, чем в другой, незнакомой местности. А нам следовало иметь в виду одно немаловажное для его поимки обстоятельство: человек он опытный и появляться здесь может только украдкой, с наступлением сумерек, преимущественно в ночное время.

Таманцев, выслушав мои соображения относительно выбора объекта для наблюдения, задал несколько вопросов, а когда в заключение я поинтересовался его мнением, неопределенно хмыкнул:

— Занятно!..

Это, как я расшифровал, означало: «Ваши предположения я не разделяю и могу камня на камне от них не оставить. Но спорить не буду и слова не скажу, чтобы не размагничивать этих двух — Фомченко и Лужнова...»

Его отношение я определил правильно — прощаясь со

мной в кустах близ дома Павловских, он сказал то, что обычно говорил в подобных, сомнительных для него, ситуациях, когда не верил в успех:

— Что ж, наше дело маленькое...

И словно желая меня успокоить, напоследок добавил:

— Придут — не уйдут.

Мыслями я уже был в Лиде. Павловский, безусловно, тоже «наш хлеб», и постараться взять его — наша прямая обязанность. Однако никаких данных о его причастности к работе разыскиваемого нами передатчика у нас не было, а рация с позывными КАО оставалась основным заданием группы, основной целью наших усилий, и я ни на минуту не забывал об этом.

33. ИХ НАДО ПОНАБЛЮДАТЬ...

Предгрозовая полутьма становилась все более душной и тяжелой. Жители поспешили укрыться по домам. Улица была пустынна и тиха, и весь город словно замер в ожидании.

Светомаскировка соблюдалась тщательно — ни огонька, ни тусклой полоски света. Сумерки сгустились настолько, что, кроме темных силуэтов домов, разглядеть что-либо на расстоянии было уже почти невозможно. Андрей перебрался через мостик, прополз по-пластунски за кустами и залег метрах в двадцати напротив калитки.

Вскоре, после того как он занял это весьма удобное для наблюдения место, из дома кто-то вышел и ходил за штакетником в палисаде; как ни старался Андрей, но рассмотреть, кто это был, не смог.

Потом со стороны дома появился большущий кот; бесшумно ступая, он подошел прямо к кустам, где лежал юноша, и зелеными, зловеще блестевшими в темноте глазами с минуту разглядывал незнакомого человека, затем быстро вернулся к дому. «Разведал, сейчас все доложит,— весело подумал Андрей.— Слава богу, что не собака!»

Прошумел в листьях свежий ветерок, пронесся и затих. Спустя минуты первые капли дождя, редкие и тяжелые, как горошины, зашлепали по траве, по листьям, застучали по плащ-накидке. Молния огненным зигзагом сверкнула невдалеке, и гроза началась.

Андрей завернулся в плащ-накидку, но она была коротка. и ноги ниже колен скоро промокли.

Гроза разыгрывалась не на шутку.

Раздирая темную громаду неба, молнии на мгновение озаряли окрест, и снова все погружалось во мрак, и гром внушительно встряхивал землю.

Дождь полил сплошной стеной, словно на небе у какого-то колоссального сосуда отвалилось дно и потоки воды низверглись на землю.

Плащ-накидка пропиталась насквозь, затем постепенно намокло все, что было на Андрее: и гимнастерка, и брюки, и пилотка, даже в сапоги непонятно как набралась вода. От дневной жары не осталось и следа, холодная мглистая сырость плотно охватывала тело. Зубы у Андрея выбивали частую дробь, да и весь он дрожал.

«Нужно в любых условиях ничего не упустить и себя не расшифровать»,— наставлял самого себя Андрей; на память ему пришел случай с Таманцевым в Смоленске.

Зимой, после освобождения города, за одним из домов было установлено наблюдение: по агентурным данным, в нем находилась явочная квартира германской разведки. Таманцев, придя на смену, определил, что наиболее удобное место для наблюдения — старая, заброшенная уборная посреди двора. Еще до рассвета он залез внутрь, и напарник запер его, заложив дверь доской — так было прежде.

Мороз был около двадцати градусов. Когда же Таманцев попытался греться, переступая с ноги на ногу, то оказалось, что ветхое сооружение от малейшего движения скрипит и шатается — того и гляди развалится. По двору же беспрестанно ходили.

Чтобы не обнаружить себя, Таманцев вынужден был простоять не шевелясь свыше десяти часов. Сведения о явочной квартире не подтвердились, и вспоминал он об этом приключении с улыбкой, хотя кончилось оно для него весьма печально: он так поморозил ноги, что месяца два провалялся в госпитале, где ему чуть было не ампутировали стопу.

Меж тем гроза на какое-то время утихла, чтобы вскоре разразиться с еще большим ожесточением. Злостно нарушая маскировку, молнии блистали одна за другой, и где-то совсем над головой оглушающе гремело и грохотало.

Казалось, разгулу стихии не будет конца. Однако в десятом часу ливень затих так же внезапно, как и начался. Гроза переместилась немного южнее, впрочем, на небе не было ни единой звездочки, и тихий обложной дождик не переставал. Отдаленные молнии полыхали чуть реже, каждый раз выхватывая на мгновенье из мрака темные от дождя домики и палисады.

При одной из вспышек Андрей увидел бредущую под дождем фигуру в плащ-накидке, и уже когда снова все погрузилось в темноту, сообразил, что это Алехин — приехал и ищет его.

Надо было как-то дать о себе знать. Условные сигналы для леса Андрей помнил, но как это сделать сейчас, в городе, не представлял. Лишь минут через десять капитан, искавший его в темноте чуть ли не ощупью, приблизился настолько, что Андрей решился и тихонько окликнул его.

— Ну как, они в доме? — прежде всего осведомился Алехин.

— Д-да...— силясь не стучать зубами, проговорил Андрей.— Никто не выходил.

— Порядок... Тогда порядок,— облегченно сказал Алехин, запахиваясь в плащ-накидку, и улегся на мокрую землю рядом с Андреем.

Светящиеся зеленые стрелки показывали без четверти десять. «Неужто до утра придется валяться здесь в грязи, дрожа от холода и сырости?» — сомнение в необходимости наблюдения за домом ночью одолевало Андрея.

Время тянулось нестерпимо медленно; Андрею показалось, что часы остановились,— он поднес их к уху, услышал ровное тиканье и снова всмотрелся в темноту. «Вот гадство,— невесело подумал он.— Они себе спят спокойненько, а ты — мерзни!»

Алехин недвижимо лежал в метре от него по ту сторону куста. При вспышках молнии был виден профиль его скуластого, прикрытого до самых глаз капюшоном лица.

Наконец Андрею стало невмоготу, и дрожащим от холода голосом он нерешительно позвал:

— Т-товарищ к-капитан.

Алехин шевельнулся и шепотом спросил:

— Чего?

— Вы д-думаете, к-кто-нибудь выйдет?

— Думаю, надо продолжать наблюдение,— сказал капитан, и Андрей пожалел, что задал этот вопрос.

— Но до утра х-хождение з-запрещено,— попытался как-то аргументировать он.

— Ты вчера ходил, тебя кто-нибудь задерживал?.. А в дождь тем более... Ты погрейся,— предложил капитан.— Только без шума! И не подымайся...

Андрей, подумав, перевалился на спину и заелозил на плащ-накидке, быстро и с усилием двигая руками и ногами; но согреться ему не пришлось.

— Тихо! — Алехин схватил его за плечо

Свет желтой неяркой полосой вырвался от дома и тут же погас. Сквозь реденькую пелену дождя капитан в какой-то миг успел заметить в дверном просвете фигуры двух человек — кто-то вышел из дома.

Алехин сжал Андрею руку Но напрасно они напряженно вглядывались в темноту: в трех шагах ничего не было видно. Сквозь тихий мерный шум дождя чуть слышались шаги и совсем невнятно — разговор вполголоса: кто-то шел от дома к калитке. Алехин до боли сжимал руку Андрея; шаги приближались.

— Успеете. До поезда почти час,— послышался негромко, но явственно мужской голос.

— Може, на товарнем пояду,— с сильным польским акцентом отвечал другой.

Заскрипела калитка.

— Счастливо доехать.

— Довидзенья!

Спустя мгновения зарница медленным отблеском осветила за штакетником темную фигуру, возвращавшуюся к дому и вышедшего из калитки. Это был низкий толстый человек в брезентовом плаще и черной фуражке; он шел ощупывая дорогу палкой, воротник плаща был поднят.

— Иди за ним,— быстро зашептал Алехин в ухо Андрею.— До станции его не трогай. А когда сядет в поезд, нужно проверить у него документы. Сбегай к коменданту и от моего имени попроси проверить... Только весь вагон, а не у него одного, понимаешь?.. В любом случае надо установить его личность! Под благовидным предлогом и без шума. Он, видно, поляк и вроде железнодорожник... Будь осторожен! Иди!

Андрей поднялся и, оставив плащ-накидку Алехину, осторожно двинулся вслед за неизвестным. Он шел вслепую, дрожа от холода; мокрые шаровары и гимнастерка плотно облегали тело, в набухших сапогах хлюпала вода. При каждой вспышке молнии он, поспешно пригибаясь, чуть ли не ложился на землю и видел, что человек в плаще не оборачиваясь идет шагах в пятидесяти впереди.

Андрей слышал, как он, очевидно упав или споткнувшись, крепко выругался по-польски; потом юноше стало казаться, что звук шагов делается все тише, удаляется...

Андрей ускорил шаг и в тот же миг оскользнулся; пытаясь удержать равновесие, взмахнув руками, дернулся всем телом и полетел в канаву. Он больно ударился правой скулой и бровью; жидкая холодная грязь залепила лицо. Проклиная мысленно эту ночь и ненастье, отплевываясь, он ощупью отыскал лужу, обмыл лицо и утерся рукавом.

Дождь почти перестал, где-то впереди прогудел паровоз, и все. Никаких шагов не было слышно.

Андрей несколько мгновений постоял, вслушиваясь, и в сильном волнении бросился вперед.

На небе в тучах обозначился просвет, теперь можно было различить темные силуэты домиков по обеим сторонам. Вдруг впереди и несколько вправо отчетливо послышались шуршащие шаги. «Свернул!» — сообразил Андрей и, дойдя до угла, пошел вправо, в ту сторону, откуда доносились шаги. Так он двигался минут пять, стараясь ступать нешумно и, чтобы сохранять дистанцию, дважды останавливаясь и вслушиваясь, как хрустит песок под ногами идущего впереди.

Сверкнула молния, и — о ужас! — Андрей увидел статную фигуру в шинели; он бросился догонять.

— Как на с-станцию п-пройти? — крикнул Андрей.

— Прямо,— раздался совсем близко, и что было совершенной неожиданностью, звонкий девичий голос. «Женщина!»

— К-кто вы? — выговорил Андрей и, так как она не ответила, спросил: — П-почему х-ходите ночью?

— А вы почему?

— Нужно! Я офицер.

— А я старшина! — Она зажгла фонарик и осветила Андрея; в правой руке у нее он разглядел пистолет.

— Ну и вид же у вас! — ахнула она.— Идите вперед!

— Куда в-вперед?

— Я не терплю ночью незнакомых за спиной. Вперед! И быстрее,— сказала она повелительно,— я опаздываю на поезд!..

34. ГВАРДИИ ЛЕЙТЕНАНТ БЛИНОВ

На станции находилось несколько эшелонов и всего один пассажирский состав Минск—Гродно.

Неизвестный мог попытаться уехать и с эшелоном, но Андрей решил сначала осмотреть гродненский поезд: к составу уже подавали паровоз. У кубовой Андрей подставил голову под кран, обмыл гимнастерку, брюки и сапоги и приступил к делу.

Света в вагонах не было. На счастье Андрея, луна выплыла из-за туч, и можно было разглядеть не только фигуры людей, но и некоторые лица. Почти все полки были заняты, в общем же пассажиров было немного: спали даже на нижних местах.

«В любом случае установите его личность! В любом случае!»— твердил сам себе Андрей, проходя по вагону и с лихорадочной поспешностью оглядывая пассажиров. Он начал с хвоста, просмотрев одиннадцатый и десятый вагоны, перешел в девятый и... чуть не наткнулся на человека в плаще.

Тот стоял во втором купе вполоборота к проходу; отраженный свет луны освещал его; Андрей, не останавливаясь. прошел дальше, успев, однако, заметить скрещенные молоточки на черной железнодорожной фуражке, приподнятый воротник плаща и даже разглядел крупное мясистое лицо неизвестного. Палки в руках у него уже не было, и по его позе Андрей понял, что он решил расположиться в этом купе на средней свободной полке.

«Он! — радостно билось сердце Андрея.— Это он! Теперь установить личность! Вагон номер девять». Андрей глянул на часы: до отхода поезда оставалось одиннадцать минут.

Комендант станции помещался в небольшом бараке возле блокпоста на путях. Это был пожилой смуглолицый, с седыми висками и шрамом на щеке капитан — Андрей его уже раза два видел. Теперь он, склонясь над массивным письменным столом, при свете лампы-молнии заносил какие-то сведения из блокнота на ог-

ромную, вполстола, таблицу Слева на грязном, неопределенного цвета диване сидя, низко свесив голову и негромко всхрапывая, спал старший лейтенант — судя по красной фуражке, офицер комендатуры.

— Т-товарищ капитан,— приложив руку к пилотке, обратился Андрей,— разрешите...

— Подождите,— недовольно оборвал комендант, у него что-то не ладилось, он в волнении листал блокнот и поерзывал на стуле.— Вы можете подождать,— с раздражением не то спросил, не то приказал он.

Андрей некоторое время стоял в нерешимости; одернув прилипшую к телу гимнастерку, потрогал пальцем распухшее подглазье и бровь, затем взглянул на часы: до отхода поезда оставалось пять минут.

— Я не могу ж-ждать! — неожиданно для самого себя громко объявил Андрей.

— Что-о? — удивленно вскинул голову комендант и посмотрел на Андрея.— Что вам надо?

Выложив на стол намокшее удостоверение, Андрей торопливо и сбивчиво изложил суть дела, дважды упомянув фамилию Алехина.

— Только девятый? — переспросил комендант.— Никитин! — позвал он; спавший на диване офицер и не шевельнулся.

— Никитин! — заорал комендант.— Вот черт! Да разбудите же его!

Старший лейтенант тяжело поднял голову и, протирая глаза и щурясь, сонно разглядывал Андрея. Он был низкоросл и молод, на вид лет двадцати трех, не более.

— Никитин,— приказал комендант.— Возьмешь двух патрулей, проверите в гродненском девятый вагон. Там едет один тип, надо узнать, кто он... Понимаешь?.. Осторожненько! Вот лейтенант объяснит. Проверяете с двух концов весь вагон.— Комендант посмотрел на часы.— Сейчас дадут отправление — спешите! В крайнем случае задержишь минут на пять, но не больше!

— Вы откуда? — выходя за Андреем из кабинета, громко зевая и подтягивая штаны, спросил Никитин.— Из контрразведки... Все в шпионов играете,— понимающе усмехнулся он, окидывая взглядом мокрое обмундирование юноши.— И какого шута вам не спится?! — с чувством подосадовал он.

С двумя сержантами-патрулями они вышли из бара-

ка. Мимо по третьему от них пути, набирая скорость, катились вагоны пассажирского поезда.

— Тю-тю! Поехали,— присвистнул Никитин, останавливаясь, и, указывая рукой, будто обрадованно сообщил: — Вот он, гродненский!

— 3-за мной! — крикнул Андрей, подбегая к составу. Он на ходу вскочил на подножку и, толчком распахнув дверь, поднялся в тамбур; оттолкнув женщину в платке, которая с перепугу кинулась в вагон, он нащупал в темноте ручку стоп-крана и рванул ее книзу.

Поезд резко затормозил.

В вагоне что-то упало. послышались тревожные возгласы, неистово закричал ребенок. Но Андрей ничего не слышал; спрыгнув на землю, он бежал к девятому вагону.

Пока Никитин объяснялся с подоспевшим начальником поезда, Андрей заглянул в вагон. Железнодорожник сидел в том же купе; теперь он был без плаща и без фуражки. Андрей решил на всякий случай не лезть ему на глаза и, договорившись с Никитиным, начал проверку с другого конца вагона.

Пассажиры в основном были гражданские. Все были разбужены резкой остановкой поезда и судачили по этому поводу; высказывались самые различные предположения. Сержант светил фонарем; Андрей машинально просматривал документы и так же машинально задавал положенные в таких случаях стереотипные вопросы: «Откуда едете?.. Куда? . Кем выдан пропуск?..» и так далее. Мысленно же он находился в другом конце вагона.

Мандата на право проверки никто не требовал. Андрей проверял уже третье купе, когда поезд снова тронулся.

Андрей, поняв, что все уже сделано, поспешил вслед за патрулем покинуть вагон.

— Лейтенант,— крикнул Никитин,— сходим!

* * *

— ...пропуск, броня — все в порядке,— докладывал коменданту Никитин, когда Андрей вошел в кабинет.— Командирован со станции Котельни, следует в Гродно к месту постоянной службы. С женой и двумя детьми...

— Откуда д-дети? К-какая жена? — перебил Андрей изумленно и растерянно.— Не может быть!

— Тот самый, что вы указали. Во втором купе. Невысокий, толстый. Железнодорожник. Других там не было!

— Он п-поляк?

— Поляк? — Никитин от души расхохотался.— Вятский!.. Его же видно — наш брат, Ванька!

— Перестаньте,— строго остановил комендант.— Вас спрашивают серьезно. Фамилию вы установили?

— А как же?.. Шишков Федор Алексеевич, девяносто шестого года, родом из Зуевки Вятской губернии... Они сели в Минске — проводница подтвердила... А здесь он вылезал за кипятком...

* * *

— Ты упустил его по дороге,— заключил Алехин, выслушав Андрея.

Они снова лежали в холодной мокрой траве, наблюдая за домом. Еще не светало.

— В поезде ты наткнулся на другого... наверно, похожего...— невесело продолжал капитан.— Все остальное было впустую...

35. ВСЕ ЖЕ ПОСТАВИМ ТОЧКУ..

Оставив Блинова наблюдать, Алехин на полуторке — Хижняк с вечера спал в машине на соседней улице — помчал в предрассветной полутьме к аэродрому.

Мокрое обмундирование холодным компрессом липло к телу. За ночь он так продрог, его било как в лихорадке. Сейчас бы пробежаться для согрева, да не было времени.

Город еще не проснулся. За всю дорогу к аэродрому он повстречал лишь четырех одиночных военных — ни одного гражданского — да два грузовика с ночными пропусками на лобовых стеклах.

Поляков, как и у себя в Управлении, в гимнастерке без ремня, с расстегнутым воротником сидел за столом в зашторенном кабинете начальника отдела контрразведки авиакорпуса и колдовал над листом бумаги. На приветствие Алехина он, подняв голову, рассеянно ответил: «Здравствуй... Садись...»

— Они в доме,— сообщил Алехин.

— Застыл?

— Если бы не дрожал, то совсем бы замерз,— отшутился Алехин.

— На вот, погрейся.— Поляков подвинул к нему трофейный, с идиллическим баварским пейзажем розоватый термос, известный, наверно, всему Управлению.— И булочку бери...

Алехин налил из термоса в стакан крепкого душистого чая, завариваемого подполковником самолично по какой-то своей особой методе, опустился на стул у приставного столика и, положив в рот кусочек сахара, с удовольствием сделал несколько глотков.

Перед Поляковым лежал лист бумаги с десятью, наверно, строчками, исчерканными, со вставками, исправлениями и двумя вопросительными знаками синим карандашом. Алехин взглянул мельком, подумал, что это, очевидно, текст для одной из точек радиоигры, дела столь конфиденциально-секретного, что и смотреть туда больше не стал.

Он знал, что каждая буковка в таких документах утверждается Москвой, согласовывается, если содержит дезинформацию, с Генеральным штабом, но продумать и составить текст должен Поляков, вся ответственность на нем, и Алехин пожалел, что пришел не вовремя..

Его восхищало в Полякове умение при любых обстоятельствах сосредоточиться, отключиться от всего в данную минуту второстепенного, а главным сейчас для подполковника были, очевидно, эти исчерканные строчки.

Помедлив, Алехин взял сиротливо лежавшую на блюдце булочку, маленькую — из офицерской столовой. Он так озяб и проголодался, что съел бы сейчас десяток таких крохотулек, а то и больше. Подобные по форме пышечки пекли дома, только не на противне, а в печи, тоже из пшеничной муки, но деревенского, не машинного помола. Те, разумеется, были несравненно вкусней, особенно со сметаной.

Он вспомнил, как весной или осенью, продрогший, возвращался в сумерках с полей в тепло родной избы, и радостный крик дочки, и необыкновенные щи, и горячие блины, и соленые грузди, и квас... Все это казалось теперь призрачным, совершенно нереальным...

— Вчера они опять выходили в эфир,— вдруг спокойно сообщил Поляков.

— Где? — От неожиданности Алехин поперхнулся куском булки.

— В тридцати—сорока километрах к востоку от Шиловичского леса.— Поляков поднял голову, и Алехин увидел, что он переключился и думает теперь о разыскиваемой рации.— Передача велась с движения, очевидно с автомашины. Любопытно, что ни одного случая угона за последние трое суток не зафиксировано.

— Есть дешифровка? — быстро спросил Алехин.

— Пока нет. Они каждый раз меняют ключ шифра. Ты пей. И наливай еще

— Спасибо. Во сколько они выходили в эфир?

— Между семнадцатью двадцатью и семнадцатью сорока пятью.

— Николаев и Сенцов в этот час были в городе,— констатировал Алехин,— под нашим наблюдением.

— В данном случае у них железное алиби. Кстати, на них уже есть ответ. Как быстро исполнили, а?.. Сообщают сюда, в Лиду, но почему-то на имя генерала... Странно...

«Когда-нибудь он нарвется!» — разумея Таманцева, со злостью подумал Алехин и тут же про себя отметил, что если бы не «элементы авантюризма», ответ был бы не раньше чем еще через сутки.

А Поляков уже достал из папки листок бумаги и прочел:

— «Проверяемые вами капитан Николаев и лейтенант Сенцов действительно проходят службу в воинской части 31518. В настоящее время командированы в район города Лида с целью децентрализованной заготовки сельхозпродуктов для штабной столовой». Так что их появление на хуторах вполне объяснимо,— заметил Поляков.—«Никакими компрматериалами на проверяемых вами лиц не располагаем».

— Вот так, выходит, сутки впустую! — огорченно сказал Алехин.

— Я должен сейчас выехать в Гродно,— словно оправдываясь, сообщил Поляков,— ночью, очевидно, вернусь в Управление. Позвони обязательно... Очень жду дешифровку первого и вчерашнего перехватов. Загляни

сюда днем,— посоветовал он,— возможно, что-нибудь будет.

— А может, они вовсе не те, за кого себя выдают? Может, в группе четверо и передачу с движения вчера вели двое других?.. Все же поставим точку! Взгляну-ка я на них в упор и пощупаю документы,— предложил Алехин; он смотрел на Полякова, ожидая одобрения, но тот, кажется, снова углубился в свои строчки.— Децентрализованная заготовка сельхозпродуктов в тылах другого фронта — это самодеятельность, причем незаконная. Интересно, что мне-то они скажут о цели командировки?.. Прихвачу кого-нибудь из комендатуры,— упорно продолжал Алехин,— для вида зайдем и в соседние дома...

— Разумно,— подняв голову, согласился Поляков.— Но время лишне не трать!..

36. АЛЕХИН

К хозяйке дома номер шесть по улице Вызволенья, пани Гролинской, я отправился с одним из офицеров городской комендатуры, немолодым, совершенно лысым и весьма толковым капитаном, понимавшим все с полуслова. Он свободно говорил по-польски, очевидно, много раз выполнял подобные роли, и если бы еще относился ко мне без некоторого подобострастия, работать с ним было бы истинным удовольствием.

Чтобы не вызвать подозрения, мы побывали и во всех соседних домах, в десяти или в одиннадцати, хотя, по комендантским учетам, лишь в трех из них размещались военнослужащие. Как и всегда, маскирование — инсценировка общей сплошной проверки — заняло бóльшую часть времени.

Раннее солнце миллионами капелек сверкало на траве. на листьях и на крыше, но еще нисколько не грело. Где-то там, в конце улочки, в мокрых холодных лопухах, за канавой, располагался Блинов. Лежал он хорошо: я раза четыре поглядывал в ту сторону, но определить, в каком месте он находится, так и не смог.

Как и ночью, мыслями я то и дело возвращался к Таманцеву. Мы здесь, по сути, ничем не рисковали, ему же в случае появления хотя бы одного Павловского предстояла ожесточенная схватка. Я не мог не думать о Таманцеве; впрочем, сомнение, правильно ли там вы-

бран объект для засады — не пустышку ли тянем? — и по сей час не оставляло меня.

Пани Гролинская, для своих шестидесяти лет очень моложавая и подтянутая, в этот ранний час занималась уборкой: развесив на штакетнике половики, как раз принялась их выбивать.

Мы поздоровались, капитан сообщил, что мы из комендатуры «по вопросам расквартирования», и поинтересовался, есть ли у пани на постое военные.

— Так,— приветливо отвечала она.

— А разрешение комендатуры?.. Документ?..— почти одновременно осведомились мы.

— Проше пана.— Она с улыбкой пригласила нас в дом.

Когда мы подходили к ее палисаду, я заметил позади дома, на соседнем участке, пожилую женщину, возившуюся на огороде, и что-то при этом недовольно бормотавшую по-польски. Завидев нас, она выпрямилась и, глядя недобро большими светлыми глазами, забормотала с возмущением еще громче.

Вместе с пани Гролинской мы прошли в комнату, обставленную добротной старинной мебелью Первое, что бросалось в глаза — уже в кухне,— чистота и аккуратность.

Из лежавшей в ящике комода домовой книги хозяйка достала маленькую бумажку — талон со штампом комендатуры — и протянула ее капитану: «Проше пана»; тот посмотрел и передал мне.

В верхней графе талона было вписано: «К-н Николаев, л-нт Сенцов».

— Срок разрешения истек в полночь,— вполголоса напомнил мне капитан.

— А где они? — справился я и посмотрел на дверь в другую комнату.

Я не сомневался, что подлинные или мнимые Николаев и Сенцов слышат и слушают наш разговор — не спят же они в такое прекрасное утро, в восьмом часу.

— Официэры?.. Уехали.

«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!»

— Как — уехали? — Я старался сохранить спокойствие. «Очевидно, в те полтора часа, когда я отсутствовал. Значит, Блинов пошел за ними. Это трудно и рискованно — на безлюдных улицах...»— Когда уехали?

— Ночью...

Невероятно! Мы же лежали буквально в десяти метрах от калитки — тут что-то не так... мы не могли их прозевать.

А пани Гролинская рассказывала, что эти «официэры» вчера поздно вечером распрощались с ней, она вот и комнату после них уже убрала.

Они перешли на другую квартиру (где однажды в июле уже останавливались), потому что у нее нет подходящего сарая, а им нужен на день сарай для скотины. Мол, эти «официэры» занимаются заготовкой продуктов для своей части, ездят по округе и закупают в основном овец и свиней, а вчера к ночи должна была прибыть машина, они соберут все из деревень в Лиду, погрузят и увезут. Она не преминула заметить, что никогда не держала никаких животных, кроме породных охотничьих собак — ими увлекался ее покойный муж.

Говоря, что уже убрала за офицерами, она открыла дверь в соседнюю комнатку — две аккуратно заправленные кровати, стол, цветы на окне, порядок и чистота.

Сочинить с ходу эту историю про заготовку овец и свиней (что вполне соответствовало цели командировки подлинных Николаева и Сенцова) она, разумеется, не могла: несомненно, она повторяла то, что слышала от своих постояльцев. Вопрос только в том, правда это или всего-навсего легенда, прикрывающая другую их деятельность.

Я знал немало случаев, когда вражеские агенты действовали в прифронтовой полосе под видом всякого рода интендантов, представителей армейских хозяйственных служб. Децентрализованная заготовка сельхозпродуктов — отличное прикрытие для передвижения и разведки в оперативных тылах.

Свеж у меня в памяти был и прошлогодний случай. Разыскивая по данным радиоперехвата немецкую разведгруппу, мы заподозрили трех человек, имевших безукоризненные экипировку и все офицерские документы. Сделали запрос, и нам подтвердили, что такие-то «действительно проходят службу в части» и что они девять дней назад выбыли в командировку сроком на месяц «в указанный вами район».

Хорошо, что мы не удовлетворились этим ответом. Как впоследствии выяснилось, те, кто «проходил служ-

бу», были убиты на вторые сутки после отъезда из части. Их трупы спустили под лед, а документы, в частности командировочные предписания, до момента ареста успешно использовались тремя заподозренными нами лицами. (Удостоверения личности, продовольственные аттестаты и вещевые книжки на имя убитых они заполнили сами, используя запасные комплекты документов — резервные чистые бланки, полученные от немцев.)

Как и большинство пожилых поляков, пани Гролинская неплохо говорила по-русски, причем отвечала без пауз и обдумывания, держалась с достоинством и приятным кокетством. В светлом фартучке поверх темного строгого платья, не по возрасту гибкая, легкая в движениях, она походила на гимназистку. Лицо у нее было горделивое, тонкое и приятное.

В городском отделе милиции, куда перед комендатурой я заскочил, мне, как иногда случается, повезло. Помощник дежурного по горотделу, немолодой лейтенант, обслуживал участок, куда входила улица Вызволеиья, и вместо кратких установочных данных, на что я мог рассчитывать в столь ранний час, я узнал о хозяйке дома номер шесть, наверно, все, что было о ней известно местным органам.

Гролинская Стефания, 1883 года рождения, уроженка Белостока, из семьи мелкопоместного шляхтича, образование — женская гимназия, по профессии модистка, перед войной владела небольшим пошивочным ателье, сгоревшим в первую неделю военных действий. В период оккупации проживала в Лиде, подрабатывала шитьем женской одежды. Муж был моложе ее на десять или двенадцать лет — эту деталь особо отметил участковый.

В большой комнате, где мы разговаривали, на стене висело несколько фотографий; я успел потихоньку разглядеть изображенные на них лица, выделил и запомнил троих.

На высоком берегу реки, опершись на локоть, лежал благообразный суровый старик; я без труда узнал в нем Пилсудского — хозяйке дома, пожилой польке, он, по всей вероятности, представлялся национальным героем.

На другом снимке над тушей убитого дикого кабана красовался щеголеватый мужчина с усиками и прилизанными волосами, в охотничьем костюме, с ружьем и

патронташем; фатоватое, самодовольное лицо — как я предположил, муж пани, Тадеуш Гролинский.

И еще были две фотографии юноши с задумчивым, невеселым лицом — очевидно, сына хозяйки, находившегося якобы в подполье где-то под Варшавой, оккупированной немцами.

То, что пани Гролинская не опасалась держать на стене фотографию Пилсудского, укрепило мое отношение к тому, что она говорила. Во многом я ей верил. Непонятно только, как эти двое, Николаев и Сенцов, прошли мимо нас незамеченными.

Пани Гролинская вызывала уважение и, более того, симпатию. В сознании с трудом укладывалось, что муж этой обаятельной, отменно воспитанной, когда-то, без сомнения, на редкость красивой женщины был рядовой тюремный надзиратель, как поговаривали, малограмотный и глуповатый. Кроме выпивки и охоты, его в жизни якобы ничто не интересовало. Впрочем, погиб пан Тадеуш в сентябре 1939 года в боях с немцами, погиб, чуть ли не бросившись с гранатой под танк, и вспоминали о нем, по словам участкового, как о герое.

— А где вообще вы помещаете офицеров? — поинтересовался я.

— Здесь... Проше пана...

Мы прошли в только что убранную комнатку. Кровати были заправлены чистым, неиспользованным бельем. Половики отсюда висели на штакетнике. В пепельнице на столе — ни окурка, ни пепла, ни соринки. И нигде никаких следов пребывания вчерашних постояльцев.

Тем временем пожилая женщина на смежном участке — она по-прежнему находилась на огороде прямо перед окном этой комнатки, — завидя на улице соседку, принялась с новой энергией возмущенно выкрикивать что-то по-польски. Капитан прислушивался и незаметно подал мне знак. Но я при всем желании не мог понять, о чем там шла речь.

— Пшепрашем паньства, — с улыбкой извинилась Гролинская; она выглянула в окно и сказала: — Нех щен пани юш успокои. Пшез быле глупство денервуе щен пани пшешло годинен[1]. — И, оборотясь к нам, с

[1] Успокойтесь, наконец, пани. Из-за такой мелочи вы волнуетесь целый час.

улыбкой снова извинилась: — Пшепрашем паньства.

— Ну что ж,— оглядев исподволь все в комнате, сказал я,— условия для двух человек хорошие.

— Вполне,— подтвердил капитан, делая для видимости какие-то пометки в служебном блокноте.— А больше двоих сюда и не направляли... Так и записываю: комната светлая, чистая... Сколько здесь метров?

— Двенадцать,— сказала хозяйка.

Женщина на соседнем участке продолжала ругаться, и я демонстративно посмотрел в окно.

— Проше пана, слышите, как она волнуется? — пытаясь улыбнуться, проговорила Гролинская.

— Что там случилось? — спросил я

— Ничего... Они же не бандиты, а радянские офицеры! Подумайте, наступили на огород.. Ночью темно!

— Повредили грядки...— сказал капитан.

— Они что, ушли через ее участок?

— Так!.. Там ближе в центру. Почему я виновата?.. Мусить, так надо... Они же военные!..

* * *

В голове у меня вертелось немало вопросов. Мне бы очень хотелось знать и что собой представляют в действительности те, кто значились в комендатуре как Николаев и Сенцов, и, разумеется, где они сейчас, и все подробности их поведения и разговоров в этом доме, и почему они ушли ночью через соседний участок, и кто был тот железнодорожник в плаще, зачем он приходил, и где теперь, и что за отношения между ним и этими двумя офицерами.

И еще очень многое мне бы хотелось узнать, и о многом я бы желал поговорить с пани Гролинской, но сейчас я мог интересоваться лишь определенным кругом вопросов, только тем, что положено знать офицеру комендатуры, проверяющему порядок размещения военнослужащих на частных квартирах.

Мы уже выходили — вслед за капитаном я переступил порог комнаты, размышляя над тем, что услышал и увидел в этом доме,— и тут на кухне у меня от волнения буквально заняло дух: возле кафельной печки, в углу, в плоском ящичке для мусора рядом с совком я увидел смятый листок целлофана, хорошо мне знакомую целлофановую обертку...

37. ТАМАНЦЕВ

Первая ночь в засаде была не из приятных и тянулась чертовски медленно.

Мы вымокли до нитки еще вечером, обсушиться было негде, согреться нечем, и до утра мы дрожали в кустах как цуцики.

Когда начало светать, мы перебрались потихоньку в дом Павловских Добротный, с большой мансардой, он стоял заколоченный в сотне метров от хатки Юлии Антонюк, и с чердака отлично просматривались все подступы к ней — наверняка никто бы не смог подойти незамеченным.

Мы развесили обмундирование сушиться под крышей, Фомченко и Лужнов завернулись в старое тряпье и уснули, я же расположился с биноклем у чердачного окна, также забитого досками.

Хатенка Юлии Антонюк смотрелась отсюда как на ладошке. Лучшее место для наблюдения трудно было придумать. Я решил так: светлую часть суток будем находиться здесь, а с наступлением сумерек перебираться ближе к хатке, располагаясь в кустарнике с двух сторон от нее.

До полудня наблюдал я. Юлия Антонюк возилась около хаты по хозяйству, прибиралась, вытряхивала какие-то облезлые овчины, тяжелым, не по ее силенкам ржавым колуном рубила дрова. Потом прошла с корзиной на огород Павловских и нарыла картошки. Там уже немало повыкапывали то ли Свириды, то ли София Басияда, то ли еще кто. И я подумал, что и нам не мешает в сумерках набрать там с ведерко — вопрос только, как ее сварить?

Я отметил, что одета Юлия бедно и лицо у нее нерадостное, но даже издалека можно было без труда разглядеть, что она красивая, складненькая и богата женственностью или еще чем-то, как это там называется, из-за чего женщины нравятся мужчинам.

Ее дочка — занятная пацаночка, веселая и очень подвижная — играла возле дверей хатенки, что-то распевала и ежеминутно почесывалась, что, впрочем, ничуть не портило ей настроения. Уж если блохи жрали нас здесь, на чердаке, представляю, как они свирепствовали там: в хатах с земляными полами их обычно полным-полно.

Хозяйство Антонюк из-за отсутствия какой-либо живности, хотя бы кошки или курицы, выглядело не просто бедным, но и запустелым. Я даже поймал себя на чувстве жалости к этой девахе, по дурости прижившей от кого-то ребенка,— житуха у нее получилась несладкая. Рассмотрев в бинокль лицо девочки, я вполне допускал, что она от немца, а вот с Павловским, как я его представлял по словесному портрету и фотографиям, у нее не было, по-моему, и малейшего сходства.

Метрах в трехстах дальше и немного правее я видел хату Свирида, наблюдая в бинокль и самого горбуна, его мать и жену.

Лицо у него было злое, неприятное, и домашние, как мне показалось, его побаивались Поутру он что-то мастерил, приколачивал в стодоле — оттуда доносился стук по дереву и по металлу,— потом запряг лошадь, взвалил на телегу плуг и куда-то уехал.

Вскоре после этого его жена с крынкой и каким-то свертком в белой тряпке прошла в хату к Юлии и, пробыв там совсем мало, тут же вернулась к себе. Я заметил, что по дороге к сестре она дважды как-то воровато оглядывалась и что вышла потом от нее, вытирая слезы.

В полдень я растолкал Фомченко и, приказав ему разбудить меня в шестнадцать ноль-ноль, передал наблюдение и улегся на его место.

Нам предстояло сутками, а может, неделями ждать у моря погоды и не зевать. Это как на рыбной ловле: никогда не знаешь, в какой именно миг клюнет. А в данном случае я сомневался: клюнет ли вообще?

И еще меня заботило одно существенное обстоятельство.

Никаких доказательств принадлежности Павловского к разыскиваемой нами группе не имелось. Подвернулся он случайно, разумеется, взять его — тоже наш долг, но при этом мы наверняка отвлекаемся от основной цели. А спрашивать за передатчик с позывными КАО, за «Кравцова» и «нотариуса» будут с нас, да еще как — три шкуры спустят!

Я заставлял себя быть объективным, однако...

Почему он должен здесь появиться? Предположений капитана я во многом не разделял. Как и всегда, он преувеличивал фактор человечности. С агентами-парашютистами я имею дело четвертый год, сопротивляются

они отчаянно, но всяких там чувств я у них что-то не замечал. Да они из родной матери колбасы наварят, а тут, видите ли, судьба отца, ребенок (еще неизвестно чей!) и — эка невидаль! — женщина. Чихал он на всю эту лирику! Промежду прочим, бабу можно найти и не только на этом хуторе, запросто — это не проблема.

Впрочем, наше дело маленькое. Наше дело прокукарекать, а там хоть и не рассветай...

38. ПОДПОЛКОВНИК ПОЛЯКОВ

В Гродно у него было несколько дел, и главным среди них — вовсе не случай с угоном «доджа» и убийством водителя, однако начал Поляков именно с него. Отчасти потому, что автобат размещался на окраине, при въезде в город.

О том, что машина найдена, он узнал рано утром перед выездом из Лиды, когда по «ВЧ» позвонил в Управление и ему перечислили все основные происшествия минувших суток в районе передовой и в тылах фронта.

Конечно, можно было все это поручить кому-либо из подчиненных, но уже шестые сутки, с того момента, как в лесу под Столбцами группа Алехина обнаружила отпечатки протектора «доджа», все, что касалось автомобилей этого типа, особенно интересовало Полякова.

Рыжий полноватый майор, чем-то похожий на Бонапарта,— командир батальона и бравый, подтянутый капитан в кавалерийской кубанке — командир автороты, несколько удивленные неожиданным визитом подполковника из Управления контрразведки фронта, провели его к стоящей отдельно, как бы в ожидании проверки автомашине. Сюда же тотчас подоспели уже вызванные старшина-механик с изуродованным шрамами лицом и старший лейтенант, уполномоченный контрразведки, выбритый, аккуратный, пахнувший одеколоном или духами.

— ...Машина оказалась на ходу, в баках было около тридцати литров бензина,— рассказывал командир роты Полякову.

— Кто и когда ее обнаружил?

— Местные жители... Очевидно, они и сообщили в Лиду... А нам вчера позвонили из комендатуры.

— Кто за ней ездил? — заглядывая под скамейки,

прикрепленные к бортам, справился Поляков; разговаривая, он последовательно осматривал машину.

— Вот... старшина.

Поляков повернулся к старшине — тот вытянулся перед ним.

— Вольно... Расскажите, пожалуйста, как и что.

— Это отсюда километров сорок...— напрягаясь, произнес старшина; у него не хватало передних зубов и, очевидно, был поврежден язык, он говорил шепеляво, с трудом, весь побагровев от волнения.— Там, значит, за деревней... рощица... Ну, нашли ее,— старшина указал на машину,— мальчишки... Я сел — она в исправности. Так и пригнал...

— А шофер убит? — Чтобы старшине было легче, Поляков перевел взгляд на капитана.

— Да,— сказал тот.— Его подобрали на обочине шоссе — машина из другой части. Нам сообщили уже из госпиталя. Я поехал туда, но меня к нему не пустили. Врач сказала, что он без сознания, надежды никакой, а справку они вышлют.

— Какую справку?

— О смерти.

— Справка справкой, а кто же его хоронил? — Поляков поднял в кузове промасленные тряпки и рассматривал их.

— Они сами хоронят.

— И никто из батальона больше туда не ездил? — обводя глазами офицеров, удивился Поляков.

— Нет,— виновато сказал капитан.

— Да-а, помер Максим — и хрен с ним...

— У нас запарка была дикая...— нерешительно вступился майор.— Выполняли срочный приказ командующего.

— Приказы, конечно, надо выполнять...— еще раз оглядывая сиденье машины, раздумчиво сказал Поляков.

Он знал, что со своей невзрачной нестроевой внешностью, мягким картавым голосом и злополучным, непреодолимым пошмыгиванием выглядит весьма непредставительно, не имеет ни выправки, ни должного воинского вида. Это его не огорчало, даже наоборот. Не только с младшими офицерами, но и с бойцами, сержантами он держался без панибратства, но как бы на равных, словно они были не в армии, а где-нибудь на граж-

данке, и люди в разговорах с ним вели себя обычно непринужденно, доверительно.

Однако эти майор и бравый капитан явно его боялись, ожидая, видимо, неприятностей. Заслуживал же в этой истории неприятных слов и, более того, взыскания только уполномоченный контрразведки, но он-то как раз был совершенно невозмутим.

— Ни капли крови, никаких следов...— обратился к нему Поляков.— Какие все-таки у Гусева были ранения? Как его убили? Кто?.. Ведь вы должны были если не выяснить это, то хотя бы поинтересоваться. А вы даже в госпиталь не выбрались.

— Я съезжу туда сейчас же,— с готовностью предложил старший лейтенант.

— Это надо было сделать неделю тому назад,— неприязненно сказал Поляков.

Его удручало, что здесь, во фронтовом автомобильном батальоне, где люди не спят ночами, по суткам не вылезают из-за руля, где не только командиры взводов, но и ротные и сам комбат не чураются возиться с машинами (о чем свидетельствовали руки и обмундирование обоих офицеров), ходит чистенький благоухающий наблюдатель, и этот невозмутимый сторонний наблюдатель, к сожалению,— коллега, представитель контрразведки. Причем от него ничуть не требовалось копаться в моторах, но и свое непосредственное дело он толком не знал и ничего не сделал.

На земле, метрах в трех от машины, Поляков заметил скомканный листок целлофана, подойдя, поднял и, поворачиваясь, спросил:

— А это что?

Все посмотрели, и старшина сказал:

— Это, значит, из кузова... Я выбросил... Мусор.

— Из этой машины?! — живо воскликнул Поляков.

— Да.

Поляков уже развернул листок, осмотрел, потер о ладонь — кожа засалилась — и, обращаясь в основном к старшему лейтенанту, спросил:

— Что это?

— Целлофан? — рассматривая листок, не совсем уверенно сказал старший лейтенант.

— Да... сто шестьдесят миллиметров на сто девяносто два... Что еще вы можете о нем сказать?

Старший лейтенант молча пожал плечами.

— Обычно салом в такой упаковке — стограммовая порция — немцы снабжают своих агентов-парашютистов,— пояснил Поляков.

Обступив подполковника, все с интересом разглядывали листок целлофана.

— Впрочем, иногда сало в такой упаковке попадает и в части германской армии: воздушным и морским десантникам,— добавил Поляков и, пряча находку в свой вместительный авиационный планшет, спросил старшину: — Вы из этой машины еще что-нибудь выбрасывали?

— Никак нет. Ничего.

— Накатайте протектор и сфотографируйте,— поворачиваясь к старшему лейтенанту, приказал Поляков.— Необходимо не менее шести снимков восемнадцать на двадцать четыре.

— У нас нет фотографа,— спокойно и вроде даже с облегчением доложил старший лейтенант.

— Это меня не интересует,— жестким, неожиданным для его добродушно-интеллигентской внешности тоном отрезал Поляков,— организуйте! Снимки должны быть готовы к восемнадцати часам... Второе. возьмите десяток толковых бойцов и вместе со старшиной немедля отправляйтесь в Заболотье. Осмотрите место, где была обнаружена машина. Подступы и окрестность. Тщательно — каждый кустик, каждую травинку! Поговорите с местными жителями. Может, кто-нибудь видел, как на ней приехали. Может, кто-нибудь разглядел и запомнил этих людей... Вечером доложите мне подробно, что и как... И будьте внимательны!..

39. АЛЕХИН

— Пшепрашем, пани,— сказал я Гролинской и, чтобы скрыть волнение, улыбнулся.— Что это?

— Цо? — Она обернулась и посмотрела в угол возле печки, куда я указывал.

— Вот.— Я нагнулся за скомканным листком целлофана, увидел второй, присыпанный мусором, и поднял оба.

— Это... у официэров.— Она указала в сторону свежеубранной комнатки, где вчера помещались Николаев и Сенцов.

Я уже расправил листки, убедился, что они сальные внутри и соответствуют по размерам. У меня сразу пересохло в горле.

С пани Гролинской приходилось говорить по-другому· предыдущая конспирация исключала разговор по существу дела. Я отпустил капитана и предложил ей пройти в большую комнату, где мы сели у стола.

— Пани,— сказал я,— вы умеете молчать?

— Так.— Она в недоумении глядела то мне в лицо, то на помятый целлофан.

— Я буду с вами откровенен...

— Ежи! — побледнев, воскликнула она.

— Не волнуйтесь, пани, никаких известий о вашем сыне у меня нет.— Чтобы успокоить, я даже взял ее за руку.— Я буду с вами откровенен... Вы меня понимаете? Обещаете хранить в тайне наш разговор?

— Так.

— Мы считаем вас и вашу семью польскими патриотами... Ваш муж погиб как герой, защищая Польшу, и сын борется с оккупантами... Поляки и русские ведут войну с общим смертельным врагом...

Мне хотелось говорить с ней по-человечески, доверительно, а получались какие-то штампованные, официальные фразы. От бессонной ночи и усталости, от нехватки времени и, быть может, от непроизвольного стремления поскорее добраться до сути выходило как-то не так.

— Варшава,— сказала она.— Как Варшава?

Что я мог ей сказать?.. Я знал, что в Варшаве восстание, что начало его командование АК, но участвуют в нем сотни тысяч поляков. В городе уже третью неделю шли ожесточеннейшие бои: безоружные, по существу, люди противостояли танкам, авиации и артиллерии немцев — тысячи ежедневно гибли.

В последние дни меня не раз спрашивали о Варшаве, в основном поляки; о восстании мне было известно главным образом из скудных газетных сообщений, и сверх того я ничего сказать не мог.

— В Варшаве восстание... На улицах идут бои.

— Там Ежи...— дрожащим голосом произнесла она; в глазах у нее стояли слезы.

Так я и чувствовал!

— Будем надеяться, что он вернется живой и здоровый...

Я сделал паузу и затем продолжал:

— Мы ведем смертельную борьбу с нашим общим врагом, и очень важно, чтобы вы оказали нам содействие. Вы должны быть со мной откровенны... Этим вы поможете не только нам, но и сыну и всем полякам...

— Не разумем.

От волнения она заговорила по-польски, слезы душили ее. Я принес холодной воды; выпив весь стакан, она вытирала платком глаза и пыталась справиться, взять себя в руки.

Она сидела передо мной сникшая, потускневшая, сразу утратившая всю свою моложавость и кокетливость. Мать, терзаемая тревогой за жизнь и судьбу единственного сына. Полька, мучимая мыслями о гибели соотечественников.

Так случается нередко. Сталкиваешься с чужой жизнью, с чужими страданиями, хочется как-то утешить, подбодрить и — совесть требует — оставить человека в покое. А ты вынужден тут же его потрошить, добывать необходимую тебе информацию. Проклятое занятие — хуже не придумаешь.

Дав ей немного успокоиться, я перешел к делу, объяснил, что меня интересуют эти двое офицеров. Поначалу она испугалась, что в ее доме ночевали какие-то бандиты, и как бы в оправдание опять поспешно достала талон комендатуры, разрешение на постой. Я сказал, что они не бандиты, но заготавливать продукты в этом районе не имеют права, это не положено. И тут она нашла для них определение «шпекулянты», и для нее все вроде стало на свои места. Частная торговля, продажа и перепродажа продуктов на освобожденной территории Литвы и Западной Белоруссии были весьма распространены, и версия о какой-либо коммерции выглядела для нее весьма убедительно.

Она охотно отвечала на все мои вопросы о Николаеве и Сенцове и, безусловно, была со мною откровенна.

Имея разрешение на пять суток, они ночевали у нее четыре раза — одну ночь где-то отсутствовали.

Уходили из дома рано, часов в шесть, возвращались с наступлением сумерек, усталые, запыленные. Как она поняла, ездили по деревням на попутных машинах. Чистили сапоги, умывались и, поужинав, сразу ложились спать.

В разговоры с ней не вступали, обращались только по какой-нибудь надобности, и то в основном старший. Так, в первый вечер он интересовался ценами на овец и свиней, на продукты, керосин и немецкое обмундирование, из которого теперь многие, особенно крестьяне, предварительно перекрасив, шили себе одежду. Как ей стало ясно, за несколько дней до этого они побывали на базаре в Барановичах и сравнивали тамошние цены и здешние.

Были вежливы и приветливы, угощали ее сахаром, вареными яйцами, привезенными якобы из деревни; в первый вечер дали ей полбуханки солдатского, как она выразилась, «казенного», хлеба, а вчера — целый стакан соли.

Все три года оккупации эти районы немцы солью не снабжали, она ценилась буквально на вес золота, да и сейчас продавалась на базаре чайными ложечками и стоила очень дорого.

Соль, щедро подаренная ей Николаевым,— я попросил показать — была немецкая, мелкого помола, с крохотными черными вкраплениями — крупинками перца, так он сам ей объяснил.

За месяц после освобождения города у нее на квартире останавливалось более десяти офицеров, и почти все тоже делились с ней какими-нибудь продуктами, но доброта последних постояльцев (полагаю только теперь, после моих вопросов) ее почему-то настораживала. Хотя ничего подозрительного в их поведении вроде бы и не было.

Вчера они вернулись раньше обычного, перед грозой. Еще до их прихода появился этот железнодорожник, спросил их, не называя фамилий, сел в кухне и ждал.

Он поляк, но она его не знает, полагает, что приезжий, откуда-нибудь со стороны Литвы: он говорил по-польски с мягким вильнюсским акцентом. Как она полагает, он не рядовой железнодорожник, а какой-нибудь поездной «обер-кондуктор» или другой небольшой начальник. Показался ей молчаливым и замкнутым.

Он пробыл с офицерами свыше трех часов, вместе ужинали и распили бутылку бимбера, привезенную, очевидно, этим поляком. О чем они говорили — не знает, не прислушивалась.

Я поинтересовался, с кем еще они общались, кроме железнодорожника. Она сказала, что дня три тому назад вечером встретила их у станции с двумя какими-то офи-

церами, на внешность которых не обратила внимания, да в полутьме и не разглядела бы, только заметила, что они «млоди». Это определение ничего не говорило: женщине ее возраста и пятидесятилетние мужчины могли показаться молодыми.

Выяснилось, что Николаев и Сенцов однажды уже уходили из дома через соседний участок; они знали, что так ближе к центру города и дорога получше. Вообще-то там вдоль края участка был раньше свободный проход, но неделю назад соседка, поссорясь с Гролинской, закрыла калитку и забила ее досками. Если бы они не наступили в темноте на грядку, то никакого скандала и не было бы. Кстати, их уход не был для нее неожиданным — они заранее предупредили, что вечером перейдут на другую квартиру, где есть сарай и куда прибудет машина.

Разумеется, я спросил и о вещах: с чем эти офицеры появились в доме, что и когда приносилось и уносилось. Впервые они пришли под вечер с двумя плотно набитыми вещмешками; один исчез сразу, наутро, а второй дня два стоял в их комнате под кроватью (она видела, когда убиралась), что в них было — не представляет.

Затем я справился, в какое время Николаев и Сенцов вернулись в воскресенье, 13 августа.

— В воскресенье...

Она подумала и сказала — после девяти, когда уже стемнело. Она припомнила, что в тот вечер младший — «лейтнант»— еще мыл на кухне... огурцы...

— А вас этими огурцами они не угощали?

— Не.

— А горьких огурцов у них в тот вечер не оказалось? Они не выбрасывали, не помните?

— Не знаю... Не видела.

Все подозрительно лепилось одно к одному. Конечно, всякое бывает, возможны самые невероятные совпадения и стечения обстоятельств. Однако не многовато ли?

7 августа передатчик выходил в эфир из леса юго-восточнее Столбцов в какой-нибудь сотне километров от Барановичей. На той же неделе Николаев и Сенцов, по словам Гролинской, побывали в Барановичах на базаре.

Вещмешок (не исключено, что в нем находилась рация) унесли из дома рано утром 13 августа — в день зафиксированного радиосеанса, часов за двенадцать до него По возвращении на квартиру Сенцов мыл для ужина

огурцы... Огурцы были найдены и на месте выхода передатчика — в тот вечер! — в эфир.

Позавчера Блинов видел Николаева и Сенцова на опушке Шиловичского леса с вещмешком — спустя полтора часа они вышли к шоссе без вещмешка. Это подкрепляло предположение, что в нем находилась рация, скрываемая где-нибудь в лесу.

Объясняя Гролинской свое знание города, Николаев и Сенцов говорили, что в июле уже были здесь, останавливались где-то на другой квартире, куда вчера перед полуночью якобы и ушли. Однако среди военнослужащих, побывавших в Лиде на постое с момента освобождения и до сего дня (по моей просьбе комендант города проверил ночью все учеты как у себя, так и в обоих районах расквартирования), офицеры Николаев Алексей Иванович и Сенцов Василий Петрович регистрировались и значились лишь один раз — 12 августа, в день появления у Гролинской.

Проще простого было связать воедино сведения о движении эшелонов в перехваченной радиограмме и этого «гостя»— железнодорожника, его мягкий вильнюсский акцент и выращиваемые только под Вильнюсом огурцы «траку», обнаруженные на месте выхода рации в эфир.

И наконец, целлофановые обертки от сала, предназначенного у немцев для парашютистов и морских десантников.

Без труда выстраивалась цельная, вполне достоверная картина... В группе — четыре человека, и передачу с движения вели вчера двое других. Возможно, те самые, кого Гролинская встретила с Николаевым и Сенцовым в темноте у станции.

Железнодорожник, по всей вероятности,— связник или курьер-маршрутник. Он прибыл, очевидно, из Прибалтики и после контакта с Николаевым и Сенцовым уехал в сторону Гродно, в том направлении, где, судя по тексту перехвата, как раз велось систематическое наблюдение за движением эшелонов.

А уходили они дважды через соседний участок из предосторожности: на всякий случай, чтобы «сбросить хвост», если за ними попытаются следить.

Все легко и достоверно раскладывалось по полочкам, до того легко, что я заставлял себя не делать до време-

ни выводов и критически относиться даже к самым очевидные фактам и совпадениям.

Имелись и небольшие противоречия, из них лишь одно обстоятельство по-настоящему колебало все правдоподобное и весьма убедительное построение: целлофановые обертки они оставили на виду, в пепельнице, а те, кого мы разыскивали, люди бывалые, весьма осторожные, этого, надо полагать, никогда бы не сделали. Впрочем, и на старуху бывает проруха, чем черт не шутит...

Более всего мне хотелось посоветоваться с Поляковым, но до следующего утра, пока он не вернется в Управление, сделать это было, наверно, невозможно.

Я подробно разъяснил пани Гролинской, что она должна предпринять, если Николаев и Сенцов появятся у нее в доме или, может, встретятся ей на улице. Затем распрощался, пожелав, чтобы Ежи вернулся живым и здоровым, и еще раз попросил сохранить в тайне весь наш разговор. Она обещала.

С Николаевым и Сенцовым — подлинными или мнимыми — требовалось немедленно определиться. Следовало срочно проверить их по словесным портретам, составленным Таманцевым, и по приметам... Срочно!..

* * *

Минут десять спустя мы мчались к аэродрому.

Блинов, когда я сообщил ему, что этих двух офицеров в доме нет, что они ушли ночью через соседний участок, заморгал своими пушистыми ресницами, как ребенок, у которого отобрали игрушку или обманули. Затем, вздохнув, полез в кузов и тотчас уснул. А я трясся в кабине, систематизируя и переписывая с клочков бумаги каракули Таманцева — словесные портреты Николаева и Сенцова.

Из отдела контрразведки авиакорпуса я позвонил по «ВЧ» в Управление. Поляков — он устроил бы все без меня — находился где-то в Гродно, и я продиктовал текст запроса дежурному офицеру.

— Кто подписывает? — спросил он.

Этого я и сам еще не знал. Чтобы не беспокоить генерала, я попросил соединить меня с его заместителем, полковником Ряшенцевым.

Тот выслушал меня и, чуть помедлив, сказал:

— Есть свежее разъяснение, что не следует злоупотреблять литерами «Срочно!» и «Весьма срочно!». Применять их надлежит лишь в экстренных случаях. У вас же оснований для экстренности я не вижу. Обыкновенная проверка. Запрос я подпишу, но только обычный...

Я знал: на обычный запрос ответ может быть через трое или даже четверо суток, что нас никак не устраивало. Мы не могли ждать, и я прямо сказал об этом.

— Ничем не могу вам помочь.— Полковник положил трубку.

Тут я невольно позавидовал арапству Таманцева. Он в случае надобности мог не моргнув глазом действовать от имени хоть маршала, хоть наркома, нисколько не опасаясь последствий, а потом еще с обидой, если не с возмущением уставиться на тебя: «Ну и что?! Я же не для себя, а для пользы дела!»

Я опять соединился с Управлением; не хотелось, но, как ни крути, приходилось обращаться к генералу.

— Он занят,— сообщил мне дежурный.

— Доложите: по срочному делу,— потребовал я.— Алехин от Полякова.

Прошло, наверно, около минуты, прежде чем в трубке раздался окающий, грубоватый голос Егорова.

— Что там у вас? — вроде с недовольством спросил он и, хотя я рта не успел открыть, предупредил: — Тише. Не так громко.

Я вспомнил, что у его аппарата сильная мембрана, и сообразил: в кабинете кто-то посторонний и генерал не желает, чтобы слышали, что я скажу. Тем лучше: если там кто-то сидит, не будет вопросов и разговора по существу дела — пока нет результата, они неприятны.

Я начал объяснять, успел произнести каких-нибудь три фразы и тут же услышал, как по другому телефону он приказывает дежурному офицеру: «Поставьте мою подпись под запросом, переданным Алехиным. Литер — «Весьма срочно!». Ответ в Лиду. Передайте без промедления!»

Властности в его голосе вполне хватило бы на пятерых генералов. Стальная категоричность и безапелляционность. Особенно впечатляюще прозвучало «без промедления» и «весьма срочно». Указания же насчет этого

литера его будто и не касались, он даже не выслушал мои обоснования.

— У вас все? — спросил он меня затем.

— Да.

— Вы хорошо зацепились, надежно?

— Как сказать...— неопределенно проговорил я; у меня защемило под ложечкой: полагаясь на Полякова, он, очевидно, не вникал в обстоятельства дела и считал, что мы ведем разыскиваемых и возьмем их сегодня или завтра, как только выявим их связи, а у нас практически ничего не было.

— Не теряйте время! Лишне вокруг да около не ходите. Вы меня поняли?

— Да,— с трудом вымолвил я.

— Я жду результат! — по своему обыкновению, вместо «до свиданья» сказал он и тотчас отключился.

40. ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Егорову

В тексте перехвата по делу «Неман» от 13 августа Вильнюс обозначен как «Вильно».

Матюшин».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Срочно!

Лида, Алехину

Сравнительным исследованием фонограмм перехватов по делу «Неман» от 7, 13 и 16 августа установлено наличие в разыскиваемой Вами группе двух квалифицированных радистов. Анализ индивидуальных особенностей передачи и радиопочерков свидетельствует, что один из них (перехваты от 7 и 13 августа) окончил радиоотделение Варшавской разведшколы в местечке Сулеювек, а второй (перехват от 16 августа) обучался в Кенигсбергской школе абвера у старшего инструктора Адольфа Клюге.

Учтите эти обстоятельства при проведении розыска.

Егоров».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Егорову

Управлением контрразведки 2-го Белорусского фронта 11 и 14 августа с. г. захвачены немецкие агенты-парашютисты Пужевич Василь, Каминский Александр, Олешко Андрей и Мацук Иван и Артюшевский Петр, окончившие разведывательно-диверсионную школу в местечке Дальвитц близ Инстербурга.

Обеим группам, в ночь на 1 августа переброшенным в тылы фронта под видом военнослужащих Красной Армии с заданием оперативной разведки, было приказано:

а) связаться с агентурой, оставленной противником, и активно использовать ее в шпионских целях;

б) собирать и передавать шифром по радио сведения о передвижениях и районах сосредоточения наших войск, для чего под маской находящихся в командировке офицеров фланировать на важнейших железнодорожных и шоссейных коммуникациях Белорусских фронтов, ведя постоянное визуальное наблюдение и прислушиваясь к разговорам на станциях и в местах скопления военнослужащих;

в) добывать советские воинские и гражданские личные документы;

г) захватывать одиночных офицеров и сержантов Красной Армии для их допроса с последующим уничтожением.

Согласно показаниям арестованных агентов-парашютистов, подтверждаемым закордонным источником, в Дальвитцской разведшколе абвера создано специальное отделение, где обучаются настроенные антисоветски лица белорусской национальности, имеющие военный опыт и хорошее физическое развитие.

В апреле — июле сего года на этом отделении прошли интенсивную агентурную подготовку 48 человек, отобранные из новогрудского, барановичского и слонимского батальонов, сформированных немцами при мобилизации в так называемую «белорусскую краевую оборону» в марте месяце сего года. По окончании обучения 27 агентов, наиболее скомпрометированных пособничеством оккупантам, были направлены на закрытый аэродром абвера под Кенигсбергом, где после экипировки в форму военнослужащих Красной Армии и разбивки на груп-

пы по 3—4 человека помещались в отдельном бараке в ожидании переброски.

По имеющимся у нас данным, в первых числах августа с. г. среди других через линию фронта должны были быть переброшены группы, возглавляемые бывшим командиром новогрудского батальона БКО Борисом Рагулей и ярыми антисоветчиками, националистами Степаном Радько и Олесем Витушкой.

Одной из этих групп дано указание связаться с находящимся в настоящее время на нелегальном положении в районе города Лида известным белорусским националистом, резидентом германской разведки Сиповичем Николаем 1902 г. р., урож. гор. Пинска (неточно), по профессии адвокатом.

Сведения, содержащиеся в перехвате по делу «Неман» от 13.08.44 г., соответствуют заданиям, полученным агентурой, прошедшей подготовку на специальном белорусском отделении Дальвитцской разведшколы, причем среди переброшенных так же, как и в разыскиваемой Вами группе, имеются радисты, окончившие Варшавскую и Кенигсбергскую школы абвера.

Не исключено, что передатчик с позывными КАО используется одной из этих групп, действующей в тылах Белорусских фронтов. Также не исключено, что Сипович Николай и есть «нотариус», упоминаемый в тексте перехваченной шифрограммы.

Ваши соображения по поводу этой версии сообщите.

Подготавливаемая нами ориентировка с указанием установленных данных, кличек и словесных портретов значительной части лиц, прошедших подготовку на белорусском отделении Дальвитцской разведшколы абвера, будет вам сообщена в течение суток.

Колыбанов».

41. АЛЕХИН

Я возлагал немалые надежды на разговор с Окуличем.

Со слов лейтенанта из отдела госбезопасности я знал, что Окулич в период оккупации был связан с партизанами, прошлой весной во время массовых карательных операций немцев, рискуя жизнью, около месяца укрывал

у себя тяжело раненного комиссара бригады Мартынова, чем спас его. Теперь Мартынов работал одним из секретарей обкома партии и, приехав недавно в Лиду специально, навестил Окулича.

— Наш мужик, партизанский,— сказал мне лейтенант.— Тихий он, молчаливый... они все здесь такие...— И, очевидно повторяя чьи-то слова, строго добавил: — И пока мы не очистим область от всей нечисти, они другими и не будут.

Однако я не сомневался, что Окулич расскажет мне все, что ему известно о Николаеве и Сенцове, и охотно передаст позавчерашний разговор с ними.

Блинова я оставил в Лиде, поручив ему поиски в городе: в случае встречи с Николаевым и Сенцовым он должен был задержать их; для этого ему по моей просьбе выделили двух автоматчиков из комендатуры, и я подробно проинструктировал его.

С нетерпением я ждал разговора с Окуличем, полагая, что он многое мне прояснит, и единственно опасаясь, что его, как и вчера, не окажется дома.

Нас трясло и бросало в кабине полуторки; Хижняк, с напряженным лицом держа руль, гнал по булыжному покрытию на предельной, а я поторапливал его, и время от времени он возмущенно бросал:

— Вам-то что!.. Вам на машину плевать!.. Рессоры новые вы достанете?! Машины гробить вы все мастера!..

За Шиловичами мы свернули с шоссе на грунтовую заброшенную дорогу, проехали тихонько кустарником, и я велел остановиться.

Хижняк, вытирая пот, вылез из кабины и начал осматривать машину, но я приказал:

— Потом! Возьми автомат и за мной!

Оставив его в кустах возле хутора, я направился прямиком к хате.

Яростно лаяла и рвалась на цепи собака. В окне показалось женское лицо, и тут же на крыльцо вышел мужчина, как я понял, сам хозяин и, прикрикнув на собаку, настороженно рассматривал меня. На нем были старенькие, но чистые рубаха и штаны, ноги босые, лицо небритое, печальное, прямо иконописное.

— День добрый... Я из воинской части восемнадцать ноль сорок.

Чтобы у него не возникло каких-либо сомнений, я вынул и, раскрыв, показал армейское офицерское удостоверение личности со своей фотографией. Он взглянул мельком и молча, с какой-то удручающей покорностью посмотрел на меня.

— Скажите,— приветливо начал я, утирая платком лицо и лоб, будто перед этим долго шел по жаре,— если не ошибаюсь, вы товарищ Окулич?

— Так...— растерянно произнес он.

— Очень приятно... Я здесь в командировке... У меня к вам небольшой разговор... И хотелось бы умыться и малость передохнуть. Не возражаете?

— Можна.

Немного погодя я сидел у стола в бедной по обстановке, но чистенькой, несмотря на земляной пол, хате.

Направляясь сюда, я, между прочим, подумал, что Окулич предложит мне самогона — у него ведь имелся «аппарат»,— и заранее решил не отказываться. Я готов был отпробовать с ним любой гадости в надежде, что, выпив, он разговорится. Однако не то что выпить, он даже сесть не предложил — это сделала, выглянув из-за перегородки, его жена.

Приземистая, рябоватая, она возилась в кухоньке возле дверей, потом принесла и поставила на стол крынку с молоком — молча и не налив в стакан — и снова скрылась за дощатой перегородкой.

Я был уверен, что Окулич сам расскажет мне о Николаеве и Сенцове, надо только его разговорить, и сразу доверительно сообщил, что часть моя стоит в Лиде, мы занимаемся охраной тылов фронта, боремся с бандами и дезертирами. Дело это нелегкое, и очень многое зависит от помощи населения.

Окулич сидел на лавке по ту сторону стола, подобрав под себя босые ноги, и молча слушал, и словом не поддерживая разговор. Я сам налил в стакан молока, сделал глоток и, похвалив, непринужденно продолжал:

— Вы, очевидно, нездешний? Откуда родом?

— Из Быхова,— сказал он; у него был негромкий глуховатый голос.

— Могилевский... А здесь давненько?

— Третий год.

— И при немцах здесь жили? — Я обвел взглядом хату.

— Тут.

— А не боязно? — улыбнулся я. — На отшибе-то, у леса?

Окулич неопределенно пожал плечами.

На божнице в переднем углу стояли иконы, католические, хотя Окулич был родом из области, где эта религия среди белорусов не распространена. И что я сразу себе отметил — ни одной фотографии на стенах, никаких украшений или картинок.

Я рассказал ему о Могилеве, где после освобождения мне пришлось побывать, о разрушениях в городе и перевел разговор на жизнь здесь — в Лиде и в районе. Он слушал молча, глядел скорбными, как у мученика, глазами, даже на самые простые вопросы отвечал не сразу и односложно, беседа с ним явно не ладилась. Может, он мне не доверял?.. Он не прочел, не рассмотрел толком мое удостоверение личности, может, надо ему представиться еще раз?

— А это что — католические? — глядя на иконы, полюбопытствовал я.

— Няхай...

При этом он сделал вялый жест рукой: мол, не все ли равно?

— В Лиде мне сказали, что вы были связаны с партизанами. Надеюсь, что и нам вы поможете... Прочтите, пожалуйста...

Из кармана гимнастерки я достал и, развернув, положил перед ним на стол другое, подробное удостоверение. Он нерешительно взял и принялся читать.

В документе говорилось, что я являюсь офицером войск по охране тылов фронта, и предлагалось всем органам власти и учреждениям, воинским частям и комендатурам, а также отдельным гражданам оказывать мне всяческое содействие в выполнении порученных заданий. На листке удостоверения имелись моя фотография, две четкие гербовые печати и подписи двух генералов: начальника штаба фронта и начальника войск по охране тыла фронта.

Медленно все прочитав, Окулич возвратил документ и удрученно посмотрел на меня.

— Скажите, пожалуйста, — пряча удостоверение,

сказал я.— Вы здесь на этих днях... сегодня, вчера или позавчера, посторонних кого не видели? Гражданских или военных? Никто к вам не заходил?

— Не,— помедлив, сказал Окулич, к моему немалому удивлению.

— Может, встречали здесь кого?

— Не.

— Припомните получше, это очень важно. Может, видели здесь в последние дни,— подчеркнул я,— посторонних или заходил кто-нибудь?

— Не,— повторил Окулич.

«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!»

Ошибиться я не мог Хутор этот был первым по дороге из Шиловичей на Каменку, причем описание Блиновым хаты, надворных строеньиц — все в точности соответствовало тому, что я увидел, подходя сюда. И собака соответствовала, и ее будка, и сам Окулич по внешности соответствовал. Более того, я без труда даже определил место в кустах и дуб, откуда Блинов наблюдал Окулича и тех двоих офицеров.

Однако Окулич утверждал, что в последние дни к нему никто не заходил.

И до встречи он представлялся мне тихим, неразговорчивым, но рисовался иным. Он произвел на меня странное, малоприятное впечатление какой-то своей бессловесной покорности; я не мог не почувствовать его внутренней напряженности — беспокойства или страха. А собственно, чего ему меня бояться?

И жена его, тихонько возившаяся в кухоньке, такая же молчаливая и неулыбчивая, мне тоже не понравилась, возможно, своим недобрым хитроватым лицом и частым настороженным выглядыванием из-за перегородки. Я отчетливо ощущал, что им обоим тягостен мой визит.

Впрочем, это еще ни о чем не говорило. И мои антипатии, как и симпатии, никого не интересовали — нужны были факты. А фактом было, что двое подозреваемых нами лиц заходили позавчера к Окуличу, находились у него некоторое время, и у Окулича имелись основания скрывать это посещение.

Я с огорчением сознавал, что разговор с ним мне больше ничего не даст. Наступила минута, которая нередко случается в нашей работе: ты располагаешь какими-то, подчас противоречивыми, сведениями о челове-

ке, ты видел его и побеседовал с ним, и тебе предстоит что-то для себя решить, сделать определенный вывод.

Католические иконы наверняка стояли на случай возможного прихода аковцев; они могли в любой момент наведаться сюда, и принадлежность хозяев хаты к одной с ними вере должна была, очевидно, как-то расположить, смягчить их. Да и немцы к католикам относились все же лучше, чем к православным.

Отсутствие семейных фотографий наводило на мысли о родственниках Окуличей, о их связях и довоенной жизни Я еще подумал — получают ли они письма и от кого?

Меня занимал и ряд второстепенных вопросов, но главными сейчас были: что за отношения между Окуличем и Николаевым и Сенцовым, зачем они приходили и почему он скрыл от меня их позавчерашний визит, если они действительно советские офицеры? Почему?.. С какой целью?..

И еще: что было в вещмешке, который видел Блинов, и куда он делся, где его спрятали или оставили, когда спустя час они выходили к шоссе?

Жданный мною как манны небесной разговор с Окуличем ничего не дал и ничего не прояснил, а обстоятельства требовали немедленных решительных действий. Я шагнул к раскрытому окну, сложил ладони рупором и крикнул — позвал Хижняка.

Спустя секунды, выскочив с автоматом в руке из кустов, он бежал к хате. Собака, бешено лая, прыгала и рвалась на привязи.

Я посмотрел на Окулича — он встал и, оцепенев от страха, глядел в окно...

42. ПОДПОЛКОВНИК ПОЛЯКОВ

Он начал в Гродно с «доджа» и заканчивал день «доджем».

Старший лейтенант вернулся из Заболотья вечером. Судя по его усталому виду, по измятому, перепачканному обмундированию, он старался на совесть, однако никаких следов или улик в рощице, где была найдена машина, обнаружить не удалось. Опрос местных жителей тоже ничего не дал — ни появления машины, ни приехавших на ней никто не видел.

Отпечатки протектора угнанного «доджа» сфотографировали с опозданием, и пакет со снимками Поляков получил, когда уже смеркалось. В полутьме он не стал их рассматривать, решив сделать это на продпункте после обеда, который по времени оказывался поздним ужином.

День был насыщенный, и с чувством удовлетворения он отметил, что успел почти все. Снятие копии с медицинского заключения о смерти шофера (чтобы уяснить, чем его убили и как) можно было поручить и кому-либо из подчиненных.

Под вечер он разговаривал по «ВЧ» с начальником Управления генералом Егоровым — тот просил «по возможности не задерживаться». Егоров вообще не любил, когда начальник розыскного отдела отлучался более чем на сутки, но Поляков сказал, что должен заехать в Лиду и сможет вернуться только завтра, очевидно, к вечеру. Генерал, недовольный, положил трубку.

Рано утром Поляков так торопился, что не мог уделить Алехину и нескольких минут, отчего ощущал себя перед ним словно бы в долгу.

Теперь, когда все самое важное в этой поездке было уже сделано, на первое место в его мыслях выдвинулось дело «Неман».

Вчера сразу же после получения текста дешифровки он запросил через ВОСО[1] данные о движении эшелонов в период с 9 по 13 августа по шести железнодорожным узлам в оперативных тылах фронта. Сведения уже подготовили, надо было сесть спокойно и, отстранясь от всего, проанализировать их. Поляков решил сделать это в Лиде, обсудив все с Алехиным и уделив делу «Неман» часть ночи, а если понадобится, и всю первую половину дня. После разговора с генералом он соединился со своим заместителем и приказал немедля отправить в Лиду, в отдел контрразведки авиакорпуса, сведения, полученные из ВОСО.

Было ровно девять часов вечера, когда, покончив с делами в Гродно, он приехал на станцию. В продпункте, получив по талону две мокрые алюминиевые миски с лапшой и кашей, сдобренной тушенкой — это называ-

---

[1] ВОСО (военные сообщения) — органы тыла, занимающиеся перевозками войск, военной техники и грузов.

лось «гуляш»,— он уселся за длинным пустым столом в зале для рядового и сержантского состава — там было светлее.

Он не ел ничего с утра, но прежде, чем начать, полез в планшет за газетой. Дурную привычку непременно читать за столом он приобрел еще в довоенную журналистскую пору. С годами это стало потребностью: за едой обязательно получать новую информацию и осмысливать ее.

В газете — он мельком просмотрел ее днем — был напечатан большой очерк Кости Струнникова, в прошлом ученика и сослуживца подполковника. Костя пришел со студенческой скамьи, работал у Полякова в отраслевой газете литературным сотрудником, подавал надежды, но не больше. В войну же, став фронтовым корреспондентом, как-то сразу вырос, писал все лучше, и Поляков радовался каждой его публикации.

Доставая из планшета газету, Поляков увидел пакет со снимками, вынул, разложил фотографии рядом с мисками и сразу же полез за контрольной.

Память его не подвела, он не ошибся: отпечатки протектора угнанного «доджа» были идентичны со следами шин, обнаруженными группой Алехина в лесу под Столбцами.

Словно все еще не веря, он некоторое время рассматривал фотографии, затем убрал и, раскрыв газету, принялся за еду, однако сосредоточиться на очерке не мог.

Торопливо съев «гуляш», он поехал в госпиталь.

* * *

В толстой папке с медицинскими заключениями о смерти — к каждому был приложен акт патологоанатома — документов Гусева Николая Кузьмича не оказалось: Поляков по листику просмотрел все дважды.

Госпитальное начальство и писаря с книгой регистрации поступлений находились на станции: там принимали раненых из двух санитарных эшелонов.

Поляков обратился к дежурному врачу.

— Сержант Гусев, шофер?.. Это мой больной,— сказала она и, не скрывая недоумения, заметила: — Какие могут быть документы о смерти, если он жив...

Минуты две спустя они шли по широкому коридору мимо стоящих по обеим сторонам коек с ранеными. Полякову тоже пришлось надеть белый халат, который оказался ему велик, на ходу он подворачивал рукава. Остро пахло йодоформом и карболкой — враждебный, проклятый запах, напомнивший ему первый год войны и госпиталя в Москве и в Горьком, где после тяжелого ранения он провалялся около пяти месяцев.

— Его оглушили сильнейшим ударом сзади по голове,— рассказывала женщина-врач,— у него перелом основания черепа и сотрясение мозга. Затем ему нанесли две ножевые раны сзади в область сердца, по счастью, неточно.

Им навстречу на каталке с носилками санитарка, девчушка лет пятнадцати, везла раненого.

— Но сейчас его жизнь вне опасности? — посторонясь, справился Поляков.

— В таких случаях трудно утверждать что-либо определенно. И разговор с ним безусловно нежелателен. Коль это необходимо, я вынуждена разрешить, но вообще-то... Вы его не утомляйте,— вдруг совсем неофициально попросила она, улыбнулась, и Поляков отметил, что она еще молода и хороша собой.— До войны он возил какого-то профессора и сейчас просит об одном: чтобы его обязательно показали профессору... Сюда...

В маленькой, на четверых, палате для тяжелораненых она указала на койку у окна и тотчас ушла. Под одеялом лежал мужчина с худым измученным лицом, перебинтованной головой и грудью. Безжизненным, отрешенным взглядом он смотрел перед собой.

— Добрый вечер, Николай Кузьмич,— поздоровался подполковник.— Как вы себя чувствуете?

Гусев, словно не понимая, где он и что с ним, молча глядел на Полякова.

— Николай Кузьмич, я спрашиваю, как ваше самочувствие?.. Вы меня слышите?

— Да,— шепотом, не сразу ответил Гусев и осведомился: — Вы профессор?

— Нет, я не профессор. Я офицер контрразведки... Мы должны найти тех, кто напал на вас. Как это все произошло?.. Вы можете рассказать?.. Постарайтесь — это очень важно.

Гусев молчал.

— Давайте по порядку,— присаживаясь на край кровати, сказал Поляков.— Неделю тому назад вы выехали на своей машине из Гродно в Вильнюс... Они что, остановили вас на дороге?

Он смотрел на Гусева, но тот молчал.

— Где вы с ними встретились?

Гусев молчал.

— Николай Кузьмич,— громко и подчеркнуто внятно сказал Поляков.— Как они попали к вам в машину?

— На контрольном пункте,— прошептал Гусев.

— Они сели на контрольном пункте,— с живостью подхватил Поляков.— При выезде из Гродно?

— Да...

— Их было трое? — Поляков показал на пальцах.— Или двое?

— Двое...

43. АЛЕХИН

Прежде всего я потребовал от Окулича предъявить все имеющиеся у него документы.

Став нетвердыми ногами на лавку, он достал с божницы из-за иконы и протянул мне два запыленных паспорта — свой и жены,— выданные в 1940 году Быховским районным отделением милиции.

— А другие документы?! Фотографии?... Ваша партизанская медаль?

Он посмотрел на меня, как кролик на удава, потом, вяло переставляя ноги, проследовал в сенцы. Там он снял старое деревянное корыто и какие-то доски с темного полусгнившего ящика, до краев наполненного золой, не без усилия сунул в середку руку и вытащил с низа большую жестяную коробку.

В хате я открыл ее и разложил содержимое на столе. В коробке оказались:

медаль «Партизану Отечественной войны» второй степени и удостоверение к ней, полученные Окуличем неделю назад, о чем я знал;

немецкие оккупационные марки — пачка, перевязанная тесемкой;

десяток довоенных квитанций на сдачу молока, мяса и шерсти;

стопка фотографий Окулича, его жены и их родствен-

ников, в том числе двух его младших братьев в красноармейской форме;

четыре медицинские справки;

несколько облигаций государственных займов;

тоненькая пачка польских денег, ассигнации по сто злотых каждая;

две почетные грамоты, полученные Окуличем до войны за хорошую работу в Быховском райпромкомбинате.

Под грамотами на дне коробки я увидел знакомый мне листок плотной желтоватой бумаги, так называемый аусвайс, немецкое удостоверение личности, выданное Окуличу в октябре 1942 года начальником лидской городской полиции Бруттом.

— Зачем вы это храните? — указывая на пачку оккупационных марок и аусвайс, строго спросил я.— Думаете, немцы вернутся?

— Не.

— А тогда зачем?.. Я не потерплю от вас и слова неправды! Если соврете мне хоть в мелочи — пеняйте на себя!.. Прежде всего расскажите о тех двух офицерах, что позавчера заходили к вам. Кто они? Откуда вы их знаете?

Он посмотрел на меня с мученической покорностью и начал говорить.

Эти офицеры впервые появились у него позавчера, сказали, что выменивают продукты для своей части. Интересовали их овцы, копченое сало, мука-крупчатка и, в меньшей степени, свиньи. В обмен они предложили керосин, соль и новое немецкое обмундирование.

Окулич маялся с освещением все годы оккупации, пробавлялся различными коптилками и потому, поговорив с офицерами, решил запастись керосином. Сегодня рано утром они приехали на машине, сбросили бочонок у стодолы и, взяв его, Окулича, отправились в Шиловичи, где в одном из дворов содержалась вся его животина. Там он вывел им овцу, яловую, постарше, но капитан не согласился и, пристыдив его, взял молоденькую, самую крупную.

В закрытом тентом кузове машины, когда туда грузили ярку, он видел на сене несколько связанных овец и годовалого большого кабана, там же у самой кабины стоял еще десяток точно таких бочонков, какой сброси-

ли ему, а под скамейками вдоль бортов лежало несколько мешков, что в них было, не знает, не разглядывал.

Офицеры торопились и, забрав ярку, сразу уехали. Номер машины он не помнил, просто не обратил внимания.

Я спросил: такого рода обмен эти офицеры произвели только с ним или с кем-нибудь еще? Он помялся и назвал двух соседей-хуторян — Колчицкого и Тарасевича.

Без наводящих вопросов он сам мне сообщил, что Николаев и Сенцов позавчера оставили у него в погребе на холоду плотно набитый вещмешок, в котором был, как они сказали, копченый окорок, очевидно, разрезанный на части. Чтобы ветчину не попортили крысы, они положили вещмешок в пустую кадушку и придавили сверху крышку тяжелым камнем. Все это проделал собственноручно младший из офицеров, он же сегодня утром достал оттуда вещмешок; Окулич и в руках его не держал.

Я спустился в погреб и внимательно осмотрел эту кадушку, но никаких следов нахождения там вещмешка с окороком, как и следовало ожидать, не обнаружил и запаха ветчины при всем старании не уловил. По моей просьбе в погреб спустили кошку; она обошла кадушку, втягивая ноздрями воздух, потом прыгнула внутрь и принялась обнюхивать дно и боковые клепки. И я подумал, что в вещмешке, очевидно, действительно был окорок или что-нибудь съестное.

В углу стодолы лежал немецкий металлический бочонок емкостью в пятьдесят литров. Свинтив пробку, я опустил в отверстие палку, вынув, обнюхал ее и по запаху убедился, что это керосин, причем немецкий синтетический. Возле стодолы на земле виднелись свежие следы протектора «студебеккера», а перед воротцами — вмятина от ребра бочонка на том месте, где его сбросили из кузова.

Рассказ Окулича подтверждался фактами и представлялся мне правдоподобным. Теперь стал понятен и его страх, и почему он попытался скрыть от меня свои отношения с Николаевым и Сенцовым.

Он сознавал незаконность совершенного обмена и не без оснований страшился ответственности. Рассуждал он, наверно, так: овцу увезли, а теперь, если узнают, и керосин отберут, и самого его посадят за участие в рас-

хищении государственного армейского имущества — по законам военного времени это пахло трибуналом. И потому во избежание неприятностей сделку с Николаевым и Сенцовым, по его разумению, безусловно, следовало утаивать.

Он не сообразил, не учел только того обстоятельства, что керосин был трофейный. В последние полтора месяца немцы при отступлении бросали сотни складов и эшелонов с различным военным имуществом и горючим Все это полагалось приходовать, однако на использование некоторого количества трофеев для нужд личного состава частей Действующей армии смотрели сквозь пальцы.

Жизнь на хуторах вынуждала людей всячески приспосабливаться, и Окулич не представлял собою исключения, просто он был трусливее и осторожнее многих других.

Немцев отогнали за Вислу, но он продолжал хранить оккупационные марки и аусвайс — а вдруг они еще вернутся?.. Было несомненным фактом, что около месяца, рискуя жизнью, он укрывал у себя комиссара бригады, однако делал он это, думается, опять же из инстинкта самосохранения: немцы могли и не пронюхать, а если бы не захотел, не стал укрывать, ему бы не поздоровилось от партизан. И я был убежден, что, как это ни парадоксально, но спас он комиссара в основном из страха, заботясь прежде всего о своей шкуре.

Относительно Окулича для меня все вроде бы прояснилось, и, уходя с ним от хутора к машине, я сказал его жене:

— Он вернется до вечера. Не беспокойтесь и никаких разговоров с соседями. Поняли?

Она утвердительно кивнула головой.

В Шиловичах старик и старуха Божовские подтвердили, что действительно сегодня утром приезжала большая крытая машина и Окулич помог погрузить в нее ярку из числа тех семи его овец, что содержатся у них. Они в деталях повторили то, что он мне говорил, и довольно точно обрисовали внешность Николаева и Сенцова.

Выехав за деревню, я отпустил Окулича, строго предупредив, чтобы о нашем разговоре не сболтнул ни слова. Когда спустя минуту я обернулся, он быстро шел, почти бежал к своей хате.

В невеселом раздумье я возвращался в Лиду. Хижняк, успевший обнаружить в одной из рессор лопнувший лист, тоже был молчалив и мрачен.

В поведении Николаева и Сенцова было немало весьма подозрительного и для нас пока совершенно необъяснимого, не говоря уже о целлофановых обертках для стограммовых порций сала — специальной расфасовке, предназначенной у немцев для десантников и агентов-парашютистов.

Но после разговора с Окуличем, со стариками Божовскими и хуторянином Колчицким (Тарасевича не оказалось дома) у меня появились серьезные сомнения относительно версии с Николаевым и Сенцовым.

Я не мог утверждать что-либо определённо, но почувствовал, выражаясь словами Таманцева,— пустышку тянем...

44. ТАМАНЦЕВ

Фомченко разбудил меня, как я приказал, точненько, минута в минуту, и старательно доложил свои наблюдения — ничего существенного.

Исполнительные они оба, особенно Фомченко. Старше меня по званию, а скажешь слово — и бросается, как мальчик, на полусогнутых.

Хорошие они ребята, только ведь это не профессия. А толку от них в случае чего будет на грош — это уж как пить дать! Умения у них нет, да и возраст... После тридцати мышцы теряют быстроту и реакция не та...

Юлия уже на моих глазах трижды ходила к лесу и притаскивала оттуда валежник, очевидно про запас, на зиму. Каждый раз, чтобы не терять ее из вида, я перебирался к другому чердачному окну и наблюдал оттуда. Но у леса она не задерживалась, в чащу ни разу не углублялась, она торопилась назад, к малышке, и цель ее ходок, несомненно, была одна — топливо.

Волокла здоровенные валежины и толстые сучья — еле-еле перла,— их бы надо пилить, а она принялась затем тюкать ржавым колуном.

У Свирида наверняка имелись топор с пилой, была у него и лошадь, и дров навалом — две большущие поленницы березового швырка,— и не хворый бы по-родственному подбросить ей хоть воз.

Юлия возилась на виду около хаты, а я тем временем подзанялся с Фомченко и Лужновым.

Все эти оперативники из частей для поимки агентов-парашютистов практически непригодны. Тут нужны розыскники-профессионалы, поймистые, с мертвой хваткой. А эти, объектовые, что они умеют, чем занимаются?.. В авиации — противодиверсионным обеспечением техники и аэродрома, ну еще предотвращением возможного перелета. И я сразу сказал себе: коль их прислали, ничего не поделаешь, но надейся только на себя.

Однако я хорошо знал, что от такого вот геморройного занятия, от долгого безрезультатного сидения скисают и более опытные и крепкие мужики. А неизвестно, сколько нам еще придется здесь проторчать.

Сколько бы ни пришлось, мы должны — как пружина в капкане — каждое мгновение быть готовы к действию. И потому моя обязанность поддерживать этих двух морально и физически плюс поднатаскать их, сообщить им хоть какие-то азы, и прежде всего применительно к нашему заданию.

Все это я обдумал еще ночью и решил, чтобы не терять время попусту, ежедневно два-три часа заниматься с ними.

Начал я от Адама и Евы: рассказал о своей первой встрече с агентами-парашютистами; я ее помнил так, будто это было не три с лишним года назад, а вчера или даже сегодня.

Вижу как сейчас: шоссе под Оршей — вторая неделя войны. Беженцы, подводы с барахлишком, инвалидами и стариками, обозы с ранеными. Воронки от бомб, трупы на обочинах. Гонят скот, вывозят машины, станки, и бредут, бредут навьюченные даже дети, тащатся из последних сил — только бы уйти от немца. Плач, рев, растерянность, неразбериха, самые невероятные слухи, десанты и диверсанты. А немецкие самолеты ходят по головам, что хотят, то и делают.

В задачи и обязанности нашего погранполка, державшего в тот момент контрольно-пропускной и заградительный режимы на отходах от Орши, только официально — по приказу — входило:

наведение и поддержание в тылах фронта должного порядка;

проверка документов, а в случае необходимости —

при возникновении подозрений — и личных вещей как у гражданских, так и у военнослужащих независимо от занимаемых должностей и званий; проверка всего проходящего гужевого и автотранспорта;

охрана важнейших объектов и обеспечение бесперебойной работы связи;

задержание и доставка на сборные пункты самовольно уходящих в тыл красноармейцев, командиров; вылавливание и арест дезертиров;

регулирование движения на дорогах и эвакуации; предельная загрузка всего транспорта, двигающегося на восток; очищение в случае необходимости дорог от беженцев;

ну и, разумеется, в первую очередь — поимка и уничтожение немецких шпионов и диверсантов, борьба с вражескими десантами.

Все это входило в наши задачи и обязанности официально, по приказу, а чем мы только тогда не занимались — не перечислишь! — даже роды приходилось принимать.

Так вот под вечер останавливаем на шоссе для проверки «эмку». Рядом с водителем — майор госбезопасности: сиреневая коверкотовая гимнастерочка, на петлицах — по ромбу, два ордена, потемнелый нагрудный знак «Почетный чекист». На заднем сиденье — его жена, миловидная блондинка с мальчиком лет трех-четырех, и еще один, спортивного вида, со значком ворошиловского стрелка и двумя кубарями — сержант госбезопасности[1]. Майор Фомин с женой и ребенком следует в город Москву, в распоряжение НКВД СССР. Кроме личных вещей, в машине два толстенных пакета, опечатанные гербовыми сургучными печатями НКВД Белоруссии, — совершенно секретные документы, что оговорено в предписании. И шофер там указан и сержант — для охраны.

Все чин чином, все продумано и правдоподобно. Документы безупречные; на удостоверении у майора хорошо нам уже знакомая подпись — черной тушью — Наркома внутренних дел Белоруссии, а на удостоверении к нагрудному знаку, выданному еще в 1930 году, личная

[1] Сержант госбезопасности и майор госбезопасности — специальные звания начальствующего состава органов НКВД того времени.

роспись Менжинского. И у жены, вольнонаемной сотрудницы органов НКВД, и у военного шофера, и у сержанта — тоже абсолютно безупречные документы. Номер у «эмки» минский, паспорт и путевой лист подлинные, соответствующие; на висящем в машине маузере-раскладке серебряная пластинка с гравировкой: «Тов. Фомину (инициалы) от ОГПУ СССР».

Ни единой задоринки — ни в бумагах, ни в экипировке, ни в поведении. Имелись даже сходные признаки в словесных портретах ребенка и родителей — белявый, с голубыми глазами, как и мама, и скуластый, с широким прямым лбом, как отец. Все чин чином плюс отличное знание оперативной обстановки. Майор промежду прочим негромко, доверительно сказал:

— Вы от Бориса Ивановича? От Кондрашина?..

Капитан Кондрашин Борис Иванович третьи сутки исполнял обязанности командира нашего погранполка — даже это они знали.

И все-таки мы их взяли.

Рассказывая Фомченко и Лужнову действительный случай, я для пользы дела по воспитательным соображениях кое-что приукрасил.

Взяли мы в основном трупы, а блондинку, тоже начавшую стрелять, тяжело ранили.

Как оказалось, мальчик был сынишка советского командира, подобранный немцами где-то у границы в первые сутки войны. Его натаскивали несколько дней, приучали называть «майора» папой, а блондинку — мамой, и приучили. Но так как он иногда сбивался и говорил ей «тетя» (или ему «дядя», уже не помню), ребенка заставляли молчать, когда его держали за руку. С этой же целью — чтобы в нужные минуты он не говорил — ему засовывали в рот леденцы.

При проверке документов, сжимая маленькую ладошку, «мама»— она оказалась радисткой — от напряжения, видно, сделала ему больно, и он поморщился.

Кстати, потом, обхватив ее, окровавленную, полуживую обеими руками, он вцепился намертво и дико кричал; в этой страшной для него передряге она наверняка казалась ему самым близким человеком.

Был я тогда молодым и сопливым, хотя два года уже прослужил на границе. И заметил, что она сдавливает мальчику ладошку и он морщится и что рот у него занят

леденцами, не я, а лейтенант Хрусталев, мой начальник заставы, проверявший документы.

Он и подал нам условный знак, а сам, взяв у бойца-пограничника винтовку, не говоря ни слова, с силой ткнул штыком несколько раз в засургученные пакеты — звук был металлический (там оказались рации в специальных дюралевых футлярах).

— Что вы делаете?! — возмущенно закричал майор.

Это был сигнал, потому что мгновенно все четверо выхватили пистолеты.

Я страховал с левой стороны машины, стоял у задней дверцы и по расчету «держал» в первую очередь «сержанта» и шофера. Как только они обнажили свои пушки, я без промедления вогнал «сержанту» две пули между глаз, а третью всадил в висок шоферу.

«Майора» заколол Хрусталев; он же обезвредил и блондинку, успевшую, однако, смертельно ранить бойца-пограничника.

Толковый мужик был Хрусталев, находчивый, умелый и решительный. Он не только что у майора, он и у комиссара госбезопасности или генерала в случае необходимости проверил бы штыком и любые секретные пакеты и какой угодно багаж.

Толковый он был мужик, а спустя неделю в такой же примерно ситуации, как под Оршей, только ближе к Смоленску, помешкал секунды и заплатил за это жизнью. Тут всегда так — кто кого упредит...

Про трупы я, понятно, и слова не сказал. А лозунг тогда, промежду прочим, везде был, да и команда нам: «Уничтожай немецких шпионов и диверсантов!» Сколько мы их перестреляли... Пока не поумнели. А теперь вот попробуй хоть одного взять неживым, да с тебя три шкуры снимут и в личное дело подошьют.

Просвещая Фомченко и Лужнова, я, чтобы они не отвлекались, одновременно продолжал наблюдать. Я говорил, то и дело поглядывая в окно, а они смотрели мне в рот глазами девять на двенадцать.

Примечательно, что воевали оба, как и я, с первого лета. Фомченко до ранения был штурман эскадрильи, а Лужнов — командир звена. Не знаю, как они летали, судя по наградам, неплохо. Что же касается активного розыска и силового задержания, они не представляли

себе азбучных истин, и я уверился, что проку от них будет в случае чего — шиш да кумыш!..

Выждав, пока сумерки сгустились, мы натаскали на чердак сена, полыни от блох и устроились с удобствами.

Как только совсем стемнело, я расположил офицеров в кустах за хатой Юлии, метрах в пятидесяти, а сам поместился с другой, фасадной стороны. Предварительно мы оговорили все возможные ситуации и обусловили сигналы взаимодействия; я разъяснил им все дважды, втолковал, как первоклашкам.

— Если он будет один,— прямо сказал я,— то вы мне не понадобитесь. Если будет один, сидите и не вылезайте...

45. АЛЕХИН И ПОЛЯКОВ

Алехин не слышал шума подъехавшей машины; он проснулся оттого, что его трясли за плечо. Открыл глаза и сразу поднялся: возле него, присвечивая фонариком поверх изголовья кровати, стоял подполковник Поляков.

Завесив окно плащ-палаткой, Алехин зажег лампу-молнию и поспешно оделся, взглянув при этом на часы: без пяти минут три — часа два еще вполне можно было бы поспать...

— Ты извини, у вас перекусить чего-нибудь найдется? — спросил Поляков.

Он уже снял пилотку, шинель, положил на стол набитый авиационный планшет и, невысокий, коренастый, потирая маленькие пухловатые руки, расхаживал по комнате.

Алехин достал начатую баночку тушенки, несколько вареных картофелин и хлеб. Пока Поляков ел, он, присев сбоку, рассказывал о том, что сделано за прошедшие сутки, о своих визитах к Гролинской и Окуличу, о поисках в городе и разговоре по «ВЧ» с генералом. Подполковник слушал, изредка задавая вопросы, его некрасивое, с небольшим прямым носом и выпуклым шишковатым лбом лицо ничего не выражало. Лишь когда Алехин сообщил о целлофановых обертках, он оживился и попросил показать. Посмотрел на свет и, потянув носом, произнес:

— Июнь сорок четвертого... И номер партии тот же... Занятно!

Поляков был тем самым человеком, чье мнение и советы в ходе розыска, без сомнения, интересовали Алехина. как и других чистильщиков, более всего. Подполковник обладал редкостным талантом делать правильные выводы из минимума данных. Осмысливая факты, он нередко по какой-нибудь частности приходил к весьма неожиданному умозаключению и, как правило, не ошибался. Поэтому Алехин обстоятельно, до мелочей, изложил ему все, в том числе и свои сомнения относительно версии с Николаевым и Сенцовым, и, закончив, обратился в слух.

Тем временем Поляков, доев последнюю картофелину, закурил; потом достал из планшета два конверта — почтовый и побольше размером,— вынул карту и разложил ее на столе.

Наконец он заговорил тихо и, как всегда, неторопливо, но не о том, что ожидал Алехин. Поляков принялся подробно рассказывать о случае угона «доджа» и о сержанте Гусеве. Алехин слушал с напряженным вниманием: имела эта история отношение к «Неману»— такая догадка мелькнула у него, когда была названа марка автомашины,— или не имела, а Поляков наверняка желал знать и его, Алехина, соображения.

— ... На контрольном пункте при выезде из города к нему в машину попросились двое: старший лейтенант и лейтенант. Были они в плащ-накидках; старший лейтенант в возрасте лет сорока, плотного телосложения, с небольшими усами... в фуражке полевого образца. Лейтенант значительно моложе, но внешность его он совершенно не помнит...

— Вещи у них были? — поинтересовался Алехин.

— Да. Как он припоминает, небольшой потертый чемодан и трофейный ранец с бурым верхом... Говорили они чисто, но по произношению не исключено, что старший — украинец. Они уселись в машине за его спиной, и он поехал. За Озерами старший лейтенант попросил остановить, как он сказал, по малой нужде. Место там безлюдное, лес с обеих сторон вплотную подходит к шоссе. Гусев остановил машину и собирался закурить — они угостили его папиросой,— но был оглушен ударом по голове и что было дальше — не помнит... Сидел он в этот момент за рулем, а рана от удара над левым ухом.

— Левша...

— Да, удар был нанесен левшой или человеком с одинаково развитыми руками, что, впрочем, маловероятно. Очнулся в кустах, услышал — неподалеку проезжают машины, дополз с трудом до шоссе, где и был подобран. По-видимому, они, оглушив, оттащили его в кусты, стрелять не решились, чтобы не привлечь внимания, и, лежачего, дважды ударили ножом в спину. Целили в сердце, но не попали: машина стояла на шоссе, они торопились, и это, очевидно, его спасло... У него взяты красноармейская книжка, проездные документы и деньги. Примечательно, что взяли самодельный портсигар из дюраля, а хорошие наручные часы не тронули. Из диска автомата, находившегося в машине, вынуто около сорока патронов...

— Они были в плащ-накидках, откуда же ему известны их звания?

— Он видел погон на гимнастерке старшего лейтенанта: когда тот влезал в машину, плащ-накидка распахнулась. Запомнил, что на погоне было три звездочки, а выше дырочка и примятость, как он полагает, от эмблемы.

— А может, от четвертой звездочки?

— Он полагает, от эмблемы. Причем от артиллерийской. Цвет канта он не заметил, но почему-то убежден, что они — артиллеристы. Это его предположение, чисто интуитивное; на чем оно основано, он так и не смог объяснить. Когда он согласился их взять, старший сказал другому: «Садитесь, лейтенант». В машине они больше молчали, да он и не прислушивался... Уверяет, что они высокого роста, но я думаю, это субъективность восприятия: он сам маленького роста и, по его определению, у меня средний рост... Полагает, что в лицо узнал бы обоих, однако описать их внешность для словесного портрета не смог. Говорит — обыкновенные офицеры!.. Зачем я тебе о них так подробно рассказываю?..— Поляков вынул из большего пакета две фотографии и положил перед Алехиным.— Это — отпечатки шин угнанного «доджа»... А это — следы машины, обнаруженные вами в лесу под Столбцами...

Рассматривая фотографии, Алехин нащупал рукой лежащую на столе пачку «Беломорканала» и вытянул папиросу.

— Вроде... полная идентичность,— сдерживая волнение, сказал он погодя и закурил.

— Да, совпадают все индивидуальные особенности протектора... например, поперечный разрез на шине правого заднего колеса... Теперь как будто ясно, что неизвестные, пытавшиеся убить Гусева и захватившие «додж», имели разыскиваемую нами рацию... Завладев машиной, они поехали за Столбцы,— Поляков показал на карте,— свернули в лес и вышли в эфир. Это было седьмого августа, в день первой пеленгации. И дата, и час, и место совпадают. Затем, проехав к Заболотью, они загнали машину в лес и замаскировали, быть может, рассчитывая ею при случае еще воспользоваться. Машина найдена в безлюдной чаще — до ближайшего хутора два километра, и обнаружили ее случайно... Я распорядился устроить засаду, хотя мало верю, что они появятся...

Поляков говорил тихо и так неторопливо, будто в сутках было не двадцать четыре, а, по крайней мере, тридцать шесть часов. Излагая розыскные сведения, он, по обыкновению, все время обдумывал и ставил под сомнение каждый сообщаемый факт и свои предположения и требовал таких же размышлений и критического отношения от тех, кто его слушал. Он не любил бездумного поддакивания, его правилом было, чтобы подчиненные откровенно и независимо высказывали свои соображения и при несогласии спорили с ним, противоречили и опровергали. За три года совместной работы Алехин отлично усвоил эту манеру обсуждения, ценил ее эффективность и знал, что подполковник прежде всего ожидает сейчас от него инакомыслия, возражений, но для этого в данном случае не имелось никаких оснований.

— Захватив машину, они проехали к Столбцам...— рассматривая карту, сказал Алехин,— это около двухсот километров... Для того чтобы выйти в эфир, вовсе не обязательно проделывать такой путь... Затем вернулись на запад, почти в тот же самый район...

— Уловил? — обрадованно оживился Поляков.

— Пытаюсь... Или рация находилась где-то в районе Столбцов, или они там с кем-то связаны... Да, текст двух остальных перехватов сейчас бы весьма пригодился... Рацию, очевидно, потом перевезли и спрятали где-нибудь

неподалеку от Шиловичского леса, а может, и в самом деле...

— Я тоже так думаю! Существенная деталь: из кузова «доджа» исчезла малая саперная лопатка.

— Тайник?..

— Скорее всего! — Поляков улыбался, довольный подтверждением своих мыслей.— Большая саперная лопата на месте, и топорик на месте, и весь инструмент, а малая исчезла. Гусев за день до того получил ее со склада — новенькую! Успел вырезать на черенке свои инициалы Эн и Гэ — Николай Гусев,— чтобы не позаимствовали другие шофера... При осмотре места обнаружения «доджа» лопатку не нашли, хотя именно ее не искали: что она пропала, я узнал позднее. Для подтверждения версии о тайнике, наверно, придется специально осмотреть еще раз всю рощу.

— Роща — это не проблема. А вот найти тайник в таком лесу, как Шиловичский,— задачка! — невесело сказал Алехин.— Не легче, чем отыскать место выхода в эфир.

— Да, тут надо хорошенько подумать,— согласился Поляков.— Добраться до тайника — это уже, считай, полдела. Я сейчас еще не готов, но сегодня же предложу вам что-нибудь конкретное...— пообещал он.— Теперь, Павел Васильевич, насчет Николаева и Сенцова... Твои сомнения я разделяю. Как это ни печально, а попахивает пустышкой! Немало противоречивого... Одно дело действовать под видом заготовителей, другое... Откуда у них, например, десяток бочонков с керосином? Зачем им вся эта живность?.. Сомнительно... Весьма!.. В то же время на все сомнения и противоречия имеется и довольно увесистое «но»...

Из меньшего по размеру почтового конверта Поляков вынул сложенный вдвое листок целлофана и протянул Алехину.

— Это было в кузове «доджа».

Взяв целлофан, Алехин развернул его, потер о тыльную сторону ладони — кожа засалилась,— понюхал и, приблизя к лампе, посмотрел на свет, затем для сравнения поднял рядом одну из оберток, оставленных Николаевым и Сенцовым в доме Гролинской.

— Совпадает все — и фирменный знак, и месяц выпуска, и номер партии,— продолжал Поляков.— Ни Гу-

сев, ни его командиры в автобате сала в такой упаковке никогда не видели, даже не представляют, что это такое. Кстати, перед выездом он вымыл кузов. Так что это, несомненно, оставлено двумя неизвестными, пытавшимися его убить и угнавшими «додж», оставлено теми, кого мы ищем.

— Значит, один из них предположительно — левша, а старший, судя по произношению, возможно,— украинец.— Алехин усмехнулся.— Каждый двадцатый в жизни — левша и каждый шестой военнослужащий — украинец.

— Да, скажем прямо, негусто,— согласился Поляков; он сложил карту и вслед за конвертами с целлофановыми обертками и фотографиями сунул ее в планшет.— Кстати, Гролинская не заметила у Николаева украинского произношения?

— Нет. Я интересовался речью обоих... Она убеждена, что он сибиряк.

— По внешности и по возрасту Николаев и Сенцов в целом схожи с теми, кто нам нужен... В приблизительных общих чертах: один постарше и поплотнее, второй моложе, выше и стройней...

— И у тех двух, которых видел Васюков, тоже есть такое сходство.

— Да, обе пары во многом схожи с теми, кого мы ищем. Есть, конечно, и явные различия, впрочем, в деталях, функциональные... Звания, головные уборы, личные вещи, усы — все это легко видоизменить... Что характерно...— задумчиво сказал Поляков,— обилие общих сведений и версий и скудность конкретного...— Он посмотрел на часы и поднялся.— Ты извини, но спать уже не придется... Идем в отдел, может, там есть что-нибудь новое...

46. НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ ГЕНЕРАЛ ЕГОРОВ

В отделе контрразведки авиакорпуса ни ответа на запрос о Николаеве и Сенцове, ни каких-либо свежих сообщений по делу «Неман», к сожалению, не было.

Шифровальщик, занятый чем-то срочным, даже не подойдя к обитой железом двери, крикнул, что для Алехина и подполковника у него пока ничего нет, и, словно извиняясь за свое невнимание к Полякову, добавил, что, как только освободится, зайдет.

Кипяток на кухне Алехину пообещали нагреть минут через пятнадцать.

Поляков открыл кабинет начальника отдела, зажег свет, снял пилотку и шинель, разложил на столе бумаги из планшета, поставил термос и чайные принадлежности. За годы войны ему приходилось располагаться на время для работы не только в случайных, чужих кабинетах, но и во всяких каморках, землянках и блиндажах, по сравнению с которыми это просторное, чистое, проветренное помещение представлялось чуть ли не дворцом. Особенно ему здесь нравился покрытый плексигласом большущий письменный стол.

Прежде всего он просмотрел собранные Алехиным в папку документы по делу «Неман», с особым вниманием последние, поступившие после его отъезда в Гродно. Прочитав сообщение о белорусском отделении Дальвитцской разведшколы (он уже слышал о нем от Алехина), Поляков не без иронии улыбнулся:

— Чего-чего, а общих неконкретных версий более чем достаточно.

Потом Алехин пошел за кипятком, а подполковник набрасывал ориентировку о разыскиваемых — двух неизвестных, пытавшихся убить Гусева и угнавших «додж»,— когда дверь распахнулась и на пороге появился Егоров, высокий, здоровенный, в матерчатой фуражке с полевой звездочкой и ватной стеганке без погон. Вошедший следом адъютант — румяный кареглазый лейтенант с автоматом на спине, чистенький и подтянутый,— внес небольшой кожаный чемодан.

— Здравия желаю,— поднялся Поляков.

— Живой? — снимая фуражку, проворно принятую адъютантом, сильным окающим басом спросил Егоров.

— Как видите,— усмехнулся Поляков.

— Садись... И неплохо устроился,— оглядывая кабинет, заметил Егоров.— А нас по дороге обстреляли... Еле проскочили! — Он сбросил стеганку с разрывами на плече, из которой торчала вата, и остался в гимнастерке с двумя рядами орденских планок и погонами генерал-лейтенанта.— Зашей! — приказал он адъютанту и повернулся к Полякову: — Безопасность родного начальства обеспечить не можете!

— Так ночью спать надо.

— Спать?.. Вот спасибо, что просветил!..— Егоров

уселся против Полякова и посмотрел на стол.— Неплохо!.. Выжил хозяина из кабинета, чаи гоняешь... До начальства далеко... Как у Христа за пазухой!..

Он шутил, но его широкоскулое, с тонкими твердыми губами и квадратным подбородком с угибом посредине лицо сохраняло при этом властное, суровое выражение.

Поляков слишком хорошо знал генерала, чтобы не почувствовать за его шутливостью какого-то напряжения или недовольства и не понять, что все это только присказка, предисловие.

— Вы сюда, в Лиду, проездом?

— Нет, не проездом! Где Алехин?

— Здесь.

— Вы тексты перехватов по «Неману» от седьмого августа и позавчерашний получили?

— Нет.

— Странно! Я, выезжая, приказал немедля передать в Лиду.

— Может, и пытались. У аппарата никого не было. Я здесь всего минут пятнадцать,— пояснил Поляков.

— А шифровальщик на месте?

— Да. Он занят чем-то срочным. Но о перехватах он мне ничего не сказал. Может, как раз их и расшифровывает.

— Что нового? — постукивая пальцами по краю стола, быстро спросил генерал.— С Николаевым и Сенцовым прояснили?

— Не совсем... Еще нет ответа на запрос. У Алехина сомнения относительно этой версии, и я их разделяю.

Лицо Егорова сделалось еще более суровым.

— Здравия желаю,— войдя с чайником в руке, поздоровался Алехин.

Егоров обернулся и тяжелым, сумрачным взглядом посмотрел на него.

— Что так отощал?

— Волка ноги кормят,— усмехаясь, сказал Поляков; он поднялся и взял чайник.

— Плохо они вас кормят, плохо!.. Что делается по Павловскому?

— Устроена засада в месте его наиболее вероятного появления.

— Если не ошибаюсь, там оказалось два таких места.

— Мы выбрали одно, более перспективное,— нето-

ропливо продолжал Поляков, заливая кипятком заварку в маленьком фарфоровом чайничке.— На вторую засаду у нас нет людей.

— Будут! Немедля организуйте! Немедля! — подчеркнул Егоров, барабаня пальцами по краю стола.— Есть еще зацепки?

— Обнаружились весьма интересные обстоятельства. Звонил вам ночью из Гродно, но вас уже не было. Вы помните случай с угоном «доджа» Сто тридцать четвертого моторизованного батальона?

— Это имеет отношение к делу «Неман»? — нетерпеливо спросил Егоров.

— Непосредственное.

Поляков уже наполнил термос кипятком и, завинтив крышку, принялся кратко излагать суть разговора с Гусевым и свои соображения.

Егоров слушал молча, потирая ладонью прорезанный наискось широким багровым шрамом затылок, что он делал обычно в минуты волнения и напряженной работы мысли. Потом, развернув вынутые Поляковым листки целлофана, внимательно осмотрел каждый, сравнил, потрогал пальцами и понюхал.

— Все это существенно,— сказал он затем,— но практически мало что нам дает. Фактов полно, а зацепиться не за что. Даже словесные портреты этого левши и второго составить невозможно.

— К сожалению. Но мы все равно объявим их в розыск.

— Я думаю!.. Ваше предположение о наличии тайника в Шиловичском лесу основательно, однако его надо отыскать!.. Что у вас есть еще?

Поляков рассказал вкратце о действиях группы Алехина за прошедшие сутки, о Гролинской и Окуличе, изложил сомнения относительно версии с Николаевым и Сенцовым.

— Что ж, доводы веские...— заметил Егоров; он взял папку с документами по делу «Неман» и, просматривая, листал.— Сомнения обоснованные, однако крест на Николаеве и Сенцове ставить пока преждевременно!.. Много подозрительного, неясного... Почему все-таки они ушли ночью, в дождь, через соседний участок?.. Кто этот железнодорожник, которого упустили, не установив его личность? Зачем он приезжал?.. Возможно, как раз он

и собирает или доставляет сведения о движении эшелонов?.. Что было в вещмешке, оставленном у Окулича? Копченый окорок?.. Только съестное?.. Это надо доказать!.. Реакция кошки меня не убеждает!.. И наконец, как к ним попало сало в такой упаковке? — Егоров указал на листки целлофана.— Все эти вопросы надо без промедления прояснить!.. И прежде всего необходим ответ на проверку по словесным портретам. Давай сюда шифровальщика! — приказал он адъютанту, зашивавшему ватник возле дверей; тот поднялся как на пружинах и вышел.

— И работаете вроде, а практически ничего нет. Худо!..— Егоров захлопнул папку и, достав из кармана, выложил на стол массивный серебряный портсигар.— Хуже некуда! — после небольшой паузы мрачно заключил он.

— Налить вам чаю? — предложил Поляков.

— Спасибо, не хочу.

— Тогда мы — с вашего разрешения.

— Шифровальщик занят,— доложил вернувшийся адъютант.

— Как — занят? — с недоумением переспросил Егоров.— Вы ему сказали, кто вызывает?

— Так точно! Говорит, у него что-то весьма срочное. Даже дверь не открыл. Крикнул: как только закончит — придет.

— Вот, дожили! — Егоров возбужденно поднялся и зашагал по кабинету.— Начальник Управления вызывает шифровальщика, а тот — занят! Дальше ехать некуда!.. Да, практически ничего нет!.. И накладки... У Блинова человек ушел из-под наблюдения...— Он остановился против Алехина.— Николаев и Сенцов ушли через соседний участок, а вы эту возможность не предусмотрели!

— А если бы предусмотрел? — невозмутимо заметил Поляков.— В эту минуту он оставался один и при всем желании не мог бы одновременно находиться с двух сторон дома.

— Капитан Алехин,— раздраженно продолжал Егоров, не обращая внимания на реплику Полякова,— вы работаете по делу одиннадцать суток практически без результата! Чем объясняете?

— То есть как без результатов?! — запротестовал Поляков.

— Мы делаем все возможное,— глядя на обшарпанные носки своих стоптанных сапог, сказал Алехин; вытянув руки по швам, он стоял перед генералом.

— Я не знаю, что вы делаете,— запальчиво выкрикнул Егоров,— мне нужен результат!.. А пока его нет, все это — мышиная возня!.. Почему вы небриты? — вдруг спросил он и, не дожидаясь ответа, повернулся к Полякову: — Почему по делу работает только одна группа?

— Вы же знаете — нет людей!

— Двух человек у Голубова, кстати без моего разрешения,— зло заметил генерал,— вы взяли позавчера, а могли бы и раньше. Следовало с первого дня уделять «Неману» больше внимания!

— Двух человек тоже без вашего ведома я давал Алехину и при поисках под Столбцами — одиннадцать дней назад... У меня десятки дел, я не провидец и не всегда могу предсказать, какое из них важнее. Обязан заниматься всеми! Текст первой дешифровки меня насторожил, уже вторые сутки я сколько могу занимаюсь этой рацией. Считаю, делается все, что возможно, люди выкладываются без остатка! Извините, но вашего недовольства не понимаю.

— Надеюсь, сейчас поймете!.. Судя по тексту дешифровок, мы имеем дело с весьма квалифицированной и опасной разведгруппой. Они добывают и передают ценнейшую информацию!.. Это не все,— расхаживая по кабинету, продолжал Егоров.— Я уже выезжал к вам, когда позвонил Устинов. Установлено, что почерк одного из радистов КАО идентичен с почерком радиста передатчика с позывными РТО, который фиксировался двадцатого июля в районе Яшун... Таким образом, меняя частоты и позывные... меняя шифр, время и место передачи, они действуют у нас в тылах около месяца... Около месяца в тылах фронта активно действует опаснейшая разведгруппа! Теперь вам понятно?!

Поляков, перестав помешивать ложечкой чай в стакане, молчал.

— Разрешите? — В дверях возникла худая, нескладная фигура молодого черноволосого офицера с голубоватыми листками бумаги в руке.— Товарищ генерал, шифровальщик отдела...— закрыв за собой дверь и близоруко щуря глаза, начал он и осекся, встретив яростный взгляд генерала.

— Почему я должен вас ждать?! — загремел Егоров.— Кто вы такой?! Где тексты перехватов?!

— «Воздух!»... Чрезвычайное сообщение... Передано вам вслед из Управления...— протягивая документы, испуганно говорил лейтенант.— До окончания расшифровки по инструкции не имею права... «Воздух!»[1] на ваше имя...

Нетерпеливым движением выхватив листки, Егоров шагнул под лампу к столу и начал читать, причем лицо его тотчас стало напряженно-сосредоточенным.

— Разрешите идти? — вымолвил шифровальщик.

Егоров не отвечая, вероятно не слыша, расстегнул верхние пуговицы гимнастерки, не отрывая глаз от текста, нашарил на краю стола портсигар, дрожащей рукой открыл его и взял папиросу. В ту же секунду адъютант, стороживший каждое движение генерала, подскочил к нему и щелкнул зажигалкой. Егоров затянулся и, потирая ладонью затылок, с напряженным вниманием, словно стараясь запомнить все наизусть, продолжал читать.

— Разрешите идти? — снова неуверенно спросил шифровальщик.

— Идите,— отпустил офицера Поляков, и тот, помедля секунды в нерешительности, споткнувшись о порог, вышел из кабинета.

— Прочтите! — приказал Егоров, передавая верхний листок Полякову, и, кинув на Алехина мгновенный негодующий взгляд, возмущенно воскликнул: — Дождались варягов!

И, потрясая оставшимися у него в руке листками, возбужденно закричал:

— Я это спиной чувствовал!!!

Подполковник, взяв документ — исписанный мелким аккуратным почерком бланк шифротелеграммы с литером «Воздух!!!»,— посмотрел и, морща выпуклый лоб, негромко и с таким спокойствием, будто речь шла о чем-то обычном, повседневном, сообщил Алехину:

— Дело взято на контроль Ставкой...

---

[1] «Воздух!» — литер, означающий: особой важности, вне всякой очереди!

47. ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Весьма срочно!

Егорову Из Москвы 18.08.44 г.

В дополнение к №№ ..... и ...... от ....

Сообщая дешифровку перехватов по делу «Неман» от 7 и 16 августа с. г., предлагаю принять активные меры к розыску и задержанию агентов и незамедлительному пресечению работы рации.

Судя по тексту перехватов и ряду обстоятельств, Вы имеете дело с мобильной квалифицированной группой, действующей с заданием оперативной разведки в тылах вашего и соседних фронтов. Разыскиваемые, вероятно, связаны с агентурой, оставленной немцами; очевидно систематическое наблюдение за важнейшими фронтовыми коммуникациями и наличие весьма осведомленного агента, а возможно, и группы в районе Шауляя.

Дело «Неман» возьмите под свой личный контроль. Обеспечьте непосредственное участие в розыске еще как минимум трех оперативных групп и самого подполковника Полякова.

Усильте слежение за эфиром и проверку документов у всех лиц, передвигающихся в тылах фронта, обратив особое внимание на рокадные[1] направления.

О ходе розыска и проводимых Вами мероприятиях докладывайте каждые двенадцать часов.

Колыбанов».

«ЗБ № ...... «Неман» Перехват от 7.08.44 г.

„...обнаружить не удалось. 4-я ударная армия скрытно перегруппировывается [на]левый берег Даугавы. [В] районе Биржая введен в бой прибывший из резерва Ставки 19-й танковый корпус. [На] станции Белосток вчера выгружалось маршевое пополнение для частей

---

[1] Рокада — железная, шоссейная или грунтовая дорога в полосе боевых действий, проходящая параллельно линии фронта.

49-й армии численностью до 3.000 человек. Следуют походным порядком [в] направлении Ломжи [и] Осовца. Здоровые, бодрые, [в] основном [из] госпиталей, [а] также необстрелянные 1926 года рождения. Кравцов"».

ЗБ № 1328. «Неман» Перехват от 16.08.44 г.

„От Матильды. Западнее [и] юго-западнее Шауляя [на] участках 54-го [и] 11-го стрелковых корпусов глубоко эшелонированная оборона [с] инженерными заграждениями [и] минированием танкоопасных направлений. [За] последние две недели боевые порядки значительно уплотнены пехотой, танками [в] засадах, тяжелыми минометами [и] артиллерией 76, 122 и 152 (мм). [К] Шауляю непрерывно стягиваются подкрепления всех родов. Усиление участка происходит [за] счет правого крыла фронта, резервов Ставки, 2-го Прибалтийского [и] 3-го Белорусского фронтов. Перегруппировка [и] сосредоточение строго маскируются. Кравцов"».

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

Из Москвы

«Воздух!

Егорову 18.08.44 г.

Ставлю Вас в известность, что дело «Неман» сегодня, 18 августа, в 2 часа 10 минут взято на контроль Ставкой Верховного Главнокомандования, причем органам контрразведки предложено любыми усилиями в ближайшее время пресечь работу рации и обезвредить как ядро группы, так и всю резидентуру.

Примите самые активные меры к розыску и задержанию агентов и захвату передатчика, для чего немедленно привлеките весь оперативный состав органов контрразведки фронта, приданные подразделения, части по охране тылов фронта, личный состав гарнизонных, этапно-заградительных и линейных комендатур, а также поддержки, выделяемые по Вашему требованию частями и соединениями Красной Армии.

Организуйте самую тщательную проверку документов в районах расположения воинских частей, на станциях, в поездах и на контрольно-пропускных пунктах.

Всех подозрительных, независимо от званий и занимаемых должностей, задерживать для выяснения личности.

Директивой начальника Генерального штаба командованию фронта и начальнику войск по охране тыла Действующей армии предложено оказывать Вам всяческое содействие людьми и техникой. Той же директивой командующему 1-й воздушной армией предлагается обеспечивать Вас самолетами связи и транспортными.

Начальникам Управлений контрразведки 1-го и 2-го Белорусских фронтов даны указания немедля направить в Ваше распоряжение оперативные группы в составе 10—12 человек лучших розыскников. Одновременно Вам переподчиняются с передислокацией в полосу фронта 6-я, 84-я и 55-я радиоразведывательные группы.

Начальнику отдела кадров ГУКР «Смерш» предложено в течение суток любыми усилиями полностью укомплектовать штаты розыскного отдела и шифровального отделения вверенного Вам Управления опытными розыскниками и криптографами.

ГУКР считает необходимым обратить Ваше внимание на особую опасность, какую, в силу ряда обстоятельств, представляют разыскиваемые, и обязывает Вас для их поимки максимально, до предела использовать все оперативные, радиотехнические и войсковые возможности.

В соответствии с указанием Ставки надлежит довести до сведения оперативного состава и всех привлекаемых к розыскам, что каждый, кто даст прямой или хотя бы косвенный реальный результат по делу «Неман», будет представлен к правительственной награде.

Для координации всех усилий по розыску и оказания практической помощи специальным самолетом в 6.00 к Вам вылетает генерал-майор Мохов с группой оперативного состава. Обеспечьте подачу автомашин к моменту посадки самолета на Лидском аэродроме и незамедлительное включение всех прибывших в работу по делу.

О ходе розыска, проводимых Вами мероприятиях и всех вновь добытых данных докладывайте каждые три часа.

Колыбанов».

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Весьма срочно!

Егорову

Исполнение Вашего запроса о проверке Николаева и Сенцова задерживается в связи с внезапной экстренной переброской в/ч 31518 на 1-й Белорусский фронт в район Варшавы и невозвращением Николаева и Сенцова до сего часа к месту прежней дислокации части, где в комендатуре оставлено распоряжение командования, куда им далее надлежит следовать. Срок их командировки истек вчера, причина неприбытия неизвестна.

Ваш запрос передан по принадлежности начальнику Управления контрразведки «Смерш» 1-го Белорусского фронта с просьбой о немедленном исполнении. Одновременно нами принимаются меры для выяснения ряда интересующих Вас вопросов, в частности проверки Николаева и Сенцова по словесным портретам в случае их прибытия к месту прежней дислокации части. Ответ будет сообщен Вам незамедлительно.

Горбунов».

48. ГВАРДИИ ЛЕЙТЕНАНТ БЛИНОВ

Старшина из взвода охраны разбудил его в половине шестого утра и передал приказание Алехина: немедленно явиться к подполковнику Полякову.

В кабинете начальника отдела контрразведки авиакорпуса Поляков был один. Судя по отсутствию полуторки на площадке перед зданием, капитан куда-то уже уехал.

Андрей дважды видел мельком Полякова, знал его в лицо, но разговаривать с подполковником ему еще не приходилось. Однако он немало слышал о Полякове, в основном от Таманцева, и подполковник рисовался ему человеком во многих отношениях необыкновенным.

— Голова номер один,— не раз говорил о Полякове Таманцев.— Если и не бог, то, несомненно, его заместитель по розыску!

И Андрей ожидал теперь чего-то премудрого, сверхпроницательного, полагал услышать в основном специальную терминологию вроде «треугольник ошибок», «тональная манипуляция», «органолептика» и тому подоб-

ное, опасался даже, сумеет ли понять хотя бы главное из того, что выскажет подполковник.

Поляков же оказался до удивления простым и свойским. С первой минуты своим обращением и мягкой, слегка картавой речью он напомнил юноше старого доктора, лечившего Андрея в детстве

Он произносил обыденные, понятные каждому слова. И задание, которое он сообщил Андрею, тоже было довольно простым: взяв роту из дивизии, стягиваемой к Лиде для погрузки в эшелоны, выехать в район Заболотья (Поляков показал на карте) и до сумерек тщательно обыскать рощу к северо-западу от деревни — там позавчера найдена угнанная автомашина «додж». Цель поисков — обнаружение малой саперной лопатки с вырезанными на черенке буквами Н. и Г. И еще следовало поговорить с людьми, первыми пришедшими в рощу к машине.

Поляков заканчивал инструктаж, когда в кабинет, за спиной Андрея, вошел Егоров.

Подойдя, генерал внезапно вырос перед Андреем — тот вытянулся и вскинул руку к пилотке:

— З-з-драв-в...

— Здравствуйте. Откуда вы? — отрывисто спросил Егоров.

— Т-т-т-ов-варищ г-ге-н-ер...

— Лейтенант Блинов из группы Алехина,— поспешил на помощь Андрею Поляков.— У нас третий месяц. Самый молодой офицер в отделе. Прибыл к нам после ранения и тяжелой контузии. В прошлом — командир взвода. Боевой офицер. Москвич. Посылаю его за лопаткой.

Он все знал и помнил, Поляков. И про ранение, и про Москву, и про контузию. Откуда?.. В замешательстве от неожиданного появления генерала Андрей даже не подумал, что все эти сведения имелись в его личном офицерском деле. И конечно же, он не сообразил, что про контузию и ранение и про то, что он новичок и самый молодой, было сообщено в эту минуту генералу, потерявшему в боях под Москвой близнецов-сыновей, курсантов военного училища, не без умысла.

— Боевой офицер,— неулыбчиво повторил Егоров и впился взглядом в лицо Андрея.— Это у вас человек ушел из-под наблюдения?!

— Темной ночью, в дождь,— не дав и рта Андрею

раскрыть, вставил Поляков.— Так это не только у него, это у любого могло случиться. Старшим группы лейтенант характеризуется только положительно. А оперативной хватки маловато, что ж, это дело наживное.

— Наживное, так наживайте, не медлите! Мы на войне, а не на учениях,— недовольно сказал Егоров и обратился к Андрею: — Найдите лопатку, лейтенант! Это очень важно. Постарайтесь обязательно ее найти... Вам дадут людей. Необходимо довести до сознания каждого, насколько ответственно это задание. Чтобы каждый осознал и проникся... У них ночью погрузка, так что в любом случае к двадцати двум часам надо всех возвратить на станцию.

— Это я ему уже объяснял,— сказал Поляков.

— Тогда с богом.— Егоров протянул Андрею свою здоровенную, поросшую рыжеватыми волосами руку.— Я надеюсь на вас и жду результат!

До этого только раз в жизни, прошлой зимой, Андрею довелось пожимать руку и отвечать генералу, командиру корпуса, вручавшему ему орден. Тот генерал был старенький, седой, с хрупкой дряблой ладошкой, и, хотя держался весьма бодро и даже лазал по заснеженным окопам, всех награжденных заранее строго предупредили: силу свою не показывать и руку высокому начальству — когда станет поздравлять — не сжимать. Егоров же сам так стиснул, что Андрей чуть не присел.

Окрыленный, гордый невероятно столь ответственным поручением, полный энергии и жажды выполнить задание, ехал Андрей на станцию. Во взводе охраны он взял для наглядности саперную лопатку, но так торопился, что в горячности упустил позавтракать. Он явственно ощущал сильное рукопожатие Егорова и вспоминал весь разговор: «Боевой офицер! Характеризуется только положительно... Москвич!.. Найдите лопатку, лейтенант! Это очень важно... Я надеюсь на вас и жду!»

И правильно делают, что надеются, он не подведет. Алехину и Полякову не придется за него краснеть — он оправдает доверие. Роща там невелика, а малая саперная лопатка, в конце концов, не окурок и не огурец — с черенком добрых полметра. Он найдет ее, привезет и выложит прямо на стол...

Согласно договоренности, ему выделили разведроту, неполного, к сожалению, состава — сорок девять человек

вместе с командиром. Народ в роте был видавший виды, щеголеватый: почти все с наградами, многие с нашивками за ранения; ни одного в обмотках, как в стрелковых подразделениях, причем сапоги не только кирзовые, но и кожаные; большинство с финками и чубами. Командир — коренастый старший лейтенант — выглядел тоже приметно и фасонисто: хромовые сапожки «джимми», собранные у щиколоток в гармошку; заправленные в них с напуском пятнистые брюки от маскхалата, польский офицерский стек, усики и пышные бакенбарды. Ловкий, сбитый, он то и дело улыбался и двигался, словно на шарнирах, какой-то танцующей, несерьезной походкой; однако Андрей тут же отметил, что слушаются его подчиненные тотчас и с удовольствием. Сборы были минутными, все в роте делалось быстро и весело.

Андрей сел в головную машину рядом с водителем и приказал ему держать предельную скорость. Часа два спустя они были на месте. Андрей на расстоянии узнал нужную им рощу; вблизи она оказалась не такой уж маленькой, как представлялась ему в Лиде.

Андрей предложил старшему лейтенанту построить людей в два ряда на обочине и, когда это было сделано, с лопаткой в руке встал перед ними.

— Т-товарищи б-бойцы и сержанты...— начал он, обдумывая и для вескости раздельно произнося каждую фразу.— К-командованием п-поставлена перед нами весьма ответственная з-задача...— Он прилагал великие усилия, чтобы не заикаться.— Вот т-точно такую,— он поднял и показал лопатку,— нам приказано отыскать в этой роще...— Андрей вытянул руку, и все посмотрели в ту сторону.— Т-только у т-той, которую мы должны найти, здесь, на черенке, в-вырезаны д-две буквы Н и Г, повторяю — Н и Г, Николай и Григорий... Б-будем осматривать р-рощу, прочесывать ч-частой цепью... Ни на минуту не отвлекаться и дистанцию не нарушать... П-посторонних разговоров не вести... П-перекуры т-только на опушках с разрешения командира р-роты... Нас интересуют и другие п-предметы, которые могут быть найдены в этой р-роще... А также т-тайники и даже п-просто нарушенный... в-взрезанный д-дерн... Но г-главное — это лопатка... Б-будьте п-предельно внимательны... Обнюхайте к-каждый к-кустик, к-каждую травинку...— словами Полякова сказал Андрей.

— Найдем лопатку — поднимем,— раздался на правом фланге негромкий рассудительный голос.— Траву-то зачем обнюхивать?

В рядах заулыбались.

— Вы бы нам на станции сказали,— послышался на том же фланге другой веселый голос.— Я бы вам десяток таких лопаток принес... В соседней бы роте взял!

— И буквы бы вырезали! — крикнул кто-то.

Послышался смех.

— Разговоры! — сделав строгое лицо, негромко произнес старший лейтенант; как заметил Андрей, ему тоже было весело, и, чтобы скрыть улыбку, он старательно приглаживал пальцами усики.

До контрразведки, на передовой, Андрей свыше года командовал взводом автоматчиков, одно время даже исполнял обязанности ротного. И сейчас, хотя заикание мешало ему, чувствовал он себя вполне в своей тарелке, весьма уверенно. Правда, эти разведчики вели себя свободней и развязнее, чем бойцы в его полку, впрочем, Андрей хорошо их понимал.

Сегодня ночью они погрузятся в эшелон, будут вскоре где-то далеко и с боями двинутся на Запад. И это странное задание — поиски какой-то лопатки здесь, в тылах фронта,— если и сохранится у кого в памяти, то лишь как незначительный и непонятный эпизод.

Они уедут, а он останется, и лопатка, если ее не найти, будет висеть на нем, как передатчик и разыскиваемые — на группе. И никто этот груз не снимет.

«Это наш хлеб, только наш,— не раз говорил ему Алехин.— И если мы не найдем и не поймаем, никто за нас это не сделает». Таманцев же Андрею как-то сказал: «Никогда не рассчитывай на прикомандированных. Даже если это оперативный состав. Надейся только на себя».

Но одному ему с этой рощей за день никак не справиться. Он должен мобилизовать на тщательные поиски всю роту, чтобы они «прониклись», «осознали», как велел генерал.

Андрей пережидал какое-то время и, когда наступила тишина, окинув взглядом строй, медленно и невозмутимо, со всей внушительностью, на какую он был способен, продолжал:

— В-вы разведчики, и не мне вас учить, к-как ис-

кать... Я хочу только, чтобы в-вы осознали всю ответственность этого... не совсем обычного з-задания.... Д-должен вам с-сказать, что это п-приказ д-даже не дивизионного, а вышестоящего командования... П-представьте себе на минуту, как неловко будет вашему комдиву, п-полковнику Гурееву... Как неприятно и с-стыдно ему будет, если вечером он узнает, что его разведрота в такой маленькой р-рощице не смогла найти саперную лопатку...

Андрей сделал паузу и при этом подумал, что дивизию перебрасывают на другой фронт и полковник Гуреев наверняка всеми своими мыслями находится уже где-то там, в районе выгрузки, и едва ли станет печалиться по поводу какой-то лопатки, а найти ее надо во что бы то ни стало.

И погодя Андрей сказал то, что Поляков посоветовал ему объявить в самом конце инструктажа:

— От имени к-командования довожу до вашего с-сведения, что тот, кто найдет лопатку, будет незамедлительно награжден медалью «З-за боевые з-заслуги».

— Она что, золотая, эта лопатка? — вполне серьезно спросил тихим голосом стоявший в центре, прямо против Андрея, сержант с двумя орденами Славы на гимнастерке.

— Разговоры! — уже строго и со злинкой крикнул старший лейтенант; упоминания о полковнике Гурееве, вышестоящем командовании и о медали явно на него подействовали.— Есть приказ, и мы обязаны его выполнить! И никаких разговоров!

Андрей с минуту стоял перед строем, всматриваясь в лица разведчиков,— так всегда, отправляя людей на задание, делал капитан Филяшкин, его погибший командир батальона.

— Ведите роту за мной,— велел он затем старшему лейтенанту и, не оглядываясь, зашагал к роще.

Он сам определил и обозначил участки, установил дистанцию между людьми — полтора-два метра, не более,— показал, как смотреть в высокой траве и под кустами. Лишь только рота, рассыпавшись стометровой цепью, скрылась за деревьями, Андрей поспешил в деревню.

Поляков назвал ему двух мальчишек, наткнувшихся в роще на «додж», родных братьев — Петра и Олеся

Павленок. Первым взрослым, пришедшим к машине, был их отец.

Олесю оказалось девять, а Петру одиннадцать лет. Андрей побеседовал с ними отдельно с каждым, подробно расспросил. Не исключалось, что они могли взять лопатку,— поиграли и спрятали. Мальчики порознь рассказали ему одно и то же: как пошли по ягоды, как увидели машину и сначала испугались, а потом подошли, и никого там не оказалось, и как старший залез на сиденье, а младшего послал в деревню сказать отцу.

Потом Андрей долго и обстоятельно разговаривал с их отцом, немолодым бородатым крестьянином, потерявшим ногу еще в первую мировую войну. Тот перечислил Андрею все, что обнаружилось в машине, когда он приковылял в рощу, и клятвенно заявил, что большая лопата лежала в кузове, а маленькой ни в машине, ни рядом с ней не было.

Он резонно заметил Андрею, что в хозяйстве сгодилась бы большая лопата, а малая совсем ни к чему. Он божился, что ничего в машине не трогал и лопатки там не было, и все же Андрей вместе с подпиской о неразглашении их разговора взял у него подписку, что малой саперной лопатки в «додже» не было, что ни сам Павленок, ни его дети лопатку не видели и не брали.

Затем Андрей вернулся к роще. Он без труда нашел еще сохранившиеся местами отпечатки шин «доджа» и по ним — место, где в чаще была оставлена угнанная машина. Установив весь ее путь в роще, принялся старательно искать в траве по обе стороны от следа.

Вскоре он увидел, как бойцы разведроты частой цепью скользили между деревьев невдалеке от него. Они двигались без шума, сосредоточенно; не слышалось ни разговора, ни единого слова, и Андрей с удовлетворением подумал, что они прониклись важностью задания, «осознали».

Он подошел к ним только после полудня, когда, расположась вдоль берега ручья, они обедали, точнее перекусывали, немецкими мясными консервами с хлебом, огурцами и зеленоватыми помидорами.

— Садитесь с нами,— предложил ему старший лейтенант и тут же сообщил: — Почти все осмотрели, а лопатки нет.

— Да, может, ее здесь и не было,— с набитым ртом проговорил за спиной ротного кто-то из разведчиков.

— Разговоры! — отрезал старший лейтенант.— Пока не будет лопатки, отсюда не уедем!

От еды Андрей отказался, хотя со вчерашнего ужина кусочка в рот не брал и был по-настоящему голоден. Что ж, сам виноват, а теперь не позорься, терпи. Представителю вышестоящего командования несолидно кормиться чужим пайком, тем более за счет подчиненных. Несолидно и совестно.

Чтобы заглушить чувство голода, он в два приема до отвала напился из ручья и вытер рот рукавом. Черт с ней, со жратвой! Его всерьез заботило и удручало, что осмотрена почти вся роща, а лопатки нет. Как же так?

Он задумался, но, заметив, что бойцы смотрят на него, поспешил улыбнуться. «Как бы худо ни шло дело,— наставлял его Таманцев,— никогда не подавай виду. Особенно посторонним. Держись бодро-весело. Тебе волком выть хочется, а ты: ля-ля, ля-ля — мол, жизнь прекрасна и удивительна!»

Бойцы, поев, курили. Андрей тем временем отозвал старшего лейтенанта в сторону.

— В-в нашем р-распоряжении еще ш-шесть, от силы семь часов,— сказал Андрей.— Лопатку надо найти в-во что бы то ни стало!.. В-вернуться без нее мы не можем, не имеем п-права! Вы это п-понимаете?

— Понимаю!

— З-закончите край рощи и начинайте по новой,— Андрей показал рукой,— п-поперек... Главное — никаких п-пропусков... Д-дистанция полтора метра, не более. Боюсь, что в-ваши люди не осознали всю в-важность, ответственность...

— Осознали,— заверил командир роты; он оглянулся и негромко спросил: — А она точно должна здесь быть?

Соображая, как лучше ответить, Андрей строго, неодобрительно посмотрел на него.

— И почему ей придается такое значение?..— продолжал старший лейтенант.— Непонятно!

— В-вы меня удивляете,— огорченно заметил Андрей и взглянул на командира роты с жалостью, как на неполноценного: он припомнил, что точно так в подобной ситуации ответил одному прикомандированному офицеру Таманцев.

Впрочем, ничего иного Андрей и не мог сказать. Он и сам понятия не имел, для чего нужна, для чего так необходима Полякову и генералу эта злосчастная лопатка.

49. ТАМАНЦЕВ

Когда начало светать, мы снова укрылись на чердаке; я приказал Лужнову до двенадцати наблюдать, а затем разбудить меня.

В который уж раз мне снилась мать.

Я не знал, где ее могила и вообще похоронена ли она по-человечески. Фотографии ее у меня не было, и наяву я почему-то никак не мог представить ее себе отчетливо. Во сне же она являлась мне довольно часто, я видел ее явственно, со всеми морщинками и крохотным шрамом на верхней губе. Более всего мне хотелось, чтобы она улыбнулась, но она только плакала. Маленькая, худенькая, беспомощно всхлипывая, вытирала слезы платком и снова плакала. Совсем как в порту, когда еще мальчишкой, салагой я уходил надолго в плавание, или в последний раз на вокзале, перед войной, когда, отгуляв отпуск, я возвращался на границу.

От нашей хибары в Новороссийске не уцелело и фундамента, от матери — страшно подумать — не осталось ни могилы, ни фотокарточки, ничего... Жизнь у нее была безрадостная, одинокая, и со мной она хлебнула... Как я теперь ее жалел, и как мне ее не хватало...

Со снами мне чертовски не везло. Мать, выматывая из меня душу, непременно плакала, а Лешку Басоса — он снился мне последние недели не раз — обязательно пытали. Его истязали у меня на глазах, я видел и не мог ничего поделать, даже пальцем пошевелить не мог, будто был парализован или вообще не существовал.

Мать и Лешка представлялись мне отчетливо, а вот тех, кто его мучал, я, как ни старался, не мог разглядеть: одни расплывчатые фигуры, словно без лиц и в неопределенном обмундировании. Сколько ни напрягаешься, а зацепиться не за что: ни словесного портрета, ни примет и вообще ничего отчетливого, конкретного... Тяжелые, кошмарные это сны — просыпаешься измученный, будто тебя выпотрошили.

После двенадцати я сменил Лужнова. Как он доло-

жил, ничего представляющего интерес за утро не произошло.

Его доклад следовало выразить одной лишь фразой: «За время наблюдения объект никуда не отлучался и в контакты ни с кем не вступал». И если бы он был опытнее, я бы этим удовлетворился. Но я заставил его последовательно, с мельчайшими подробностями изложить все, что он видел. С самого начала я приучал его и Фомченко смотреть квалифицированно, ничего не упуская, и на каждом шагу внушал им сознание важности нашего задания. С прикомандированными всегда следует вести себя так, будто от операции, в которой они с тобой участвуют, зависит чуть ли не исход войны.

В полдень я около часа рассматривал в бинокль Свирида. Он сидел на завалинке, починял хомут, сшивал покрышку, а потом какие-то сыромятные ремни.

Выражение лица все время злое. недовольное. Жена, появлявшаяся не раз из хаты, явно его боялась. Он не сказал ей ни слова и даже не смотрел в ее сторону, но проходила она мимо вроде бы с опаской.

В движениях Свирида чувствовалась сноровка, и времени даром он не терял. Хозяйственный мужик, загребистый. Возле хаты — два здоровенных стога сена; огород тянется без малого на сотню метров; весь хлеб убран в аккуратные копешки, небось еще бесхозного у старика Павловского прихватит. И дров в поленницах запасено не на одну зиму.

Со слов Паши я знал: как и многие хуторяне, всю свою скотину Свирид держит у родственников, в деревне. Чтобы не отобрали, не увели аковцы или остаточные немцы. И там тоже немало: корова с телкой, пара годовалых кабанов, полтора десятка овец, да еще гуси.

Странное дело: Свирид, можно сказать, вывел нас на Казимира Павловского, считай, помог, а у меня к нему — ни признательности, ни элементарного уважения. Не нравился мне этот горбун с самого начала.

В третьем часу, взяв грабли, он ушел в сторону Каменки, и тотчас его жена с крынкой и маленьким лукошком проследовала к сестре. Теперь я уже не сомневался, что делает она это тайком от мужа. Спустя минуты девочка с жадностью ела кусок хлеба — очевидно, своего у них не было.

Я подолгу рассматривал ее в бинокль. Не знаю, кто

был ее отцом — какой-нибудь фриц, Павловский или еще кто,— но малышка мне нравилась, собственно, чем она виновата?.. Ее все интересовало, она непрерывно двигалась, старалась все потрогать руками. Удивительно, что в свои два года она уже обладала женственностью, была занимательна, забавна, и когда, играя у крыльца, заснула на траве, мне стало скучно и одиноко.

И тут меня как в голову ударило — ведь мне сегодня двадцать пять лет!

Веселенький день рождения, нечего сказать... Сидишь в пыли на верхотуре, блохи тебя жрут, как бобика, а тебе и покусать в охотку нечего. И не зря ли сидишь, вот главное...

Да, четверть века — не семечки, можно сказать, половина жизни. Тут время и бабки подбить — кто ты есть и чего стоишь?..

Говорят, люди обычно довольны собой, но недовольны своим положением. А у меня наоборот. Мне нравится мое дело и должность вполне устраивает. И риск по душе: тут кто кого упредил, тот и жив... Ценят меня, и наград не меньше, чем у офицера на передовой, чего же мне не хватает, чего?!

Сам понимаю: чердак слабо мебелирован — извилины мелковаты... Культуры не хватает, знаний кое-каких... Что ж, как говорит Эн Фэ, это дело наживное...

50. ДОКЛАД ПОЛЯКОВА, ВОПРОСЫ ПРИБЫВШИХ И ОБСУЖДЕНИЕ

Вылетевшей из Москвы в Лиду группе оперсостава, возглавляемой генералом Моховым, не повезло: в районе Орши их транспортный самолет был внезапно атакован двумя «мессершмиттами», получил повреждения и совершил вынужденную посадку прямо на поле.

Москва требовала подтвердить их прибытие, а где они находятся, никто не знал. Наконец поступила радиограмма, что они ремонтируются своими силами и просят содействия. Пока Егоров связался с командующим ВВС фронта и за ними послали самолет, прошло еще время — они прибыли в Лиду с опозданием на пять часов.

Егоров был доволен, что прибывших возглавляет Мохов, спокойный, рассудительный генерал-майор, с кото-

рым он служил когда-то на Дальнем Востоке (они даже дружили семьями) и впоследствии не раз сталкивался по работе во время войны.

Они встретились у самолета как старые товарищи, обнялись сердечно, и Егоров прежде всего предложил пообедать, но Мохов отказался.

— Пусть покормят оперативный состав,— сказал он, кивнув головой в сторону спускавшихся по трапу офицеров.— А мы давайте сначала поговорим о деле.

По дороге от самолета к отделу контрразведки он рассказывал Егорову, как их внезапно обстреляли, как летчик насилу перетянул терявшую высоту машину через лес и как потом уже, после трудной аварийной посадки, «мессершмитты» несколько раз проходили над ними и поливали из пушек и пулеметов, стараясь поджечь.

Вместе с Егоровым и Поляковым в кабинет начальника отдела, кроме Мохова, из прибывших прошли еще двое: назначенный ответственным за радиотехническое обеспечение розыска инженер-полковник Никольский и новый «направленец», офицер, осуществлявший общее наблюдение за контрразведкой фронта, майор Кирилюк.

Занимавший до Кирилюка долгое время эту должность подполковник, месяц тому назад прибыв в командировку к Егорову, пожелал участвовать в захвате разведывательных документов противника в окруженном Вильнюсе, был в бою тяжело ранен и спустя трое суток похоронен в освобожденном городе. Кирилюка, подтянутого длиннолицего офицера, белокурого, с высоким прямым лбом и васильковыми глазами, Егоров и Поляков увидели впервые.

В кабинете расселись двумя группами: Егоров и Поляков за письменным столом, а прибывшие — в конце длинного приставного, куда Поляков сейчас же предупредительно положил розыскное дело, карандаши и несколько листов чистой бумаги.

— Как девочки? — усаживаясь, спросил Егоров у Мохова.

— Спасибо, хорошо! — улыбнулся тот.— Учатся, дежурят, помогают матери... Ну и, конечно, погрузки, разгрузки, уборка урожая, лесозаготовки — все как положено,— с заметным удовлетворением сообщил он.— Ольга через год кончает, совсем взрослая... Да и Катька уже невеста!..

Он осекся, вспомнив о сыновьях Егорова, вспомнив, что старшую, Ольгу, и одного из егоровских близнецов дразнили в детстве женихом и невестой. И, ощутив неловкость, предложил:

— Начнем.

— Николай Федорович...— Егоров повернулся к Полякову.

— Мы знакомились с делом в Москве, так что в курсе...— предупредил Мохов.— Нас интересуют сведения, поступившие уже после ночи, и, разумеется, более всего конкретные соображения по реализации... Вкратце!

Поляков поднялся и, взяв карандаш, подошел к карте.

— Нами разыскивается сильная квалифицированная разведгруппа противника, действующая с заданием оперативной разведки в тылах нашего и соседних фронтов. Несомненна связь разыскиваемых с агентурой или же одиночным весьма осведомленным агентом в тылах Первого Прибалтийского фронта, также несомненно стационарное наблюдение на железной дороге в Гродно или Белостоке и маршруты с визуальным наблюдением на рокадных коммуникациях Шауляй—Вильнюс—Гродно—Белосток.

Называя районы действия разыскиваемых, Поляков показывал их карандашом на карте.

— Случай сложный,— продолжал он,— кочующая рация с использованием автомобильного транспорта и, очевидно, сменных номеров. Мы имеем дело с очень опытными и осторожными людьми... Коль вы просите «вкратце», я не стану излагать подробно ход наших рассуждений и мотивировки деталей, а перейду сразу к нашим соображениям... После анализа всех розыскных данных, произведенного сегодня ночью, у нас имеется твердое предположение о наличии тайника, в котором находится передатчик разыскиваемых где-нибудь в северной части Шиловичского леса.

— Площадь этой северной части? — справился Мохов.

— Пятнадцать-семнадцать квадратных километров...

— Генерал Колыбанов высказал опасение, не замыкаетесь ли вы на Шиловичском массиве, не уделяете ли ему чрезмерное внимание?

— Давайте посмотрим вместе.

Поляков быстро разложил на приставном столе квад-

ратные листы среднемасштабной карты Южной Литвы и Западной Белоруссии. Прибывшие из Москвы и Егоров подошли и встали возле него.

— Седьмого августа разыскиваемые нами лица в районе Озер, вот здесь, завладели «доджем» сержанта Гусева, затем проехали за Столбцы... сюда, где, очевидно, находилась рация, осуществили выход в эфир, после чего вернулись на запад, вот... сюда, примерно в тот же район. Заметьте, дорога от Озер к Столбцам и обратная к Заболотью, где обнаружили «додж», проходит мимо Шиловичского леса. Тринадцатого августа они выходили в эфир из северной части этого леса... Шестнадцатого августа КАО выходила в эфир в тридцати-сорока километрах к востоку от Шиловичского леса. Передача велась с движения, вероятно из автомашины с тентом, двигавшейся по грунтовой дороге. Я посылал туда людей, и там обшарили большой участок, но шестнадцатого вечером лил сильнейший дождь и следы протектора, естественно, не сохранились. Весьма маловероятно, чтобы при ведении передачи с движения рацию затем увозили в том же направлении. Как показывает наш немалый опыт, ее обычно возвращают в прямо противоположном направлении или же назад и несколько в сторону. Мы полагаем, что шестнадцатого вечером искомая рация была возвращена в тайник в северной части Шиловичского леса... Обратите внимание: хотя действия разыскиваемых затрагивают и соседние фронты, передачи ведутся из полосы нашего фронта в силу его серединного положения... Разумеется, они не возят с собой рацию без необходимости — это рискованно... Очевиден определенный цикл, совершаемый ядром группы скорей всего порознь: они получают сведения от своей агентуры в тылах Первого Прибалтийского, в районах Гродно и Белостока, собирают сведения визуальным наблюдением на рокадных коммуникациях, возвращаются в полосу нашего фронта, встречаются в обусловленном месте и радируют немцам.

Поляков сделал небольшую паузу и, указывая затем карандашом на карту севернее Шиловичей, продолжал:

— Выходя отсюда в эфир вечером или под вечер, разыскиваемые имеют двух надежных союзников: огромный густой лес и ночь. Расчет у них верный: если даже

и запеленгуют, то пока соберутся и приедут за десятки километров, уже начнет смеркаться, а искать в темноте бесполезно. К тому же для надежных поисков в таком массиве нужны сотни и сотни людей, добыть их тоже вопрос не одного часа... Прошу вас припомнить тексты перехватов и обстоятельства дела — географически!.. Шауляй, Вильнюс, Гродно, Белосток, Лида, дважды — Шиловичи, ну и раньше, до того, как наступление приостановилось, Столбцы и Яшуны... Теперь поставим себя на место старшего разыскиваемой группы и посмотрим внимательно: какой район является оптимальным для расположения тайника с передатчиком при известных нам обстоятельствах дела и нынешней конфигурации линии фронта?.. Мы анализировали тщательно и пришли к выводу — Шиловичский лесной массив!

— А Рудницкая пуща? — после некоторого молчания спросил Мохов; он, другие прибывшие и Егоров стояли рядом с Поляковым и сосредоточенно рассматривали листы карты.

— Во-первых, Шиловичский лес со всех сторон обтекается шоссейными дорогами если и не с оживленным, то, во всяком случае, с достаточным движением, дающим возможность в любом месте максимум в километре от опушки сесть на проходящую попутную машину и без промедления покинуть этот район... Рядом же с Рудницкой пущей проходит всего одна шоссейная дорога, причем это «рядом» — более четырех километров... Во-вторых, что тоже немаловажно, в Шиловичском лесу лазают малочисленные группки, а Рудницкая пуща — район деятельности крупнейшей банды аковцев... Замечу, что возможная принадлежность Павловского к «Неману», безусловно, также подкрепляет это наше предположение: перед войной он полтора года работал у отца в Шиловичском лесничестве, знает там каждую тропинку, все ходы и выходы. И, с точки зрения разыскиваемых, не использовать в своих действиях такое знание им местности было бы просто неразумно... Надо также заметить, что Шиловичский массив по своему расположению, густоте и наличию нескольких полян представляется нам оптимальным местом и для приемки груза, который они должны получить в субботу, завтра, или в воскресенье, послезавтра.

— Так...— Мохов, сев на место, взял свой большой

служебный блокнот и переворачивал исписанные листы.— Что нового по Николаеву и Сенцову?

— У нас серьезные сомнения относительно этой версии,— сказал Поляков.— К разговору о Николаеве и Сенцове целесообразно вернуться несколько позже: мы с минуты на минуту ожидаем ответы на срочные запросы... А сейчас я бы хотел закончить с соображениями по реализации.

— Пожалуйста.— Мохов согласно кивнул головой.

— У разыскиваемых есть что передавать, и добытая информация подпирала и будет их подпирать, заставляя при всей очевидной осторожности дважды в неделю выходить в эфир. В то же время у них на исходе питание для рации, им срочно требуется новое. При двух последних пеленгациях зафиксировано нарастающее ослабление сигналов передатчика. Как явствует из текста последнего перехвата, в субботу, то есть завтра, или же в воскресенье — послезавра — они ждут груз. За несколько часов до этого они должны получить подтверждение о предстоящей выброске. Каковы же будут или могут быть их действия?.. Если рация, как мы убеждены, в предполагаемом тайнике, то в субботу, то есть завтра, во второй половине дня им необходимо появиться там, в лесу, извлечь рацию, чтобы, отойдя по соображениям конспирации для маскировки на несколько километров в сторону — наверняка в пределах массива,— осуществить радиообмен и получить подтверждение. В этом случае, даже если подтверждение будет на воскресенье, что маловероятно,— немцам невыгодно держать их в лесу, в бездействии, целые сутки,— у нас реальный шанс взять их в субботу, то есть завтра. Если же они появятся в Шиловичском массиве в воскресенье, послезавтра, реальная возможность их поимки там, естественно, отдаляется на сутки... В любом случае они должны появиться предположительно от пятнадцати до семнадцати часов, чтобы, получив подверждение, успеть засветло осмотреть место приемки и подготовить хворост для сигнальных костров... Безусловно, оптимально: взять их с поличным, с рацией, в начальный период их пребывания в лесу — до выхода в эфир. Безусловно, оптимально перед задержанием прокачать их на засаде с подстраховкой, попытаться заставить проявить свою суть — это уже залог или вероятная предпосылка незамедлитель-

ного получения момента истины!..— заключил Поляков и улыбнулся.— Был бы момент истины[1], а костры мы и сами разложим!

— Ставить себя на место разыскиваемых — это разумно,— заметил Мохов.— А вы не думаете, что и они, в свою очередь, ставят себя на ваше место и стараются предусмотреть ваши действия и рассчитывают соответствующие контрходы?

— Думаем! Мы сегодня с начальником Управления часа полтора только этим и занимались,— с улыбкой сказал Поляков.— Проигрывали все возможные варианты. Естественно, игнорируя, вернее исключая, свое преимущество. Ведь они не знают, что их четырежды пеленговали, что у нас есть дешифровка перехватов и место выхода в эфир, что найден «додж» и жив Гусев. Они не знают, что мы располагаем о них определенными сведениями, а если и допускают такую возможность, то не в состоянии установить, какими именно.

— У меня вопрос...— проговорил инженер-полковник Никольский.— Вы убеждены и утверждаете, что шестнадцатого вечером после передачи с движения рация была возвращена в предполагаемый тайник в Шиловичском лесу. А вы не допускаете, что за эти двое суток ее могли взять оттуда, ее могли переправить в другое место?

— Мы исследовали и такую возможность. И пришли к выводу, что если это и произойдет, то наверняка только после приемки груза. Следовательно, рацию могут переместить — забрать оттуда совсем — не раньше чем завтра.

— Разрешите...— Майор Кирилюк перевел взгляд с Полякова на Мохова и обратно.— Вопрос о проведении войсковой операции в Шиловичском массиве вами не рассматривался?

— Нет.— Поляков нервно потянул носом.— В ближайшие двое суток, по крайней мере, он и не должен рассматриваться, даже возникать не должен!

— Это почему же?

— А что нам даст войсковая операция? — живо вступился Егоров.

— Хотя бы тайник, в котором, как вы полагаете, находится рация.

[1] Момент истины — момент получения от захваченного агента сведений, способствующих поимке всей разыскиваемой группы и полной реализации дела.

— Сомневаюсь! — Егоров недовольно насупился.— Отыскать тайник в таком лесу, как Шиловичский, очень и очень не просто!.. И потом, тайник сам по себе еще мало что значит. Нам нужны люди, нужен момент истины — от тайника с рацией его не получишь! Мы хотим при помощи тайника — на подходах к нему — взять ядро группы, и у нас есть реальный шанс завтра или послезавтра сделать это. Нам необходим момент истины, а войсковая операция, к вашему сведению, чаще всего дает трупы! И говорить о ней сейчас, сегодня просто нелепо! Оставьте эту свою ненужную мысль, майор,— посоветовал Кирилюку Егоров, с властным нахмуренным видом откинувшись на спинку кресла и барабаня массивными пальцами по краю стола,— я не желаю ее не то что обсуждать, даже выслушивать, извините, не желаю!

— А это не только моя мысль,— невозмутимо сообщил Кирилюк, уставясь в лицо Егорова большими светло-синими глазами.— О войсковой операции говорил генерал Колыбанов.

— Что говорил?! Конкретно!

— Алексей Николаевич,— вмешался Мохов,— не горячись... Колыбанов и генерал-полковник, когда я был у него перед вылетом, предложили по прибытии к вам изучить вопрос о возможности и целесообразности войсковой операции. Скорее всего эта мысль у них появилась после того, как им стало известно ваше предположение о наличии тайника в Шиловичском лесу.

— Не надо путать! Проводить войсковую операцию или изучать вопрос о ее целесообразности — это разные вещи! — Отодвинув кресло, Егоров стремительно поднял свое большое грузное тело и, выйдя из-за стола, двинулся по кабинету.— Могу вам сказать, чего мы достигнем войсковой операцией наверняка: создания перед Ставкой видимости нашей активности!.. Если докладывают, что розыском занимаются десятки человек, это по масштабам высокого начальства выглядит незначительно и может даже быть воспринято как недооценка или хуже того — халатность! Если же доложить, что только в одном месте привлечено несколько тысяч, это, конечно, впечатляет! Но впечатлять это может только людей некомпетентных, а мы-то с вами профессионалы! Так давайте определимся, давайте уясним, что для нас важнее:

момент истины и «все концы» или же создание видимости нашей активности?.. Кстати, Николай Федорович,— Егоров повернулся к Полякову,— скажи, пожалуйста, чего и сколько нам потребовалось бы для войсковой операции?

— Для хорошей, качественной гребенки в Шиловичском лесу... с предварительным созданием надежного оперативного кольца... даже всего с одной цепью прочесывания нужно не менее четырех тысяч человек...— медленно, негромко и картавя сильнее обычного проговорил Поляков; от разговора о войсковой операции он нервничал и совсем по-кроличьи часто подергивал носом.— Чтобы блокировать массив синхронно, необходимо всех обеспечить автотранспортом. Это свыше двухсот грузовых машин... Потребуются также сотни две с половиной служебно-розыскных собак и сто пятьдесят—сто семьдесят минеров.

— Одной обычной цепи прочесывания недостаточно,— проходя мимо сидевших за столом, убежденно сказал Егоров.— Учтите, что лес — с чащобными участками, где видимость весьма ограничена. А отыскать надо не человека, а незаметный даже вблизи тайник.

— Какова площадь всего массива? — справился Мохов.

— Примерно шестьдесят квадратных километров.

— А периметр, протяженность опушек?

— Около сорока.

— Да-а, шутка сказать! — поморщился Мохов, делая заметки в своем блокноте.

— Вы слышали, сколько людей требуется для войсковой операции? — останавливаясь напротив Кирилюка, спросил Егоров.— А вы их нам привезли?

— Товарищ генерал,— понимающе улыбнулся Кирилюк.— Дело взято на контроль Ставкой. Вы только скажите — все забегают как посоленные! Да вам дивизию с передовой снимут!

— Ах, майор, майор...— покачал головой Егоров, подходя к окну.— Как для вас все просто!.. Завидую...

Несколько секунд он смотрел поверх занавески вдаль, на поле аэродрома, затем быстро обернулся и, с нескрываемой неприязнью глядя на Кирилюка, повыся голос, заявил:

— Я не то что дивизии — роты с передовой не хочу! И не возьму! Если вы, майор, подзабыли, могу напомнить: обязанность армии — воевать!.. А ловить шпионов — это моя обязанность! И моих подчиненных! И ваша тоже!!! — возбужденно вскричал Егоров, выбрасывая руку в сторону Кирилюка.— Хочу спросить, почему мы, профессионалы, будем перекладывать свою, сугубо свою ношу на плечи армии? По какому праву?!

Он снова зашагал по кабинету и уже более спокойным тоном, как бы в раздумье продолжал:

— Тут есть еще весьма существенный моральный аспект, о котором одни просто не знают, а другие обычно забывают... А следовало бы знать и помнить... В случае войсковой операции каждого из этих тысяч привлекаемых необходимо предупредить: это тебе не на передовой; даже если в тебя будут стрелять, даже если тебя будут убивать, ты должен взять их живыми!.. А ведь такое предупреждение фактически является приказом. Можно ли это требовать от армейских военнослужащих или даже от пограничников из частей по охране тыла фронта? — обарачиваясь к сидевшим за столом, спросил Егоров.— Я лично считаю, что нет, нельзя... Требовать это можно только от умеющих качать маятник, от чистильщиков! Это их привилегия, их удел...

Какое-то время он молчал, стоя вполоборота у окна и провожая взглядом взлетевший над дальней частью аэродрома истребитель.

— Я знаю немало войсковых операций и по опыту могу сказать: чаще всего привозят трупы. И концов не найдешь: клянутся, что стреляли только по конечностям, а привозят трупы... Извините, но я не патологоанатом! И вы, надеюсь, тоже?..— посмотрев на Кирилюка, язвительно осведомился Егоров и, обращаясь к Мохову, продолжал: — Причем на каждого убитого агента обычно приходится несколько убитых и раненых наших военнослужащих... Хочу быть правильно понятым... Конечно, бывают обстоятельства, когда без войсковой операции не обойтись, когда она просто необходима. Но в данном случае по крайней мере ближайшие двое суток она всего-навсего нецелесообразна!.. Мы убеждены, что разыскиваемые связаны с этим лесом и должны там появиться. Войсковая операция может их вспугнуть, и поэтому мы против нее... Даже если они окажутся внутри

оперативного кольца, наши шансы на получение момента истины уменьшаются до минимума... Скажу вам прямо: без официального письменного приказа мы не то что проводить, но и подготавливать войсковую операцию не станем!

Сделав это заявление, Егоров подошел к своему креслу и сел.

— Что ж, позиция контрразведки фронта ясна и достаточно обоснованна...— после недолгой паузы произнес Мохов.— Только зарекаться, пожалуй, не стоит...— усмехнулся он и, посмотрев в свой блокнот, быстро спросил: — Сколько там площадок, годных для приемки груза?

— Если учесть большую осторожность разыскиваемых,— отвечал Поляков,— с их точки зрения, удобными для приемки груза представляются всего четыре площадки внутри массива.

— Все подступы к ним можно надежно перекрыть девятью засадами,— заметил Егоров.— Для этого нам потребуется не больше тридцати розыскников, десяток офицеров комендатуры, человек восемьдесят для визуального наблюдения на опушках и полсотни радистов с рациями «Север». В отличие от потребного для войсковой операции все это у нас есть, все это в наших силах!

— У вас все разложено как по полочкам! — с улыбкой сказал Мохов.— Ваша убежденность мне нравится. А гарантировать вы можете, что завтра, максимум послезавтра, мы их возьмем?

— Товарищ генерал, какие же тут могут быть гарантии? — в свою очередь улыбнулся Поляков.— Мало ли что может произойти! Их могут взять раньше нас прибалтийцы или территориалы[1], они могут напороться в лесу на бандгруппу или на мину. Да мало ли что еще может случиться!.. Нет, никаких гарантий тут, разумеется, нет и быть не может...

— Я тоже думаю, что никаких гарантий нет...— перестав улыбаться, сказал Мохов.— Именно поэтому вопрос о войсковой операции не может быть исключен. Вы не учитываете один очень важный момент: возможно,

---

[1] Территориальные органы государственной безопасности и внутренних дел.

имеются обстоятельства более значительные и более веские, чем все наши доводы...— С невеселым лицом он закрыл свой блокнот и, давая понять, что разговор окончен, поднялся.— Вопрос о войсковой операции остается открытым, решать его придется в ближайшие часы и, очевидно, не нам...

51. ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Весьма срочно!»

Егорову

Военнослужащие в/ч 31518 капитан Николаев Алексей Иванович и лейтенант Сенцов Василий Петрович по стабильным и функциональным признакам словесного портрета полностью идентифицируются с проверяемыми Вами лицами.

Николаев и Сенцов сегодня в 11 часов прибыли в Старосельцы, к месту прежней дислокации части, на «студебеккере» А 3-16-34, в кузове которого находилось 22 овцы, 6 свиней и 420 кг муки-крупчатки.

Будучи порознь допрошены, Николаев и Сенцов одинаково показали:

1) Три стограммовые порции немецкого сала в целлофановой упаковке получены ими официально со склада при выезде в командировку. Такое трофейное сало в количестве примерно тридцать килограммов было захвачено их частью в холодильнике на Белостокском аэродроме.

2) 7 августа сего года в течение всего дня они безвыездно находились в местечке Старосельцы (5 км западнее Белостока). В районе Столбцов как Николаев, так и Сенцов никогда не были.

3) В гор. Лида они квартировали согласно направлению комендатуры по адресу ул. Вызволенья, 6, где ночевали четыре ночи. Пятую ночь провели в Скрибовцах в квартире начальника станции Петрицкого Витольда, у которого при освобождении Лидского района несколько суток находились на постое. 14 августа Петрицкий был случайно встречен ими в Лиде, а 16 августа вечером посетил их в доме 6 по ул. Вызволенья, чтобы договорить-

ся с ними насчет обмена поросенка на соль и керосин.

4) 15 августа вечером они оставили в погребе на хуторе севернее Шиловичей вещмешок, в котором находился копченый окорок, выменянный ими перед тем на соль.

5) Обмен трофейного имущества на живность и продукты производился ими по заданию командования части в соответствии с устным неофициальным разрешением начальника тыла в/ч 70244 гвардии полковника Самородова.

Показания Николаева и Сенцова не вызывают сомнения в достоверности. Их личность удостоверена оставленным в Старосельцах представителем в/ч 31518 капитаном Купченко, служащим вместе с ними пять месяцев.

После идентификации и выяснения интересующих Вас вопросов Николаев и Сенцов были отпущены и убыли на машине дальше к новому месту дислокации части на 1-й Белорусский фронт, в район города Радзымин (20 км северо-восточнее Варшавы). Протоколы идентификации и допроса высылаются в Ваш адрес.

Горбунов».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Весьма срочно!

Егорову

Сообщаем, что проверяемые Вами нач. ПФС в/ч 31518 капитан Николаев Алексей Иванович 1908 г. р. урож. гор. Томска, русский, беспартийный, образование незакончен. высшее, и командир взвода той же части лейтенант Сенцов Василий Петрович 1921 г. р. урож. гор Задонска, русский, член ВЛКСМ, образование среднее, действительно с 12 по 18 августа сего года находились в командировке в районе города Лида с целью децентрализованной заготовки и приобретения сельхозпродуктов, для чего ими использовалось трофейное имущество, как то керосин, соль и немецкое обмундирование.

Как нами установлено, 7 августа с. г. Николаев и Сенцов из расположения части никуда не отлучались и находиться в этот день в районе Столбцов никак не могли.

Немецкое сало в стограммовой расфасовке с маркировкой на целлофановых обертках: «VI. 44» и «№ 396» общим весом 32 кг. 700 гр. было обнаружено при осво-

бождении Белостока в немецком военном складе-холодильнике на аэродроме и после оприходования использовалось для питания личного состава части. 300 гр. такого сала было выдано при убытии в командировку Николаеву и Сенцову по накладной № 2684 от 11 августа сего года.

Капитан Николаев и лейтенант Синцов[1] *в Красной Армии с 1941 года; на оккупированной территории не проживали, в плену и окружении не были. Командованием характеризуются только положительно.*

По имеющимся у нас данным, сестра Николаева, Гольбиндер (по мужу) Елизавета Ивановна 1906 г.р. урож. г. Томска, в 1937 году, работая бухгалтером Красноярского горпищеторга, была осуждена за растрату по ст. 116 УК РСФСР ч. I к двум годам лишения свободы. Срок наказания отбыла полностью. В настоящее время проживает в Красноярске, заведует хлебным ларьком.

Другими компрометирующими сведениями на проверяемых Вами лиц и их родственников не располагаем.

Одновременно сообщаем, что являющаяся незаконной децентрализованная заготовка сельхозпродуктов в обмен на трофейное имущество производилась Николаевым и Сенцовым согласно устного разрешения нач. тыла в/ч 70244 гвардии полковника Самородова, о чем целесообразно информировать командование по принадлежности.

Тютюгин».

52. АЛЕХИН

Это как болезненная потеря, как похороны чего-то дорогого: работаешь по версии с полной отдачей и все вроде выстраивается и уже пахнет реальным результатом, и вдруг эта самая основная версия лопается, как мыльный пузырь. И ты — у разбитого корыта.

Что мы, возможно, тянем пустышку, я почувствовал еще вчера после разговора с Окуличем, и все же, когда сегодня под вечер позвонил из Белостока в Лиду и Поляков сообщил мне результаты проверки, я был совершенно обескуражен.

---

[1] Так в документе. Несомненная описка, следовало — Сенцов.

Почти трое суток мы упорно шли по ложному, как теперь выяснилось, следу. Дело оказалось столь важным, что его взяла на контроль Ставка, а спустя несколько часов обнаружилось, что у нас, по существу, ничего нет.

«Вы занимались ими за неимением лучшего,— сказал мне генерал, когда вечером я вернулся в Лиду,— за неимением более перспективного...»

Это звучало явным укором, впрочем, он даже не повысил голоса; сказал устало и огорченно.

Теперь с Николаевым и Сенцовым все было ясно. Однако даже за несколько секунд до получения ответа на запрос ни один человек, в том числе и генерал, не решился бы поставить на этой версии крест: слишком уж велико было стечение весьма подозрительных обстоятельств.

Весь этот день я провел в Гродно и в Белостоке. С утра в моем распоряжении был самолет связи, на аэродромах меня ожидали автомобили и большие оперативные группы. Если вчера «Неманом» занимались только мы трое да еще Поляков, если вчера я с великим трудом мог бы выпросить себе в помощь хотя бы стажера, то сегодня делалось буквально все — машина чрезвычайного розыска была запущена и стремительно набирала скорость.

Причем и в Гродно и в Белостоке меня ожидали не новички вроде Фомченко и Лужнова, а розыскники из отделов контрразведки пяти армий нашего и соседнего фронтов, толковые, ухватистые ребята, понимавшие все с полуслова. Их не надо было инструктировать, от меня требовалось лишь направлять и координировать их действия.

Судя по тексту дешифрованного перехвата, наблюдение за эшелонами осуществлялось не со стороны и не на перегонах во время движения, а на станциях.

Поляков, как и обычно, оказался прав: 473-й батальон автомобилей-амфибий не следовал через Гродно или Белосток, то есть наблюдение было комбинированным — стационарное на одной из этих станций дополнялось сведениями фланеров или маршрутников, очевидно, действующих в форме военнослужащих Красной Армии.

Для оперативных тылов фронта это, по сути дела, наиболее распространенная и очень трудно уловимая разновидность вражеской агентуры: располагая безу-

пречными экипировкой, легендой и воинскими документами, они умудряются подчас неделями находиться на важнейших железнодорожных коммуникациях. При этом их продовольственные аттестаты со временем заменяются новыми, подлинными, а командировочные предписания обрастают отметками этапно-заградительных комендатур, и эти отметки, и подлинные аттестаты, и безукоризненно сработанные удостоверения личности вводят в заблуждение большинство людей, проверяющих документы.

Военная форма, безусловно, отличное прикрытие для разведки в оперативных тылах, впрочем, на том же железнодорожном транспорте встречались и более сложные, оригинальные маски.

В моей памяти очень свеж еще был случай весной в Смоленске.

Мы прибыли туда по тревоге, рано утром: дешифрованная ночью радиограмма свидетельствовала о наличии на станции весьма квалифицированного наблюдателя, фиксировавшего передвижение войск и прибытие резервов — людей и техники.

В первый же день мы обратили внимание на бродившую около эшелонов пожилую женщину. Разбитые в кровь босые ноги — в начале апреля,— лицо тронутого умом человека, выбивающиеся из-под платка седоватые волосы, потухший, ни на чем не останавливающийся взгляд и повторяемое, как в полусознании, охриплым голосом:

— Сыночек родимый!.. Володинька... Кровиночка моя...

Ее уже знали на станции и не раз проверяли: и милиция, и комендатура, и транспортный отдел госбезопасности. Подошел к ней в тот вечер и я.

— Мамаша!..

Она не остановилась и даже не обернулась, и я, догнав, взял ее за локоть.

— Что вы здесь делаете?.. Документы какие-нибудь у вас есть?..

Лишь когда я достал из кармана и подержал перед ее глазами армейское офицерское удостоверение личности, она наконец прореагировала: вытащила из-за пазухи грязный, замасленный мешочек и, доверчиво отдав его мне, пошла дальше вдоль путей. Я вновь догнал ее и остановил.

В мешочке, кроме паспорта на имя Ивашевой Анны Кузьминичны, выданного перед войной в Орше, справки об эвакуации из этого города и профсоюзного билета, находились две похоронные на старших сыновей, измятые солдатские письма-треугольнички от младшего — Владимира (его-то она и звала, бродя по станции) со штампами полевой почты и военной цензуры, выписка из истории болезни и справки двух психиатрических больниц, где она лечилась. Ни один документ не вызывал подозрений.

Она уже прижилась на станции; ее охотно подкармливали в воинском продпункте и откровенно жалели.

Ночью, подробно докладывая по «ВЧ» Полякову обстановку на станции, я упомянул и об Ивашевой.

— Ее надо в больницу,— заметил он.— Подскажи коменданту или начальнику милиции. На станции, во всяком случае, ей делать нечего.

На другой день в комендатуру пригласили городского психиатра — благообразного старикана с круглыми очками в металлической оправе на отечном усталом лице. Он ознакомился с медицинскими документами Ивашевой и около часа осматривал ее, пытаясь разговорить и ласково называя голубушкой и милушей. Все положенные при ее диагнозе симптомы, рефлексы и синдромы оказались налицо.

Я тем временем в соседней комнате, еще раз проверив ее документы, прочитал и письма. Это были трогательные своей искренностью и любовью послания молоденького сержанта-фронтовика своей психически больной матери. Осмотрел я и заплечную торбочку Ивашевой: куски хлеба, грязный до черноты носовой платок, такие же грязные, жалкие тряпки — белье, немножко сахара. Все это держалось вперемешку, нормальный человек никогда бы так не положил.

— Случай ясный,— сказал мне доктор после ухода Ивашевой.— Место ей в колонии для хроников, но таковой, увы, не имеется: сожжена немцами... В больницу же взять ее не можем: на всю область у нас шестьдесят коек,— сняв и протирая носовым платком очки, сообщил он.— На очереди сотни больных, и мест не хватает даже для буйных... А она совершенно безвредна... Ко всему, при ее бредовом восприятии действительности, при ее постоянной надежде встретить сына, изолировать ее

было бы просто, знаете ли, бесчеловечно... Пережить такое... Потерять двух сыновей... Что это для матери, нам, мужчинам, невозможно даже себе представить.

Бедный доктор... Тут оказался бессильным и его сорокалетний опыт врача-психиатра. Он так и не узнал, да если бы ему и сказать, он едва ли поверил бы, что все симптомы, рефлексы и синдромы были отработаны и «поставлены» Ивашевой в кенигсбергской клинике профессора Гасселя.

Заподозрил ее Таманцев.

Любопытно, что, увидев Ивашеву впервые, он отдал ей свой пайковый сахар и, как он сам мне потом признался, «чуть не прослезился».

Когда же она попалась ему на глаза в четвертый или пятый раз, он уловил, что, проходя мимо теплушек с людьми и зовя, как и всегда, сына, она время от времени поглядывала на платформы с техникой, словно считала. Под вечер он последовал за ней в город и там на разрушенной улице еле успел юркнуть в развалины, вовремя заметив, как она подняла руку на уровень глаз, чтобы при помощи зеркальца, зажатого в кулаке, на ходу, не оборачиваясь, проверить, не ведется ли за ней наблюдение. Спустя полчаса она вывела его на окраину к старенькому домишку, где потом мы взяли в подвале радиста и передатчик, но уже в ту минуту, когда, заметив зеркальце, Таманцев юркнул в развалины, участь «Анны Ивашевой» (настоящую ее фамилию, имя и личность установить не удалось), квалифицированного агента абвера, судя по всему, обрусевшей немки, была решена.

Я видел ее через неделю на следствии: абсолютно осмысленный, холодный взгляд, поджатые губы, гордая осанка, во всем облике — презрение и ненависть. Она категорически отказалась отвечать на вопросы, молчала до самого конца, однако, уличенная показаниями радиста и вещественными доказательствами, была осуждена и расстреляна.

Женщина, помешавшаяся после гибели на фронте двух сыновей,— это была отличная оригинальная маска с использованием и эксплуатацией великого, присущего всем нормальным людям чувства — любви к матери.

«Ивашева» действовала на узловых станциях в наших оперативных тылах ровно четыре недели. Страшно

даже подумать, сколькими жизнями заплатила армия за этот месяц ее шпионской деятельности...

Перед вылетом из Лиды мы с Поляковым все обсудили и оговорили. Наши выводы вкратце выглядели так:

наблюдение за движением эшелонов ведется в Белостоке или, что вероятнее, в Гродно. Это стационарное слежение: маршрутникам или фланерам продержаться сутки и более непосредственно на железнодорожном узле со строгим охранительным режимом практически невозможно;

наблюдение ведется не одиночкой, а как минимум двумя агентами.

При перевозке реактивной артиллерии —«катюш»— на каждой платформе находится часовой, установки наглухо задраиваются брезентами, под которые подкладываются дощатые каркасы и кипы сена, изменяющие конфигурацию груза. Так что определить, что это «катюши», а тем более отличить в эшелоне «М-13» от «М-31», может только квалифицированный специалист с зорким глазом, человек, имеющий отличную военную и агентурную подготовку, причём полученную в последние полтора-два года, то есть знающий новую боевую технику.

И в Гродно и в Белостоке мы начали с выяснения режима на железнодорожных узлах. Оказалось, что никто из посторонних не смог бы находиться сколько-нибудь длительное время на путях, в депо и служебных помещениях, оставаясь незамеченным. Парные патрули военной комендатуры были ретивы и по-настоящему бдительны; стоило нам потолкаться у эшелонов, как на нас обратили внимание и предложили предъявить документы. Места ожидания для гражданских пассажиров, перроны и пристанционные территории находились под круглосуточным наблюдением транспортной милиции и отделений госбезопасности. Такой строгий порядок и в Гродно и в Белостоке соблюдался с момёнта освобождения.

На обеих станциях меня не оставляло неприятное чувство какой-то виноватости, особенно сильно я ощущал его в Гродно. На путях там находилось около десяти воинских эшелонов; одни прибывали, другие отправлялись, такой круговорот не затихал уже второй месяц. Войска и боевая техника двигались к фронту, но

раньше, чем они туда прибывали, районы выгрузки и сосредоточения становились известны противнику.

Глядя на бойцов и офицеров, ничего не подозревая бегавших у эшелонов, я то и дело вспоминал, что разыскиваемые действуют у нас в тылах уже около месяца, и мурашки ползали у меня по коже.

После ознакомления с охранительными режимами на обеих станциях я утвердился в мысли, что слежение ведется не только маршрутниками или фланерами, но и стационарными наблюдателями, причем скорее всего — железнодорожниками.

Я знал по опыту, что при восстановлении советской власти на освобожденной территории вражеские агенты стараются проникнуть в систему железнодорожного транспорта, причем отнюдь не на какие-либо начальнические должности. Они охотно идут на низовую работу — составителями поездов, смазчиками, стрелочниками, что дает возможность постоянного свободного пребывания на станциях и общения с большим числом железнодорожников и проезжающих пассажиров, в основном, военнослужащих.

Разумеется, устроиться на железную дорогу стремится не только вражеская агентура, но и те, кто хочет получить бронь, а также повышенный по сравнению с нормами для городских рабочих паек и топливо на зиму.

В Гродно и в Белостоке оказалось более шестисот человек, имеющих отношение ко всякому обслуживанию, техническому осмотру, профилактике ходовой части и переформированию проходящих эшелонов.

Из этих сотен людей к вечеру мы выявили тринадцать человек, чьи биографии последних лет представлялись туманными. Все они находились на оккупированной немцами территории и проживали тогда не по месту настоящего жительства; никаких достоверных данных, где именно они были эти годы и чем занимались, не имелось. В анкетах у двоих обнаружились противоречивые записи, непонятно, как или почему не замеченные работниками отдела кадров.

Из тринадцати человек наибольший интерес, на мой взгляд, представляли четверо:

1. Игнаций Тарновский — составитель поездов станции Белосток. По профессии — оружейный механик. Осенью 1941 года с группой инженеров и техников был

вывезен немцами в Германию, где якобы работал на авиационном заводе в Бремене. В июне 1944 года отпущен домой, как указано в автобиографии, по состоянию здоровья. Однако при медицинском освидетельствовании две недели назад признан годным для работы на железной дороге без ограничений — никаких болезней у него не обнаружено. Ни один из вывезенных вместе с Тарновским в Белосток не вернулся, и никаких известий от них за все три года не поступало.

2. Чеслав Комарницкий — составитель поездов станции Гродно. В прошлом офицер польской армии, получивший перед войной высшее военное образование. В сентябре 1939 года был пленен немцами, но бежал из лагеря, пробрался в Южную Польшу, где якобы участвовал в движении сопротивления, был взводным, а затем командиром роты в отряде Гвардии Людовой «Гром».

3. Его брат Винцент Комарницкий — смазчик. В 1937—1942 годах, если верить анкете, дорожный мастер, затем бежал в Южную Польшу и будто бы находился в одном партизанском отряде с Чеславом.

В письме же, полученном позавчера на станции, утверждалось, что Винцент Комарницкий перед войной и в первые годы оккупации занимался вовсе не ремонтом шоссейных дорог, а служил в дорожной полиции, в так называемой роте движения. За усердное пособничество оккупантам якобы получил две бронзовые боевые медали и личную благодарность самого Кучеры, шефа немецкой полиции всей Польши, известного карателя и палача, убитого позже партизанами. Весной 1943 года Винцент Комарницкий будто бы был направлен из Варшавы в Берлин на учебу.

Письмо, адресованное начальнику станции, оказалось анонимным, но состояло не из общих обличительных фраз, а из конкретных фактов, изобиловало такими точными деталями, что игнорировать его, отмахнуться и не проверить тщательно было бы опрометчиво.

В Гродно, где у них не имелось ни жилья, ни близких родственников, Винцент и Чеслав появились спустя неделю после освобождения. У меня сразу возникло два основных вопроса: почему их отпустили из партизанского отряда, действующего по сей день в тылу у немцев южнее Кракова, и при каких обстоятельствах они оказались по эту сторону фронта?

4. Николай Станкевич — стрелочник станции Гродно. В июле 1941 года, будучи бойцом Красной Армии, пленен немцами. Использовался ими как разнорабочий, а затем как водитель грузовой автомашины. Летом 1942 года был арестован якобы за связь с партизанами и отправлен в лагерь смерти Треблинка. В апреле 1944 года будто бы умудрился оттуда бежать, лесами два месяца пробирался на восток и в конце июня оказался в Гродно, где у самой станции его родители имеют домик с участком; отец работает машинистом.

Почему мы обратили внимание на Станкевича?.. Дело в том, что Треблинка была даже не лагерем для заключения, а комбинатом смерти, где привозимые не только из Польши, но и со всей Европы уничтожались в течение нескольких часов после прибытия. Тех же немногих, кого оставляли на различных работах и убивали спустя недели или даже месяцы, обязательно метили. К вечеру нам удалось установить, что у Станкевича, пробывшего в Треблинке необычайно долгий срок — почти два года,— нет на руке обязательной в таких случаях татуировки — личного знака.

При поступлении на работу заподозренные нами в большинстве своем предъявляли документы, относящиеся и к периоду оккупации,— различные аусвайсы, кенкарты и справки. Все эти бумаги, выданные немецкими учреждениями, естественно, не внушали доверия; следовало выяснить достоверно, где их владельцы находились и чем занимались в последние два-три года.

На восьмерых человек из тринадцати мы в этот же день составили полные словесные портреты для проверки по розыску и почти на всех сделали бо́льшую часть необходимых запросов по местам жительства и пребывания в интересующий нас период. К сожалению, две трети польской территории еще находились под властью немцев, что крайне затрудняло нашу задачу.

В Лиду я вернулся затемно. Четыре взлета и четыре посадки в один день, к тому же ужасная болтанка на обратном пути — для наземного офицера это многовато. Меня мутило, а когда самолет внезапно проваливался, казалось, на сотни метров, все внутри обрывалось. С чувством облегчения я вылез на лидском аэродроме, ступил на твердую землю и направился к отделу контрразведки авиакорпуса; меня шатало, как пьяного, и более всего

хотелось лечь или же стать на четвереньки и ухватиться за траву руками.

Возле здания отдела, патрулируемого на расстоянии автоматчиками, стоял десяток автомашин и два разгонных мотоцикла с колясками; дежурили водители.

У самого крыльца полушепотом разговаривали трое в плащ-накидках; при моем приближении они умолкли. Когда я поднимался по ступенькам, дверь открылась и мне навстречу из здания быстро вышел, скорее даже выбежал, военный с темной окладистой бородой, в кожаном пальто и форменной фуражке.

— Товарищ генерал, мы здесь! — сообщил ему один из ожидавших.

Я догадался, что это начальник Управления по охране тыла фронта генерал Лобов.

Большое помещение при входе направо было полно прибывшими офицерами; они сидели на скамьях, негромко разговаривали, пили чай, здесь же, на столах, чистили автоматы, брились, некоторые спали прямо на полу.

В коридоре стояли двое военных в плащ-палатках и пограничных фуражках, один записывал что-то в служебном блокноте, а второй, когда я поравнялся с ними, говорил ему:

— И еще выясните, где размещать собак и кто выделяет для них полевую кухню. И распространяется ли на них приказ об усиленном питании.

Егоров и Поляков находились в кабинете начальника отдела — генерал как раз докладывал по «ВЧ» в Москву о розыскных мероприятиях по делу «Неман».

Я хотел сразу же прикрыть дверь, но подполковник — он говорил по местному полевому телефону, — увидев меня, подозвал энергичным жестом и указал на стул.

— Ничем не могу помочь,— продолжал он в трубку.— Товарищ гвардии полковник, это приказ начальника штаба фронта... Чем прибывшие бойцы лучше ваших летчиков, вы можете поинтересоваться непосредственно у него... Что?.. Оставьте своих дневальных, дежурных офицеров, но обе казармы должны быть освобождены немедленно, подчеркиваю — немедленно!.. У меня все!..

По разговору Егорова, по его возбужденному лицу и голосу я понял окончательно, в каком напряжении они здесь пребывают. Генерала, видимо, в чем-то упрекали или задавали неприятные вопросы; он отвечал твердо,

уверенно, но проскальзывали оправдательные интонации.

В заключение, приблизя мембрану к губам, он убежденно сказал:

— Заверьте генерал-полковника и Ставку, что делается все возможное, и я надеюсь, что завтра, в крайнем случае послезавтра мы их возьмем.

Положив трубку, он поднялся, пошел к двери и, должно быть только теперь увидев меня, по своему обыкновению в упор спросил:

— Что у вас?.. Есть что-нибудь существенное?

Я не успел ответить, поднявшись, только еще формулировал ответ, как он, поняв, что ничего существенного у меня нет, толкнув дверь, шагнул через порог, потом внезапно обернулся и тут-то сказал мне, что мы занимались Николаевым и Сенцовым «за неимением лучшего, за неимением более перспективного», что надо было прояснить все раньше, не тратя на них трое суток. Потом, словно вспомнив, быстро спросил:

— Лопатку нашли?

— Он только вернулся из Гродно и Белостока и не в курсе...— невозмутимо заметил подполковник.— Поисками лопатки занимается лейтенант Блинов.

Генерал рывком захлопнул за собой дверь.

Я доложил Полякову о результатах работы в Гродно и Белостоке, рассказал о лицах, заслуживающих нашего внимания,— наибольший интерес он проявил к братьям Комарницким.

С его слов я понял, что никаких облегчительных новостей по делу нет. Москва предложила провести войсковую операцию, генерал и он, Поляков, полагая это нецелесообразным, преждевременным, высказались отрицательно. Тем не менее проводятся самые интенсивные приготовления. В Лиду и в Вильнюс перебрасываются маневренные группы девяти пограничных полков и саперные подразделения. Всего к исходу ночи в обоих районах должно быть сосредоточено семь тысяч человек, до трехсот грузовых автомашин и как минимум сто восемьдесят служебно-розыскных собак.

Поляков собирался ехать на предварительный инструктаж командиров прибывающих подразделений. Он придавал большое значение тщательному наставлению всех привлекаемых, особенно армейских офицеров, и предложил мне отправиться с ним.

— Где же Блинов? — посмотрев на часы, сказал он и потянул носом.— Должен бы уже вернуться. Давай дождемся его и поедем...

53. ГВАРДИИ ЛЕЙТЕНАНТ БЛИНОВ

Он вернулся в Лиду на аэродром затемно.

В отделе контрразведки авиакорпуса за наглухо зашторенными окнами что-то происходило.

Снаружи здание, как всегда, патрулировалось на расстоянии автоматчиками, но против крыльца стояло не две-три автомашины, как обычно, а семь, среди них полуторка и два «доджа», в том числе генеральский — Андрей, подойдя, узнал его по пробоинам в лобовом стекле. В большинстве машин сидели наготове шофера.

Андрей притаился в темноте неподалеку от крыльца, ожидая, когда выйдет Алехин, чтобы доложить ему о бесплодности поисков, о том, что рощу обшарили дважды — вдоль и поперек,— но лопатки там не оказалось...

Зайти в здание он не решался. Более всего он боялся встретиться с Егоровым. Он не без ужаса представлял себе, как сталкивается с генералом, как тот в упор спрашивает его о лопатке и, узнав, что она не обнаружена, презрительно говорит Полякову: «Лопатку не сумел найти... Какой же это боевой офицер?! Детский сад, да и только!»

Медлить с докладом, однако, было нельзя. Хижняк, как и ожидал Андрей, находился в помещении взвода охраны, с тыльной стороны здания. Сидя возле кухни, он пил чай и беседовал с пожилым бойцом-поваром, своим земляком. Андрей, поманив его рукой, попросил сходить и вызвать капитана.

Алехин появился на крыльце тотчас — ждал. Андрей окликнул его и, волнуясь, доложил.

— А хорошо искали, тщательно? — спросил капитан.

— З-землю носом р-рыли!..— для большей убедительности словами Таманцева сказал Андрей.— Д-дважды прошли... в-вдоль и п-поперек.

— А с теми, кто машину нашел, кто первыми в роще был, с Павленками, разговаривал?

— Т-так т-точно! Лопатки в м-машине не было. Я в-взял р-расписку.

— Расписка распиской... Ты-то сам как считаешь? Твое мнение?

— Н-не было ее в м-машине... И в р-роще нет...— упавшим голосом сказал Андрей.

В темноте Андрей не мог разглядеть выражение лица капитана, а говорил Алехин, как всегда, ровно и вроде спокойно, и все же Андрей уловил в его вопросах нетерпение, если не взволнованность.

— Поужинай во взводе,— велел капитан.— Потом придешь сюда и в последнем кабинете налево напишешь подробный рапорт. На имя подполковника. Что конкретно сделано, с кем разговаривал и свое заключение. Рапорт оставишь у секретаря. И до утра можешь спать... Да... квартира занята и во взводе люди. Ложись-ка в машине!..

И Алехин скрылся за дверью — пошел докладывать...

Во взводе повар под нашептывание Хижняка налил до краев литровый котелок густых тепловатых щей с кусками мяса, нарезал большими ломтями полбуханки хлеба. Андрей, сутки не державший и крошки во рту, с жадностью набросился на еду, не замечая ни вкуса, ни своего громкого чавканья.

Дверь в соседнюю комнату была открыта, и там на двухъярусных нарах не раздеваясь спало несколько офицеров с погонами разных родов войск на гимнастерках; двое старших лейтенантов, молодые и сильные ребята, сидели и чистили автоматы.

— Из Москвы...— успел шепнуть Андрею Хижняк,— целый самолет...

И квартиру, где не раз ночевала группа, тоже заняли...

Все прибывшие были примерно одного определенного возраста (двадцать пять—тридцать лет), как на подбор крепкие, мускулистые; кроме пистолетов, они имели перебинтованные в дорогу обмотками личные автоматы. И Андрея осенило: «Чистильщики!»; скорее всего не просто чистильщики, а, как выражался Таманцев, «волкодавы».

Целый самолет — такого за два месяца службы Андрея в контрразведке еще не случалось. Алехин ничего ему не сказал, и Андрею в голову не могло прийти, что приезд генерала, и лопатка, которую он не нашел, и прибытие этих людей — все имело прямое отношение к

разыскиваемому их группой уже двенадцатые сутки передатчику.

Он понял одно: происходило что-то необычное, чрезвычайное...

А за стеной, в отделе, Алехин уже доложил, что лопатка не найдена. Реакцию генерала, да и Полякова, Андрею страшно было даже представить. Чтобы отвлечься, он заставил себя обдумывать рапорт.

Он с радостью написал бы его здесь, в помещении взвода, но Алехин велел сделать это в отделе, а там каждое мгновение можно было столкнуться с генералом или Поляковым.

Андрей доел все до дна, от второго отказался и с тяжелым сердцем вышел на улицу. При одной мысли о встрече с генералом его бросало в жар.

Миновав при входе в отдел сержанта-автоматчика, он поспешно шмыгнул в последний налево пустой кабинет. Бумага лежала на столе, и чернила с ручкой здесь тоже были.

Он сидел и писал, а в коридоре время от времени раздавались шаги, и каждый раз он с волнением ожидал, что дверь отворится и появится генерал...

На рапорт ему потребовалось более часа. Написав, проверил и отнес секретарю, неприветливому, угрюмому лейтенанту, тот взял и, не взглянув, сунул в одну из папок.

Проходя по коридору, Андрей расслышал в кабинете начальника отдела невнятный разговор, приглушенный стеной и обитой дверью. Слов нельзя было разобрать, но ему показалось, что он различил возбужденный голос Егорова.

Потом Андрей лежал в кузове полуторки, мучился и не мог заснуть.

Он с ужасом представил себе, как завтра туда, в рощу, отправят кого-нибудь из этих московских розыскников и лопатка, возможно, будет найдена. Или пошлют Таманцева, тот не только лопатку, а спичку или окурок из-под земли выкопает.

Воображение рисовало Андрею самые тягостные картины. Генерал, потрясая его рапортом, бегал по кабинету и окающим басом ругался: «Лопатку найти не сумели! Позор!» Славный молчаливый Алехин и подполковник, этот необыкновенный человек,— он подвел их обоих! —

пытались его защитить, но генерала это только раздражило, и он разгневанно кричал: «Мне нужны не оправдания, а лопатка!.. Где она?.. Послали какого-то мальчишку! Ему дали роту, а толку — шиш да кумыш! На что он способен?! Как он к нам попал?.. Отправьте его в полк! Немедленно! Кулема! Лопух! Детский сад, да и только!»

Расстроенный буквально до слез, Андрей не замечал, что Егоров в его воображении ругался словами Таманцева.

Пусть откомандируют. Он не «волкодав», а строевой офицер. Только бы попасть в свой полк, а не в резервный. Впрочем, в любой фронтовой части он будет человеком. Во всяком случае, не хуже других, а то и лучше. Там, если случится, он погибнет с честью, и о нем напишут, как он сам писал о многих своих бойцах и сержантах: «...верный воинской присяге, проявив мужество и героизм, был убит...» А здесь ты хоть наизнанку вывернись, пять раз погибни, но, если нет результата, ты все равно плох и виноват.

...В эти напряженные часы всем начальникам Блинова было не до него. Чтобы поиски велись тщательно, усердно и настойчиво, ему утром и не намекнули, что лопатки в роще может не оказаться. Даже Алехин, обычно разъяснявший Андрею что к чему, второпях ничего ему не сказал, не растолковал. Андрей и не подозревал, что отсутствие лопатки в роще на месте обнаружения угнанного «доджа» работало на версию, возникшую у Полякова после вчерашнего разговора в госпитале с Гусевым. Ему и в голову не могло прийти, что сообщение Алехина: «Роща обыскана дважды, качественно; лопатка не найдена», было для подполковника и генерала самой радостной вестью в эти тяжелые сутки.

54. ТАМАНЦЕВ

Вечером Юлия принялась рубить валежины, а я опять занялся с Фомченко и Лужновым.

За эти двое суток я к ним решительно подобрел. Какой с них мог быть спрос: Фомченко попал в контрразведку весной, перед маем, а Лужнов и того позже, в июне — два месяца назад. Стажа у них, как говорится, без году неделя, неудивительно, что даже Малыш против

них — профессор. Я подумал еще: не дай бог доведется нам здесь просидеть не одну неделю, так я их поднатаскаю — людьми сделаю.

Речь опять пошла об агентах-парашютистах: откуда они берутся, вернее, из кого вербуются, как их готовят, как мы их разыскиваем и берем.

Контрразведка — это не загадочные красотки, рестораны, джаз и всезнающие фраера, как показывают в фильмах и романах. Военная контрразведка — это огромная тяжелая работа... четвертый год по пятнадцать — восемнадцать часов каждые сутки — от передовой и на всем протяжении оперативных тылов... Огромная соленая работа и кровь... Только за последние месяцы погибли десятки отличных чистильщиков, а вот в ресторане я за всю войну ни разу не был.

Просвещая Фомченко и Лужнова, я для пользы дела, по воспитательным соображениям, естественно, о трудностях не говорил — если бы рассказать им все как есть, они наверняка бы скисли.

Условия и работка у нас такие, что любой бывалый шерлок, даже из столичной уголовки, от отчаяния повесился бы на первом же суку.

В любом уголовном розыске — дактилоскопия, оперативные учеты, лаборатории и научно-технические отделы; там на каждом шагу постовой или дворник, готовые помочь и словом и делом. А у нас?..

Ширина полосы фронта — свыше трехсот километров, глубина тылового района — шестьсот с лишним. На этой огромной территории сотни городов, сотни узловых и линейных станций; ежесуточно — тысячи передвигающихся к фронту и по рокадам бойцов, сержантов и офицеров, повсюду леса, большие чащобные массивы. А жители, например, здесь, в западных областях, запуганные, молчаливые, из них слова дельного, как ни старайся, не вытянешь. И вся наша техника, кроме личного оружия, — трофейный Пашин фотоаппарат.

Причем уголовка имеет дело с самодеятельностью отдельных лиц, а мы — с преступниками, за которыми сильнейшее государство, которых готовят не полуграмотные паханы, а изощренные агентуристы, готовят в специальных школах, снабжают легендами, экипировкой и документами опытнейшие профессионалы.

Что мы лично можем этому противопоставить?.. При-

митив полевого контршпионажа: осмотры леса, визуальное наблюдение, беседы с местными жителями и засады. Убийственный примитив! И хоть яловая, а телись! Возьми их всех! Возьми их теплыми! Умри, но сделай! Вернее, как говорит начальство: сделай и не умирай!

Разумеется, о трудностях я не калякал, наоборот, умалчивал: я должен был поддерживать в Фомченко и Лужнове высокий боевой дух плюс постоянную готовность.

Что там у Юлии произошло, я упустил, то ли ее ударило отлетевшим дрючком, то ли просто измучилась или подумала о своей незавидной жизни, не знаю, но только, уронив вдруг топор, она заплакала навзрыд, к ней подскочила пацанка, ухватилась за подол и тоже заревела.

Они стояли вдвоем и ревели не стесняясь, уверенные, что их никто не видит, и я опустил бинокль — не нужно и неловко, вроде подсматриваешь.

Еще за глаза, не видя Юлии, я настроился к ней враждебно, неприязненно, как к немецкой овчарке, обыкновенной фрицевской подстилке, но, понаблюдав, переменился.

Девчонка... Сирота-недоумок. Мне ее даже стало жаль. Дура девка, сама себе жизнь покалечила.

По виду она представлялась мне с характером, волевой, и вот так быстренько сломалась. А ведь это только цветочки. Я подумал, каково ей будет с малышкой здесь, на хуторе, зимой. Когда все заметет и ни хлеба, ни молока — картошка и одиночество. И еще страх.

Конечно, по стране жили трудно, одиноко миллионы наших честных солдаток, но мне и эту непутевую деваху было жаль. Скорей даже не ее, а пацанку — чем она виновата?

Свирида я уже понял. Жлоб, скотина безрогая — у такого снега зимой не выпросишь. Собственники они все здесь, гады, кто кого сможет, тот того и гложет, но этого горбуна я особенно невзлюбил.

Впрочем, эмоции эмоциями, а мне следует быть объективным. Не затем я сюда приехал, чтобы кого-то жалеть или ненавидеть.

Мое дело маленькое. Мое дело — взять Павловского и тех, кто с ним, если, понятно, они здесь появятся. Причем старшего группы и радиста — живьем, это как минимум. Знать бы еще, кто из них радист, а кто старший

группы,— третьего можно и не беречь. Функельшпиль, главное — функельшпиль![1]

Если появятся — в том-то и загвоздка! За время наблюдения мои сомнения нисколько не уменьшились. Зачем Павловскому приходить сюда — что он здесь оставил?.. Пашины предположения основывались на чистой лирике. Кстати, когда мы с Фомченко и Лужновым приехали сюда, я спросил Пашу, прокачал ли он объект засады с Эн Фэ. Он не ответил, и я понял, что нет, это его единоличное решение.

За прошедшие двое суток мы ознакомились с образом жизни Юлии и Свиридов, точнее сказать, с их суточным рабочим циклом.

Как только светало, жена Свирида и его мать отправлялись в деревню, доили там корову и, надо думать, убирали, ухаживали за своей скотиной. Часа полтора спустя они возвращались с ведром молока и приводили лошадь — даже ее на всякий случай, чтобы не отобрали, не увели наскочившие аковцы или немцы, на ночь не решались оставлять на хуторе.

Свирид с самого рассвета возился по хозяйству, и Юлия около своей хатенки тоже возилась. Работали все трое Свиридов и Юлия с крестьянской жадностью, почти без отдыха, до поздних сумерек. Вечером лошадь отводили в деревню и опять приносили в ведре надоенное молоко. В отсутствие Свирида его мать или жена подбрасывали Юлии что-нибудь из продуктов, но в хате у нее или даже поблизости лишней минуты не задерживались — боялись горбуна. И Юлия тоже его боялась и наверняка недолюбливала, скорее даже ненавидела.

Итак, двое суток наблюдения не дали нам ничего, кроме ознакомления с образом жизни Юлии и семейства Свиридов и уяснения отношений между ними. Никто из посторонних не появлялся, ничего представляющего для нас интерес не происходило, и сама Юлия из поля зрения никуда не отлучалась.

Интуиция — великая вещь, а чутье мне подсказывало: зря здесь время теряем. Я определенно чувствовал — пустышку тянем. Понятно, чтобы не размагничивать Фомченко и Лужнова, я виду не подавал, наоборот, держался все время «бодро-весело» и на каждом шагу де-

[1] Функельшпиль (арготизм от Funkspiele) — радиоигра.

монстрировал абсолютную веру в перспективность и успех нашей засады. Я поддерживал их не только морально, но и физически: спать разрешал дольше, чем себе, да и еды подсовывал побольше.

Когда стемнело, я еще раз обговорил с ними все возможные случаи и сигналы взаимодействия, мы спустились с чердака и опять расположились в кустах по обе стороны Юлиной хатенки. Ночь наступала холодная, росистая, небо вызвездило ярко, как на Юге, и, оглядывая Млечный Путь, я решил, что если завтра приедет Паша — он собирался сам привезти нам продукты,— выскажу ему без утайки то, что думаю, свои сомнения и несогласие, и потребую, чтобы он немедленно доложил все Эн Фэ. Он доложит: дружба дружбой, а дело есть дело, и я не мальчик — пусть с моим мнением тоже считаются!

Фомченко почему-то прибыл сюда без шинели, и я навязал ему свою, старенькую, без погон — Паша называл ее «инвалидской». Дорого бы я сейчас дал за эту изношенную старушку или за любую другую! Поверх гимнастерки на мне была только плащ-палатка, а холодало с каждым часом совсем не по-летнему, и уже к полуночи я дрожал как цуцик.

И тут я подумал, что мы здесь можем — за здорово живешь! — просидеть понапрасну до белых мух, и такая тоска ухватила меня за душу, просто выть захотелось...

Нет, я не мальчик и молчать не буду. Даже перед генералом!.. А Эн Фэ при случае обязательно спрошу: «Зачем меня запятили в эту засаду — блох задаром кормить?.. Или геморрой отращивать?.. А на большее я что — неспособный?..»

Я молчать не стану, я ему прямо скажу: «Некачественно вы ко мне относитесь! Что я вам — троюродный?! Это же всего-навсего тренировка на бездействие, на усидчивость! Зачем она мне?.. Это задание для прикомандированных, для стажеров!..»

55. ПЕРЕГОВОРЫ ПО «ВЧ»

Ночь кончалась, было без двадцати минут пять, когда в кабинете, где находились Егоров, Мохов и Поляков, в очередной раз зазвонил телефон «ВЧ», и Егоров взял трубку.

— Генерал Егоров? — раздался в сильной мембране слышный и в нескольких метрах от аппарата голос Колыбанова.

— Я вас слушаю.

— Где вы находитесь?

— Не понимаю,— невольно усмехнулся Егоров.— Вы звоните мне сюда и спрашиваете — где?.. В отделе контрразведки авиакорпуса.

— Они работают у вас под носом!!! — возбужденно закричал Колыбанов; обычно невозмутимый, он задыхался от волнения.— Вот... передо мной текст последнего перехвата по делу «Неман»... Слушайте внимательно!.. «Личным наблюдением... на аэродроме в Лиде обнаружено самолетов... «ИЛ-2» пятьдесят три, «ЛА-5» сорок восемь, «ПЕ-2» тридцать шесть, «ЯК-9» пятьдесят один, «ЛИ-2» семь, «ПО-2» четырнадцать...» Вы слышите?! Они работают у вас под носом!!!

Егоров налился кровью и, тяжело дыша, молчал. Сидевший в метре от него Мохов пробормотал: «Этого еще не хватало!» — и огорченно покачал головой. Поляков, только что прилетевший из Вильнюса, сидя за приставным столиком, продолжал быстро писать, он не поднял головы, только часто пошмыгал носом.

В чувствительной мембране аппарата «ВЧ» голос Колыбанова звучал так интонационно отчетливо, будто он говорил не из далекой Москвы, а из соседней комнаты. И Егоров явственно представлял себе его, невысокого, худощавого, со спокойным смугловатым лицом, в генеральском кителе с орденскими планками и в брюках навыпуск. Выдержанный и корректный Колыбанов еще ни разу не был в таком возбуждении, и Егоров почувствовал, что дело тут не только в последнем перехвате и наблюдении за аэродромом; это наверняка не все.

Мохов помог Егорову открыть портсигар и, как только тот взял папиросу, зажег спичку.

— Генерал-полковник только что звонил из Ставки,— после недолгого молчания уже обычным спокойным тоном продолжал Колыбанов.— Он выезжает и приказал, чтобы вы ожидали у аппарата его звонка.

— Слушаюсь,— глухо проговорил Егоров; вид у него был довольно подавленный.

— Полагаю, предстоят серьезнейшие объяснения, и

более того — неприятности! Делом «Неман» занимается сам... Вы меня понимаете?

— Да...

Колыбанов помедлил и неожиданно сказал:

— Алексей Николаевич, я не буду докладывать о последнем перехвате генерал-полковнику до его разговора с вами. Так, наверно, будет лучше.

Егоров сделался багровым.

— Товарищ генерал,— не принимая предложенного ему неофициального тона, строго произнес он.— Я не слабонервный и не нуждаюсь в одолжениях! Перехват по делу, взятому на контроль Ставкой, вы обязаны доложить генерал-полковнику немедленно!

— Ну смотрите,— примирительно сказал Колыбанов.— Я думал прежде всего о вас.

— Я это понял! Благодарю!

Егоров положил трубку, и буквально в следующее мгновение телефон «ВЧ» зазвонил опять.

— Егоров?.. Что нового?— послышался в трубке голос начальника Главного управления контрразведки.

— Результативного, товарищ генерал, к сожалению, ничего. Мы делаем все возможное...

— Я буду у вас днем. Какая еще помощь вам может быть экстренно оказана?

— Экстренно?.. Оперативный состав контрразведки и прежде всего чистильщики. Очень желательны опознаватели! В первую очередь по Варшавской и Кенигсбергской разведшколам, особенно по радиоотделениям.

— Обещаю! В ближайшие часы на других фронтах будут собраны и доставлены на аэродромы Вильнюса и Лиды до трехсот офицеров контрразведки... И не менее пятидесяти чистильщиков... Опознавателей много не обещаю, но всех, кого сможем безотложно собрать, немедленно доставим... Все прибывающие должны быть задействованы с ходу, без малейшего промедления! Офицеров контрразведки используйте только в качестве старших оперативно-розыскных групп смешанного состава.

— Мы так и делаем.

— До их прибытия все привлекаемые в состав этих оперативных групп должны быть собраны в Вильнюсе

и Лиде на аэродромах и тщательно проинструктированы.

— Слушаюсь.

— Чем еще вам можно помочь?

— Очень желательны подвижные пеленгаторные установки. Хотя бы еще десяток.

— Обещаю! Какова готовность войсковой операции?

— Плюс два с половиной

— Не позже утра сделайте — час, максимум полтора.

— Товарищ генерал, я должен еще раз заявить: мы против войсковой операции в течение ближайших двух суток. Мы настоятельно...

— Не надо мне это повторять! — В голосе генерал-полковника почувствовалось раздражение.— Я и сам не склонен ее форсировать... Но обстоятельства могут вынудить... Ваши соображения по «Неману» в настоящий момент? Что думает Поляков? Согласен ли с вами Мохов?

— У нас мнение единое, и за последние три часа оно не изменилось. Мы полагаем, что возьмем их сегодня или завтра.

— Завтра — исключается! В нашем распоряжении сутки, и ни часом больше!

— То есть как исключается?! Это уменьшает наши даже ограниченные предположительные шансы вдвое! Товарищ генерал-полковник, мы категорически возражаем!

— Срок установлен не мною. Понимаете?

— Не могу! — после короткой паузы заявил Егоров.— Даже если мы возьмем к вечеру ядро: старшего группы и радиста, а Матильда, а Нотариус? Тут не может быть дилеммы — «хватать» или «все концы»! Тут единственное решение: «все концы»! Отдавать завтрашние сутки невозможно! Если это указание Ставки, то, извините, там могут недопонимать специфики розыска и деталей дела, но мы-то с вами профессионалы! И я прошу... считаю необходимым немедля обратиться туда и разъяснить...

— Кому разъяснить, кому?!! — оглушающе загремел в трубке грубоватый голос генерал-полковника.— Заткните им глотку!!! Выбейте хотя бы ядро группы, возьмите рацию! Сегодня же!!! «Все концы»!.. Не до жиру! Вы не представляете всей серьезности ситуации!.. Это

личное приказание, понимаете, личное! И категорическое! Речь идет о судьбе операции стратегического значения. Никакие отсрочки невозможны! Если мы их в течение суток не возьмем, то завтра вас на этой должности не будет и меня здесь не будет! Мы обязаны принять все возможные и невозможные меры, подчеркиваю — невозможные! — и взять их сегодня! Не удастся — ничем не смогу помочь: завтрашних суток у нас не будет!..

— Понял...

— Раньше меня, очевидно, прибудет начальство... первые заместители из обоих наркоматов. Обеспечьте их всем необходимым. Но времени с ними не теряйте, а делайте спокойно свое дело! И никаких споров, никаких пререканий! Что бы вам ни говорили — «Да, товарищ комиссар!», «Хорошо, товарищ комиссар!», «Слушаюсь, товарищ комиссар!..». Однако любые действия, с которыми не согласны вы или Поляков, категорически запрещаю!.. Чьим бы именем ни оказывалось на вас давление!.. Полякову создайте оптимальные условия! И прежде всего оградите от ненужных дискуссий и всякой говорильни с кем бы то ни было. Вы меня поняли?

— Так точно!

— Что бы ни делалось у прибалтийцев, более всего мы надеемся на вас! Передайте это Полякову... Вы оба и ваши подчиненные должны сегодня показать, на что способны... У меня все! Вопросы?

— Нет.

— Я буду у вас не позже... четырнадцати часов. Держите постоянный контакт с Колыбановым. И действуйте самым активным и решительным образом! Все!

Егоров положил трубку и, еще осмысливая и переживая закончившийся разговор, невидящими глазами посмотрел на Мохова.

— Нервничают, — сказал тот понимающе. — На них тоже жмут...

— Нервничать — это привилегия начальства, — подняв голову от документа, заметил Поляков. — А мы должны работать без нервов и без малейшего шума!.. Главное сейчас — не устраивать соревнования эмоций!.. Главное для нас — работать спокойно и в полном убеждении, что сегодня, завтра... или позднее... но если мы не поймаем, никто за нас это не сделает...

56. В СТАВКЕ ВГК

В Москве действительно беспокоились и нервничали.

В ежесуточной сводке военной контрразведки за 17 августа, поступившей в Ставку после полуночи и занимавшей всего полторы страницы, делу «Неман» было уделено девять строчек: кратко сообщалось, что в тылах 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов действует и активно разыскивается сильная, квалифицированная резидентура противника.

В этом не было ничего чрезвычайного: Ставку надлежало информировать обо всех представляющих значительную угрозу разведгруппах противника и даже об отдельных наиболее опасных агентах.

Но поскольку речь шла о фронте, где менее чем через месяц должна была проводиться ответственная стратегическая операция, Верховный Главнокомандующий, читая сводку, сделал на полях пометку синим карандашом, означавшую одновременно: «обратить внимание» и «доложить подробнее».

Эта пометка явилась основанием для взятия дела на контроль Ставкой, а днем Верховному была доставлена развернутая справка по делу «Неман», занимавшая почти две страницы. Ознакомясь с ней уже ночью и обнаружив, что действия разыскиваемых ставят под угрозу скрытность сосредоточения войск и ударной группировки в тылах 1-го Прибалтийского фронта и речь, таким образом, идет о судьбе важной стратегической операции, Верховный был крайне обеспокоен и возбужден.

Уже многие месяцы он ни разу не был в столь дурном расположении духа, как в этот час.

Чудовищно обманутый Гитлером и собственной интуицией в июне сорок первого года, он придавал огромное значение введению противника в заблуждение, особенно при подготовке кампаний и крупнейших операций.

В первые же недели войны, в период невероятного напряжения, урывками выкраивая время, он умудрился внимательно просмотреть труды виднейших полководцев и военных теоретиков, особо интересуясь проблемами скрытности и обеспечиваемой ею внезапности. Эти вопросы он не раз анализировал и обсуждал с высшим генералитетом.

Троякий результат внезапности можно было бы сформулировать так:

Внезапность застигает противника не подготовленным к удару: его войска и военные средства расположены не лучшим образом для отражения этого удара.

Внезапность вынуждает противника поспешно принимать новый план: противник теряет инициативу и должен приспосабливать свои действия к действиям нападающего.

И наконец, достигнутая внезапность подрывает веру войск противной стороны в свое командование и веру командующего и его штаба в самих себя.

Отсюда следовало, что успех любой операции в значительной степени зависит от секретности и обманных действий. Отсюда следовало. что победа, достигнутая без внезапности, за счет численного превосходства, не носит на себе отпечатка полководческого таланта и обходится несравненно дороже. Отсюда следовало, что необходимо любыми усилиями скрывать свои намерения, создавать угрозу одновременно в нескольких местах, заставляя тем самым противника рассредоточивать силы. Отсюда следовало, что нужно демонстративно готовить наступление в одном месте, а тайно в другом, стараясь во всех случаях застигнуть противника врасплох.

Из страшного урока начала войны были сделаны незамедлительные выводы, и уже с первого полугодия военных действий Красная Армия использовала факторы скрытности и внезапности с не меньшим умением, чем противник.

Так, при наступлении под Москвой втайне были подтянуты и в решающий час введены в бой свежие резервы, в частности две новые армии, сосредоточенные севернее столицы, что явилось для немцев полной неожиданностью.

Успех Сталинградской операции и битвы на Курской дуге также был во многом предопределен тайным сосредоточением войск и сложнейшим комплексом мероприятий по дезинформации, обману противника.

Оперативной внезапности удалось достигнуть и в крупнейшей за войну Белорусской операции. Правда, обеспечить полную скрытность концентрации в тылах четырех смежных фронтов полутора миллионной армии, 6500 танков и самоходных установок, около 25 тысяч орудий и более 6 тысяч самолетов практически не-

возможно, и, как показали пленные немецкие генералы, незадолго до начала наступления в разведорганах и в штабах группы армий «Центр» заподозрили неладное. Однако мнения разделились, а подозрения остались подозрениями. Усилия советских войск по соблюдению секретности были столь значительны, а продуманная до мелочей дезинформация, проводимая согласованно на всех двенадцати фронтах, столь совершенна, что эти крупнейшие приготовления были приняты противником всего лишь за имитацию с целью обмана. Генеральный штаб германских сухопутных сил и ставка Гитлера до последнего пребывали в убеждении, что летом 1944 года главные удары Красной Армии будут нанесены не в Белоруссии, а значительно южнее — на Украине. И тут немцев удалось ввести в заблуждение относительно истинных намерений советского командования, в результате чего была наголову разгромлена группа армий «Центр».

Верховный весьма гордился искусством обманывать противника и в Тегеране охотно рассказывал Рузвельту и Черчиллю, как это делается, на что последний одобрительно заметил, что «правду приходится охранять путем неправды».

Теперь, даже не дочитав до конца справку по делу «Неман», Сталин оценил, какую угрозу представляют действия разыскиваемых для подготавливаемого в Прибалтике стратегического удара.

Ставкой и лично Верховным Прибалтике уделялось повышенное внимание. На сентябрь планировалась стратегическая операция, в результате которой должна была быть освобождена значительная часть Эстонии и Латвии с важнейшими портами, столицами союзных республик Таллином и Ригой, а немецкая группировка «Север», насчитывавшая в своем составе более семисот тысяч солдат, офицеров и генералов, оказалась бы отрезанной от остальных сил противника, отсеченной от Германии, точнее от Восточной Пруссии, и наглухо блокированной в Курляндии, на Земландском полуострове.

Правда, в последний день июля механизированные части 1-го Прибалтийского фронта небольшими силами вырвались к Балтийскому морю в районе Клапкалнс и перерезали все сухопутные коммуникации, ведущие из Прибалтики в Восточную Пруссию. Инициативу и му-

жество войск по указанию Верховного отметили боевыми наградами, однако командованию фронта было рекомендовано при вероятной попытке немцев деблокировать окруженную группировку — оттянуть войска с минимальными потерями на линию Иелгава (Митава) — Добеле.

Дело в том, что для усиления и расширения вбитого клина в настоящий момент не имелось достаточных резервов; к тому же было бы намного заманчивее отрезать группу вражеских армий «Север» значительно западнее — при этом в огромном прибалтийском котле оказалось бы на десяток больше немецких дивизий, а линия внешнего фронта окружения прошла бы до устья Немана по границе с Восточной Пруссией.

Таков был замысел Верховного Главнокомандования. И хотя сейчас, в середине августа, наступали и получали подкрепления главным образом Украинские фронты, в тылах 1-го Прибалтийского фронта, которому отводилась ведущая роль в осуществлении планируемой операции, с соблюдением всех мер предосторожности понемногу сосредоточивались войска; причем прошлой ночью в район севернее Шауляя начали прибывать части 5-й гвардейской танковой армии — основной ударной силы предстоящих боевых действий в Прибалтике.

Ознакомясь со справкой по делу «Неман», Верховный распорядился немедленно вызвать начальника Главного управления контрразведки, а также наркомов госбезопасности и внутренних дел. Находившемуся у него в эту минуту на докладе генералу армии, исполнявшему уже не первый год обязанности начальника Генерального штаба, он предложил задержаться, вполне допуская, что, возможно, потребуются радикальные изменения стратегического плана или отсрочка всей будущей операции.

Затем он соединился по «ВЧ» с 1-м Прибалтийским фронтом. Командующий генерал армии Баграмян в этот предрассветный час находился в войсках; у аппарата оказался начальник штаба генерал-полковник Курасов, и Верховный приказал ему доложить о мероприятиях по обеспечению секретности и маскировки подготавливаемой операции, и в частности при проведении рокировки.

Планом Генерального штаба намечалось в начале сентября наступление трех Прибалтийских фронтов по сходящимся направлениям на Ригу. Считалось несом-

ненным, что немцы сделают решительно все, чтобы удержать этот крупнейший город и порт, и стянут к нему значительные силы. Тогда-то предполагалось, продолжая оказывать неослабное давление на участках 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов, произвести редкую по замыслу и масштабам рокадную рокировку: скрытно и в сжатые сроки перебросить основные силы 1-го Прибалтийского фронта с правого на левый фланг и отсюда из района Шауляя неожиданно для противника нанести массированный рассекающий удар в направлении Мемеля (Клайпеды) с выходом к морю на участке Мемель (Клайпеда)—Паланга, отчего подготавливаемая операция и получила в наметках название Мемельской.

Из лежавшей перед ним на столе справки Генштаба Сталин знал, что для осуществления подготовки Мемельской операции необходимо сосредоточить в районе Шауляя и к северу от него как минимум четыре общевойсковые армии, одну танковую, а также несколько отдельных соединений, большое количество артиллерий и других средств усиления. Таким образом, в ходе рокировки, производимой вдоль фронта на сравнительно небольшом удалении от противника, следовало скрытно и спешно переместить на расстояние от шестидесяти до двухсот сорока километров около 500 тысяч человек, свыше 9 тысяч орудий и тяжелых минометов, почти полторы тысячи танков и самоходно-артиллерийских установок. Взглянув на эти цифры, Сталин еще раз подумал, что чем больше масштаб операции, тем труднее сохранить ее в секрете и тем более тщательными должны быть меры по обеспечению ее полной скрытности.

Неожиданный звонок и вопрос Верховного не застали начальника штаба фронта врасплох. Курасов, известный своей вдумчивостью и высокой культурой мышления, отвечал спокойно, лаконично и так толково и ладно, будто ожидал этого звонка и заранее специально подготовился. При всем раздражении, какое испытывал в этот час Сталин, у него не оказалось и малейшего повода высказать свое недовольство.

Курасов доложил:

Переброска частей и соединений, их сосредоточение в новых районах, занятие исходных рубежей будут проводиться только в ночное время, с мерами строжайшей маскировки и дисциплины. Все леса как маскировочные ем-

кости распределяются между дивизиями и полками. Хвосты войсковых колонн, не успевших до рассвета полностью выйти в назначенные им районы дневок, будут «отсекаться» и укрываться в других лесных массивах с соблюдением всех необходимых предосторожностей.

Маршруты передвижения войск и техники обеспечиваются надежной комендантской службой и на всем протяжении по обеим сторонам окаймляются круглосуточными парными дозорами, так называемыми «патрулями бдительности». Следы гусеничных и колесных машин на дорогах будут до рассвета заметаться волокушами.

Скрытность перегруппировки обеспечивается также большим количеством маршрутов для движения войск (свыше двадцати пяти) и нашим господством в воздухе.

Над местами выгрузки и передвижения танков и самоходных установок — чтобы заглушить шум моторов — будут во всех случаях барражировать специально выделяемые самолеты. Из районов сосредоточения механизированных частей — ударной подвижной группы фронта — отселяется все гражданское население.

«Танковая техника россыпью!..[1]» — вспомнил Сталин, когда Курасов сказал о барражировании над местами выгрузки и передвижения танков и самоходок. Держа телефонную трубку левой рукой и продолжая слушать, он безошибочно нашел и вытащил из вороха лежавших на краю стола папок одну с надписью на обложке: «Важнейшие перевозки. Литерные эшелоны серии «К». Положил перед собой, раскрыл и стал смотреть документы последних трех суток.

Так и есть. Вчера по распоряжению Генштаба началась массированная отгрузка с заводов 530 танков и 280 самоходно-артиллерийских установок 1-му Прибалтийскому фронту, и прежде всего для пополнения 5-й гвардейской танковой армии, потерявшей сотни машин в тяжелых боях предыдущих двух месяцев.

Между тем Курасов продолжал докладывать:

В целях дезинформации противника на значительном расстоянии (более чем в ста километрах от истинного операционного направления) в армейском тылу имити-

[1] Танковая техника россыпью — танки и самоходно-артиллерийские установки, не входящие в состав подразделений, а следующие без экипажей с заводов и ремонтно-восстановительных баз.

руется концентрация восьми-девяти стрелковых дивизий, большого количества танков и артиллерии. Точно такие же обманные мероприятия будут осуществлены и в полосе соседнего фронта.

В лесах этих обоих ложных районов сосредоточения сооружаются около тысячи макетов танков и до четырехсот макетов самолетов, создаются фальшивые аэродромы. По мере изготовления часть макетов с помощью системы тросов, лебедок и воротов будет приводиться в движение днем, в часы полетов разведывательной авиации противника; в это же время звукоустановки большой мощности станут воспроизводить шум работающих моторов. Видимость и правдоподобность всех ложных объектов будет систематически проверяться контрольным наблюдением и фотографированием с воздуха.

В эти же ложные районы постепенно, партиями будут направлены свыше двухсот армейских радиостанций, которые должны имитировать текущий тактический радиообмен частей и соединений, якобы переброшенных сюда с других участков фронта. В то же время в местах истинного сосредоточения до последнего часа перед наступлением будет соблюдаться относительное радиомолчание: все передатчики прибывающих частей заранее опечатываются.

В населенные пункты ложных районов сосредоточения за неделю перед наступлением будут посланы мнимые квартирьеры, которые инсценируют распределение домов для размещения частей и штабов: на большинстве строений и на воротах, как это обычно принято, будет произведена шифрованная разметка мелом, а хозяевам предложат подготовить помещение для постоя. Также за неделю до наступления специально подобранные офицеры и женщины-военнослужащие по единому согласованному плану займутся распространением среди местного населения ложных слухов о сосредоточении войск и предстоящих действиях.

Другие элементы оперативной маскировки: в войсках проводятся работы по совершенствованию обороны и подготовке ее к условиям зимы. Армейские и дивизионные газеты в районах намечаемого сосредоточения публикуют материалы исключительно по оборонительной тематике. Вся устная агитация нацелена на прочное удержание занимаемых позиций.

Чисто охранные меры: в оперативных тылах фронта усилена проверочно-пропускная и караульная служба; районы расположения воинских частей предварительно оцепляются и прочесываются; железнодорожные станции и населенные пункты круглые сутки патрулируются; все подозрительные задерживаются до выяснения личности.

Что касается политико-воспитательных мероприятий, то со всем личным составом каждую неделю проводятся беседы о коварных методах вражеской разведки и о необходимости самой высокой бдительности. Общение военнослужащих с местным населением сокращено до минимума. Вся частная корреспонденция из районов сосредоточения будет задержана отправкой до момента начала наступления.

В заключение Курасов, несомненно почувствовав обеспокоенность Верховного, заверил, что замысел предстоящей операции известен во фронте, кроме него, только двум лицам — командующему и первому члену Военного совета, и убежденно сказал:

— Мероприятия по оперативной маскировке настолько тщательны и всеобъемлющи, что немцы смогут увидеть только то, что мы им захотим показать.

Какое-то время Сталин продолжал молчать.

Ни Курасов, ни командующий фронтом ничего не знали о группе «Неман», так же как не знало о ней и командование соседнего 3-го Белорусского фронта, где рация выходила в эфир. И к армейским генералам не могло быть претензий: борьба со шпионажем не являлась их прямой обязанностью. Но военная контрразведка и территориальные органы — с них следовало спросить со всей строгостью!..

Верховный не мог не отметить толковости Курасова, отвечавшего без какой-либо подготовки и вроде ничего не упустившего.

Оценил он и то, что начальник штаба фронта ни разу не упомянул Ригу или Мемель — города, определяющие направления главных ударов, ни словом не обмолвился и о том, где именно будут районы сосредоточения. Верховный относился недоверчиво даже к высокочастотной связи, хотя неоднократно получал устные и письменные заверения ответственных специалистов, что подслушать или перехватить разговор по «ВЧ» невозможно.

Сталину было известно и то, чего также не знали ни начальники штаба, ни командующий фронтом: скрытность и внезапность предстоящей в сентябре стратегической операции обеспечивалась по линии контрразведки и органов госбезопасности согласованной радиоигрой, проводимой не только в Прибалтике, но и в Белоруссии и на Украине.

Доклад Курасова его нисколько не успокоил, и настроение у него ничуть не улучшилось. «Рассчитали на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить!» — с радражением заметил он самому себе и, сухо попрощавшись, положил трубку.

Танковая техника россыпью особенно обеспокоила Верховного. Если в каждой части имелось командование и представитель контрразведки, в равной степени отвечавшие за скрытность и секретность при передислокации, имелся личный состав — сотни рядовых, сержантов и офицеров, способных немедленно осуществить любые необходимые действия по маскировке, то в эшелонах находилась только сопровождающая охрана — и все! По опыту трех военных лет Сталин знал, что танковая техника россыпью в первую очередь уязвима и легче всего обнаруживается агентурой и воздушной разведкой противника на станциях выгрузки еще до прибытия на исходные выжидательные позиции. А концентрация танков в каком-либо районе, как известно, наиболее характерный и несомненный признак подготавливаемого на этом участке или направлении наступления...

Он представил себе литерные эшелоны, вышедшие из Челябинска, Свердловска и Горького или находящиеся там под погрузкой на заводах. Литерные эшелоны серии «К», подлежащие особому контролю отдела оперативных перевозок Генерального штаба. Им будут давать «зеленую улицу» от Урала и до Прибалтики, будут гнать безостановочно, «на проход» даже через большие станции, а на узловых для них обязаны держать наготове под парами лучшие, самые мощные локомотивы. Конечный пункт назначения этих эшелонов не положено знать даже военным комендантам и начальникам передвижения войск на дорогах, не говоря уже о сопровождающих. Для чего же все это? Для чего все эти предосторожности?.. Неужели для того, чтобы какой-нибудь Кравцов или Матильда сейчас же сообщили немцам о

их прибытии в определенное место, раскрыв тем самым известные в Ставке и на фронте только считанным лицам, только двум маршалам, пяти генералам и ему, Верховному Главнокомандующему, замыслы?

«Задержать!..»

Задержать, остановить эшелоны можно, конечно, без труда... войну-то не остановишь!.. Что же, какие конкретные меры следовало немедленно предпринять?

Намеченные и подготавливаемые, тщательно продуманные усилия многих тысяч людей по обеспечению скрытности и внезапности могли легко пойти насмарку. С привычным чувством своего превосходства над окружающими он отметил, что первым понял и, наверно, единственный в эту минуту до конца осознал, какую угрозу представляют действия группы «Неман» для подготавливаемой операции.

* * *

Вызванные экстренно начальник военной контрразведки и наркомы внутренних дел и госбезопасности приехали почти одновременно. После доклада об их прибытии они вошли все трое, негромко почтительно поздоровались. Сталин ответил им едва заметным кивком, не предложил пройти, и они остались стоять при входе в нескольких шагах от дверей просторного кабинета, настороженные, нисколько не представляя, зачем они так срочно понадобились, и не ожидая от этого вызова для себя ничего хорошего.

Оставленный Верховным после доклада генерал армии, исполнявший обязанности начальника Генерального штаба, работал, сидя со своими картами и документами посреди длинного, покрытого темно-зеленым сукном стола для заседаний. Сталин в голубовато-сером маршальском мундире, заложив руки за спину и неслышно ступая по красной ковровой дорожке, расхаживал быстрее обычного, что было у него признаком сильного недовольства и раздражения.

Пока он удалялся в другой конец кабинета, где помещался заваленный бумагами, книгами и папками его личный письменный стол с несколькими телефонными аппаратами на приставной этажерке, трое стоящих возле входа держали взглядами его чуть сутулую старческую спину и седоватый наклоненный затылок. Когда

же, достигнув там, в глубине, противоположной стены, обшитой в рост человека панелью из светлого дуба, он поворачивался и возвращался, они смотрели ему в лицо, но глаз не было видно — как и обычно, расхаживая в раздумье, Сталин не поднимал головы.

Все трое вызванных пользовались доверием и расположением Верховного, и все трое хорошо знали, сколь зыбко, непостоянно это расположение.

Возвращаясь, Сталин посмотрел на угол длинного стола, где на зеленом сукне белела справка по делу «Неман», и нервно покрутил шеей. Стоячий воротник мундира, не жесткий, как у других маршалов, а специально сделанный мягким, в эту минуту мешал, раздражал его.

Военную форму он надевал уже второе полугодие, с Тегеранской конференции, но никак не мог к ней привыкнуть. В который уж раз с теплом и сожалением он вспомнил легкий серый френч с отложным воротником, брюки, заправленные в шевровые кавказские сапожки,— свой неизменный костюм, известный, наверно, всему человечеству. И подумал, как трудно в его немолодом, шестидесятипятилетнем возрасте менять прочно устоявшийся чуть ли не за половину века порядок. Мундир был намного тяжелее и мешал ему, особенно когда он находился в дурном настроении.

Он не терпел украшений в одежде, не носил наград, как не носили их и окружающие его лица, исключая военных; даже легкие золотые погоны, ощущаемые все же чуть-чуть на плечах, и маршальские брюки с красными лампасами раздражали его. Не мог он привыкнуть и к надеваемым с мундиром искусно пошитым шевровым ботинкам, которые в усмешку именовал по-дореволюционному — штиблеты.

Ни разу не взглянув на стоявших возле дверей, он не сомневался, что они не спускают с него глаз, как не сомневался и в том, что они с нетерпением и опаской, если даже не со страхом, ожидают, когда он заговорит.

Их тревога или даже страх представлялись ему закономерными, естественными и, более того, полезными для дела, поскольку он был убежден, что руководителя, как, впрочем, и любого начальника, подчиненные должны не только уважать, но и бояться: при этом старательнее, быстрее и тщательнее — так не без оснований

он полагал — выполняются любые распоряжения.

Минут за пять до прибытия вызванных Сталину вспомнилось его ставшее историческим, еще довоенное высказывание: для того чтобы выиграть сражение во время войны, могут понадобиться сотни тысяч красноармейцев; а для того чтобы провалить этот выигрыш на фронте, достаточно подрывных действий всего нескольких шпионов.

Следовательно, опасность подобной ситуации он предвидел и предсказывал еще до войны. Сколько раз он призывал к осторожности и требовал от всех бдительности, но должных выводов так и не сделали!.. А если и сделали, то не претворили их в жизнь.

К моменту появления в кабинете наркомов и начальника военной контрразведки Верховный уже подавил в себе вспышку негодования, охватившую его при мысли об этом довоенном предупреждении, и, расхаживая по кабинету, размышлял о предстоящих боевых действиях в Прибалтике.

Предлагать докладывать по делу «Неман» не следовало, и не потому, что он уже ознакомился со справкой и держал все в своей превосходной памяти. Послушать исполнителей — получается, что происходит необходимый положенный процесс, предпринимается все возможное, а результата пока нет, так на то имеются объективные причины и обстоятельства. При этом сыплют специальной терминологией, а разведка и контрразведка — это весьма специфичный сплав науки и искусства, сложнейшее соединение, во всех тонкостях которого свободно разбираются лишь опытные, квалифицированные профессионалы. И если в военных, например, вопросах Верховный легко вникал и в отдельные детали, то здесь полагал целесообразным ограничиваться постановкой основных общих задач и целей. С чувством острого стыда и недовольства самим собой он вспоминал, как не оценил поначалу всего могущества радиоигры и как еще несколько раз «плавал», попадая впросак. Таких вещей Сталин не прощал не только другим, но и самому себе. В то же время он нисколько не сомневался, что любую проблему в целом он схватывает быстрее и понимает значительно глубже, чем какой угодно ответственный исполнитель.

— Почему дело называется «Неман»? — неожиданно

останавливаясь перед тремя стоящими возле дверей, своим глуховатым голосом, с выраженным грузинским акцентом спросил Верховный.

При этом он поднял голову и пронзительным взглядом небольших, цепких, с желтыми белками глаз, уже тронутых первичной глаукомой, посмотрел в зрачки начальнику контрразведки.

И оба наркома ощутили мгновенное облегчение: дело касалось в первую очередь военной контрразведки, а не их ведомств.

— Название условное, товарищ Сталин,— сказал начальник Главного управления контрразведки, еще сравнительно молодой генерал-полковник, любимец Верховного, выдвинутый по его инициативе на этот высокий ответственный пост. Дюжий, светловолосый, с открытым, чуть простоватым, очень русским лицом, он стоял прямо перед Сталиным и смело смотрел ему в глаза.

— Условное?..— недоверчиво переспросил Верховный.— Оно что, связано с рекой Неман?

— Нет,— чуть помедлив, сказал генерал-полковник и в ту же секунду вспомнил и сообразил, что разыскиваемая рация однажды пеленговалась в районе Столбцов, недалеко от верховья Немана, и, очевидно, отсюда возникло название дела. Однако высказывать опоздалую догадку он не стал, поправляться не следовало: Верховный не терпел, когда подчиненные не знали точно или не помнили чего-либо, относящегося к их непосредственной деятельности.

— Вы что же, выходит, названия с потолка берете?— как бы удивляясь, строго спросил Сталин, быть может, интуитивно уловив некоторую неуверенность в ответе или в лице генерала.

— Это всего-навсего кодовое наименование,— твердо сказал начальник контрразведки,— и для дела, для розыска не имеет значения. «Неман» оно, «Дон» или, допустим, «Висла».

— А Матильда — это что, женщина?— после короткого молчания осведомился Верховный.

— Матильда?.. Это агентурная кличка.

— Рабочее имя,— понимающе сказал Верховный и, как бы для себя уяснив, отвел глаза и, поворачиваясь, мягкими неторопливыми шагами ступил влево.— Что ж, неплохо они работают!

Спустя секунды он уже шел в противоположный конец кабинета, и все трое держали взглядами его небольшую ладную фигуру, вернее — неширокую спину и седоватый затылок. У самой панели он повернулся и, в молчании возвратясь на середину кабинета, негромко продолжал:

— Вы сознаете, что речь идет о судьбе важнейшей стратегической операции, о судьбе более чем полумиллионной группировки немцев в Прибалтике?

— Да, сознаю,— отвечал начальник контрразведки.

Сталин, подойдя, стал перед ним и жестким, пристальным взглядом посмотрел ему в глаза.

— Вы понимаете, что в условиях подготовки и проведения стратегической операции любая утечка секретных сведений, любые разведывательные каналы противника должны перекрываться немедленно?

— Да, понимаю.

Сталин сделал несколько шагов, удаляясь, и неожиданно обернулся.

— Сколько их всего? — указывая на угол стола, где лежала справка по делу «Неман», спросил он.

— О численности всей резидентуры трудно говорить определенно,— глядя ему в лицо, сказал начальник контрразведки,— ядро группы предположительно три или четыре человека.

В это мгновение Сталину снова пришло на ум его проницательное историческое предупреждение, что подрывных действий всего нескольких шпионов достаточно для того, чтобы проиграть крупнейшее сражение. И еще ему вспомнилось теперь другое мудрое изречение, которое он неоднократно высказывал окружающим: из всех возможных экономий самая дорогостоящая и опасная для государства — это экономия на борьбе со шпионажем. Неужели все-таки экономят?.. Или недооценивают опасность?..

Усилием воли сдерживая гнев, он отвернулся и подошел к тому месту посреди кабинета, где по другую сторону длинного стола сидел начальник Генштаба. Остановился и, посмотрев на него, как бы рассуждая вслух, раздумчиво сказал:

— Столько у нас органов, а трех человек поймать не могут. В чем дело?

Это «В чем дело?» для стоявших возле дверей про-

звучало зловеще. В этом вопросе двум из них, по крайней мере, послышалось: «Не могут поймать или не хотят?»

Сидевший же над картами генерал поднял голову и понимающе посмотрел на Верховного. Взгляд его, очевидно, должен был сказать: «Вы, как всегда, правы, товарищ Сталин. Мы заставляем отступать многомиллионную армию немцев, а тут не могут поймать трех человек. Я полностью разделяю ваше недовольство и недоумение. Но это вопрос не моей компетенции, к сожалению, я ничем тут не могу помочь и, с вашего позволения, лучше займусь своим непосредственным делом».

И Верховный, словно прочитав все, что должен был выразить взгляд начальника Генерального штаба, снова зашагал по кабинету.

Массивная дверь неслышно отворилась, и вошедший личный секретарь Сталина тихо, бесстрастно доложил:

— Маршал Рокоссовский...

Верховный не обернулся и никак не прореагировал на это сообщение, и секретарь, видимо приняв молчание за знак согласия, так же бесшумно, как и появился, вышел из кабинета.

— Около месяца у вас под носом безнаказанно орудует опаснейший враг,— удаляясь от стоявших у дверей, продолжал Верховный.— Естественно спросить: действует наша контрразведка или бездействует?! Что это — медлительность по недомыслию или преступная халатность?.. И в любом случае — безответственность!..

Обвинения, высказываемые Верховным, были, по существу, несправедливыми: военной контрразведкой с самого начала делалось все необходимое. Однако оправдываться, а тем более возражать не следовало, и за спиной Сталина, в другом конце кабинета, убито молчали.

Бледный от негодования, он повернулся, увидел телефон «ВЧ» на специальной приставной этажерке у своего письменного стола, и сразу мысли о восставшей Варшаве и о польском вопросе, пожалуй самом сложном среди других, возникли в его голове. Подойдя к столу, он приподнял трубку, услышал тотчас в сильной мембране оттуда, из Польши, голос командующего 1-м Белорусским фронтом Рокоссовского и почувствовал, что говорить с ним в эту минуту по-хорошему, без недовольства и раз-

драженности не сможет, просто не в состоянии. Рокоссовский же, блестяще проявивший себя в Белорусской операции и получивший в ходе ее недавно, на протяжении месяца, по его, Сталина, инициативе звания Маршала и Героя, никак не заслуживал сейчас подобного обращения, и, подержав трубку несколько секунд в руке, Верховный опустил ее на аппарат. И снова двинулся по кабинету.

— Территориальные органы участвуют в розыске?— приблизясь к стоящим возле дверей и переводя взгляд с начальника контрразведки на обоих наркомов и обратно, осведомился он.

Органы внутренних дел и госбезопасности были только ориентированы и участвовали в розыске лишь постольку поскольку, да и возможностей для этого у них в оперативных тылах фронтов, где действовала группа «Неман», было несравненно меньше, чем у военной контрразведки. Но Верховный не терпел многословия и не стал бы в подобной ситуации выслушивать подробные объяснения, а подводить своих влиятельных коллег начальник контрразведки никак не желал.

— Да... Участвуют,— потом сказал он, хотя этот положительный ответ, несомненно, усугублял его и без того нелегкое положение.

— Помощь армии вам нужна?

— Генеральным штабом директива войскам уже отдана.— Начальник контрразведки позволил себе отвести глаза: взглядом указал на генерала армии; при словах «Генеральным штабом» тот поднял голову от документов.

— Извините, товарищ Сталин,— сказал он за спиной Верховного, и Сталин, выказывая свое уважение и расположение к этому человеку, тут же повернулся к нему лицом.— Если речь идет о Первом Прибалтийском и Третьем Белорусском фронтах, то командующим еще прошлой ночью предложено оказывать органам контрразведки всякую помощь людьми и техникой.

Заложив руки за спину, Сталин уже шел назад по кабинету. Не доходя до того места, где за длинным столом сидел генерал армии, он, как бы сам себя спрашивая, недовольно произнес:

— Что же получается?.. Все участвуют и помогают, все вроде бы действуют, а опаснейшие шпионы целый месяц спокойно разгуливают в тылах фронта!.. Безот-

ветственность! — внезапно раздражаясь, воскликнул он.— Мы этого не потерпим!

Оправдываться не следовало, однако начальник контрразведки не удержался:

— Товарищ Сталин, поверьте, делается все возможное.

— Не уверен!— Остановясь, Верховный быстро обернулся, не поднимая, однако, взгляда от ковровой дорожки.— И потом, что значит — делается?.. Нас не интересует процесс розыска сам по себе, нам необходим результат!.. Замечу также: мы вас не ограничиваем — делайте и невозможное!..

Помедля несколько секунд, он с неприязнью посмотрел на стоявших возле дверей и строго спросил:

— Сколько времени вам требуется, чтобы покончить с ними?

И пошел дальше, в глубь кабинета.

Воцарилась напряженная тишина. Начальник контрразведки посмотрел на своих коллег, те, в свою очередь,— на него.

— Я спрашиваю, сколько времени вам требуется, чтобы покончить с ними?!— поворачиваясь у противоположной стены и повыся голос, нетерпеливо повторил Верховный.— Минимально!.. Они должны быть обезврежены до сосредоточения в тылах фронта танковых и механизированных частей, которые туда уже начинают прибывать!

— Минимально?.. Сутки, товарищ Сталин,— после некоторой паузы сказал Нарком внутренних дел.

Из троих вызванных он был наиболее авторитетен для Верховного, причем не нес прямой ответственности за дело «Неман». Он понимал, что Сталина еще более устроил бы срок покороче, например «несколько часов». Но «несколько часов» был бы нереальный срок, а Верховный не терпел ничего нереального.

«Сутки» представлялись Наркому оптимальным ответом, но, назвав этот срок, он напряженно, не без опаски ожидал реакции Верховного, зная, что она, как и повороты в мышлении Сталина, нередко оказывалась весьма неожиданной. Так случилось и на сей раз.

— Почти месяц не могли поймать, а теперь за сутки поймаете...— с язвительной усмешкой и как бы сам удивляясь заметил Сталин.— Ну, ну...

И не будучи профессионалом, как трое вызванных, он понимал, сколь малореален названный срок: с не меньшей вероятностью, что разыскиваемые окажутся пойманными в ближайшие сутки, их могли не поймать и через недели. Однако малореальные «сутки» Верховного вполне устраивали; этот срок соответствовал интересам дела, интересам успешной подготовки важнейшей стратегической операции, и потому все остальные соображения были второстепенными.

Он вернулся из дальнего конца кабинета и, остановясь перед начальником военной контрразведки и глядя ему в глаза жестким, тяжелым, пронзительным взглядом, тем самым взглядом, от которого покрывались испариной, цепенели и теряли дар речи даже видавшие виды, презиравшие смерть маршалы и генералы, холодно осведомился:

— Вы всё поняли?

— Так точно...

— Посмотрите и запомните...— Сталин повел глазами в сторону больших настенных часов.— В вашем распоряжении сутки... Если в этот срок с ними не будет покончено,— он указал рукой на покрытый зеленым сукном угол длинного стола, где лежала справка по делу «Неман»,— если в течение суток не будет пресечена утечка особо секретных сведений... все виновные — вместе с вами! — понесут заслуженное наказание!

Он перевел свой впечатляющий взгляд на обоих наркомов — мол, вас это тоже касается! Их подавленные лица и даже фигуры выражали виноватость и максимальную преданность. Они знали, что «понести заслуженное наказание» в устах Верховного означало не только отстранение от должности... Правда, иногда эти слова оказывались всего-навсего угрозой, но кто мог заранее точно предугадать, чем они окажутся в данном конкретном случае?

Между тем Сталин, уже не видя наркомов, опять снизу вверх в упор смотрел в зрачки начальнику контрразведки.

— Вам будет оказана любая потребная помощь, но личная ответственность за вами!.. Идите.

Это «Идите» и предупреждение о личной ответственности относилось непосредственно к начальнику военной контрразведки, но и оба наркома вслед за ним торопли-

во вышли из кабинета. Они хорошо знали, что Верховный любит, чтобы все его распоряжения, указания и даже советы претворялись в жизнь сейчас же, выполнялись без малейшего промедления.

Впрочем, иной образ действий и не допускался.

57. ПИСЬМА АВГУСТА 1944 ГОДА

«Дорогая мамочка!

Извини, что не писал целый месяц — совсем не было времени. Зато уж сейчас постараюсь.

Мы ушли далеко на Запад и находимся сейчас на территории бывшей Польши. Таким образом, я попал за границу.

Население здесь поляки и белорусы, но все они так называемые «западники», люди забитые, отсталые, не по-нашему односторонние. За месяц ни в одной деревне не встретили человека, который бы окончил больше трех-четырех классов. Наш русский народ куда культурнее.

А внешне: одеваются в основном лучше нас. В хатах обстановка городская, вместо лавок обычно стулья. Девушки щеголяют в шелковых платьях по колено и в цветастых, из хорошей материи блузках. Мужчины, даже крестьяне, носят шевиотовые костюмы, сорочки с отложными воротничками и «гапки», что по-польски означает фуражки. На груди обязательно крестик, возле каждой деревни — огромное распятье с Исусом Христом, а в хатах — блохи, клопы, тараканы. Стараемся там не ночевать.

Неравенство. Один дом — двухэтажная каменная вилла с остекленными террасами, мягкой мебелью, коврами, паркетом и картинами в позолоченных рамах. И тут же рядом — жалкая хатенка, выбитый земляной пол, низкий потолок, затянутый паутиной, голые стены. В деревянном корытце — люльке — грязный, чахлый ребенок. Полно мух, не говоря уже о других насекомых.

Люди здесь в основном прижимистые, как и все, наверно, собственники. На все один ответ: «Вот если бы вы приехали на три дня раньше, мы бы вас угостили!» Самое ходовое слово — «кепско», что означает «плохо».

Леса здесь красивые, густые, так называемые пущи, много птиц. А поля забавные — узкими полосками, на-

верно, как у нас до революции. В садах полно яблок и груш, но поесть просто нет времени, да и просить неохота.

Середина августа, а жара будто в июле. Здесь не бывает морозов, как у нас. Говорят, зимой тоже слякоть. Так что и люди, и природа, и климат любопытные, но какие-то чужие. У нас лучше. Вы себе даже не представляете, как хочется чего-нибудь нашего, московского, довоенного: гречневой каши с маслом, или окрошки с квасом, или мороженого «эскимо». Не хватает даже трамвайной ругани.

В новой части я немного освоился, и настроение стало получше. Правда, спать удается очень мало, и подчиненных поубавилось, так что приходится много бегать самому. Зато люди меня окружают замечательные, а командир наш вообще необыкновенный человек.

Зря ты, мама, волнуешься. Чувствую я себя превосходно, о ранении и контузии вспоминаю, только когда получаю твои письма.

Хорошо было бы, если бы прислали пару книг или какие-нибудь журналы. Выпадет свободная минута, а почитать абсолютно нечего.

Привет всем. Будьте здоровы.

Целую тебя и бабушку.

Направление нашего движения — Восточная Пруссия!

Ваш *Андрей.*

Если цела коробочка с леденцами, о которой ты раньше писала, тоже пришли».

* * *

«Дорогой сыночек, Андрюшенька!

Пишем тебе с бабушкой каждую неделю и как камушки в море бросаем — ни привета, ни ответа. Почему ты молчишь, почему так редко отвечаешь? Когда у тебя будут свои дети, ты поймешь, что это просто жестоко.

Каждый вечер отмечаем на карте продвижение наших войск и стараемся угадать, где же ты сейчас.

В пятый, наверно, раз просим тебя сообщить о состоянии твоего здоровья. Как, сынок, себя чувствуешь? Не мучают ли тебя головные боли, меньше ли теперь заикаешься, как пораненная нога?

Кормят ли вас регулярно? Анна Петровна сказала, что, когда идет наступление, кухни отстают и бойцам приходится туго. Так ли это? Может, нужно срочно собрать тебе посылочку с продуктами? У нас сейчас достаточно овощей, и мы вполне можем обойтись без того, что получаем по карточкам. Напиши обязательно, не стесняйся.

Затемнение еще не сняли, но настроение у всех приподнятое: ведь вы вышли на границу, до Германии — рукой подать. В Москве каждый день салюты, на днях было три, а как-то еще раньше — целых пять.

И рядом горе... Вчера встретила у Белорусского вокзала Машу Терехову, стояли с ней на площади и плакали. В вашем классе еще две похоронные: под Севастополем погиб Сережа Кузнецов, а в Белоруссии убили Милочку Панину.

Сережу я знала мало, а Милочку помню еще первоклашкой, когда она жаловалась мне, что ты дергаешь ее за косички и вообще обижаешь. Я еще тогда посмеялась, что ты к ней неравнодушен, и попросила вас рассадить. А когда тебя пересадили, ты страшно расстроился, и я поняла, что мое шутливое предположение небезосновательно. Оказывается, она была на одном с тобой фронте. Это девятая по счету смерть в вашем классе — бедные ребята, несчастные матери!

Бабушка связала тебе длинные теплые чулки специально на раненую ножку. И вот забота — зима на носу, а не знаем, как переслать, боимся, затеряются. Если будет от вас какая-нибудь оказия, может, кто поедет в Москву или через Москву, обязательно дай наш адрес, чтобы зашли и взяли. Заодно можно послать и продуктов. С оказией надежнее.

Сыночек дорогой, Андрюшенька! Настоятельно тебя прошу: не бравируй все же без нужды. Помни, что ты у нас с бабушкой остался один, больше никого у нас нет... Береги себя. И чаще пиши.

Целую.

Мама».

* * *

«Уважаемая Екатерина Ивановна!

Ваше письмо получил.

Ваш сын гвардии лейтенант Блинов Андрей Степано-

вич действительно с июня с. г. проходит службу в вверенной мне части. Сообщаю, что при медицинском освидетельствовании 30 мая с. г. врачебной комиссией военгоспиталя № 1135, где перед тем он находился на излечении по поводу ранения и контузии, Ваш сын признан годным к строевой службе без каких-либо ограничений.

Я сочувствую Вашему горю и с пониманием отношусь к Вашей просьбе. К сожалению, в условиях Действующей армии создание Вашему сыну «щадящего режима для сохранения его жизни», как Вы просите в своем письме, не всегда представляется возможным.

О Вашем письме, адресованном мне как командиру части, ни Ваш сын, ни окружающие его лица, разумеется, ничего знать не будут.

Присланные Вами копии трех извещений о гибели на фронте Вашего мужа, дочери и брата возвращаю.

С уважением

Командир в/ч полевая почта 19360

Егоров».

58. ТАМАНЦЕВ

Светало, когда я уловил какое-то движение в хате, затем послышался тонкий, уже ставший знакомым скрип двери, и в реденькой белесоватой дымке я увидел Юлию Антонюк.

Интуиция — великая вещь; я продрог за ночь до кишок, до болезненности во всех мышцах и какой-то слабости, но, увидев Юлию, вдруг взбодрился и почувствовал себя в боевой готовности для сшибки — полным силы и энергии.

Она была в ночной ситцевой рубашке до колен, с распущенными волосами, босая. Стоя на земляной приступке крыльца, она некоторое время прислушивалась, потом пошла вокруг хаты, вглядываясь в рассветный туман, словно кого-то высматривала, ожидала. Заглянула в стодолу и опять двинулась по двору, шаря глазами по сторонам и время от времени останавливаясь и прислушиваясь.

Затем вернулась на крыльцо, легонько приоткрыла скрипучую дверь в сенцы и что-то сказала. Тотчас в дверном проеме появился военный — мужчина в пилотке и плащ-палатке, с автоматом в руке.

Я мгновенно напрягся. Я разглядел его лицо и отчасти фигуру и узнал не столько по фотографии, сколько по словесному портрету: «Павловский!»

Как он попал в хату?! Как же мы, придурки, просмотрели или прослушали его приход?! Если этой ночью — наверняка из-за шума ветра!

Где-то неподалеку его, по-видимому, ожидали сообщники (близ хаты их не было, иначе бы Юлия не выскочила в одной сорочке), но брать его с неизбежной перестрелкой здесь, на ее глазах,— эту психологически довольно благоприятную для меня возможность я сразу отбросил.

Они простились у изгороди; обнялись, она поцеловала его несколько раз, а он ее, потом высвободился и, не оглядываясь, пошел. А она осталась у столба, трижды перекрестила его вслед и беззвучно, совершенно беззвучно заплакала. И, посмотрев их вместе, увидев, как они прощались, я подумал, что насчет фрицев — все чистая брехня, пацанка у нее наверняка от этого самого Павловского.

И тут я мельком отметил, что Паша — мозга, нечего сказать. Он опять оказался прав, мысленно я ему аплодировал.

В момент появления Павловского из хаты я по привычке взглянул на часы — для рапорта. Было ровно пять ноль-ноль, и я подумал — не пойдет... Начальство не любит приблизительности, не любит в донесениях круглых цифр, и, если напишешь потом «пять ноль-ноль», оно поморщится, решит, что время это взято на авось, с потолка. И для рапорта я зафиксировал — четыре пятьдесят восемь...

Павловский направился не к лесу, а как бы вдоль, двигаясь от хаты строго по прямой, параллельно опушке, и прошел мимо меня в каких-нибудь десяти метрах.

Я хорошо разглядел его сильное, властное лицо и хотя ничуть не сомневался, что это Павловский и что он от меня уже не уйдет — я слеплю его как глинку!— все же по обыкновению прикинул его словесный портрет:

«Рост — высокий; фигура — средняя; волосы — русые; лоб — широкий; глаза — темно-серые; лицо овальное; брови — дугообразные, широкие; нос — толстый, прямой,

с горизонтальным основанием; рот — средний, с опущенными углами; ухо — треугольное, малое, с выпуклым противокозелком. Броских примет не имеет».

Цвет глаз и мелкие детали я, естественно, не различил. В целом же все вроде сходилось.

Крепенький, с развитой мускулатурой и очень уверенный в себе мужик, нечего сказать. Такие нравятся женщинам. И на мужчин производят впечатление... Павловский, он же Волков, он же Трофименко, он же Грибовский, Казимир, он же Иван, он же Владимир, он же Казимеж, по отчеству Георгиевич, а также Иосифович. Возможны и другие фамилии, имена и отчества... Девять успешных перебросок и четыре железки от немцев... Особо опасен при задержании...

Я помнил все, что было в розыскной ориентировке, а также и скрип начальства, что он отличный стрелок, владеет всеми системами защиты и нападения и будет сопротивляться до последнего. Что же, посмотрим... И, не видя его в глаза, я не сомневался, что такой легко не дастся, придется его дырявить по-настоящему, и я подумал еще, что у меня с собой всего один индивидуальный пакет — чем же его перевязывать?

Экипирован он был безупречно в наше армейское обмундирование, не новое, но и не старое. Офицерская пилотка с полевой, защитного цвета звездочкой, плащ-палатка, вороненый, ухоженный автомат ППШ с рожковым магазином и наши хорошие яловые сапоги.

Достигнув конца полянки, он обернулся и помахал Юлии рукой — обхватив столб, она рыдала, широко и некрасиво открывая рот, однако слышны были лишь сдавленные всхлипы. Безусловно, она знала, кто он и что в случае поимки его ожидает.

Понятно, я уже прикинул Павловского для всего, что нам предстояло. В бегу я его достану, он от меня не уйдет, это было ясно, и в рукопашной, наверно, одолею. Что же касается перестрелки, то тут мне следовало бы дать фору: он сделает все, чтобы меня убить, я же обязан взять его живым. Даже если он и не радист, а старший группы. Для функельшпиля желателен и старший. Главное — функельшпиль!.. Третьего в крайности можно и не беречь. Если бы только знать, кто из них радист, кто — старший, а кто — третий.

Я снова взглянул туда, где в орешнике находились Лужнов и Фомченко. Они должны были, заложив дрючок, чуть раздвинуть видные мне отсюда две верхние ветви, но этого знака там не было. Уснули они, что ли?.. Я не сомневался: он проник в хату с их стороны — я бы его не прозевал. Помощнички, едрена вошь, нечего сказать!

Я мог манком подать им условленный сигнал, но не стал. И не потому, что хотел все проделать сам, а оттого, что в скоротечной схватке при задержании решает умение, а отнюдь не число. В себе я был совершенно уверен, а они могли наломать дров — запросто.

Павловский уже скрылся в кустарнике. Он направлялся, как я определил, к дубовой роще, мыском выступавшей на опушке леса. Оставив в кустах свою плащ-палатку и вещмешок, я со «шмайссером» в руке, стараясь не произвести и малейшего шума, следовал за ним метрах в пятидесяти параллельным курсом. И все время охолаживал себя — уж очень мне не терпелось посмотреть его в деле.

Вести за ним наблюдение в глухом, чащобном Шиловичском лесу было практически невозможно, и более всего я желал, чтобы где-то здесь, в кустарнике, он встретился со своими сообщниками, вот тут, используя внезапность, я бы их и атаковал. И если судьба не закапризничает, не подведет, считай, они у меня в кармане.

Высокий орешник сменился мелким с проплешинами чапыжником, а впереди туманной росой серебрилось поле. Павловский шел туда, прямо к дубовой рощице, шел быстро и не оглядываясь; однако следовать за ним по открытому месту я, разумеется, не мог. Да, не талан: ни второго, ни третьего, очевидно, не будет — приходилось брать его одного.

Наметив подходящее место, я выпрямился в низкорослом чапыжнике — он доходил мне до бедер — и, держа «шмайс» внизу, у колена, поднял в левой руке пистолет — «вальтер» карманной носки — и крикнул:

— Стой! Не двигаться! Стрелять буду!

Он мгновенно обернулся и с похвальной быстротой направил на меня автомат, успев при этом окинуть взглядом местность,— нас разделяло каких-нибудь пятьдесят — сорок пять метров.

— Кто вы?! Документы! — делая шаг ему навстречу, крикнул я, стараясь выразить в лице и в голосе волнение.

Мой вопрос и требование предъявить документы выглядели в данной ситуации, на таком расстоянии нелепо и наивно — к этому я и стремился.

Я фиксировал его лицо и видел, как, положив палец на спуск, он спокойно прицелился в меня. Он не торопился и рассматривал меня с явным интересом. Ему, вооруженному автоматом и весьма уверенному в себе, я со своей игрушечной пушчонкой представлялся, очевидно, не более чем придурком из начинающих, живой мишенью.

Уверен, ему и в голову не могло прийти, что даже из этой пукалки я успеваю посадить две, а то и три пули в подброшенную вверх консервную банку и что за годы войны я взял живьем более сотни агентов-парашютистов, а они-то хорошо знают, что их ожидает в случае поимки, и потому сопротивляются с ожесточением смертников.

Я упредил его, может, на какую-то долю секунды и рухнул в чапыжник одновременно с очередью из его автомата. Меня осыпало листвой и обожгло бок — все-таки задел! Пули прошли впритирку, он чуть меня не убил, молодчик,— с таким не каждый день встречаешься; мысленно я ему аплодировал.

Упав и громко застонав, я стремительно отполз метров на десять влево, за плотный куст орешины. И, притаясь в мокрой траве за кустом, с автоматом наизготове, снова застонал, направляя ладонью звук вниз и в ту сторону, где я упал.

Этот трюк я проделывал уже множество раз и не сомневался, что Павловский решит, что я тяжело ранен, и обязательно вернется, чтобы добить меня и забрать документы. Он подойдет к тому месту, где я упал, при этом окажется ко мне боком, и я двумя очередями из-за куста внезапно обезручу его. Лишь бы он хоть на мгновение оказался ко мне боком, а не грудью.

Но тут произошло неожиданное.

— Бросай оружие!.. Руки вверх!..— услышал я громкие возгласы и, выглянув, увидел Лужнова и Фомченко: с автоматами навскидку они выскочили из кустов метрах в семидесяти от меня. Значит, они не спали — про-

сто забыли подать знак, но сейчас-то, без моего сигнала, зачем они вылезли?!

Павловский без промедления ответил им очередями из автомата — они быстро присели, но в Лужнова он вроде попал, или мне показалось, и тут мне пришлось отдать должное сообразительности Павловского.

Он, конечно, понял, что это засада, и, не желая, видимо, рисковать — все-таки один против троих,— стремглав бросился бежать, но не к лесу, а назад, в орешник. Причем как раз посредине между мною и Лужновым с Фомченко, так что на какое-то время мы, оказываясь на одной с ним прямой, вообще бы не смогли стрелять, а он сумел бы достичь кустов.

Его следовало немедля стреножить! — я вскинул «шмайс» и, метя ему по коленям, нажал спуск и чуть повел автоматом слева направо и обратно. В то же мгновение он дернулся, словно споткнулся о невидимое препятствие, и упал в чапыжник. И по тому, как он грохнулся, я понял, что не просто попал ему в ноги, а сделал что и требовалось: раздробил коленные суставы.

Я бросился к нему. Как я определил на слух, он расстрелял двадцать семь—тридцать патронов, и теперь прежде всего ему необходимо перезарядить автомат. С другой стороны бежали Лужнов и Фомченко, на плече у Лужнова расползалось темное пятно. Я не ошибся — он был ранен, но мне вдруг стало смешно. Они бежали короткими зигзагами, как я учил, но зачем сейчас было все это?! Ведь в них никто не целился и никто не стрелял — умора!

Я увидел Павловского первым. Лежа на спине, с напряженным лицом он лихорадочно вставлял в автомат новый магазин. Я рванулся к нему — оставались какие-то метры,— и тут случилось самое страшное, чего я не предвидел и никак от Павловского не ожидал: прежде чем я в броске достал его, он внезапно ткнул стволом автомата себе под челюсть и нажал спуск...

59. ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Весьма срочно!

Егорову

В течение ближайших пяти часов для участия в мероприятиях по делу «Неман» на аэродромы Вильнюса и

Лиды четырьмя специальными рейсами будут доставлены 102 офицера ГУКР «Смерш», в том числе 19 розыскников.

Оповещение по системе ВНОС[1] *до аэродромов прибытия отделом перелетов произведено.*

Под Вашу личную ответственность все прибывшие должны быть немедленно задействованы в качестве старших оперативно-розыскных групп смешанного состава на путях вероятного передвижения разыскиваемых. Особое внимание обратите на рокадные направления.

Исполнение донесите.

Колыбанов».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Весьма срочно!

Егорову

В связи с мероприятиями, проводимыми по делу «Неман», сегодня, 19 августа, с 7.00 вам оперативно переподчиняются с немедленной передислокацией в полосу вашего фронта все подвижные пеленгаторные установки радиоразведывательных групп 1-го и 2-го Белорусских фронтов, а также НКГБ Белоруссии и Литвы.

Необходимые приказания уже отданы.

Срочно свяжитесь с Управлениями контрразведки обоих фронтов и наркоматами госбезопасности республик для указания старшим групп маршрутов следования в определенные вами районы выжидания.

На инженер-полковника Никольского возлагается ответственность за оптимальное размещение прибывающих установок в треугольнике Лида — Гродно — Вильнюс и за согласованность всех их последующих действий при слежении за эфиром.

ГУКР «Смерш» обращает ваше внимание на необходимость самой тщательной маскировки установок как при передвижении в полосе вашего и соседнего фронтов, так и на местах стоянок.

Прибытие каждой радиоразведывательной группы с указанием точного района выжидания докладывайте без промедления.

---

[1] ВНОС — служба воздушного наблюдения, оповещения и связи.

Одновременно вам оперативно переподчиняется 131-й радиодивизион специального назначения[1].

В настоящий момент нами совместно с руководством Главного Управления связи Красной Армии экстренно изучается возможность привлечения большого количества армейских коротковолновых передатчиков для создания эффективных радиопомех и глушения рабочих диапазонов «Неман» в случае выхода разыскиваемой рации в эфир. До принятия окончательного решения по этому вопросу под вашу личную ответственность предлагается в течение ближайших 4—5 часов обеспечить оснащение всех коротковолновых радиостанций в частях и соединениях фронта усиленными антеннами и замену в каждом передатчике пользованых элементов питания новыми. Соответствующее распоряжение Главным управлением связи Красной Армии уже отдано.

Колыбанов».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Весьма срочно!

Егорову

В связи с чрезвычайными обстоятельствами, создавшимися в результате действий группы «Неман», под Вашу личную ответственность с целью обнаружения рации и других вещественных улик в дополнение к поголовной проверке документов надлежит немедленно организовать осмотр личных вещей у всех лиц, передвигающихся в тылах фронта, как гражданских, так и военных, независимо от званий и занимаемых должностей.

К проведению этого ответственного мероприятия, помимо органов контрразведки и частей по охране тылов фронта, привлеките личный состав комендатур и комендантских подразделений, а также лучших, наиболее толковых офицеров и сержантов из частей и соединений армии.

Каждый привлекаемый должен быть строго проинструктирован о порядке проверки, в том числе и о необходимости соблюдения при досмотре вещей максимального такта и вежливости.

---

[1] 131-й радиодивизион специального назначения, входивший в 1944—1945 годах в состав 3-го Белорусского фронта, использовался главным образом для подавления систем радиосвязи противника.

Особенно тщательно следует осматривать весь автотранспорт и передвигающихся на нем лиц.

Сообщаю, что проверка личных вещей (независимо от званий и должностей, занимаемых их владельцами) санкционирована Главным военным прокурором Красной Армии шифротелеграммой ОВ/0059 от 19.08.44 г., передаваемой в настоящий момент всем военным прокурорам 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов.

Колыбанов».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Срочно!

Егорову

Для координации всех усилий по делу «Неман» и руководства розыском к Вам в 10.00 специальным самолетом («Дуглас», бортовой номер 9; истребители охранения «ЛА-5 ФН», бортовые номера 26 и 34) вылетает начальник Главного управления контрразведки «Смерш» с группой генералов и старших офицеров.

Оповещение по системе ВНОС до аэродрома прибытия отделом перелетов произведено.

Обеспечьте подачу автомашин к моменту посадки самолета на Лидском аэродроме. Прибытие немедленно донесите.

Колыбанов».

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

«Чрезвычайно срочно!
Особой важности!

Ковалеву, Ткаченко

Под вашу личную ответственность следующие в Прибалтику, подлежащие особому контролю отдела оперативных перевозок литерные эшелоны серии «К» (танковая техника россыпью) №№ 2741, 2742, 2743, 2755, 2756, вышедшие из Челябинска 17 и 18 августа, а также №№ 1365, 1369, 1783 и 1786, вышедшие из Горького и Свердловска 18 августа, впредь до особого указания должны быть задержаны на Московском железнодорожном узле.

Исполнение проконтролируйте лично и немедленно доложите.

Основание: Распоряжение Ставки ВГК.

Карпоносов».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Срочно!

Егорову

В дополнение к №...... от 18.08.44 г. сообщаю, что распоряжение Начальника тыла Красной Армии об усиленном питании военнослужащих, участвующих в розыскных и контрольно-проверочных мероприятиях по делу «Неман», с сего дня распространяется также на всех военнослужащих, привлекаемых к войсковой операции «Кольцо», независимо от их ведомственной принадлежности с обеспечением продовольствием по линии НКО. (Основание: распоряжение Нач. тыла Красной Армии №....... от 19.08.44 года).

Выполнение проконтролируйте лично.

Артемьев».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Весьма срочно!

Егорову

В течение ближайших 3—5 часов для участия в мероприятиях по делу «Неман» Управлениями Контрразведки 1-го и 2-го Белорусских, Ленинградского, 1-го, 2-го и 3-го Украинских фронтов на аэродромы Лиды, Гродно и Вильнюса ......[1] *специальными рейсами будут доставлены ... офицеров «Смерш», в том числе ... розыскника.*

Под Вашу личную ответственность все прибывшие должны быть немедленно задействованы в качестве старших оперативно-розыскных групп смешанного состава в районах наиболее вероятного появления разыскиваемых.

Исполнение донесите.

Доставившие офицеров транспортные самолеты других фронтов, так же как и прибывающие из Москвы, по-

---

[1] Цифровые данные этого документа опускаются.

ступают в ваше распоряжение для обеспечения усилий по делу «Неман».

Срочно обсудите с Моховым, Поляковым и Никольским и немедленно доложите, какая еще помощь людьми или техникой может быть вам оказана.

Колыбанов».

60. ТАМАНЦЕВ

Я мгновенно осознал: очередью из автомата он снес себе половину черепа.

Я был зол как черт, как миллион чертей, мне хотелось ругаться последними словами, когда, подбежав, Фомченко и Лужнов уставились на его труп.

— Чего смотреть — холодный! — еле сдерживаясь, в бешенстве сплюнул я. — Кому сказал — пять раз сказал! — если он будет один, вы не понадобитесь! А вы?!

— Мы думали... он вас убил... — зажимая рукой рану на плече и морщась от боли, проговорил Лужнов.

«Думали!..» Детский сад!.. Помощнички, едрена вошь! Ввек бы их не видеть!.. Я нисколько не сомневался, что если бы они не вылезли и Павловский считал, что он со мной один на один, он и с перебитыми ногами ни за что бы не застрелился, и я бы взял его живым. Мне хотелось отлаять их так, чтобы уши у них распухли, но теперь надо было действовать, не теряя ни секунды.

Вспоров ножом рукав гимнастерки Лужнову, я поспешно перевязал ему плечо индивидуальным пакетом и перетянул выше ремнем, чтобы остановить кровь.

— Задета только мышца... кость цела... Не морщься — тебе не три годика!

Мне следовало хотя бы предварительно оценить вещественные доказательства. Прежде всего я оглядел сапоги Павловского. По виду — сверху — советские, яловые, офицерские, они имели подошвы немецких армейских сапог, подбитых гвоздями с широкими шляпками, каблуки были охвачены металлическими подковками. Такого гибрида за три года войны я еще не встречал — век живи, век учись — и сразу подумал о следах у родника, обнаруженных Блиновым: их оставил Павловский, и был он там в этих самых сапогах.

Затем я обшарил карманы гимнастерки и офицерских шаровар Павловского, вынул документы и переложил к себе. Просмотрел бегло только командировочное предписание; оно было выписано на одного Павловского, причем в отпечатанном типографском тексте, к моему удивлению, имелся задействованный с 1 августа условный секретный знак — точка вместо запятой посреди фразы. Второго предписания среди его бумаг не оказалось, и я подумал, что он, очевидно, не старший группы или же по легенде может действовать и в одиночку.

Без особых усилий я стянул с него сапоги — это надо было сделать теперь же, пока труп не окоченел.

Из хаты Свиридов никто не выходил, но я не сомневался, что они — горбун-то во всяком случае — в окно смотрят сюда. Интересно, какие чувства он сейчас испытывает?

— Будь здесь!.. Накрой его плащ-накидкой и никого не подпускай!— велел я Лужнову.— А вы — за мной!

С автоматами в руках мы с Фомченко бросились к дубовой рощице, куда всего минут десять назад направлялся Павловский.

— Будьте наготове!.. Наверно, там его кто-нибудь ждал... Держитесь правее... Если начнут стрелять — ложитесь!— на бегу инструктировал я Фомченко и, вспомнив, строго спросил:— Почему вы сигнал не подали?

— Сигнал?.. Забыли... От волнения... Совсем забыли...

«Забыли!.. От волнения!..» Детский сад, да и только! Каждому за тридцать, а они волнуются! Потому и не люблю прикомандированных — балласт, и толку от них на грош!

Фомченко бежал старательно, изо всех сил, однако постепенно отставал. Рассвело еще больше, и нас было видно издалека. Я держался настороже, каждое мгновение ожидая выстрелов, но стояла полная тишина. Мы уже почти достигли рощицы, когда в этой тишине далеко сзади нас послышался негромкий возглас.

Я обернулся: Юлия в той же ночной ситцевой рубашке шла от кустов на Лужнова. Только этого нам не хватало! Он бросился навстречу и пытался ее остановить — что-то говорил, потом схватил невредимой рукой за локоть, но она вырвалась, побежала как раз туда, куда он ее не пускал, и тут же раздался дикий крик — она увидела Павловского...

Я уже оценил обстановку и приказал подбежавшему Фомченко:

— Возвращайтесь!.. Пусть Лужнов отнесет девочку к Свиридам, а Юлию возьмите в ее хату и не выпускайте!.. В темпе!.. И никакого шума!

— Надо ей объяснить, что он — сам!

— Ничего ей сейчас не объяснишь. Надо немедля прекратить этот крик! Если будет сопротивляться — примените силу!.. А Свиридов предупредите, чтобы никуда не отлучались и помалкивали! Бегом!

Оттуда, где лежал труп Павловского, доносились надрывные рыдания, но я, не оглядываясь, вскочил в рощицу. С автоматом наизготове я бежал вдоль края дубняка, скользил между деревьями, нырял под нижние ветви. Каждую секунду я ожидал встречи с теми, кто его здесь, очевидно, ждал. И, стараясь унять злость, все время охолаживал себя. Одного упустил, но остальных надо взять живьем во что бы то ни стало.

На ходу я посовещался сам с собой и был вынужден оценить ситуацию как весьма хреновую.

Так я обежал одну сторону мыска, затем срезал у основания и вернулся, замыкая треугольник. Нигде никого и никаких сегодняшних следов — темных полос на серебристой от росы траве. Выходит, в рощице его никто не ждал.

Когда я выскочил из дубняка, там, где в чапыжнике лежал труп Павловского, никого не было, однако плач и вскрики Юлии отдаленно слышались — Фомченко все еще не смог затащить ее в хату.

Теперь следовало осмотреть опушку леса на два-три километра по обе стороны от дубового мыска.

Это заняло около часа. Я бежал краем леса, напряженно выглядывая следы, осмотрел на расстоянии ста—двухсот метров все пять тропинок и две неторные дороги — нигде ни одного свежего следа. Я был весь как взмыленная лошадь, зато мог теперь сказать определенно: на этом участке шириной километров шесть его никто не ждал и вообще после позавчерашнего дождя здесь никто не проходил.

Во весь дух я помчался назад. Лужнов, придерживая раненую руку, сидел на траве возле трупа Павловского бледный и печальный. Перевязал я его качественно: по бинту было видно, что кровотечение приостановилось.

— Ты Свиридов предупредил, чтобы никуда не отлучались и держали язык за зубами?

— Да, сказал.

— До Лиды доедешь?

— Да.

— Выходи на шоссе,— я показал рукой,— и голосуй... Передашь в отдел контрразведки авиакорпуса — Алехину или начальнику отдела, чтобы немедленно приехали. Скажешь, что Павловский при задержании застрелился. Запомни: он был один и пришел не со стороны леса... Никаких мнений и оценок — только факты! Давай!

Я заметил, что его знобит, и, когда он уже пошел, сказал вдогон:

— Попроси у Свирида... или потребуй... словом, хлебни для бодрости самогона... Полстакана — не больше!.. И жми! В темпе!

Мне хотелось, чтобы приехал кто-нибудь из начальства и все было бы зафиксировано не только в моем рапорте. Когда на счету у тебя более сотни парашютистов, взятых живьем, дать застрелиться хоть одному — не есть здорово. Тут могут возникнуть слухи о недосмотре или оплошке, каждому глотку не заткнешь, а я не желал потом никаких кривотолков.

Гимнастерку и нательную рубаху с Павловского я стягивать не стал, только расстегнул ворот и, развязав тесемки, снял погоны. Затем стащил с него брюки. В заднем кармане в носовом платке оказался самоделковый дюралевый портсигар; технари в тыловых частях плодят такие во множестве — из фюзеляжей сбитых самолетов. Я открыл крышку с выгравированной поверху надписью «Смерть немецким захватчикам!». Портсигар был наполнен «индийской смесью»— махоркой, густо пересыпанной мельчайшими крупинками кайенского перца. Маленькая щепоть такого курева, брошенная в лицо, выведет из строя любого, да и следы присыпать — если преследуют с собаками — отличное средство, лучше, пожалуй, не придумаешь.

Тут же в углу портсигара лежала плоская пластмассовая коробочка с таблетками, и среди них я сразу увидел два прозрачных камушка...

Мне стало не по себе. Конечно, запасные кварцы для передатчика могли находиться не только у радиста. Но у кого?.. У старшего группы?.. От этого нам было бы не-

намного легче. Я представил себе гневное лицо генерала и как он будет растирать шрамы на затылке и даже услышал его грозный голос: «Меня не интересуют трупы!.. Нам нужны живые агенты, способные давать показания и участвовать в радиоигре!»

Скрипа теперь не оберешься. Мне-то он наверняка еще скажет: «От кого, от кого, а от тебя я этого не ожидал!.. Не стыдно?..»

Понятно, я могу начать оправдываться. Я могу сказать: «Кого мне дали?.. Летчиков!.. Что они умеют?.. И я не виноват, что они вылезли!..» А он мне скажет: «Я не знаю никаких летчиков!.. Ты был старший, ты не новичок и отвечаешь за все!.. Вы валялись на чердаке двое суток! За это время медведя можно выучить плясать, а ты их даже толком не проинструктировал!»

«Не проинструктировал!» — ничего себе справедливость... Да я язык обмозолил, растолковывал все, как приготовишкам!.. Но не стану же я капать на Фомченко и Лужнова! Нет, я не буду оправдываться, я промолчу. Если Павловский застрелился, значит, я его «упустил». Иного толкования и не жди. Обидно, но ничего тут не поделаешь.

По форме, цвету и размеру таблеток я определил — фенамин. Каждая из них подбодрила бы Лужнова не хуже самогона, но он уже скрылся в кустарнике, и бежать за ним я не счел целесообразным — у меня самого неотложных дел было под завязку.

В моей голове вертелись два факта, которые я выделил, но не мог еще толком осмыслить. Первое: Павловский пять или шесть суток тому назад был в лесу у родника и, сорвавшись с коряги, нечаянно там наследил. Второе: он пришел сегодня ночью, но не со стороны леса, как я ожидал, то есть скорее всего он сюда откуда-то приехал. И я должен — вопрос чести! — отыскать его следы на подходах к хате Юлии Антонюк.

Теперь, понятно, не оставалось сомнений, что Павловский был действующий вражеский агент, а не какой-нибудь скрывающийся по лесам от наказания немецкий пособник.

Обмундирование и нательное белье на Павловском, судя по ярлыкам, было ивановской и московской фабрик, кальсоны и рубашка — чистенькие, вчера или сегодня надетые; ремень, портупея и компас — пользованные, оте-

чественные, а вот часы — заграничные, очевидно, швейцарские, водонепроницаемые, со светящимся циферблатом, такие, как у меня, и у Паши, и у многих армейских офицеров,— трофейные.

Подумав, что спать мне сегодня едва ли придется, я проглотил две фенаминовые таблетки и, хотя знал, что действие их наступает не сразу, тут же почувствовал заметный прилив сил.

Затем я осмотрел сапоги Павловского и в обоих под кожей, подшитой к яловым голенищам, обнаружил заложенные между листками целлулоида запасные бланки командировочных предписаний и продовольственных аттестатов, чистые, незаполненные, но со штампами и печатями воинских частей.

Все чин чином, все подтверждало, что он вражеский агент, однако никаких доказательств его принадлежности к разыскиваемой нами группе мне, как ни старался, обнаружить не удалось.

Собрав вещи Павловского, его оружие и документы, я поспешил в хату Юлии, где предстояла малоприятная, но обязательная процедура — обыск.

Фомченко караулил, стоя у печи. Мне от порога бросилось в глаза, что лицо у него оцарапано, разодрано с обеих сторон в кровь, а у ворота гимнастерки оторваны пуговицы. Видно, ему крепенько досталось, когда он тащил ее от трупа в хату.

Сама Юлия лежала не двигаясь на старенькой железной койке лицом к стене и время от времени тихонько обессиленно стонала, вроде как в забытьи.

Голые стены. Вместо стола — поставленный на попа ящик от мин, застеленный поверху розоватой тряпкой, рядом с ним — ветхая деревенская табуретка. И все — ни мебели, ни обычного «майонтка»[1]. Очень чистенькая нищета.

На запечке, покрытое белым вафельным полотенцем, что-то лежало, очевидно продукты.

Я велел Фомченко самым тщательным образом осмотреть хату внутри, а сам занялся сенцами и чердаком, все время помня, что не менее важно отыскать следы на подходах сюда от шоссе.

Единственно, что представляло интерес в сенцах,—

---

[1] Майонтек — имущество *(польск.)*.

пара нательного белья Павловского. Ее не надо было искать — выстиранная, должно быть ночью, еще влажная, она сушилась на веревке. Последовательный осмотр глинобитного пола, стен и сложенной в углу бросовой рухляди ничего не дал.

На чердаке висели запасенные веники, валялись два старых лукошка, проржавевший серп, а в углу я увидел армейскую малую саперную лопатку, почти новую и ничем не примечательную, если не считать небольшого среза на основании черенка.

Обычная история: оставив где-нибудь, утеряв свою лопатку, бойцы «заимствуют» себе другую в соседней роте, а личную метку бывшего владельца срезают — я это видел уже не раз.

Надо полагать, лопатка осталась с той поры, когда пять недель тому назад тут проходил фронт. Из-за короткой рукоятки ценности в хозяйстве она, вероятно, не представляла и потому попала на чердак, однако, судя по отсутствию даже тонкого слоя пыли, ею, так же как и серпом, недавно пользовались.

Я в темпе последовательно прокалывал финкой землю, засыпанную на чердаке, когда спохватился и взглянул на часы — без тринадцати минут семь! Через каких-то четверть часа мне требовалось быть на шоссе в условленном месте, куда должна была подъехать полуторка с Пашей или — если он не сможет — с продуктами и запиской.

Фомченко, как и следовало ожидать, ничего в хате не нашел, кроме разве лежавших на запечке продуктов: двух банок американской свиной тушенки, пяти пачек пшенного концентрата, двух буханок хлеба, кулька соли и сахара. Все это было получено Павловским на наших продовольственных пунктах по аттестатам, которыми его снабдили немцы, и, безусловно, подлежало изъятию. Но я решил оставить продукты Юлии, указав в рапорте наличие у нее голодного ребенка.

Фомченко я приказал еще раз осмотреть хату, в основном чтобы он не сидел без дела, а сам уложил все вещи Павловского, его оружие и документы в плащ-палатку, сунул туда же и пару белья, сушившегося на веревке, и увязал все в узел.

Полуторку в любом случае пришлось бы подгонять сюда, чтобы забрать труп Павловского, но я взял этот

узел с собой, чтобы предстать перед Пашей не с пустыми руками. В последний момент прихватил и сброшенную с чердака саперную лопатку.

Полтора или два километра на фенаминовой заправке я пробежал за какие-то минуты, пролетел как на крыльях, вблизи шоссе перешел на шаг и, утишив дыхание, выглянул из орешника.

Полуторка уже стояла на обочине; в кузове виднелись двое незнакомых мне, без головных уборов. Хижняк расхаживал вдоль противоположного кювета, а Паша, болезненно похудевший, с автоматом на коленях, опустив голову, сидел на подножке. Вид у него был измученный, понурый, и я понял, что дела плохи. Очень плохи. Когда есть хоть какой-то результат, люди так не выглядят, это уж точно. А ведь он еще не знал, что Павловский застрелился...

— Вы Лужнова не встретили? — подходя, будто ни в чем не бывало, сказал я.

— Лужнова? — подняв голову, как-то встрепанно переспросил Паша; глаза у него, очевидно, от недосыпания, были красные, как у кролика.— Нет. Что случилось? — разглядывая пятна крови на моей гимнастерке, поинтересовался он.

— Ничего.

Я опустил узел на землю и стал деловито его развязывать, а лопатку бросил рядом, но он поднял ее, повернул и, увидев срез на черенке, оживился:

— Откуда она? Где ты ее взял?

— У Юлии... На подловке.

«Подловкой» по-своему, по-деревенски, он называл чердак, и я сейчас намеренно так сказал.

Двое в кузове, привстав, смотрели на нас. Я их не знал, наверно, очередные прикомандированные, очередной детский садик.

Я уже развязал плащ-палатку, и Паша не мог не видеть всего, что в ней было. Из сапог Павловского я достал его личные документы и чистые резервные бланки и разложил тут же, как говорится — товар лицом. Но Паша сосредоточенно разглядывал черенок — далась ему эта лопатка! — и ничего больше, казалось, не замечал.

Внезапно он схватил один из листков бумаги — чистый бланк — и ножичком принялся выковыривать на него частицы земли, забившейся между черенком и шейкой

лопатки. Остальное его будто и не интересовало.

— Супесь,— разминая крупицы, сказал Паша.

Терпеть не могу иностранных и деревенских слов — мне-то они ничего не говорят. Это я вроде даже слышал, но не мог сейчас вспомнить, сообразить, что оно означает: из-за этого скота, снесшего себе половину черепа, я все еще был в каком-то раздрызге.

— Супесь!— повторил Паша и блаженно улыбнулся.— Чистейшая супесь!

Я смотрел на него с опаской, как на чокнутого. Такое тоже может случиться. Когда стараешься вовсю, неделями уродуешься как бобик, а результата нет, а сверху жмут и не переставая кричат: «Давай! Давай!»— можно и чокнуться.

— Что это?—указывая на плащ-палатку и не замечая дюралевого портсигара, вынутого мною из кармана, наконец спросил он, присел на корточки и взял офицерские удостоверения личности.

Надо говорить, а у меня язык присох во рту. Даже фенамин не помогал. Я чувствовал себя как описавшийся пудель... Что называется, бледный вид и холодные ноги...

Раскрыв удостоверение, он вгляделся в фотокарточки и узнал:

— Павловский...

Теперь-то наверняка должно было последовать: «Как же ты его упустил?»

Эти двое вылезли из машины и смотрели на плащ-палатку, как малолетние детишки на новогоднюю елку. Прикомандированные, ввек бы их не видеть!..

61. ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Весьма срочно!

Егорову

В течение ближайших трех часов на аэродром Вильнюса специальным рейсом из Москвы будут доставлены экипированные в форму офицеров Красной Армии 12 опознавателей из числа бывших немецких агентов, окончивших радиоотделения Варшавской и Кенигсбергской школ немецкой разведки, где, судя по радиопочеркам,

обучались и радисты активно разыскиваемой нами группы «Неман».

Под вашу личную ответственность все прибывшие должны быть немедленно задействованы на рокадных коммуникациях Вильнюс — Шауляй, Вильнюс — Гродно и Вильнюс — Лида.

Работу опознавателей возьмите под свой личный контроль, обеспечив их наиболее интенсивное и рациональное использование.

Колыбанов».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Срочно!

Егорову

В дополнение к нашему № И-19486 разъясняю, что все служебные собаки, привлекаемые к розыскным мероприятиям и войсковой операции по делу «Неман», должны обеспечиваться трехразовым котловым питанием, получая при этом ежедневно полторы суточные нормы продуктов по линии НКО независимо от ведомственной принадлежности. Основание: Распоряжение Нач. тыла Красной Армии № 7352 от 19.08.44 г.

В июле с. г. на 1-м Украинском фронте у нескольких собак в результате грубого недосмотра было заварено чутье, в связи с чем предлагается обращать внимание на температуру пищи при кормлении. Также необходимо предотвратить закладку некомпетентными поварами в котлы полевых кухонь различных специй, снижающих остроту нюха у собак.

ГУКР «Смерш» считает нужным еще раз напомнить, что при проведении войсковой операции в Шиловичском лесу собаки, обладающие верхним дальним чутьем и опытом отыскания тайников и схронов, должны быть использованы на самых перспективных участках.

Исполнение проконтролируйте лично.

Артемьев».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Срочно!

Егорову

Для непосредственного руководства действиями войск НКВД по делу «Неман» в Лиду специальным рейсом в 7.45 вылетает первый заместитель Наркома внутренних дел с группой генералов и старших офицеров.

При отсутствии у местных органов потребного количества автомашин под Вашу личную ответственность предлагаю обеспечить всех прибывших необходимым автотранспортом.

Исполнение донесите.

Колыбанов».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Срочно!

Егорову

Для обеспечения срочных перевозок по делу «Неман» в полосе Вашего фронта в дополнение к выделенным ранее самолетам с 8.00 сего дня Вам оперативно переподчиняется 142-й транспортно-авиационный полк.

Немедленно свяжитесь с командованием 1-й воздушной армии для возможного перебазирования части машин в соответствии в Вашими соображениями.

Колыбанов».

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Срочно!

Мазанову

Задержанных вами по делу «Неман» ошибочно капитана Боричевского и младшего лейтенанта Кузнецова немедленно освободите.

Начальник Управления контрразведки фронта считает необходимым предупредить вас о неполном служебном соответствии.

Поляков».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Срочно!

Егорову

Для непосредственного руководства розыскными мероприятиями органов НКГБ по делу «Неман» в Лиду специальным самолетом в 10.30 вылетает первый заместитель Наркома госбезопасности с группой высшего оперативного состава.

При отсутствии у местных органов потребного количества автомашин под Вашу личную ответственность предлагаю обеспечить всех прибывших необходимым ав-

тотранспортом и немедленно установить с ними тесный контакт для согласованности всех усилий по розыску.

Исполнение донесите.

Колыбанов».

62. КАПИТАН АЛЕХИН

С того предвоенного Первомая, когда умер отец, это был самый тяжелый день в его жизни.

Прибывшая утром из Управления машина привезла и почту — письма ему и Блинову, причем полученное Алехиным из родного села (он не сразу сообразил от кого) было удручающим.

Федосова, пожилая лаборантка, работавшая с ним до войны, писала, что на опытной станции все пришло в запустение. Тягла нет, рабочих рук тоже; заведует ныне пришедший с фронта по ранению бывший председатель Кичуйского сельпо Кошелев — Алехин пытался, но не мог его припомнить,— агрономического образования он не имеет, дела совсем не знает и к тому же с горя или от бессилия пьет.

Федосова сообщала, что в конце апреля всю суперэлитную уникальную пшеницу, выведенную с такими трудами Алехиным и его сотрудниками, плоды почти целого десятилетия упорной селекции, по ошибке или чьему-то нелепому распоряжению вывезли на элеватор, в хлебопоставку.

Не свои — прибывшие вместе с уполномоченным «девки из города» вычистили все под метелку. Федосова прибежала, когда они уже уехали, и единственно что ей удалось — собрать по зернышку, «не больше жмени», каждого сорта.

Еще она писала, что Лидаша, жена Алехина, работавшая младшим научным сотрудником той же опытной станции, с самого начала не поладила с этим новым заведующим, и зимой он оставил ее без дров, из-за чего Настенька, четырехлетняя дочка Алехиных, заболела ревматизмом и мучается ножками по сей день.

Все это было совершенной неожиданностью, поскольку сама Лидаша почти в каждом письме просила за них не беспокоиться, мол, дома полный порядок. Выходит, просто не хотела огорчать, полагая, что, находясь вдалеке, на фронте, он все равно бессилен что-либо предпринять.

Федосова была безотказная работница, человек бесхитростный, немногословный, и Алехин понимал, что она нисколько не преувеличивает и уж коль раздобыла его адрес и решилась ему написать, там действительно все дошло до ручки.

При мысли о дочери остро клешнило сердце. И как никогда было обидно, что его опыты — фактически девять лет его жизни — пошли насмарку. Он пытался как-то успокоиться, убеждал себя, что это, очевидно, объективная необходимость и ничего тут не поделаешь — война. С одной стороны, семена поистине бесценной пшеницы, с другой — возможно, где-нибудь люди умирают от голода, как два года назад в Ленинграде. Он силился, но не мог уговорить себя, что это не ошибка, а есть, очевидно, государственные, неизвестные или непонятные ему соображения.

Что же касается дров, то здесь приходилось винить жену. Напиши она ему вовремя, конечно, можно было бы помочь. Егоров в подобных случаях не стеснялся обращаться в любые организации и, несомненно, вмешался бы тут весомо и энергично.

Письмо Федосовой Алехину передали по возвращении из Вильнюса, куда в конце ночи он летал с Поляковым для инструктажа командиров специальных частей и подразделений, собранных там на случай проведения войсковой операции.

Напутствуя их перед вылетом, Егоров, в частности, напомнил:

— Главное — внезапность и надежность оцепления при создании оперативного кольца!.. И никакой огласки! Подразделения привлекаются для выполнения специального задания, но о том, что операция проводится контрразведкой, должны знать только командиры частей и офицерский состав комендатур! Проинструктируйте их лично, не упустив и малейших деталей. Вами должны быть предусмотрены и разъяснены необходимые действия во всех возможных случаях и ситуациях!..

В силу ряда обстоятельств генерал и Поляков по-прежнему считали войсковую операцию нецелесообразной, но уж коль ее надлежало провести, она должна была быть подготовлена самым тщательным образом.

Большое значение Поляков придавал синхронности оцепления Шиловичского леса. Двести девяносто шесть

грузовиков двенадцатью отдельными автоколоннами должны были минута в минуту выйти к массиву в примерно равноудаленных друг от друга пунктах и, двигаясь затем по кругу с одинаковыми дистанциями между всеми машинами, замкнуть оперативное кольцо, создав так называемую «карусель». Далее после получения условного сигнала — на каждой пятой машине имелась рация — надлежало окаймить массив по всему извилистому периметру надежной цепью скрытых заслонов и лишь затем ввести в дело группы прочесывания.

Точное соблюдение намеченного Поляковым графика и заданных дистанций, локтевая связь и взаимодействие между заслонами гарантировали надежность оцепления и невозможность кому-либо выйти, проскользнуть или прорваться за его пределы.

В конце своего недлинного выступления, записываемого всеми присутствующими, Поляков подчеркнул особую важность предстоящей операции и персональную ответственность каждого, кто будет в ней участвовать, — от командиров частей до рядовых.

Затем Алехин изложил особенности поисков в густом лесу, противоминные предосторожности и действия в случае обнаружения кого-либо и задержания.

Вопросов ему не задавали. Офицеры частей по охране тыла фронта и маневренных групп, в большинстве своем бывалые пограничники с немалым боевым опытом, наверняка неоднократно участвовали в различных войсковых операциях, и Алехин подумал, что для них, как и для него с Поляковым, в этот час полезнее было бы поспать. Однако в директиве, полученной вечером из Москвы, содержалось требование обязательного подробного инструктажа всех привлекаемых к розыскным мероприятиям и войсковой операции по делу «Неман», и Алехин добросовестно излагал то, что слушавшие его, судя по всему, и так знали.

В Лиду он и Поляков вернулись из Вильнюса, когда уже рассвело.

Такой концентрации усилий по розыску, такого массирования сил и средств Алехин за три года работы в контрразведке не видел, да и слышать ни о чем подобном ему не приходилось.

Со вчерашнего дня в полосе фронта от передовой и на всю глубину тыловых районов осуществлялся стро-

жайший контрольно-проверочный режим. К утру было задействовано свыше семисот оперативных групп. Около пятидесяти радиопеленгационных установок круглые сутки сторожили эфир. От Восточной Пруссии и Польши до Вязьмы во всех населенных пунктах и при выезде из них, на станциях и пересечениях шоссейных дорог, в поездах и местах скопления военнослужащих проводилась усиленная проверка документов. На рассвете поступило небывалое распоряжение о досмотре личных вещей.

Ночью на Лидском аэродроме продолжали садиться самолеты с оперативным составом контрразведок других фронтов, служебно-розыскными собаками и сопровождавшими их проводниками. В район города по-прежнему стягивались люди и грузовики; проделав сотни километров пути, прибыло несколько автоколонн с 1-го и 2-го Белорусских фронтов — войска НКВД и радиоразведывательные группы.

Всего в течение суток к проведению розыскных и проверочных мероприятий по делу «Неман», считая личный состав частей по охране тыла фронтов и комендатур, а также поддержки, выделенные армией, было привлечено более двадцати тысяч человек.

Из Москвы звонили буквально каждые четверть часа не только высокое начальство, но и офицеры-розыскники. Требовали различные сведения, подтверждения прибытия людей и техники, и в первую очередь вновь добытые данные, словно они должны были поступать сюда, в Лиду, обильно и непрерывно. Сообщались дополнительные указания и версии, при этом высказывались советы и различные предположения, не обходилось и без того, что Поляков называл «вмешательством в детали» и «мелочной опекой».

К утру напряжение стало, казалось, предельным, бесконечные же звонки из Москвы вносили неизбежную в таких случаях нервозность. По настоянию Полякова аппарат «ВЧ» перенесли в соседний кабинет, где около него дежурили двое офицеров.

Письмо Федосовой ударило Алехина как обухом по голове. Некоторое время он находился в полной растерянности, и Поляков, искавший его, подойдя к нему на площадке, где стояли машины, заметил это и справился:

— Что с тобой?

Алехин неопределенно пожал плечами и, чтобы избежать дальнейших вопросов, сказал:

— Я вас слушаю.

— Возьми двух человек из резервных,— велел подполковник.— Надо сейчас же сменить Таманцева, чтобы группа была в сборе. И немедленно возвращайтесь!

В машине Алехин пытался переключиться, но не мог. Всю дорогу мысли о дочери и о вывезенной уникальной пшенице, точнее о целом без малого десятилетии его довоенной жизни, угнетали и будоражили его.

Дочку он не видел четвертый год и представлял ее себе главным образом по фотографии, присланной ему женой прошлой осенью ко дню его рождения.

На этой карточке, хранившейся вместе с партийным билетом в сейфе у Полякова, в Управлении, Настенька крепкими полными ножками стояла на столе, застеленном праздничной скатертью, в короткой нарядной рубашке, толстощекая, радостная, с большим бантом в волосах.

Эта фотография не меньше, чем письма жены, внушала уверенность, что девочка здорова, сыта и дома все в порядке. А оказалось...

Вывозка в хлебопоставку селекционной пшеницы представлялась ему после размышлений никак не государственной необходимостью, а чистым головотяпством. Он припомнил газетное сообщение о том, как в осажденном Ленинграде ученые, умирая от голода, сохранили элитное семенное зерно; там, в тяжелейших условиях блокады, сохранили, а у него на родине, в глубоком тылу,— уничтожили.

Он видел мысленно станционное поле с тысячами аккуратных деляночек размером в квадратный метр каждая. В его сознании всплывали бесконечные, бесчисленные опыты, закладываемые тщательно, кропотливо, во многих повторностях, с различными вариантами посева и агрофонов. Возникли в его памяти и близкие ему люди, бывшие сотрудники станции,— как сообщала в письмах жена, за эти три года на семерых из них пришли похоронные...

Ему вспомнилось, как из гибридов, полученных в тридцать шестом году, было выделено всего одно растение, одно-единственное с девятисот шестидесяти делянок! Необычно крупные зерна этого колоса стали родо-

начальниками нового сорта, выведенного после еще пяти лет упорной селекции и жестокого отбора. Конечный результат был получен, когда Алехин находился уже на фронте.

И вот эту уникальную пшеницу, которой после государственных испытаний предстояло «прописаться» на многих миллионах гектаров земель, вывезли в хлебопоставку — на помол! Как же могли ее принять на элеваторе товарным зерном, если из документов наверняка было ясно, что это — суперэлита высших репродукций?..

Для завершающих селекцию государственных конкурсных испытаний и официального признания две жмени, собранные Федосовой, разумеется, не могли ничего дать. Он был отброшен назад как минимум на несколько лет и понимал, что после войны, если останется жив, придется повторять уже пройденное...

В мыслях о дочери самым ужасным было сознание своей беспомощности, сознание, что там, далеко в Заволжье, страдает маленькое, столь дорогое ему существо, а он не в силах, не в состоянии чем-либо ей помочь... Вычитанная где-то еще до войны фраза: «Ревматизм лижет суставы и кусает сердце» — все время вертелась в его голове. «Лижет суставы и кусает сердце!»

— Ну что...— сбавляя скорость, сказал Хижняк.— Станем здесь?..

Алехин быстро осмотрелся по сторонам. Оказывается, уже миновали Шиловичи и подъехали к тому месту, где трое суток назад останавливалась полуторка, когда привезла Фомченко и Лужнова. Здесь, у мостика через речушку, он договорился встретиться с Таманцевым.

— Хорош.

Взяв автомат, он вылез из машины.

Когда подошел Таманцев, по его виду, по пятнам крови на гимнастерке и принесенному им узлу Алехин сразу понял: что-то произошло. В то же мгновение он обратил внимание на лопатку, подняв ее, повернул, увидел срез и подумал, что это, должно быть, лопатка Гусева... Откуда она взялась?

Эта догадка, разумеется, требовавшая подтверждения, вывела его из состояния, в каком он пребывал после получения письма. Он помнил, что Гусеву выписали лопатку со склада за день до поездки и пользоваться

ею он не успел, а этой копали, и Алехин поспешно стал выковыривать частицы земли, забившейся между черенком и шейкой лопатки.

Супесь без примеси других почв. Удивительно чистая, легкая и очень светлая. Исчезновение из «доджа» малой саперной лопатки работало на версию Полякова о наличии в этом районе тайника, где пряталась разыскиваемая рация, и если это лопатка Гусева, то, значит... Такая легкая, необычайно светлая супесь встретилась Алехину только в одном месте: на поросшем суборью, сравнительно небольшом участке Шиловичского леса — он еще отметил тогда железную зависимость растительности от почвы.

Если это лопатка Гусева, то, по всей вероятности, тайник можно будет отыскать сегодня же, в крайнем случае завтра... И если рация еще там...

Если это лопатка Гусева, то ее нахождение на подловке у Юлии свидетельствовало о принадлежности Павловского к разыскиваемой группе, что также было весьма существенно, и Алехин невольно подумал, как обрадуются в таком случае Поляков и генерал.

Разминая крохотные комочки земли, он краем глаза увидел разложенное Таманцевым на плащ-палатке, посмотрел и, связав все воедино, понял, что была попытка задержания, но неудачная, и, наверно, кроме того, что лежит перед ним, есть еще только труп... А если так, то более огорчительную оплошность и неприятность в данной ситуации трудно себе представить.

— Что это? — указывая на плащ-палатку и присаживаясь на корточки рядом с ней, спросил Алехин.

Молчание Таманцева, его виноватый вид и поведение подтверждали самое неприятное предположение.

Алехин взял с плащ-палатки офицерские удостоверения, раскрыл оба, вгляделся в фотографии и узнал:

— Павловский...

Таманцев молчал. Алехин поднял голову, увидел у него в руке дюралевый портсигар, выпрямляясь, быстро взял его и, осмотрев, сказал:

— Надо полагать, это — Гусева... И лопатка тоже, очевидно, Гусева...

— Какого Гусева? — тихо проговорил Таманцев.

И тут Алехин подумал, что, находясь третий день здесь в засаде, Таманцев не знает ни о Гусеве, ни о том, что дело «Неман» взято на контроль Ставкой, ни о том совершенно небывалом, что уже вторые сутки творится в тылах обоих фронтов.

«Лижет суставы и кусает сердце!» — внезапно снова всплыло в голове Алехина. И, посмотрев на Таманцева, он огорченно спросил:

— Как же вы его упустили?

Бросив неприязненный взгляд на прикомандированных, Таманцев отвернулся и, помедля секунды, с неожиданной злостью сказал:

— По халатности, Павел Васильевич... Исключительно по халатности! Я должен был подставить свою голову, но, извините, не успел!

63. ПОЛЯКОВ И НИКОЛЬСКИЙ

В семь часов утра, по настоянию Полякова, Егоров и Мохов отправились позавтракать и немного отдохнуть. Поляков обещал разбудить их в девять, про себя решив сделать это часом позже. Он знал, что наибольшее напряжение возникнет во второй половине дня и что, когда прибудет начальство из Москвы, выкроить хотя бы малость для сна или отдыха станет невозможно. Сам он, приняв со вчерашнего вечера уже третью таблетку «кола», чувствовал себя превосходно и работал с увлечением, споро и производительно.

В девятом часу появился добиравшийся на попутных машинах Лужнов, бледный, с трудом державшийся на ногах от потери крови и тряской дороги. Он сообщил, что Павловский при задержании застрелился, что пришел он один, причем не со стороны леса — очевидно, откуда-то приехал.

Лужнова била дрожь, зубы у него стучали, и Поляков не стал его расспрашивать — вскоре должны были вернуться Алехин и Таманцев. Поляков напоил его крепким чаем из термоса, с тройной порцией сахара, и отправил в госпиталь.

В девять часов, захватив с собой папки с документами и чистой бумагой, он поспешил в соседний кабинет, чтобы доложить в Москву о ходе розыска.

Телефон «ВЧ» был занят инженер-полковником Ни-

кольским. Чтобы не терять времени на хождение взад и вперед, Поляков расположился за свободным столом, раскрыл папки и продолжал работать.

Поглощенный розыском и подготовкой войсковой операции, Поляков не вникал в подробности того, что называлось «радиотехническим обеспечением». Никольский с еще двумя пожилыми инженер-майорами, прибывшими поздно вечером из Москвы, помещались отдельно, в одном из кабинетов; они делали свое дело, а он, Поляков,— свое, и друг друга почти не касались: потребные для розыска точность и оперативность пеленгации и взаимодействие слежечных станций с мобильными поисковыми группами зависели непосредственно от сосредоточенных в районах выжидания «слухачей», а не от представителей Главного управления.

Теперь из разговора Никольского Полякову стало ясно, что проводятся крупнейшие приготовления по созданию активных радиопомех на случай выхода разыскиваемого передатчика в эфир.

Собственно, о возможности такого мероприятия он узнал мельком из разговора Егорова с Моховым еще на рассвете, но не придал тому значения и не стал, даже не пытался обдумывать. В это утро в Москве изучались и подрабатывались все возможные превентивные действия по делу «Неман», возникали и, как правило, тут же отвергались различные проекты и намерения, слыша о которых Поляков шутливо говорил: «Не надо представлять себе неприятности, которые еще не произошли!» Теперь же создание радиопомех становилось реальностью.

— Вы что, собираетесь их глушить? — спросил Поляков, когда Никольский положил трубку.

— Непременно!

— Соедините меня с генералом Колыбановым,— приказал Поляков высокому горбоносому капитану, дежурному по «ВЧ», и снова посмотрел на Никольского.— Если их станут глушить, они почти наверняка поймут, что запеленгованы, и тогда мы потеряем важнейшее преимущество. Они могут перейти на запасную волну, которая нам неизвестна... Если их спугнут, они могут скрыться из района передачи и на какое-то время уйти в радиомолчание. Да и немцы сообразят, что их рация

запеленгована. Все эти возможные последствия предусмотрены?

— Вы не совсем правильно поняли, что мы собираемся делать, и плохо представляете наши возможности,— с улыбкой заметил Никольский.— Мы подготавливаем совершенно необычное мероприятие! Речь идет не о прицельных, а о массированных заградительных радиопомехах. Мы собираемся глушить не отдельные волны, мы забьем морзянкой, блокируем наглухо целые диапазоны! В нашем распоряжении на трех фронтах будет полторы тысячи коротковолновых радиостанций,— с гордостью сообщил он.— Все они оснащаются свежим питанием, они будут наготове, и когда по команде вывалятся в эфир — вплотную! — там не останется и щелочки!.. В этом хоре морзянки сравнительно слабые сигналы портативного передатчика с подработанным питанием не найдут и не уловят даже самые чувствительные приемники немцев! Поверьте: при заградительных радиопомехах такого масштаба предположение, что рация запеленгована, не должно и не может возникнуть. Так что ваши опасения безосновательны.

— Допустим,— осторожно сказал Поляков.— А чисто военные последствия этого мероприятия вы продумали, вы их себе представляете?

— Вполне! Более того, вопрос согласован с Генеральным штабом. Они, как и мы, полагают, что противник расценит столь интенсивный радиообмен не иначе, как начало нашего нового большого наступления. Кроме временного переполоха в немецких штабах, никаких других последствий не ожидается и быть не может!

— Генерал Егоров обо всем этом знает?

— Пока только предположительно... О возможности проведения такого мероприятия мы с ним говорили, когда поступило предварительное распоряжение о подготовке радиостанций. Окончательно вопрос был решен только сейчас. Вас интересует отношение генерала Егорова?

— Да.

— Отрицательное! Но, товарищ подполковник, это же не чья-то прихоть! Приказом Ставки поставлены две конкретные задачи. Кроме первой — поймать! — есть еще и вторая, не менее важная и ответственная,— любыми усилиями предотвратить утечку секретных сведений.

Любыми усилиями! — подчеркнул Никольский.— Какое другое решение вы можете предложить?

— Формально все правильно и все логично, а по существу?.. Приказы, без сомнения, надо выполнять! Но если станут глушить целые диапазоны, то как же будут пеленговать?.. Ведь выполнение второй задачи, по существу, препятствует выполнению первой!

— Что препятствует, это неверно,— не согласился Никольский.— Я бы сказал так: осложняет! Мы дадим им продержаться в эфире до глушения девяносто секунд,— пояснил он,— время, необходимое для пеленгации. И сейчас же сообщим вам координаты треугольника ошибок.

— Девяносто секунд — это примерно сто пятьдесят групп...— вслух прикинул Поляков.— Что в них окажется, что они успеют передать?.. За координаты заранее благодарю, но сегодня это не самое главное. Места наиболее вероятного появления разыскиваемых нами уже определены — именно там прежде всего будут прилагаться наши прицельные усилия... Оценить с ходу все возможные последствия массированных радиопомех я затрудняюсь. Как вы знаете, мы намереваемся взять их с поличным перед выходом рации в эфир или же сразу после него. Если первое, то все кажется ясно. А если второе? Как они будут реагировать на глушение?.. Что успеют передать и что принять?.. Каковы перспективы радиоигры после подобного мероприятия? Состоится ли приемка груза?.. Как прореагируют немцы?.. Без конкретной договоренности по радио они едва ли пошлют самолет, а успеют ли они условиться за девяносто секунд?.. Сомневаюсь!.. Тут возникает столько вопросов, столько неясного и неизвестного, что и после детального обдумывания многое просто невозможно предугадать. Допустим даже, что розыск сам по себе не пострадает. Но сегодня — не в сорок первом и даже не в сорок втором году — реализация такого дела без последующей радиоигры — это все равно, что дом без крыши или автомобиль без мотора!.. Надеюсь, вы понимаете, что меня беспокоит?

— К сожалению, понимаю.— Никольский уже стоял у самой двери.— К сожалению потому, что конкретные последствия действительно невозможно предвидеть точно, а они могут быть для нас и со знаком минус. По-

верьте, в Москве это тоже хорошо понимают и уж коль решились, значит — необходимость!.. Что тут можно сказать?.. Чтобы нам не приходилось прибегать к глушению, чтобы все последующее происходило под нашим контролем, постарайтесь взять их до выхода рации в эфир!..

64. ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Срочно!

Косолапову.

Задержанных Вами по делу «Неман» ошибочно сотрудников Управления НКВД Барановичской области Мамыкина и Приходько немедленно освободите.

Напоминаю, что задействованный с 1 августа сего года условный секретный знак — типографская точка вместо запятой посреди фразы — содержится только в командировочных предписаниях, выдаваемых военнослужащим частей, соединений и учреждений Наркомата Обороны и войск НКВД по охране тыла Действующей армии. На документы территориальных органов НКВД и НКГБ эта мера не распространяется, что должно быть совершенно ясно из нашего № . . . . , от 30.07.44 года.

Нач. Управления контрразведки фронта считает необходимым указать Вам на недопустимую невнимательность к директиве, имеющей первостепенное значение при проведении чрезвычайных розыскных мероприятий.

Поляков».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Весьма срочно!

Егорову

В течение ближайших 2—3 часов Управлениями контрразведки 1-го и 2-го Белорусских фронтов, Ленинградского и 1-го Украинского фронтов на аэродромы Вильнюса, Лиды и Гродно специальными самолетами к Вам будут доставлены экипированные в форму офицеров Красной Армии 37 опознавателей из числа бывших немецких агентов, окончивших радиоотделения Варшавской и Кенигсбергской школ абвера, где, судя по радио-

почеркам, обучались и радисты активно разыскиваемой нами группы «Неман».

Под Вашу личную ответственность все прибывающие должны быть немедленно задействованы в районах наиболее вероятного появления разыскиваемых.

До сведения всех опознавателей должно быть обязательно доведено, что каждый, кто даст результат по делу, будет представлен к правительственной награде и освобожден от какой-либо уголовной ответственности за свое сотрудничество в прошлом с немцами как искупивший делом свою вину перед Родиной.

Работу опознавателей возьмите под свой личный контроль, обеспечив их наиболее интенсивное и рациональное использование.

Колыбанов».

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Срочно!

Исаеву

Задержанных вами по делу «Неман» без достаточных оснований старшину Тимонина и сержанта Костенко немедленно освободите.

Начальник Управления контрразведки фронта считает необходимым предупредить вас о неполном служебном соответствии.

Поляков».

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

«Чрезвычайно срочно!
Особой важности!

Ковалеву, Ткаченко

Под вашу личную ответственность следующие в Прибалтику, подлежащие особому контролю отдела оперативных перевозок литерные эшелоны серии «К» №№ 1906, 1907, 1954, 2318, 2319, 2346 и 2371 впредь до особого указания должны быть задержаны на станциях восточнее Московского железнодорожного узла.

Исполнение проконтролируйте лично и немедленно доложите.

Основание: Распоряжение Ставки ВГК.

Карпоносов».

65. АЛЕХИН, ПОЛЯКОВ И ТАМАНЦЕВ

Уже в машине по дороге в Лиду Алехин обнаружил то, чего второпях не разглядел Таманцев — едва заметные булавочные наколы на картах, извлеченных из тайников в голенищах сапог Павловского, и подумал, что это, наверно, самое ценное из всего добытого за время поисков. Если бы еще Павловского взяли живым...

На четырех листах было всего семь точечных наколов: три на изображении Шиловичского леса, два на квадрате, занимаемом северной частью Налибокской пущи, один — юго-восточнее Столбцов, где неделю назад велись поиски, и еще один — на месте Рудницкой пущи.

Что означали эти точечные пометы?.. Тайники?.. Но их было семь — многовато. Возможные места приемки груза?.. Скорее всего и то и другое. Алехин не хотел что-либо подсказывать Полякову, а тем более подсовывать свои умозаключения; пусть тот сам посмотрит и делает выводы — они интересовали Алехина несравнимо больше, чем его собственные.

Полякова он нашел в кабинете, куда был перенесен аппарат «ВЧ».

— Прибыли, товарищ подполковник,— переступив порог, доложил Алехин и, чуть помедля, спросил: — Лужнов у вас был?

— Да.— Поляков продолжал писать на листе бумаги с той необычайной быстротой, какая удивляла всех, кто впервые видел его скоропись.

— Значит, вы в курсе...— Алехин посмотрел на горбоносого капитана, сидевшего у аппарата «ВЧ», и попросил Полякова: — Можно вас на минуту?.. Надо, чтобы вы взглянули.

— Немного позже.

— Товарищ подполковник,— настаивал Алехин,— не исключено, что он имел отношение к «Неману».

Поляков поднял голову и секунды размышлял.

Минут десять назад его соединили с Колыбановым, и он начал докладывать, но там, в далеком московском кабинете, послышался еще чей-то голос, и тут же Колыбанов сказал:

— Николай Федорович, меня вызывает генерал-полковник. Я вам сейчас же перезвоню! Вы мне нужны по весьма срочному вопросу! Ждите!..

— Если позвонит Колыбанов, я сейчас...— сказал Поляков дежурному и вместе с Алехиным вышел из кабинета.

— Его стреножили, но он застрелился,— разумея Павловского, заметил Алехин.

— Я знаю.

— Полагаю, что ничьей вины в том нет.

Поляков промолчал.

Полуторка стояла позади отдела. Таманцев с сумрачно-виноватым и одновременно обиженным лицом сидел на борту. Вытянувшись, он молча поприветствовал подполковника и подхватил бережно под руку, когда тот взбирался в кузов.

Присев на корточки, Поляков быстро осматривал труп Павловского и нательное белье на нем. Алехин помогал: задрал к самой шее задубелую у ворота от запекшейся крови рубашку, стянул до щиколоток кальсоны, по команде подполковника перевернул успевшее окоченеть тело — на спине уже проступили красновато-синие трупные пятна. Все это время Таманцев безучастно стоял рядом: чувствуя себя без вины виноватым, но в какой-то степени и оплошным, он по-прежнему упорно старался не смотреть на самоубийцу.

— Сфотографируйте,— прокартавил Поляков, указывая на ноги Павловского, и, поднимаясь с корточек, пояснил: — Возможны упреки... Вы убеждены, что он был один?.. Там поблизости его никто не ждал?

— Один! Я осмотрел все вокруг в радиусе двух километров! — заверил Таманцев.— На росе след не спрячешь! Он прибыл где-нибудь около полуночи. Вероятно, с попутной машиной... К хате подошел со стороны шоссе. У речушки отчетливая дорожка его следов — вот, капитан видел. Залез в окно совершенно без шума — она его ждала. А уходил он утром — к лесу!

Так же, как и там, на обочине, невдалеке от хутора, Таманцев уже разложил на плащ-палатке в задней части кузова вещи и документы Павловского и с нетерпением ожидал, когда, оставив злополучный труп, Поляков обратит на них внимание. Тут уж не обойтись без пояснений, а его буквально зудило, он испытывал острую потребность рассказать последовательно, с деталями, как все это произошло, и таким образом оправдаться.

Однако Поляков, памятуя о незаконченном разгово-

ре с Колыбановым, спешил вернуться в отдел. Труп следовало без задержки отправить в морг городской больницы, и потому он счел необходимым отлучиться на минуты для его осмотра; с вещами же и документами можно было ознакомиться и позже.

— Свидетельства или соображения о его возможной принадлежности к «Неману»? — живо спросил он.— Вкратце!

— Прежде всего карты с точечными наколами и лопатка, которой, очевидно, пользовались в Шиловичском лесу,— сказал Алехин, нагибаясь.— Портсигар имеет несомненное сходство с похищенным у Гусева... Вот посмотрите...

Поляков не стал смотреть и в руки не взял ни карты и документы, ни портсигар и лопатку, проворно поднятые с плащ-палатки Алехиным и Таманцевым.

— Давайте все это в кабинет начальника отдела! — взглянув на часы, с недовольным видом распорядился он.— О попытке его задержания и обстоятельствах самоубийства напишите подробный рапорт. Если успеете, восстановите в документах и свои действия за предыдущие двенадцать суток. Для розыскного дела — в нем сегодня будут обнюхивать каждую запятую!.. Так не ходи,—он ткнул пальцем в пятно крови на гимнастерке Таманцева,— переоденься!

И торопливо полез через борт.

Он вернулся как раз вовремя. Горбоносый капитан выскочил прямо на него в коридор и сообщил:

— Товарищ подполковник,— Москва! Генерал-лейтенант... Скорее!..

66. ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Срочно!

Егорову

Для поддержания круглосуточной высокой работоспособности личного состава оперативно-розыскных групп, действующих по делу «Неман», главным невропатологом Красной Армии рекомендовано применение тонизирующего препарата «кола» из расчета по одной полуграммовой таблетке каждые четыре часа.

Соответствующее распоряжение начальнику медико-санитарного управления фронта уже передано.

Под Вашу личную ответственность предлагается обеспечить немедленное получение 80 000 доз препарата с военно-медицинских складов фронта и снабжение им личного состава всех оперативно-розыскных групп.

Исполнение проконтролируйте и донесите.

Колыбанов».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Весьма срочно!

Егорову

Вчера, 18 августа 1944 года, в 20.35 в расположение 2-го батальона 984-го полка, занимающего оборону северо-западнее Лазы на правом фланге 618-й стрелковой дивизии, прибыли трое офицеров — майор, капитан и старший лейтенант — с секретным предписанием Разведуправления фронта. За час до того командир батальона капитан Сипягин был предупрежден о их появлении по телефону начальником разведывательного отделения дивизии, и ему было предложено оказывать прибывшим содействие.

С наступлением темноты после ужина в землянке командира батальона майор, капитан и старший лейтенант надели привезенные с собой из штаба дивизии маскхалаты, взяли оружие и, сопровождаемые командиром разведвзвода Героем СССР[1] *лейтенантом Верещака и отделенным сержантомБоркуновым, прошли по траншеям батальона, а затем ползком перебрались в окоп боевого охранения, предупредив, что пробудут там до смены, т. е. до 6.00. Ничего подозрительного в их поведении и разговорах не отмечалось.*

В 5 часов 20 минут утра из окопа, в котором они находились, в сторону расположения противника были выпущены ракеты, последовательно красная, зеленая и белая, после чего дежурные наблюдатели в траншеях батальона заметили, что трое в маскхалатах ползут из окопа боевого охранения в направлении обороны противника. Открытый с промедлением автоматно-пулеметный

---

[1] Так в документе. Правильно — Героем Советского Союза.

огонь из-за недостаточной видимости результата не дал.

Однако в метрах в трехстах от линии немецкой обороны двое из ползших попали на мины и были убиты, а третьего спустя несколько минут огнем из снайперской винтовки удалось тяжело ранить примерно в 150 метрах от немецких траншей. Около получаса он шевелился, а потом затих и никаких признаков жизни не подавал.

В последующие пять часов немцы трижды пытались вытащить его тело в свое расположение, однако все три попытки пулеметно-минометным огнем с нашей стороны были подавлены.

Командир разведвзвода Герой СССР лейтенант Верещака и сержант Баркунов обнаружены в окопе боевого охранения убитыми холодным оружием.

Нами и одновременно командованием проводится тщательное расследование. Выяснилось, что по прибытии в дивизию неизвестные предъявили зам. начальника штаба подполковнику Семашко и нач. разведотделения майору Цибульскому, кроме командировочного предписания, офицерские удостоверения личности, а также секретное письмо нач. Разведуправления фронта, которое осталось в штабе и, как установлено проверкой, оказалось фиктивным.

В землянке командира батальона они оставили вещмешок с продуктами, а также планшет, в котором обнаружены книга И. В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза» (М., 1944 год) и брошюра А. Спекторова «Бдительность — железный закон войны» (М., 1943 год). Не исключено, что одно из этих изданий применялось при шифровании.

В планшете также находились три использованных билета в каунасский кинотеатр «Триумф» на сеанс 12.30 16 августа с. г. и форменное командировочное предписание от 17 августа с. г. на имя майора Полищук Н. Ф. «и с ним двое офицеров» с соответствующими действительным, подделанными штампом и печатью полевой почты Разведуправления фронта, однако не имеющее введенного с 1 августа условного знака — точка вместо запятой посреди фразы.

Согласно показаниям Семашко, Цибульского и Сипягина, «майор» говорил с выраженным украинским акцентом и по признакам словесного портрета имел сходство с «капитаном», разыскиваемым по делу «Неман».

Налицо и другие основания предполагать, что неизвестные, пытавшиеся осуществить «зеленую тропу»[1] *на участке 984-го полка, являются разыскиваемыми по делу «Неман» агентами, которые после выполнения задания пытались таким образом вернуться к немцам.*

Подполковник Семашко и майор Цибульский, как не проявившие должной бдительности, и капитан Сипягин, допустивший посторонних в окопы боевого охранения без ведома и сопровождения представителя «Смерш», командованием от занимаемых должностей отстранены. Во всех частях и подразделениях дивизии проводятся политбеседы о необходимости максимальной бдительности; весь офицерский состав подробно проинструктирован и строго предупрежден для предотвращения впредь подобных чрезвычайных происшествий.

В настоящий момент на участке 2-го батальона 984-го полка дополнительно скрытно сосредоточиваются станкопулеметная рота и две батареи 82 мм минометов. Под прикрытием их огня в 13.00 разведвзводом будет предпринята попытка вытащить с предполья вражеской обороны целый труп, а также останки двух других неизвестных для получения дополнительных улик и вещественных доказательств и возможной идентификации.

О результатах донесу незамедлительно.

Ковбасюк».

67. ГВАРДИИ ЛЕЙТЕНАНТ БЛИНОВ

В двенадцать часов двадцать минут пополудни, выполняя приказание Алехина, Андрей вместе с одним из помощников коменданта города выехал в район Каменки.

Утро он провел бездеятельно, что в обстановке общей занятости и деловой суеты было удивительно и обидно.

Алехин, разбудив его спозаранок в кузове, передал письмо матери, доставленное из Управления с попутной

[1] Зеленая тропа (или «тропить зеленую», просторечие — «зеленка») — термин агентурной разведки: переход линии фронта, осуществляемый обычно на стыке частей или соединений, преимущественно ночью, в темноте или же в сумрачную, ненастную погоду. Во время Отечественной войны — второй по значению (после парашютирования) способ заброски вражеской агентуры в тылы советских войск и основной способ возвращения немецких агентов после выполнения задания.

машиной, и тотчас куда-то уехал, приказав Андрею не отлучаться и начальству на глаза не лезть. Андрей хотел уединиться и прочесть письмо, но везде были люди. Зайдя во взвод охраны, Андрей увидел только что освободившуюся койку, улегся на нее и уснул. Часа через два его разбудили — случайно, по ошибке,— и он поднялся.

Он завтракал в комнате-столовой, когда стоявший там у широкого окна молодой длинноногий майор с орденской планкой на сильной выпуклой груди, спортивно-молодцеватый, как и все московские «волкодавы», повернулся и негромко сказал другому офицеру:

— Никулин, ты спрашивал... Вон Таманцев.

При упоминании фамилии Таманцева еще двое офицеров, сидевших рядом с Андреем, подскочили к окну и стали смотреть. Андрей тоже поднялся.

Таманцев, небритый, в стоптанных хромовых сапожках и позаимствованной во взводе охраны старой солдатской гимнастерке с большими нелепыми заплатами на плече и на груди — свою, окровавленную, чтобы отстирать, он замочил в бочке с дождевой водой,— держа в руке пилотку, устало шел метрах в пятнадцати от дома.

У него был вид штрафника, искупившего свою вину и восстановленного в звании, но не получившего еще нового обмундирования и потому нацепившего офицерские погоны прямо на старое. Словно почувствовав на себе взгляды, он поднял голову и, сплюнув, посмотрел на стоявших у окна с таким презрением и свирепостью, что те сразу отвернулись или отвели глаза.

Андрей был польщен. В интересе московских «волкодавов» к Таманцеву он уловил не просто любопытство, а уважение профессионалов и еще раз подумал, с какими замечательными людьми — Алехиным, Таманцевым и подполковником Поляковым — свела его судьба.

То, что москвичи знали Таманцева в лицо, Андрея не удивило. Он слышал, что весной Таманцев ездил в Москву и показывал там свое искусство в стрельбе по-македонски[1] большой группе офицеров и генералов. Стрелял он так, что начальник Главного управления награ-

---

[1] Стрельба по-македонски — стрельба на ходу из двух пистолетов (или револьверов) по движущейся цели.

дил его именным оружием — присланным вслед пистолетом с дарственной гравировкой.

Андрей заметил необычный, удрученно-усталый вид Таманцева и огорчился. А четверть часа спустя они сидели вместе в одном из кабинетов и задним числом писали рапорта о своих действиях за последние двенадцать суток — начиная с осмотра леса под Столбцами.

Как объяснил Таманцев, бумаги эти потребуются при проверке розыскной документации начальством из Москвы. Иначе у Эн Фэ и у самого генерала могут быть неприятности.

Тут Андрей и узнал, что дело, которым они занимались и занимаются, еще вчера взято на контроль Ставкой, и понял причину небывалого оживления, царившего здесь, в отделе, и на аэродроме. Ему стало обидно, что никто, даже Алехин, не сказал ему об этом ни слова,— единственным тому объяснением было, что он стажер, всего-навсего стажер...

От Таманцева Андрей услышал, что по настоянию Главного управления сегодня проводится крупнейшая войсковая операция, но в этой «ненужной затее» их группа участвовать не будет.

— Она — войсковая, пусть войска ею и занимаются. А мы — контрразведка,— с достоинством сказал Таманцев.— Мы будем действовать параллельно.

Настроен Таманцев был довольно мрачно. Он сразу сообщил Андрею, что у него неприятность: застрелился немецкий агент. Этого бы не случилось, если бы не помешали прикомандированные. Но какой с них спрос? Никакого!..

Перефразируя известное высказывание Верховного Главнокомандующего, он заметил, что прикомандированные приходят и уходят, а розыскники остаются и отвечать в данном случае придется ему, Таманцеву, и хуже того — Алехину и Полякову.

Он объяснил также, что из засады на хуторе его сняли, чтобы группа была в сборе. Мол, по соображениям Эн Фэ, проклюнулась возможность сегодня или завтра покончить с «Неманом» и якобы подполковник и генерал заинтересованы в том, чтобы сделала это именно их группа.

Более всего Таманцев верил в оперативное мышление Эн Фэ и прямо сказал, что если подполковнику и

генералу не помешают, то сегодня, в крайнем случае завтра, все будет «тики-так».

Андрей ничего не мог понять. Если войсковая операция не нужна, то почему же из Москвы требуют ее проведения?.. И отчего, по какой причине Таманцев, и, видно, не только он, против нее? Кто и как может мешать ловить немецких шпионов? И почему Эн Фэ и генерал заинтересованы, чтобы с «Неманом» покончила именно их группа?

Эти и другие вопросы занимали Андрея, но единственно, о чем он решился спросить: что они должны сегодня будут делать?

Продолжая писать, Таманцев сказал, что, если ничего не изменится, им предстоит засада в лесу часов от трех дня и до семи вечера — в наилучшее время для коротковолновой радиосвязи. Но выехать туда придется несколько раньше — сразу после полудня.

Андрей уже знал, что засадой называется скрытое расположение на местности или в помещении оперативного состава, производящего поимку вражеских агентов. Месяц назад Андрей и сам участвовал в таком мероприятии: он и Алехин, нещадно истязаемые блохами, трое суток просидели в жаркой вонючей стодоле бок о бок со свиньями и коровой, лишь ночью по нужде вылезая на свежий воздух. Причем просидели впустую — никто не пришел, и у Андрея об этих трёх сутках остались самые неважные воспоминания.

Таманцев, мечтавший о сложных оперативных комбинациях, о функельшпиле «стратегического значения», тем не менее к засадам относился с любовью и уважением.

— Это самый результативный способ поимки в полевых условиях,— говорил он.— Если поднапрячь извилины и все хорошенько организовать, даже из такого примитива можно сделать конфетку!

Первые рапорта он написал спокойно и довольно быстро, последний же, самый большой, о неудачной попытке задержания, вызвал у него настоящие переживания. Излагая происшедшее утром, он раздувал ноздри, дважды припомнив что-то неприятное, закрывал глаза и, наморщась, как от кислого, мотал головой, а потом, не выдержав, возбужденно вскричал:

— Ввек бы их не видеть!

— К-кого?

— Прикомандированных!

Ему страшно хотелось спать, и, посматривая на пол в углу у окна, он заявил, что, как только разделается с этой писаниной, запрется здесь, в кабинете, и на два-три часа пусть розыск и «Неман» катятся ко всем чертям! А потом Андрей его разбудит.

Закончив свои рапорта, Андрей отправился во взвод охраны и, улучив момент, вынес оттуда подушку. Не рискуя проходить с ней по коридору отдела, он передал ее в форточку Таманцеву — тронутый такой заботой, тот даже улыбнулся. И, возвратясь в кабинет, Андрей решился задать вопрос, занимавший его в этот час: а что будет, если ни сегодня, ни завтра поймать разыскиваемых не удастся?

— Что?.. Москва шутить не станет...— мрачно сказал Таманцев.— Каждому поставят по клизме... На полведра скипидара с патефонными иголками,— уточнил он.

И после короткой паузы, словно утешая Андрея, добавил:

— Ты-то молодой... И меня, как рядового чистильщика, Москва наказывать не станет — мы для них не фигуры!.. А уж Эн Фэ, Паше и генералу отмерят на всю катушку — это как пить дать... За что?! — вдруг возмущенно воскликнул он.

Добытая Андреем подушка не пригодилась — поспать Таманцеву в это утро не удалось. Что-то там изменилось, и вскоре он, Алехин и еще человек двадцать розыскников Управления контрразведки фронта на нескольких автомашинах поспешно выехали в район Шиловичского леса.

Туда же в определенное место, южнее Каменки, Алехин велел прибыть к тринадцати ноль-ноль и Андрею с одним из офицеров комендатуры — по указанию Полякова или Голубова.

С момента отъезда Алехина и Таманцева Андрей находился в непрерывном ожидании. Подумав, что о нем просто забыли, и томясь своей бездеятельностью, он намеренно сунулся на глаза Полякову, выходившему из отдела,— подполковник ответил на приветствие, но ничего ему не сказал.

Полуторка вернулась часа через два; Хижняк нашел Андрея и позвал его обедать. Никаких распоряжений не

поступало, и, подумав: когда еще придется поесть? — Андрей отправился на кухню.

После жирных густых щей повар, земляк Хижняка, навалил им полные, с верхом миски вареного мяса и пообещал еще на третье «какаву».

Так плотно Андрей давненько не ел; впрочем, сегодня всех кормили без ограничений, как на убой; даже белый хлеб, нарезанный толстыми ломтями, без нормы лежал на столах.

Андрей макал вилкой куски свинины в персонально для них выданное Хижняку блюдечко с горчицей, когда в комнату — столовую, где находилось еще десятка два человек,— вбежал какой-то старший лейтенант и с порога закричал:

— Из группы капитана Алехина здесь кто есть?

— Я...— с набитым ртом, покраснев, проговорил Андрей.— М-мы...

— Что же вы здесь сидите?! — возмутился старший лейтенант.— Идемте, возьмете представителя комендатуры. И немедленно выезжайте!

Когда они обогнули здание отдела, он показал Андрею высокого нарядного офицера, стоявшего к ним спиной невдалеке от крыльца, а сам, взволнованно-озабоченный, тут же исчез.

В офицере Андрей узнал помощника военного коменданта города, молодого статного капитана с выразительными продолговатыми глазами на тонком красивом лице.

Когда, впервые заехав здесь, в Лиде, в комендатуру, Андрей увидел капитана, то ему подумалось, что где-то когда-то он уже встречал этого человека. Но как ни силился Андрей, припомнить он не смог, а спросить не решился: даже со старшими по званию капитан разговаривал без выражения почтительности и, пожалуй, несколько надменно, а на Алехина и вообще не взглянул; он сидел за высоким барьером и, регистрируя командировочное предписание, не поднял глаз от бумаг:

— Вот гусь, а?..— ругался тогда Таманцев: ему капитан особенно не понравился.— Его лбом башню тяжелого танка заклинить можно, а он здесь окопался! И вознесся — никого не замечает! Пижон! Тыловая гусятина! Да я на него облокотился!

Таманцев стоял в стороне у дверей, к барьеру не под-

ходил и, конечно, не сказал Андрею, что во время предыдущего приезда в Лиду имел неприятное столкновение с капитаном: проходя по улице, не поприветствовал помощника коменданта, тот остановил его и публично отчитал...

Торопливо прожевывая на ходу и сожалея в душе, что не удалось попить «какавы», Андрей подошел к капитану и, козырнув, проговорил:

— Т-товарищ к-капитан, в-вы из к-комендатуры?.. Идемте с-со м-мной...

Хижняк, обежавший здание с другой стороны, уже успел сесть в машину и завести мотор. Став на подножку, Андрей шепотом официально сообщил ему, что к тринадцати ноль-ноль, то есть через сорок минут, им надлежит быть южнее Каменки — Хижняк крепко выругался — и приказал жать на всю железку.

Возможно, надо было предложить помощнику коменданта сесть в кабину, но пока Андрей говорил с Хижняком, капитан, помедлив, залез в кузов и устроился там на ящике. Нарядно-осанистый, в отличной форменной фуражке с черным бархатным околышем, он, возвышаясь над бортами, явно бросался в глаза, и Андрей, помня указание Алехина — прибыть в назначенное место, не привлекая по дороге чьего-либо внимания,— велел:

— С-сядьте ниже, к к-кабине!

Капитан послушался и не торопясь и, как показалось юноше, с весьма недовольным видом опустился на грязные доски кузова. Андрей не сел — упал рядом: полуторка, резко набирая скорость, рванулась как подхлестнутая.

Женщины с корзинками и сумками тянулись с базара; проехал «додж», полный шумных танкистов в черных шлемофонах; у большого костела в тени каменной ограды теснились прихожане; громыхая по булыжнику, медленно катилась телега с привязанной к задку комолой коровой; со станции доносились гудки паровозов; высоко-высоко, еле различимые в солнечном небе, барражировали истребители.

Город жил своей обыденной жизнью, ничуть не подозревая, что в этот час тысячи бойцов, сержантов и офицеров изготовились к проведению крупнейшей войсковой операции. Еще бо́льшее число военнослужащих, как ска-

зал Таманцев, участвовало в чрезвычайных розыскных и проверочных мероприятиях по делу «Неман». И среди этих многих тысяч лишь офицеры контрразведки знали о рации КАО, о стратегическом значении разыскиваемой группы, знали суть происходящего, и от сознания, что и он, Андрей Блинов, принадлежит к числу столь немногих избранных, юноша чувствовал себя счастливым и необычайно сильным.

Хижняк старался вовсю: они стремглав пролетели по улицам и через какие-то минуты, оставив город позади, мчались по шоссе.

Капитан трясся в кузове подле Андрея с тем же горделиво-важным видом, что и в комендатуре. На нем был складный, прямо с иголочки китель с ярко сверкавшими на солнце золотистыми погонами и пуговицами, светло-синего, довоенного сукна брюки и новенькие сапоги с длинными узкими голенищами. Подшитые ровнехонько, свежее свежего манжеты виднелись из рукавов; складки на брюках были отутюжены; от лакированного козырька фуражки и до черного зеркала сапог все на капитане было новенькое, аккуратное, блестящее и весьма неуместное в старом, видавшем виды кузове.

Чтобы не запачкать костюм, он, подложив под себя шелковый носовой платок, сидел в метре от бочонка с бензином и старался одеждой ничего не касаться; дважды он поглядывал на часы, как бы давая понять, что человек он занятой, и у него на счету каждая минута.

Андрей дружелюбно посматривал на капитана и даже улыбнулся, собираясь заговорить, но тот и взглядом не удостоил его.

Вспомнив вдруг о письме матери, Андрей вынул его — когда еще выдастся свободная минута? — и начал читать. При этом он скосил глаза и увидел, что капитан демонстративно смотрит в другую сторону.

Письмо матери Андрея и порадовало, и опечалило, и вызвало некоторую досаду.

Сережка Кузнецов был отличный мальчишка, а в Милочку Андрей в первом классе действительно влюблялся, и не верилось, что их уже нет, как нет в живых и еще семи его одноклассников.

Хлопоты матери удивили Андрея своей неуместностью и безосновательностью. Боже мой, чем она озабо-

чена?! «Ножки», «чулочки», «посылочка с продуктами»... Он, Андрей, участвует в розыскных мероприятиях стратегической без преувеличения важности, занимается делом, взятым на контроль Ставкой Верховного Главнокомандования, а тут... ерунда, какая может прийти в голову, наверно, только женщине, и то гражданской. «Мещанство, тыловое мещанство...» — огорченно подумал Андрей.

И еще обижается, что он редко пишет. Да знала бы она... Самое обидное, что он даже намеком не может сообщить ей, чем занимается.

Сунув письмо матери в карман, Андрей взглянул на часы — было начало второго, — привстав, перегнулся в кабину и громко сказал:

— Х-хижняк, м-мы опаздываем... Ж-жми, д-дорогой, ж-жми!

— А я что делаю?! — свирепо закричал Хижняк.

Андрей с озабоченным видом сел на место. То, что они не успеют к назначенному Алехиным времени, стало ясно еще на аэродроме — выехали позже, чем следовало. Но теперь это Андрея по-настоящему обеспокоило, и он с тревогой думал о возможных последствиях их вынужденного опоздания.

Это был, наверно, самый ответственный день в его жизни, главной своей задачей он сейчас полагал не допустить и малейшей ошибки и, естественно, не мог не волноваться.

Хотя Хижняк знал дорогу и ориентировался не хуже его, он на всякий случай смотрел вперед, несколько раз перегибаясь через борт, с опаской поглядывал на скаты (будто это могло что-нибудь дать) и все время со страхом прислушивался к шуму мотора: вдруг откажет — и тогда они вообще не доедут до места.

Капитана же словно ничто не интересовало. Он смотрел с холодно-важным безразличием и каким-то недовольством, его взгляд, ни на чем не останавливаясь, безучастно скользил по перелескам, чересполосице полей и редким хатам, и лицо, как казалось Андрею, говорило: «Борьба со шпионажем?.. Подумаешь, эка невидаль! Я и не такими делами занимаюсь!..»

«А все-таки я его где-то встречал!» — размышлял Андрей, подпрыгивая в кузове и опираясь руками, чтобы смягчить толчки; ощущение, что он прежде когда-то

видел этого человека, не оставляло его, но вспомнить: где? — он не мог, а заговорить не решался.

68. ПОМОЩНИК КОМЕНДАНТА

Между тем капитан всю дорогу переживал, как неудачно сложился этот праздничный для него день. Размышлял он при этом невесело и вообще о своей службе в комендатуре, где после ранения, как ограниченно годный, он торчал уже два месяца, тоскуя по родному батальону и поминая недобрыми словами немецкую пулю, медицину и отдел кадров.

На восемь часов вечера у него было условлено свидание с девушкой из эвакогоспиталя, в котором он весною лежал. Для этой гордой и, как ему казалось, неприступной ленинградки с погонами лейтенанта медицинской службы он был вовсе не грозным помощником коменданта города, надменно-официальным, каким его знали военнослужащие, а просто Игорем, излишне самолюбивым и обидчивым, но симпатичным, а главное, интересным и — в последнее время — желанным парнем. Так, во всяком случае, она его понимала и так говорила, не зная, впрочем, о нем, пожалуй, самого существенного, того сокровенного, что он тщательно на войне от всех скрывал.

Еще позавчера при последней встрече они договорились, что он придет сегодня к восьми часам, и больше она ничего не сказала. Но от ее ближайшей подруги — строго по секрету — он узнал, что у Леночки ныне день рождения и будет небольшое торжественное застолье — кроме него, приглашены еще две подружки, а также начальник ее отделения, молодой красавец грузин, как говорили, талантливый хирург, к тому же игравший на гитаре и вызывавший у помощника коменданта острую неуемную ревность.

В его жизни это было не первое сильное увлечение.

Перед войной он влюбился в одну будущую актрису, студентку театрального института, и других девушек не замечал. Однако осенью сорок первого, когда он уже находился на фронте, связь между ними внезапно прервалась — она уехала в эвакуацию и как в воду канула. Болезненно переживая, он многие месяцы пытался ее разыскать, увы, безуспешно, она же, очевидно, и не пы-

талась: знала его московский адрес, однако среди писем, пересылаемых матерью, от нее ничего не было.

Позже, под Сталинградом, он увлекся по-настоящему переводчицей из штаба дивизии, приехавшей на пару часов в полк опросить немцев, захваченных его ротой. За ужином они разговорились; она оказалась москвичкой и более того — училась в соседнем с его домом институте.

Спустя неделю он отправил ей с оказией шутливую несмелую записку, не рассчитывая получить ответ, но она ответила хорошим, теплым письмом. Переписка продолжилась, они обменивались дружескими посланиями каждую неделю и к моменту окружения немецкой группировки уже перешли на «ты».

В середине декабря была еще одна чудесная встреча, когда его вызвали в штаб дивизии и затем он гулял с ней морозной ночью несколько часов. Мела, крутила свирепая поземка, в отдалении размеренно била корпусная артиллерия, из темноты время от времени слышались окрики часовых. Трижды заснеженную степь вокруг ярко освещали САБы[1], сбрасываемые немецкими самолетами, и он видел рядом ее пунцовое от мороза, прекрасное лицо. Она была в валенках и в полушубке поверх ватного костюма, а он, являвшийся перед тем к начальству,— в шинели и в сапогах. Чтобы не замерзнуть, они непрерывно ходили и даже грелись пробежками, и все же он продрог до костей, но был счастлив как никогда. В конце этого сказочного, так запомнившегося ему свидания она предложила, если позволят обстоятельства, встретить Новый год вместе.

Эта идея захватила его. По счастью, полк вывели во второй эшелон и все складывалось как нельзя благоприятно. Он понимал: ей легче отлучиться, чем ему оставить на ночь роту. Вместе с ординарцем он вылизал землянку и выпросил на эти сутки у других ротных лучшую в полку табуретку и вполне приличный несамодельный стул. Как раз в это время один из офицеров, ездивший с машиной в дальнюю, за сотни километров командировку, привез заодно с севера три елки. По приказанию командира полка их роздали по веточке во все землян-

---

[1] САБ — светящая авиационная бомба, предназначенная для освещения местности.

ки и блиндажи, и ему досталась небольшая, короткая, но густая пахучая лапа. Поставленная на крохотном самодельном столике под журнальным портретом Верховного Главнокомандующего, она стала главным и редкостным украшением — в безлесной степи, вблизи от передовой о елке можно было только мечтать.

31 декабря с сержантом из его роты, ехавшим по делу в штаб дивизии, он отправил переводчице только что врученную ему посылочку — подарок от тружеников тыла: флакон духов, шерстяные варежки и пачку печенья. Внутрь вложил торжественно-шутливое приглашение, написанное «высоким штилем». В самом конце предложил: если она пожелает, его «верный оруженосец» (имелся в виду сержант) будет ее сопровождать.

День минул, и, томясь ожиданием, он то и дело выходил из землянки и всматривался в темноту в том направлении, откуда они должны были появиться. Он ни разу не звонил ей в дивизию, зная, что разговоры могут слушать и от нечего делать слушают телефонисты, и никак не желая делать сокровенное, дорогое достоянием чужих ушей. В одиннадцатом часу, однако, не выдержав, он соединился через полк с дивизионным коммутатором и, не зная номера, назвал фамилию майора, ее начальника, к которому он с самого начала без каких-либо к тому оснований ее ревновал. Ответил чей-то юношеский тенор, но там, в штабном блиндаже, было весело, возможно, уже выпивали, звучали оживленные голоса, в том числе и женские. Он попросил майора, но когда тот подошел, сразу положил трубку: ему явственно показалось, что среди других он расслышал и ее радостный голос,— от обиды и огорчения он чуть не закричал.

Это было настолько чудовищно неожиданным, что немного погодя, утешая себя, он подумал, что от штаба дивизии до его землянки каких-нибудь пять километров и за полтора с лишним часа она еще вполне может успеть, особенно в сопровождении сержанта.

Успокоение, однако, оказалось недолгим. В двенадцатом часу, вызвав ординарца, он хватил с ним по стакану неразбавленного спирта и в полном молчании принялся есть с таким ожесточением, будто главным теперь было уничтожить все припасенное и добытое не без труда на этот праздничный ужин. Они усиленно ра-

ботали челюстями, когда вернулся наконец сержант, ввалился в землянку усталый, озябший и, прикрыв за собой дверь, молча и виновато достал из вещмешка посланную с ним посылочку.

В первое мгновение капитан (он тогда был еще старшим лейтенантом), уже охмелевший, буквально задохнулся в приступе ревности, обиды и оскорбления, окончательно поняв, что она действительно предпочла ему другого или просто другое общество. Схватив перевязанный красной ленточкой сверток, он вбросил его в раскаленную железную печурку и в душе проклял ее.

Он подумал, предположил плохое, а случилось самое худшее: прошлой ночью ее убило в соседнем полку, разметало на кусочки прямым попаданием снаряда в штабной блиндаж. Какое-то время он ходил совершенно потерянный.

Влюбился он, стало быть, не впервые, но такого, как теперь, с ним еще не случалось.

Верно, только из-за Леночки смирился он на время со столь постылой ему комендантской должностью, решив потерпеть еще месяц-другой и лишь тогда добиваться переосвидетельствования и снятия ограничения, в чем ему уже дважды отказывали. Он был непоколебимо убежден, что во время войны мужчины должны воевать, а находиться в тылу, имея руки и ноги, постыдно. Поэтому-то он и отказывался категорически от оформления брони и демобилизации, чего добивались настойчиво в Москве его именитые педагоги.

Отношения с Леночкой развивались так, что вот-вот ему следовало высказаться, объясниться, соперничество грузина по-настоящему беспокоило, и сегодняшний вечер имел потому особое значение.

Узнав про день рождения, он помчался наутро к портному, который шил ему парадную форму, и просил все ускорить и сделать на сутки раньше. Чтобы стимулировать срочность, пообещал сверх условленной платы еще консервы из своего доппайка и сахар.

С этим костюмом вообще было немало хлопот. Отрезы он получил еще в полку до ранения, потом обменял их с придачей на лучшие — довоенной выработки сукно — у старика интенданта, который польстился на его трофейный «вальтер» в генеральской кобуре и пристал

как с ножом к горлу. Потом недоставало бортовки для кителя и достойных золотых пуговиц, не было и хорошего надежного мастера. И лишь неделю назад все наконец устроилось.

Сегодня рано утром по дороге в комендатуру он заскочил к портному еще раз напомнить, что к вечеру — кровь из носа! — костюм должен быть готов. К его удивлению и радости, пошитый китель, сверкая пуговицами и погонами, уже красовался на манекене, а брюки отглаживались тяжелым утюгом.

Этого лохматого старикашку с его невероятным местечковым акцентом и вечной каплей на кончике носа, угодливо-старательного, как и все ремесленники здесь, в Западной Белоруссии, знакомые офицеры рекомендовали как хорошего мастера. Сшитый им костюм превзошел, однако, все ожидания. И брюки и китель сидели на капитане без единой складки или морщинки, как вточенные, на удивление эффектно облегая его отличную фигуру. Это было произведение настоящего искусства, работа, вполне достойная не провинциального портного, а столичного, генеральского, если даже не маршальского. Единственно, что оставалось — проколоть и заштуковать дырочки для орденов, о чем он и сказал.

— Пять минут! — с готовностью воскликнул старик.

Но сделать это следовало аккуратно, с предварительной прикидкой и разметкой на груди кителя. И капитан попросил старика через час прийти в комендатуру, где в сейфе он хранил свои награды: как и оружие, держать их на частной квартире не рекомендовалось.

К боевым орденам и медалям у капитана было самое пиететное отношение. Он считал, что надевать их надо только по большим праздникам, три-четыре раза в год, чтобы не принижать, не опрощать повседневной ноской. Для будней же были учреждены орденские планки, до фронта они, правда, еще не добрались, но в Москве их доставали, и капитан в письмах домой настойчиво просил раздобыть.

Навестивший его незадолго перед тем отец — начальник политотдела гвардейского танкового корпуса на соседнем фронте — привез ему в подарок отменные хромовые сапоги и форменную офицерскую фуражку, так что экипирован он теперь был на славу.

Чтобы «обжить» китель и брюки и чувствовать себя

в них к вечеру привычно и непринужденно, капитан не стал их снимать, а старое обмундирование завернул в газеты и занес к себе на квартиру. Из-за этого он опоздал на какие-то минуты и, когда появился в кабинете коменданта, где уже были собраны офицеры, получил замечание от майора, а далее все пошло совсем наперекосяк.

Выяснилось, что особистами — так он про себя называл контрразведчиков — проводится какое-то ответственное мероприятие, или «операция», и офицеры комендатуры до специального распоряжения поступают в полное подчинение «Смерш». По окончании совещания всем надлежало ехать к месту сбора — на аэродром.

Второй день происходило нечто необычное. Еще вчера утром в комендатуру приехал гарнизонный особист и строго конфиденциально сообщил офицерам, что разыскивается группа неизвестных, представляющих особую опасность, и, вынув листок бумаги, описал ориентировочно внешность двоих, вернее фигуры, рост и возраст, сказал, что один из них предположительно говорит с украинским акцентом.

Майор, хронический язвенник, отиравшийся в комендатурах четвертый год, все знавший и понимавший, заметил отсутствие особых индивидуальных примет и приблизительность описаний внешности. И особист сказал, что, к сожалению, «пока не удалось добыть» точные словесные портреты, и это, безусловно, усложняет розыск.

Затем еще раз предупредив о неразглашении, он ознакомил офицеров с последней очередной. совершенно секретной мерой по защите воинских документов от подделок немцами — показал им точку вместо запятой посреди фразы в одной из граф командировочного предписания.

Бланки с этой специальной типографской опечаткой были задействованы вечером 31 июля, следовательно, все военнослужащие с документами, выданными в августе и не имеющими этого условного знака, подлежали немедленному задержанию.

Показанное им для наглядности предписание офицеры рассматривали молча; каждый из них за дежурство проверял и регистрировал десятки и сотни таких документов, но никто не обратил внимания на эту точку.

Во время беседы особист дважды сказал о личной ответственности присутствовавших и о необходимости предельно усилить бдительность.

Следствием его визита, инструктажа и призывов к бдительности стало то, что только до полуночи в городе было задержано восемь человек, имевших некоторое сходство с описанными им лицами; всех их после проверки, проводившейся самим особистом,— он прочно занял один из кабинетов — пришлось отпустить.

Об этом сегодня на совещании майор сказал как о недоработках в деятельности вверенной ему комендатуры. Потребовав в заключение от подчиненных самой высокой бдительности, он поднялся и сказал:

— Через десять минут выезжаем. Всем иметь при себе личное оружие и удостоверение на право проверки документов. Машина во дворе.

Капитан спросил, когда, хотя бы предположительно, закончится «операция» и как скоро они освободятся, но майор этого не знал.

Вместе с другими помощник коменданта вышел из кабинета. Офицеры хвалили костюм, щупали материал и со смехом интересовались: куда это он с утра так вырядился?.. уж не на «операцию» ли?.. Он отвечал рассеянно, думая о своем,— даже слушая майора, он усиленно соображал, как теперь лучше все устроить.

Старик портной с обтерханным портфельчиком в руке, держа засаленную шляпу и растерянно озираясь, уже ждал в дежурной комнате. Пригласив его в свой кабинет, капитан торопливо открыл сейф и, вынув сложенный втрое кусок сукна, развернул его на столе.

— О-о! — увидев ордена и медали, воскликнул старик и утер каплю с кончика носа.

А капитан уже звонил в госпиталь, чтобы поздравить новорожденную и предупредить ее о возникших у него обстоятельствах.

Девушка была занята в операционной, к телефону подошла ее подруга — одна из приглашенных на вечер,— и капитан сказал ей, что должен срочно отлучиться по делам службы, но сделает все, чтобы вернуться вовремя, и просил передать виновнице торжества его предварительные поздравления.

Старик между тем достал из портфельчика плоскую

коробочку, открыл ее и, вдев нитку в иголку, в полной готовности ожидал.

— К сожалению, сейчас не получится,— положив трубку, сказал капитан.— Я должен немедленно уехать. Срочное дело,— пояснил он, так как портной смотрел на него, не понимая.— Я зайду к вам в семь часов вечера. Вы будете дома в семь часов?.. Отлично!.. И еще у меня к вам большая просьба... Возможно, у меня будет туго со временем. А сегодня день рождения... одной девушки. Я договорился насчет букета... понимаете, цветы. Это рядом с вами. Вы не могли бы часов в пять сходить за ними и принести к себе?.. Я вас отблагодарю!

Как только старик ответил согласием, капитан вынул сероватую сторублевку и положил на портфельчик. Старик взял бумажку, прежде чем спрятать во внутренний карман пиджачка, оглядел и с улыбкой заметил: капитан такой красивый, женщины, наверно, и так умирают — зачем же тратиться на цветы?

За окном энергично сигналила машина. Помощник коменданта писал адрес на клочке бумаги, а старик, припомнив, невесело сказал, что он тоже однажды покупал цветы.

— Только один раз? — удивился капитан.

— Так,— подтвердил старик.

Он пояснил, что было это сорок лет тому назад, в девятьсот четвертом году, цветы он покупал своей будущей жене и, вздохнув, сообщил, что ее убили немцы здесь, в Лиде, и детей его убили, и внука тоже... Зачем он уцелел?

Капитану стало жалко этого старого обездоленного человека, только раз в своей жизни покупавшего цветы,— сам он перед войной тратил на букетики и букеты для будущей актрисы значительную часть стипендии. И, вспомнив свое обещание, он поспешно достал из нижнего отделения сейфа консервы и сахар.

Старик из вежливости отказывался, а капитан засовывал банки в его портфельчик, когда дверь распахнулась и на пороге вырос майор. Он взглянул на своего помощника, и лицо его перекосилось.

— Вам что, требуется отдельное приглашение?.. Вы не слышите — вас ждут!

— Товарищ майор, я должен заскочить переодеться. Я немного задержусь. Я не знал...

— Никаких переодеваний! — возмущенно закричал майор.— Немедленно в машину! — приказал он и захлопнул дверь.

Подумав секунды, капитан засунул в портфельчик сверток с орденами и медалями, предупредив:

— Только не потеряйте!

Затем схватил листок бумаги и быстро набросал несколько строк. Сложил пополам, сунул в конверт и написал наверху адрес.

— Если я задержусь и до восьми часов меня не будет, убедительно прошу — отнесите цветы вместе с письмом вот по этому адресу. Это от вас недалеко. Я вам заплачу. И дам еще продуктов. Только, ради бога, побрейтесь и немного приоденьтесь! Там сегодня праздник — понимаете?.. Идемте!..— Помощник коменданта на ходу засунул конверт старику в карман.

А на аэродроме, куда мчались как по тревоге, пришлось проторчать без дела около трех часов. Им указали место невдалеке от отдела контрразведки, рядом по обе стороны также спали, лежали на траве, сидели и курили группы офицеров из частей по охране тылов фронта.

Все складывалось до обидного нелепо. За время этого вынужденного безделья можно было не раз успеть переодеться, закончить с кителем и даже самому отобрать цветы для букета — но как отлучиться?.. Когда начнется «операция», никто толком не знал и не мог сказать; неизвестно было даже, для чего конкретно всех здесь собрали.

Майор, комендант города, прихваченный, как оказалось, еще с ночи сильнейшим приступом своей болезни и оттого такой раздражительный и злой, с посеревшим, страдальческим лицом лежал отдельно, завернувшись в шинель, и, придерживая руками живот, тихонько кряхтел. Капитан — боясь запачкать, зазеленить костюм, он, не присев и на минуту, все время прохаживался возле своей группы,— наконец не выдержав, подошел к нему и, наклонясь, спросил, не может ли чем-либо ему помочь.

— Оставьте меня в покое! — наморщась, не своим, плаксивым голосом проговорил майор.

Без четверти двенадцать всем было приказано построиться, и тут же из светлого здания отдела контрразведки появилась группа офицеров. Возглавлявший ее

маленький лобастый подполковник в длинной мешковатой гимнастерке, став перед строем, сделал последние, очевидно, наставления.

Он говорил картаво, негромко, и слушали его в полной тишине. Речь его была толковой, деловито-немногословной, но упоминаниями о чрезвычайной важности мероприятия, о том, как коварен враг, о необходимости особой бдительности и личной ответственности каждого повторяла вчерашние высказывания гарнизонного особиста и сегодняшние — коменданта города. Капитану, убежденному, что в армии все должно пониматься и выполняться с полуслова, без каких-либо повторений и рассусоливания, это, естественно, не понравилось.

Поучений капитан не любил, как не любил и самого слова «бдительность». К тому же, как и большинство людей, он был совершенно убежден, что встреться ему в жизни шпион или диверсант — он тотчас распознал бы его.

Подполковник не только внешне не был военной косточкой: он почти не употреблял повелительной формы, говорил то и дело «прошу», «пожалуйста», что также обличало в нем штатского, интеллигентного по природе человека.

Особо он подчеркнул, что указания офицеров контрразведки все привлекаемые должны выполнять точно и без какого-либо промедления, и в заключение сказал:

— Довожу до вашего сведения, что каждый, кто своими действиями прямо или косвенно поможет поимке разыскиваемых, будет сейчас же представлен к правительственной награде.

Это капитана даже несколько покоробило. Он участвовал во многих тяжелых боях со значительно превосходящими силами противника и знал настоящую цену наградам. А тут попахивало принижением и профанацией, принижением высокого, священного: ловят трех или четырех человек, для чего собрали сотни людей, и при этом заранее обещают боевые ордена.

Затем офицеров комендатуры отделили, и другой подполковник, из контрразведки, вполне строевого вида, вместе с по-прежнему страдавшим майором стал их распределять.

Когда была названа фамилия помощника коменданта, подполковник, посмотрев в список, сказал:

— Группа капитана Алехина.

Но никто к помощнику коменданта не подошел, и никто не отозвался, и тогда подполковник сказал одному из стоявших рядом с ним офицеров:

— Тут должен быть лейтенант из группы Алехина. Найдите его быстренько!

Этот офицер подвел капитана к зданию отдела контрразведки, велел ждать, а сам отправился на поиски. Минут пять спустя из-за угла выскочил молоденький лейтенантик с красным, вспотевшим лицом, козырнул и, все еще прожевывая, заикаясь, проговорил:

— Т-товарищ к-капитан, в-вы из к-комендатуры?.. Идемте с-со м-мной...

На нижней губе у него в уголке рта прилип кусочек капусты, и капитан, не терпевший неряшливости даже в боевых условиях, еле удержался, чтобы не сделать ему замечание.

Как и другие, они направились к площадке, где стояло десятка два автомобилей — в основном «виллисы» и «доджи», вымытые и надраенные, как на парад, что даже бросалось в глаза. У некоторых на лобовых стеклах виднелись пропуска «Проезд всюду!», положенные только высшему генералитету и оперативным машинам контрразведки.

Миновав эти нарядные, вымытые машины, лейтенант подошел к старой, замызганной полуторке с облупившейся и стертой краской на бортах кузова, став на подножку, сунул голову в кабину и что-то зашептал шоферу. В ответ послышалось крепкое ругательство.

Помощник коменданта не мог не оскорбиться: от него, капитана, занимавшего к тому же ответственную должность, секретили то, что доверялось сержанту-водителю. Скрепя сердце он залез в кузов и, подстелив носовой платок, поместился на ящике, но лейтенант тут же предложил сесть ниже, вскочил сам, машина рванула с места и помчала как на пожар.

Поглядывая на часы, помощник коменданта не без волнения, которое, как и другие чувства, при желании умел скрывать, старался представить и сообразить, сколько времени займет то, что называлось «операцией»,— к половине восьмого в любом случае надо бы вернуться в город.

Мысли о встрече с Леночкой, о вечернем торжестве

более всего занимали капитана, и настроение у него портилось с каждым часом. В такой день — нарочно не придумаешь! — он вынужден то лететь сломя голову, то болтаться без дела, выслушивать нескончаемые поучения и призывы к бдительности, трясясь в грязном кузове, ехать неизвестно куда в распоряжение какого-то капитана Алехина и — пожалуй, самое оскорбительное! — быть совершенной пешкой, находиться все время в полном неведении относительно своих дальнейших действий и назначения. Даже шоферу сообщали и доверяли больше, чем ему!

Эта одуряющая тряска в мчавшей по булыжнику полуторке бок о бок с бочонком бензина и желторотым лейтенантом, которого тоже приходилось слушаться, и вовсе капитана раздражила. «Попался бы ты мне в городе, я бы тебя привел в христианский вид!» — не без злости думал он, краешком глаза оглядывая обшарпанные, должно быть, и не нюхавшие щетки кирзовые сапоги Блинова; покосившуюся звездочку на пилотке, расстегнутый воротничок и неразглаженную гимнастерку он успел заметить еще раньше, когда лейтенант только подошел к нему.

Особистов капитан не любил, считая их привилегированными бездельниками и людьми с излишним самомнением. «Кантуются по тылам,— был уверен он,— да еще героями себя чувствуют!»

Примерно то же самое, только простодушно и без всякого раздражения, думал о капитане и вообще о работниках комендатур Андрей Блинов.

69. ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Срочно!

Егорову

Сержант Гусев умер от полученных ранений и возникшего общего заражения крови сегодня, в 6 ч. 25 мин. При проверке в батальоне его товарищи, шофера Агафонов, Туманян и Белодед, подтвердили сходство предъявленного им для опознания портсигара с тем, что имелся у Гусева, однако добыть доказательства полной идентичности не представляется возможным.

Как выяснилось, портсигар Гусева в числе многих подобных был изготовлен в начале этого года старшиной по прозвищу «Коляныч» (предположительно — от имени Николай), механиком 294-го Отдельного Ремонтно-Восстановительного батальона, который прошлой зимой дислоцировался под Гомелем по соседству с частью, где служил Гусев. Как нами установлено, в настоящее время 294-й ОРВБ находится в районе Сувалок, куда тем же самолетом и отправлен опознаваемый портсигар для предъявления его старшине по прозвищу «Коляныч».

Логинов».

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Весьма срочно!

Платонову

Задержанных Вами без документов неизвестных, двое из которых по признакам словесного портрета имеют сходство с фигурантами чрезвычайного розыска, для установления личности необходимо срочно доставить в Лиду.

Немедленно перевезите всех троих под надежной охраной на Молодечненский аэродром, где в ближайшие полчаса совершит посадку высланный нами «Дуглас» (бортовой — 207).

Поляков».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Весьма срочно!

Егорову

Сообщаю для сведения приказание Нач. Генштаба Красной Армии № . . . . от 19.08.44 г.

«При подготовке и проведении специальных мероприятий в тылах 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов имели место следующие недопустимые факты:

1. Из-за нераспорядительности и халатности интендантских служб 91-й армии подразделения войск НКВД 1-го Белорусского фронта по прибытии к месту назначения после трехсоткилометрового пути в течение четырех часов не могли получить горячего котлового питания.

2. При движении автоколонны 18-го Краснознаменного погранполка в результате поломки вышла из строя одна из машин. Командир 376-й гвардейской танковой бригады гвардии подполковник Фильченков, несмотря на мою директиву № . . . . , от 18.08.44 г., с которой он был ознакомлен, и требование представителя «Смерш», выделить транспортную машину взамен сломавшейся категорически отказался.

3. Нач. Отдельного фронтового склада ГСМ[1] № 1354 капитан Сухаревский отказался отпустить бензин автоколонне маневренной группы войск НКВД 1-го Белорусского фронта, мотивируя свои действия отсутствием у старшего группы форменных требований НКО на горючее. Заправка автомашин была произведена с опозданием, лишь после вмешательства вышестоящего командования.

Эти факты могли иметь место только вследствие недопонимания отдельными офицерами всей важности проводимых специальных мероприятий и безответственного отношения к директиве Генштаба № . . . от 18.08.44 г.

Приказываю:

1. Заместителя командующего 91-й армией по материально-тыловому обеспечению полковника Аверьянова за нераспорядительность подчиненных ему служб от занимаемой должности отстранить и откомандировать в распоряжение Управления кадров тыла Красной Армии для назначения с понижением.

2. Командира 376-й гвардейской танковой бригады гвардии подполковника Фильченкова за невыполнение директивы Генштаба № . . . . . от 18 августа 1944 года, в результате чего взвод 18-го Краснознаменного погранполка вынужден был добираться на попутных и прибыл к месту назначения позже, чем следовало, от занимаемой должности отстранить и откомандировать в распоряжение командующего БТ и МВ[2] фронта для назначения с понижением.

3. Нач. Отдельного фронтового склада ГСМ № 1354 капитана Сухаревского, в результате самоуправства которого подразделения войск НКВД 1-го Белорусского фронта задержались в пути и прибыли к месту назначе-

---

[1] ГСМ — горючее и смазочные материалы.

[2] БТ и МВ — бронетанковые и механизированные войска.

ния с опозданием на 1 ч. 20 мин., от занимаемой должности отстранить, понизить в звании до лейтенанта и назначить командиром взвода в одну из частей фронта.

Считаю необходимым еще раз обратить внимание всех командиров соединений и частей 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов на то, что в связи с проводимыми в тылах этих фронтов специальными мероприятиями все указания и требования представителей военной контрразведки должны выполняться беспрекословно и без малейшего промедления. Любые задержки и проволочки будут расцениваться как невыполнение боевого приказа со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Антонов».

С настоящим приказанием ознакомьте начальников органов «Смерш» фронта. О всех случаях промедления с выделением людей и техники, а также о недостатках в материально-тыловом обеспечении проводимых мероприятий докладывайте немедленно.

Колыбанов».

70. БУДЕМ ДЕЙСТВОВАТЬ ВМЕСТЕ

За Шиловичами после поворота влево Андрей приказал Хижняку сбавить ход и стал высматривать ориентиры, сообщенные Алехиным. Большую старую стодолу он увидел издалека, а немного погодя и два сросшихся дуба; от них следовало, двигаясь строго по перпендикуляру, подойти незаметно к тому месту на опушке, где углублялась в лес заросшая дорога.

Как только они поравнялись с этими деревьями, Андрей застучал в заднее стекло кабины.

— С-сходим! — сказал он и, не дожидаясь, когда полуторка остановится, соскочил на обочину.

Помощник коменданта поднялся и не торопясь выпрыгнул из машины; за всю дорогу он и слова не вымолвил.

Сунув голову в кабину, Андрей, согласно указаниям Алехина, велел Хижняку проехать вперед в Каменку и быть там до шестнадцати тридцати, а к семнадцати часам вернуться и ждать с машиной где-нибудь здесь, но к старой, заброшенной стодоле, которую они только что

миновали, ни в коем случае не приближаться — об этом особо предупредил Алехин.

Пока Андрей наставлял Хижняка, помощник коменданта, разминая отсиженные ноги, отошел на десяток шагов назад, осмотрел свой костюм, поправил складки на шароварах и заложил руки за спину.

— Идемте,— сказал ему Андрей.— Т-только с-совершенно н-незаметно...

— То есть как незаметно? Может, лечь и ползти по-пластунски? — вдруг сильным мелодичным голосом язвительно спросил капитан.

— Если п-потребуется.. — покраснев, проговорил Андрей и почувствовал в эту минуту, что вполне разделяет отношение Таманцева к прикомандированным.

Они двинулись кустарником к лесу, и помощник коменданта беспокоился, как бы не зазеленить или не разодрать о какой-нибудь сучок свой замечательный новенький костюм, а Блинов, не менее озабоченный совсем иным, то и дело останавливался и, подав ему знак — приложив палец к губам,— напряженно прислушивался.

На пути оказалась большая поляна, и, чтобы не выходить на открытое место, пришлось сделать немалый крюк. Затем кустарник вовсе кончился, они находились метрах в пятидесяти от указанного Алехиным места, но от леса их отделяла полоса мелкорослого, ниже пояса чапыжника, обойти ее было невозможно: она тянулась в обе стороны насколько хватал взгляд, и Андрей старался сообразить, как же преодолеть ее незаметно.

— П-придется п-ползти...— после некоторого раздумья огорченно сказал он и в то же мгновение увидел, как на опушке в просвете уходившей в чащу дороги неожиданно, словно из земли выросши, появился Алехин. Не выходя на открытое место, он подзывал их энергичными жестами — мол, быстрее сюда!

Когда, миновав чапыжник, они очутились возле него, под прикрытием деревьев, он, оглядывая помощника коменданта, приветливо представился:

— Капитан Алехин... Вы из комендатуры?

— Помощник коменданта города! — с достоинством уточнил капитан.

— Очень рад... Будем действовать вместе.

Андрей начал объяснять, почему они опоздали, но Алехин остановил его. Помощник коменданта в это вре-

мя, достал из кармана коробку самого настоящего «Казбека», какого Андрей не видел, наверное, с начала войны, взял папиросу и, разминая ее пальцами, небрежным жестом протянул коробку Алехину.

— Благодарю! — отказался Алехин.

Андрей почему-то подумал, что помощник коменданта и ему предложит папиросу, однако этого не случилось. Капитан опустил коробку в карман, постучал мундштуком папиросы о розовый полированный ноготь большого пальца и, обнаружив затем, что зажигалка осталась в старом обмундировании, вопросительно посмотрел на Алехина, и тот понял его взгляд.

— Костя,— оборачиваясь, сказал он,— спички.

Из кустов орешника со стороны опушки вылетел брошенный чьей-то сильной рукой коробок спичек и упал около офицеров. Кто такой Костя, Андрей не знал, но сообразил, что тот, очевидно, ведет наблюдение: просматривает подступы от шоссе к лесу.

Подняв коробок, Алехин зажег спичку и протянул ее помощнику коменданта. Затем, предупредив, что разговаривать в лесу можно только шепотом, стал объяснять, что им конкретно предстояло.

— Как вам известно,— сказал он вполголоса капитану,— разыскивается группа, представляющая значительную опасность для Действующей армии... По имеющимся предположениям, они могут сегодня во второй половине дня появиться здесь, в лесу. На путях их вероятного движения внутри массива будут устроены засады — в одной из них мы и будем с вами участвовать... Наша задача: проверка под видом комендантского патруля, в определенной обстановке,— подчеркнул Алехин,— всех проходящих мимо нас по той дороге...

— Что означает — «в определенной обстановке»? — спросил помощник коменданта.

— Засада с подстраховкой. На месте вы все поймете... Последовательность проверки: сначала основные документы — удостоверения личности и командировочные предписания. Затем второстепенные: расчетные и вещевые книжки, продовольственный аттестат, быть может, наградные удостоверения и другие документы... После этого необходимо ознакомиться с содержимым вещевых мешков проверяемых или другого багажа.

— То есть как «ознакомиться»?.. Вы хотите ска-

зать — обыскать? — переспросил помощник коменданта.

— Нет. Так сказать я не хочу, а делать тем более. Этого надо постараться избежать. Мы попросим их самих предъявить свои вещи для осмотра.

— Выходит, обыск на добровольных началах... А в смысле закона?.. Это положено?

— Да, разрешено... Это необходимость... Я имею официальные указания,— осторожно заметил Алехин.

«А я таких указаний не имею»,— хотелось заявить капитану, но он этого не сказал, а спросил:

— Какова моя роль? Что лично я должен делать?

— Что делать?.. Представитесь официально — назовете свою должность и фамилию — и попросите предъявить документы для проверки. Вы приглашены, чтобы мы действительно выглядели комендантским патрулем.— Алехин улыбнулся.— Если они знают вас в лицо — а такая возможность не исключена: они были в Лиде,— чтобы все выглядело как можно правдоподобнее. В момент проверки они должны быть убеждены, что имеют дело с комендантским патрулем и что нас всего двое.

— Правдоподобно...— Капитан чуть усмехнулся, одними губами.— Но офицерские наряды посылаются только в черте города.

— Об этом знают немногие. А потом, бывают исключения: выезды на чепэ, целевые проверки и тому подобное. Так что это несущественно...— Алехин посмотрел на капитана и продолжал:— Значит, проверяем основные документы, потом — второстепенные, а затем и вещи...

— Это тоже моя обязанность?

— Нет. Вы как старший наряда предложите им предъявить для осмотра вещмешки или чемоданы — что у них будет — и показать содержимое. Остальное делаю я. А вы должны страховать от возможного нападения, как это положено и при комендантской проверке. На месте я вам покажу все в деталях...

— Вы сказали, что мы будем вдвоем, а лейтенант? — Помощник коменданта указал взглядом на Блинова.

— Его с нами не будет. Он должен подстраховывать со стороны, из засады. А мы будем вдвоем. Да, я обязан вас предупредить: во время проверки с первой минуты и до самого конца требуется предельное внимание и осторожность...

— Знаю,— поморщился капитан.— Мне уже говорили.

— Возможно, я в чем-то и повторяюсь, но я должен вам пояснить... Цель наших усилий: взять их с поличным или заставить проявить себя... Для того и проверка с подстраховкой из засады... Зачем это делается?.. Понимаете, при поимке врага случается и так — ни обыск, ни последующие допросы ничего не дают...

— Насчет обысков и допросов,— усмехнулся помощник коменданта,— вам, безусловно, виднее...

— Почему я вас предупреждаю о необходимости максимальной осторожности? — продолжал Алехин, будто не замечая язвительной реплики капитана.— Мы с вами будем своего рода живой приманкой... Понимаете, они видят перед собой всего двоих, а о тех, кто в засаде, и не подозревают... Место там безлюдное... Таким образом мы как бы провоцируем их, создаем им условия проявить себя, показать свою истинную суть...

— И как... в чем же она может проявиться?

— Если это враг, скорее всего они попытаются нас убить.

— Да, перспективка не из приятных,— с улыбкой заметил помощник коменданта.— Но она неоригинальна: на войне убивают — такова жизнь!.. Обязанности свои понял... Мне только немного неясно... Допустим, мимо вашей засады кто-то проходит... И мы... вы их обыскиваете... А если они совсем не те, кто вам нужен?.. Если это честные советские люди? Тогда что?

— Придется извиниться.

— И только?

— А что тут еще можно сделать?

— Не знаю. Это уж по вашей части. Лично я с подобной проверкой сталкиваюсь впервые!

Капитан затянулся папиросой, и оба помолчали, думая каждый о своем.

...В отношениях с прикомандированными армейскими офицерами нередко возникали неясности, если даже не двусмысленность. Их привлекали для выполнения определенных ограниченных функций, для совершения второстепенных, вспомогательных действий, и сообщать им суть дела не разрешалось. Для того были основательные не только формальные соображения, но производило такое умолчание на людей гордых и самолюбивых не

лучшее впечатление. Преодолеть это старались подчеркнуто уважительным обращением, что и делал в эти минуты Алехин.

Ему требовалось высказать помощнику коменданта еще кое-какие наставления, однако, почувствовав неблагоприятную, с язвительностью, реакцию, он умолк, решив немного повременить и продолжить разговор по дороге или уже на месте. Он сразу понял, что капитан — человек с характером, точнее с норовом, и ладить с ним будет непросто, а противопоставить этому можно только добродушие и вежливость, столь облегчающую отношения между людьми.

Когда, докурив, помощник коменданта бросил папиросу, Алехин, подобрав окурок, сунул его в землю под орешину. Капитан посмотрел, поджал губы, но ничего не сказал.

— Костя! — оборачиваясь, позвал Алехин.— Мы возьмем спички?

— Ну что с вами поделаешь...— лениво и вроде неохотно ответили из кустов.

Стоя немного в стороне, Блинов продолжал присматриваться к капитану. Помощник коменданта был на полголовы выше Алехина, значительно темнее волосами, но светлее лицом — свежевыбритым, чистым и гладким — и несравненно представительней; его стройной, горделивой осанке мог позавидовать любой офицер. И голос у него был выразительный, мужественный, удивительно приятный. «Такие нравятся женщинам,— подумал Андрей.— И вообще производят впечатление... Да-а! Где же я его видел?..»

71. АЛЕХИН, ЕГОРОВ И ДРУГИЕ

Немного погодя заброшенной травянистой дорогой они шли в глубь леса — Алехин и капитан бок о бок, Андрей в трех шагах позади.

День выдался ведренный, теплый, однако если в Лиде было сухо, то здесь недавно пролил дождь, в тени омытых им деревьев было прохладно и сыро; пахло лесом и прелью. Солнце, проникая сквозь редкие просветы в листве, тысячами искринок сверкало на мокрой, росистой траве.

Приехав сюда утром одновременно с другими розы-

скниками Управления контрразведки фронта — Поляков отправил в лес почти всех офицеров своего отдела,— Алехин вместе с Таманцевым выбрал место для засады на порученной им дороге и, возвратясь на опушку, отправился к старой пустующей стодоле, которую он сам посоветовал Полякову использовать для размещения штаба руководства войсковой операцией.

Подступы к этому бесхозному строению — владельцы хутора вместе с хатой были сожжены немцами за связь с партизанами — на значительном расстоянии охранялись спрятанными на местности автоматчиками: Алехина остановили, и ему пришлось предъявить документы лейтенанту в форме пограничника.

Вокруг стодолы кустились заросли крапивы, было совершенно безлюдно и запустело, однако на земле перед входом виднелись свежие следы подъезжавших сюда «студебеккеров», и когда Алехин, проскользнув в щель между половинками ворот, ступил внутрь, он разглядел в царившей там полутьме человек тридцать.

Посредине прямо перед ним возле походного столика с какими-то бумагами стояли и разговаривали несколько генералов, и среди них в центре — Егоров. За их спинами, соблюдая некоторую дистанцию, двумя раздельными полукругами располагались офицеры.

Вдоль стен уже были развернуты радиостанции, в том числе справа две — большой мощности для прямой связи с Москвой; угол рядом с ними был отгорожен плащ-палатками — для шифровальщиков; над каждой рацией и там, в углу, неярко светили от аккумуляторов маленькие автомобильные лампочки.

В отличие от других генералов Егоров был в хлопчатобумажном обмундировании — на поношенной, старого образца, с отложным воротником гимнастерке отсутствовали погоны — и в яловых сапогах. Алехину вспомнилось, как два месяца тому назад, перед началом наступления, Егоров в этом самом обмундировании выезжал с ним и Таманцевым на операцию в одну из дивизий.

Тогда осуществлялась «зеленая тропа» по весьма ответственной радиоигре, и генерал счел необходимым присутствовать лично. Переходили трое, в том числе один свой; для создания иллюзии правдоподобности их следовало обстрелять, при этом Таманцев должен был из ручного пулемета при свете ракеты для той же прав-

доподобности хотя бы одного из двух чужих ранить, что сделать за время пятисекундной вспышки совсем не просто.

О появлении Егорова на передовой в генеральской форме не могло быть и речи. Чтобы не привлекать внимания, он еще по дороге в машине надел на эту самую гимнастерку даже не капитанские, как предлагал Алехин, а лейтенантские погоны своего адъютанта и затем в течение суток исправно играл роль младшего офицера: строго по уставу отвечал всем, кто был «старше» его по званию, таскал за Таманцевым вещмешок с дисками от пулемета и продуктами, проворно вставал, когда к нему обращался Алехин или командир батальона, на участке которого должны были тропить в ту ночь немецкие агенты — два действующих и один бывший. Таманцев же так вошел в образ, что покрикивал на генерала как на подчиненного.

Все тогда получилось как нельзя лучше, в памяти же Алехина остался маленький курьезный эпизод. Вечером командир батальона, совсем юный капитан, когда Егоров вышел из блиндажа, с язвительной улыбкой заметил:

— Такой молодой — всего пятьдесят лет! — и уже лейтенант! Что же с ним будет к шестидесяти?.. Наверняка старшего получит!..

Интересно, что Егоров, смеявшийся над различными приметами розыскников, не менее суеверных, чем летчики или моряки, смеявшийся над предрассудками относительно понедельников и тринадцатого числа, во время всех ответственных мероприятий или операций непременно надевал эту самую хлопчатобумажную гимнастерку, в которой он начинал войну.

Появление в стодоле Алехина было замечено, и Егоров, повернув голову, увидел его, но ничего ему не сказал, а, обращаясь к полноватому генералу в брюках навыпуск, продолжал:

— Поймите меня правильно, товарищ комиссар... При всем уважении к вашей должности и вашим полномочиям я не могу не возражать против действий, которые считаю преждевременными и рискованными для дела! Вопрос решается в Москве и...

— Не будет у вас завтрашнего дня, не будет! — с сильным кавказским акцентом закричал полноватый;

это был заместитель Наркома внутренних дел, по званию — комиссар госбезопасности, принятый сначала Алехиным за генерал-полковника.— Вы просто недопонимаете, насколько серьезна обстановка!

— Ответ Ставки должен поступить с минуты на минуту...— упрямо сказал Егоров.

— Не стройте иллюзий — он будет отрицательный! Если вы действительно верите в возможность отсрочки, ваша наивность поразительна!.. Мы не можем и не будем держать здесь людей сутками! У нас своих дел по горло!

Егоров и комиссар госбезопасности стояли друг перед другом, уединиться здесь было негде, и они спорили, не стесняясь присутствия подчиненных.

Алехин пришел посоветоваться с Поляковым, согласовать с ним некоторые детали предстоящих действий, но подполковника среди скученных в стодоле офицеров и генералов не было.

Суть спора Егорова с комиссаром госбезопасности Алехин, как только сообразил, кто тот такой, себе уяснил, правда в общих чертах, приблизительно; в действительности же дело обстояло так.

На рассвете собранные в Вильнюсе автомашины и подразделения, предназначенные для войсковой операции в районе Шиловичского массива, по указанию Егорова передислоцировали в Радунь и Вороново. Таким образом было достигнуто состояние «плюс один», то есть полная готовность в течение часа начать операцию. Как только об этом стало известно в Москве, от Егорова начали требовать ее незамедлительного осуществления.

В очередном, третьем за сутки разговоре по «ВЧ» с начальником Главного управления контрразведки Егорову удалось обосновать целесообразность отсрочки начала операции до семнадцати ноль-ноль, и на какое-то время все вроде успокоились.

Однако с прибытием из Москвы заместителя Наркома внутренних дел обстановка сразу же обострилась. Выслушав прямо на поле аэродрома доклад Егорова, он сказал, что в руководстве розыском налицо «нерешительность» и «опаснейшее промедление». Естественно, ему хотелось, чтобы его присутствие в Лиде ознаменовалось активными решительными действиями, самой значительной акцией в этом плане была бы крупная войсковая

операция, и, ссылаясь на свои полномочия, он потребовал ее немедленного проведения.

Его энергично поддержали не только прилетевшие с ним генералы, но и начальник войск по охране тылов фронта генерал Лобов, а также командиры погранполков и трех маневренных групп, прибывших с других фронтов.

Все эти люди относились к одному ведомству — Наркомату внутренних дел; Егоров же и Мохов представляли собой контрразведку Наркомата обороны, но речь шла вовсе не о межведомственных разногласиях.

У оппонентов Егорова — и он это понимал — была обоснованная деловая позиция. Подчиненные им части, переброшенные, как правило, за сотни километров и оторванные от выполнения своих непосредственных боевых задач: борьбы с националистическим подпольем, бандами и остаточными группами немцев, охраны важных объектов, несения контрольно-заградительной службы на коммуникациях и тому подобного,— с рассвета находились в состоянии полной готовности провести войсковую операцию, а ее — по предположительным соображениям — пытались отложить. И тысячи людей, необходимые в других тыловых районах, вынужденно бездействовали.

Зараженные уверенностью Полякова, что разыскиваемые сегодня или в крайнем случае завтра появятся в Шиловичском лесу, Егоров и Мохов, будучи в абсолютном меньшинстве, упорно отстаивали свою точку зрения. В конце получасового спора, уже в кабинете заместителя Наркома, человек восточного темперамента, разгоряченный их несогласием, заключая разговор, заявил:

— Вы понимаете, как все это будет выглядеть, если ваши предположения не подтвердятся?.. Могу вам сказать: как преступная нерешительность и промедление, граничащее с саботажем!.. Вы занимаетесь розыском тринадцать суток — две недели! — а что в результате?.. Баран начихал!.. Может, вы еще столько же собираетесь здесь возюкаться?.. Не выйдет!..— возмущенно вскричал он.— Мы стянули к вам более семи тысяч человек, и держать их без дела даже лишний час — преступно!.. Ваши предположения не могут служить оправданием для подобного опаснейшего промедления!.. Войсковая операция нужна в первую очередь вам и Главно-

му управлению контрразведки, так давайте ее проводить! — Он посмотрел на часы, затем перевел взгляд своих агатовых, маслянисто блестевших глаз на прибывших с ним генералов и как бы и от их лица сказал: — Мы не можем оставаться сторонними... безучастными наблюдателями. Обстоятельства чрезвычайные, и я вынужден...— это мой долг, моя обязанность! — данной мне властью, независимо от ваших соображений распорядиться безотлагательно приступить к операции!..

По своему положению он был не ниже начальника Главного управления контрразведки, причем почти все подразделения, собранные в Лиде, Радуни и Вороново, подчинялись по принадлежности ему, а не командованию фронта, и отдать такое приказание он вполне мог.

Тогда-то Егоров и сообщил как бы конфиденциально, что обратился в Ставку с мотивированной просьбой об отсрочке операции более чем на сутки — до семнадцати ноль-ноль завтрашнего дня. И поскольку, мол, вопрос решается в Москве, быть может, лично Верховным Главнокомандующим, он не считает возможным, да и другим не советует форсировать события.

Собственно, никуда он еще не обращался: хотя такая шифровка по настоянию Полякова была составлена, Егоров, не желая действовать «через инстанцию», через голову своего непосредственного начальства, ее не подписал. Теперь он вынужденно это сделал, и спустя минуты ее уже передавали в Ставку, а копию — Колыбанову.

Егоров знал, что Верховный, работавший по ночам до утра, встает не раньше полудня, и шифровку Егорова ему могли доложить только спустя еще примерно час. Даже если бы ответ последовал без промедления, каким бы он ни был, в любом случае выигрывалось некоторое время.

Как и ожидал Егоров, его сообщение, что вопрос решается в Москве, ослабило давление со стороны прибывших, хотя заместитель Наркома сразу заявил, что Ставка, несомненно, ответит отказом. Часа два прошли относительно спокойно, однако, когда уже разгрузились здесь, в стодоле, спор и разногласия возникли опять.

Ехали по соображениям маскировки под наглухо задраенными тентами, в кузовах двух набитых до отказа «студебеккеров», причем здесь их загоняли задом в во-

рота, чтобы прибывших со стороны никто не увидел. По той же причине Егоров еще в Лиде предупредил, что даже по нужде не разрешит никому до вечера выйти из стодолы.

Кажется, предусмотрели все, но, как нередко случается в подобных необычных обстоятельствах, что-нибудь второстепенное обязательно упускается. На этот раз не подумали, что всем нужно на чем-то сидеть. Стульев и табуреток хватило для радистов и шифровальщиков, остальным приходилось стоять. Единственный оставшийся свободным стул Егоров поставил для заместителя Наркома, но тот, видимо из солидарности с другими генералами, на него не сел.

Людям было неудобно, жарко, ко всему прочему, самого старого, совершенно седого генерала с планкой четырех орденов Красного Знамени и знаком «Почетный чекист» на габардиновом кителе в душновато-спертом, пахнувшем сеном воздухе стодолы сразу же охватило астматическое удушье. С багрово-синим лицом он стоял, опираясь руками на стол, давился сиплым кашлем, задыхался, слезы катились у него из глаз, но он упрямо не желал или не мог ни выйти, сняв фуражку и китель, из стодолы, как предлагал ему Егоров, ни сесть, на чем настаивал заместитель Наркома.

Этот генерал в разговоре на аэродроме высказал оригинальные, весьма толковые соображения, чем сразу понравился Егорову, и тот его теперь искренне жалел.

Как только рации были развернуты и отлажена связь, хлынул поток сообщений, и пятеро привезенных сюда шифровальщиков заработали с полной нагрузкой.

Егоров ушел к ним в угол, за плащ-палатки, и прямо с рабочих листов, не дожидаясь окончания расшифровки, читал радиограммы, поступившие за последние полтора часа на его имя в Лиду и переданные теперь сюда.

Командующий фронтом и маршал, представитель Ставки, запрашивали, необходима ли еще какая-либо помощь людьми и техникой; такой же вопрос содержался и в шифротелеграмме начальника Генерального штаба. Из Москвы требовали подтвердить, обеспечены ли все привлеченные к розыску и войсковой операции усиленным питанием по нормам летного состава ВВС

Красной Армии, требовали различные сведения отчетного характера.

Все эти сообщения Егоров просмотрел на рабочих листах мельком, как не представляющие интереса. Маховик огромного механизма чрезвычайного розыска был раскручен вовсю, и никакая дополнительная помощь, никакие новые люди и техника уже не могли бы что-либо существенно изменить или даже усилить.

Огорчило Егорова то, что не было ничего непосредственно от Полякова. Подполковник остался в отделе контрразведки на аэродроме, чтобы встретить начальника Главного управления контрразведки и, докладывая о ходе розыска, убедить его в необходимости отсрочить на сутки войсковую операцию. Эту трудную и малоприятную миссию он взял на себя сам, и Егоров с признательностью согласился, хотя они оба одинаково сомневались в ее успехе. Каким бы ни оказался результат, Егоров знал, что Поляков будет отстаивать свою точку зрения с поразительным безразличием к возможным последствиям своего упорства.

Туда, в Лиду, к Полякову, сходились все до единой нити розыска. Со вчерашнего дня он получал и переваривал непрерывный поток информации, и в первую очередь донесения о результатах действий сотен оперативно-розыскных групп и всеохватывающей контрольно-проверочной службы, о состоявшихся задержаниях и всех событиях и подозрительных происшествиях в тылах фронта и на передовой. Из этого вороха сообщений Поляков должен был отобрать все заслуживающее внимания и по каждому случаю не мешкая принять безошибочное решение. Он, Поляков, как никто другой ощущал усилия многих тысяч людей, ощущал пульс всех мероприятий, проводимых в полосе фронта от Вязьмы и до Восточной Пруссии.

На Полякова Егоров надеялся более всего. В эти небывало напряженные сутки от оперативного мышления подполковника, от его чутья и умения организовать и направить розыск зависело больше, чем от всех маршалов и командующих, вместе взятых, и потому молчание Полякова не только огорчило, но и несколько обеспокоило Егорова.

Указав начальнику шифровального отделения, кому и что ответить, Егоров вернулся к генералам. Старик

астматик страдал по-прежнему; остальные, будучи не в состоянии ему чем-либо помочь, из деликатности старались не смотреть в его сторону.

Егоров снова предложил ему выйти на свежий воздух, но тот, не соглашаясь, упрямо замотал головой.

«Обстановочка! — заметил про себя Егоров.— Зачем его сюда привезли?.. Зачем они все сюда приехали — сидели бы себе в Лиде... Здесь вполне хватило бы Лобова и десятка офицеров...»

В душе он ругал себя за непоследовательность, стыдился, что смалодушничал и, выступая против войсковой операции — в ближайшие полтора суток,— поддался все же влиянию заместителя Наркома и поехал сюда. Зачем — руководить розыском из Лиды было несравненно удобнее, к тому же здесь ему особенно недоставало Полякова.

— Мы что же, так и будем все время стоять? — недовольно спросил один из генералов, затучнелый, с пышными, чуть вислыми усами; одетый в застегнутый на все пуговицы мундир, он то и дело вытирал платком потное лицо.

— Станет невмоготу, сядем на землю,— не то в шутку, не то всерьез ответил Егоров.

Он только что приказал передать в Лиду, чтобы со «студебеккерами», в которых часа через два должны были приехать начальник Главного управления контрразведки и заместитель Наркома госбезопасности, привезли и стулья, и в смятении представлял себе, что здесь будет твориться, когда в этом большом, но все же не резиновом строении окажется человек пятнадцать генералов и полсотни офицеров из трех различных ведомств, не считая радистов и шифровальщиков.

— Даже такую элементарную вещь не предусмотрели,— с раздражением сказал заместитель Наркома.— Удивительное недомыслие!

Позаботиться о стульях и табуретках надлежало какому-нибудь лейтенанту из отдела контрразведки авиакорпуса, а никак не Егорову, и хотя упрек адресовался, очевидно, ему, он разумно промолчал.

Заместитель же Наркома, посмотрев на часы, сказал, что в ожидании ответа, который-де наверняка будет отказным, теряется драгоценное время и что «промедление подобно смерти» в первую очередь для Егорова

и Мохова. Егоров не желал спорить и, как бы подтверждая правильность этих слов, согласно покачал головой. Тогда затучнелый генерал, высказавший недовольство, что всем приходится стоять, заявил заместителю Наркома, что если из подчиненных ему погранполков забрали для операции все, что возможно, и затребовали маневренные группы даже с других фронтов, то из армейских частей взяли в несколько раз меньше, и характеризовал это как «возмутительный произвол». При этом, явно нервничая, он все время беспокойно трогал пальцами свои усы, будто именно они могли теперь пострадать от произвола контрразведки, и, ощупывая их, он как бы желал убедиться, что они еще на месте. Мохов, не выдержав, ему возразил, и опять возник спор, во время которого и появился Алехин.

После того как заместитель Наркома заявил, что у них своих дел по горло и они не станут держать здесь людей сутками, Егоров, проговорив: «Извините, товарищ комиссар...»— отошел к Алехину.

— Ты ко мне?

— А подполковник...— несмело начал Алехин, стесненный присутствием стольких генералов и старших офицеров.

— Подполковник в Лиде. И скорее всего сюда не приедет. Ко мне вопросы есть?

Алехин посоветовался бы и с начальником Управления — следовало согласовать отдельные детали, касающиеся засады, но уединиться здесь было негде, выйти с ним из стодолы — нельзя, шептаться же при всех — неудобно.

Он не успел произнести слово «нет». Начальник войск по охране тыла фронта генерал Лобов сказал что-то вполголоса заместителю Наркома, и тот, глядя на Алехина агатовыми, маслянисто блестевшими глазами, своим неправильным, кавказским говором громко спросил:

— Это что — старший группы, которая работала по делу?

— Извините, товарищ комиссар...— быстро поворачиваясь, вступился Егоров, угадавший по тону заместителя Наркома, что сейчас начнется неприятный, а главное, никчемный разговор с упреками, обвинениями и, возможно, разносом.— Одну минуту...

Он увидел страшное, с выпученными глазами и набухшими венами лицо генерала-астматика, его раздувшуюся от напряжения багровую шею. Вцепясь в край столика, старик судорожно хватал ртом воздух Два полковника из Москвы поддерживали его под руки и, кажется, пытались усадить, чего делать как раз не следовало. Не в силах из-за удушья ничего сказать. он немо сопротивлялся; котелок с водой, который перед ним поставили, опрокинулся, и вода залила бумаги.

Разногласия в присутствии подчиненных и этот мучившийся упрямый старик, непривычные для прибывших из Москвы неудобства полевых условий и возраставший разлад — обстановка становилась нервозной, нерабочей, совершенно нетерпимой. Нужно было не мешкая что-то предпринять.

Егоров посмотрел на стоявших ближе к нему офицеров контрразведки — своего адъютанта и капитана с авиационными погонами — и, указывая взглядом на задыхавшегося генерала, распорядился:

— Помогите генералу!.. Снимите с него фуражку и китель и вынесите его сейчас же на свежий воздух!..

Он почувствовал, что они колеблются,— как им, младшим офицерам, раздевать генерала, к тому же не своего, незнакомого,— и, не сумев сдержаться, с искаженным бешеной яростью лицом закричал так, что от неожиданности испуганно вздрогнул даже заместитель Наркома:

— Вы-паал-нять!!!

В наступившей мгновенно тишине — стало слышно, как работали на ключах радисты,— Егоров, возбужденно дыша и растирая затылок, повернулся к Алехину и приказал:

— Если вопросов нет, немедленно возвращайтесь на место!

За его спиной капитан-летчик и адъютант, отстранив московских полковников, уже стаскивали габардиновый китель с задыхавшегося генерала. Алехин, несколько оторопев от столь впечатляющей картины, поднял руку к пилотке, чтобы отойти; в это мгновение Егоров окончательно овладел собой и, протягивая ему свою массивную ладонь, добавил·

— Я надеюсь на вас... Действуйте!..

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Чрезвычайно срочно!

Егорову

Для осуществления в случае необходимости массированных мероприятий по вариантам «Западня», «Большой слон» и «Прибалтийское танго» вам согласно специального приказания нач. Генерального штаба должны быть дополнительно выделены на местах к 15.00 сего дня из состава частей Красной Армии и войск НКВД по охране тыла фронта соответственно:

1) в Вильнюсе . . . . . и . . . . человек[1]

2) в Гродно . . . . . и . . . человек

3) в Лиде . . . . и . . . . . человек

Выделение людей подтвердите без промедления, сообщив при этом наикратчайший срок готовности по каждому варианту отдельно.

Колыбанов».

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Весьма срочно!

Егорову

Сегодня между 10 и 11 часами утра в 17 км северо-западнее Вилейки в лесу деревенскими подростками замечены во время радиосеанса и вскоре по их сообщению задержаны военнослужащими с проезжавшей автомашины двое неизвестных, предъявивших командировочное предписание и форменные армейские удостоверения личности на имя офицеров в/ч 62035 капитанов Борисенко Петра Ефимовича и Новожилова Тимофея Осиповича.

Факт выхода в эфир Борисенко и Новожилов отрицали, показать содержимое чемодана и вещевого мешка категорически отказались, следовать с машиной в Вилейку — тоже, в связи с чем к ним была применена сила.

При обыске Борисенко и Новожилова обнаружены: рация портативная приемопередающая «Эри» в рабочем состоянии, запасные батареи — 3 элемента; таблицы пятизначного шифра, блокноты перешифровальные — 2;

---

[1] Цифровые данные этого документа опускаются.

пистолеты ТТ — 2; патроны к ним — 120; компаса — 2; ножи охотничьи — 2; запас продуктов на 5—6 суток, в том числе 4 банки немецких мясных консервов выпуска июня с. г. В тайниках за подкладками голенищ яловых сапог обнаружены безупречные по реквизиту и содержанию временные удостоверения личности на имя сотрудников НКГБ Белоруссии капитанов Борисенко Петра Ефимовича и Новожилова Тимофея Осиповича.

Объяснить цель своего пребывания в лесу с приемо-передатчиком задержанные отказались, и никаких сведений, способствовавших бы выяснению их личности, получить от них не удалось. Сотрудникам Вилейского РО НКГБ Борисенко и Новожилов неизвестны, никакими данными о их нахождении на территории района местные органы не располагают.

В командировочном предписании задержанных отсутствует секретный условный знак — точка вместо запятой посреди фразы. Борисенко, говорящий с украинским акцентом, по признакам словесного портрета, имеет значительное сходство с одним из агентов, проходящих по чрезвычайному розыску. Имеются и другие основания предполагать, что задержанные нами лица являются разыскиваемыми по делу «Неман» агентами.

Борисенко и Новожилов содержатся в отделе контрразведки бригады под усиленной охраной, исключающей возможность побега или попытки самоубийства.

Прошу Вашего указания сообщить особые приметы или какие-нибудь дополнительные сведения, способствовавшие бы вероятной идентификации задержанных.

Не имея возможности связаться с Минском, прошу срочно проверить, имеются ли в НКГБ Белоруссии сотрудники Борисенко и Новожилов, командированные с коротковолновым передатчиком в район Вилейки.

Шаповалов».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Весьма срочно!

Егорову

В дополнение к №№ . . . . . . и . . . . от 18 и 19.08.44 г. сообщаю, что распоряжение Начальника тыла Красной Армии об усиленном питании военнослужащих,

участвующих в розыскных, контрольно-проверочных мероприятиях и войсковых операциях по делу «Неман», распространяется также на всех военнослужащих, привлекаемых к мероприятиям по вариантам «Западня», «Большой слон» и «Прибалтийское танго» с обеспечением продовольствием по линии НКО. (Основание: распоряжение Нач. тыла Красной Армии № . . . . от 19.08.44 г).

Выполнение проконтролируйте.

Артемьев».

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Срочно!

Егорову

Нач. ГУКР «Смерш» с группой генералов и офицеров прибыл в 13.05; ближайшие часы будет находиться в отделе контрразведки авиакорпуса. Его прибытие мною подтверждено.

Наши соображения по розыску и относительно войсковой оперции он разделяет полностью, однако по независящим от него обстоятельствам она должна быть проведена сегодня. После разговора с ним суточная отсрочка представляется маловероятной.

Замнаркома госбезопасности с группой высшего оперативного состава прибыл в 13.25. С нашими соображениями по розыску он согласен с некоторыми оговорками. В 14.30 выезжает к вам; одновременно будут доставлены медики, скамьи и стулья.

Поляков».

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

Егорову

«„Воздух!!!

Ближайшие четверть часа находитесь неотлучно у радиостанции прямой связи для приема весьма важного.

Колыбанов».

73. ПОМОЩНИК КОМЕНДАНТА

Лесной травянистой дорогой они шли в глубь леса — Алехин и капитан бок о бок, Блинов в трех шагах позади.

Ветер ровно шумел верхушками деревьев; в чистом крепком воздухе слышались только голоса природы, казалось, в лесу этом — на вид совершенно безлюдном,— кроме птиц, зверей и зверюшек, никого не было и не бывало. Казалось, здесь, на этом участке массива, никогда не ступала нога человека. И ничто вокруг не напоминало о войне, о шпионаже и какой-либо операции.

Помощник коменданта заставил себя отвлечься от неприятных ему мыслей, от надоевших уже наставлений о бдительности и всевозможных предосторожностях. При желании он умел абстрагироваться и спустя минуты думал совсем о другом: о предстоящем ему вечером скромном торжестве, имевшем — так он полагал — особое в его жизни значение.

Как и его отец, он был человеком цельным и коль уж влюблялся, то остальные женщины для него не существовали. Но отцу повезло: в конце гражданской войны он встретил свою будущую жену, его мать, и больше с ней не расставался; сын же в свои двадцать четыре года уже потерял двоих.

Если довоенное увлечение, будущая актриса, забывшая о нем, а следовательно, и не любившая, целиком, без остатка ушла из его сердца, то переводчицу он вспоминал с острой грустью, но теперь скорее не как любимую, а с теми чувствами, с какими он вспоминал погибших на войне ближайших друзей.

В силе и глубине своих чувств к Леночке он ни на йоту не сомневался, и потому его так волновало ее отношение к нему. Он знал, что симпатичен, нравится ей, она этого не скрывала, как не скрывала, впрочем, и своего расположения к грузину, начальнику отделения. «Хирург божьей милостью!» — не раз с восхищением говорила она.

Мысль о соперничестве, о том, что он может потерять и Леночку, страшила его. В запасе у него, правда, имелся козырь, которым ему никоим образом не хотелось бы воспользоваться.

Как она, ценившая в людях талант, могла понимать его, не зная о самом для него заветном?.. Но не за голос же, не за голос и не за красивую наружность она должна была его любить... Такие поклонницы одолевали его еще в консерватории, однако, как говорил отец, для

большого, прочного чувства увлечения одним внешним совершенно недостаточно.

Первой военной осенью, попав в армию, он ни от кого ничего не скрывал и, когда просили, охотно пел и под гитару, и под баян, и просто так — в роте любили его слушать. Однажды среди слушателей оказался незнакомый батальонный комиссар, задавший ему потом несколько обычных вопросов: кто он, откуда и почему так удивительно хорошо поет. Он рассказал все как есть, сдержанно, но откровенно. А спустя трое суток в дивизию пришел приказ откомандировать его, красноармейца Аникушина, для дальнейшего прохождения службы во фронтовой ансамбль песни и пляски.

Большей для себя неприятности, большего крушения надежд и стремлений он не мог и представить.

Немцы рвались тогда к Москве, от отца, попавшего под Прилуками в окружение, уже два месяца ничего не было, предполагали, что он погиб, и старший сын становился, таким образом, главой семьи, единственным совершеннолетним мужчиной и защитником. Решалась судьба его народа, его государства, он жаждал с оружием в руках защищать отечество, жаждал убить хоть нескольких врагов-убийц и для этого с подъема и до отбоя по шестнадцать часов в сутки учился воевать, а его решили запереть в артисты. У него были свои убеждения, твердые, созревшие под влиянием отца понятия о мужском достоинстве и чести. Возможно, участники фронтового ансамбля своими выступлениями и делали полезное, нужное дело, но с этого момента он думал о них с презрением, как о сборище трусливых, уклоняющихся от боев придурков.

Он отказался наотрез и, поскольку с его возражениями не собирались считаться, обратился с письмом к Наркому Обороны. А сверху настаивали на немедленном откомандировании, он упорствовал, и тогда его посадили на гауптвахту, причем в одну камеру с какими-то дезертирами, чем он был смертельно оскорблен.

Трудно сказать, как сложилась бы дальше его судьба, но в это время немецкие танки прорвались на ближние подступы к столице, дивизию поспешно бросили в бой, кто-то вспомнил в этой сумятице и о нем — к вечеру того же дня на ледяном ветру под артиллерийским и минометным обстрелом он долбил саперной лопатой

землю, отрывая себе стрелковую ячейку — свою крохотную крепость в системе полковой обороны.

Эта история послужила ему хорошим уроком. За годы войны он дважды лежал в госпиталях, воевал в трех разных соединениях, но с той поры если когда и пел, то лишь вполголоса и только наедине. Он не скрывал — в том числе и от Леночки,— что учился в консерватории, однако представлялся, да и указывал себя в документах не иначе как студентом теоретико-композиторского факультета, будущим музыковедом.

Сегодняшний вечер имел, точнее — мог иметь в его жизни особое значение, и, шагая теперь в глубь леса с двумя особистами, он проигрывал мысленно предстоящее объяснение с Леночкой: с чего и в какой момент начнет, что скажет и как будет продолжать в зависимости от ее реакции и ответов. Не без волнения он думал и о своей встрече с этим грузином-хирургом, который, видимо, не преминет потренькать на гитаре и попеть, наверняка так же фальшиво и безголосо, как и подавляющее большинство любителей.

Размышляя о своем, о том, что его волновало, он, однако, не забывал пригибаться под толстыми мокрыми ветвями, а тонкие отводил рукою, чтобы не намочить росой костюм. Не мог он совершенно не видеть и шагавшего с ним рядом Алехина и со временем подметил, что тот не переставая шарит взглядом по дороге метрах в трех перед собой, словно чего-то ищет. Что он там выискивает, помощник коменданта и не пытался себе представить — даже думать не хотел,— но было в этом вынюхивании что-то неприятное.

Особист, при всей его обходительности, был ему несимпатичен, и капитан заставлял себя не смотреть в его сторону и по возможности не обращать внимания на его действия, что не без усилия удавалось. Он в который уж раз проигрывал в уме предстоящий вечер и объяснялся с Леночкой, когда Алехин неожиданно нарушил молчание.

— Раненько! — вдруг полушепотом не без удивления протянул он.— Неужто улетают?.. Зима, видать, ранняя будет.

— Что? — вмиг возвращаясь к действительности, хмуро спросил капитан.

— Журавли.— Задрав голову, Алехин оглядывал

небо.— Вроде улетать собираются. Слышите, прощаются...

Капитан прислушался; в ясном светло-голубом небе где-то тоскливо и надрывно курлыкали невидимые журавли.

Это печальное курлыканье вдруг пронзительно напомнило о бренности всего земного, о неотвратимом: о скором увядании, о смерти всех этих сейчас таких свежих и жизнерадостных листиков и травинок, о том, что все пройдет...

«Да... Все пройдет, и мы пройдем!..» — с грустью процитировал мысленно помощник коменданта и, подумав, от себя добавил: — Но след оставим...»

— Товарищ капитан.— Алехин меж тем достал из кармана две красные засаленные нарукавные повязки с надписями «Комендантский патруль», встряхнул их, расправил и протянул одну капитану.— Прошу вас — наденьте.

— Зачем?..— взглянув мельком, осведомился капитан.— Это для патрулей, для дежурных офицеров. А я — помощник коменданта! — заметил он с достоинством.— И сколько на этой должности, ни разу не надевал!

— А сегодня нужно. Прошу вас,— настойчиво повторил Алехин.

— А грязнее у вас не нашлось? — с откровенным недовольством беря повязку и брезгливо осматривая ее, осведомился капитан.— Из нее же суп варить можно!

— Это не у нас, а у вас! — весело сообщил Алехин.— Мне их дали в комендатуре. А постирать не было времени. Давайте я вам помогу.

Помощник коменданта остановился и, поджав губы, покорно стоял с минуту, пока Алехин не закрепил повязку на рукаве его кителя повыше локтя. Тем временем Блинов по своей инициативе проделал то же самое на рукаве гимнастерки Алехина.

В молчании они пошли дальше, и капитан снова охотно погрузился в свои мысли, однако немного погодя Алехин опять заговорил.

— Как у нас с оружием? — будто самого себя спросил он и, вытащив из кобуры пистолет, взвел курок и оттянул затвор, проверяя, есть ли патрон в патроннике; Блинов тотчас же проверил свой «ТТ». Но помощник

коменданта, к кому, собственно, был обращен этот вопрос, шагал молча, будто не слыша.

— А у вас? — осведомился у него Алехин.

— За меня можете не беспокоиться.

— А эта штука вам знакома? — продолжал Алехин, достав небольшой вороненый «вальтер».

Получив утвердительный ответ, он загнал патрон в патронник и, поставив пистолет на предохранитель, протянул его капитану:

— Прошу... возьмите в карман.

— Зачем?

— На всякий случай... Берите, берите! — настаивал Алехин и, так как помощник коменданта лишь усмехнулся, сунул ему «вальтер» в правый карман брюк.— Осторожность всегда оправданна... Знаете, разное бывает...

— Знаю! — недовольно поморщился капитан и пригнулся, чтобы не задеть мокрую ветвь.— Слышал все это десятки раз! В том числе и сегодня!..

— Говорите тише,— попросил Алехин.— Что слышали?

— И про бдительность, и про осторожность, и что всякое бывает, и смотреть надо в оба!.. От всех этих поучений у меня уже мозоли в ушах! За кого вы меня принимаете?!

— Прошу вас — потише.

Помощник коменданта вытащил из кобуры свой «ТТ», взвел курок и оттянул затвор — Алехин увидел патрон в патроннике.

— Бдительность, осторожность, осмотрительность!.. Мне твердят об этом, как мальчишке! — засовывая пистолет в кобуру, возмущенным полушепотом продолжал капитан.— За кого вы меня принимаете?.. Я на фронте с сорок первого года!.. Поверьте, бывал в таких переделках, по сравнению с которыми ваша «операция»— просто загородная прогулка.

— Что ж, возможно...

— Не возможно, а точно!

— Да я верю, верю,— улыбнулся Алехин.

— Верить мало! Чтобы понимать, надо самому пережить!.. Вы на передовой-то когда-нибудь были?

— Приходилось...

— При штабе дивизии или полка?.. Знаю, как вам

«приходилось»!.. Во втором эшелоне! А я три года на передке! И если бы не ранение... Поймите, я боевой офицер! — взволнованно произнес капитан.— В комендатуре я случайно и не задержусь!..

— Говорите тише,— снова попросил Алехин.

— Да вы что, психа из меня сделать хотите?! — возмутился капитан.— Здесь же нет ни живой души! И шум ветра все покрывает. И куда же тише — я и так шепчу!

— Это вам кажется,— улыбаясь, возразил Алехин.— И насчет душ вы ошибаетесь. Мы только что прошли засаду, они предупреждены по радио и знают меня в лицо, иначе бы нас уже проверяли. Вы только не обижайтесь — понимаете, это специфика... И вообще лес шума не любит...

— «Специфика»!.. Эх, людишки! — со вздохом и презрительным сожалением вдруг вырвалось у капитана.— Дурацкая-то ведь специфика! Ну посудите сами... Вы кого-то там разыскиваете. Как я понял, двух или трех; ну, допустим, четырех человек. И вот вы устраиваете засады... более того, собираетесь оцеплять весь лес, привлекаете к этому даже не сотни, а тысячи офицеров и бойцов. И это при острой нехватке людей в частях на передовой. И делается все это из-за двух, максимум четырех человек! Причем, как я понял, вы даже точно не знаете, появятся ли они здесь!

— Должны. Конечно, не факт, что они выйдут именно на нас. На путях их вероятного движения устроено несколько засад.

— Да, но к чему оцеплять весь огромный лес? Зачем столько людей?.. Почему такая чрезвычайность?

— Видите ли, это долго объяснять...— чуть помедля, уклончиво заметил Алехин; он не мог, не имел права говорить кому бы то ни было, кроме офицеров контрразведки, что речь идет об агентах, действия которых представляют угрозу для предстоящей стратегической операции, и что дело взято на контроль Ставкой Верховного Главнокомандования.

— Ясно, от меня вы тоже секретите! — с очевидной обидой быстро сказал капитан, и лицо его дрогнуло в презрительной усмешке.

— Нет, почему же...

— Как бы чего не вышло! Перестраховочка! Мне вы

тоже не доверяете... А родной матери?.. К ней у вас тоже, наверно, одна бдительность!

— Ну вы и язва! — рассмеялся Алехин; своей прямотой и задиристой откровенностью капитан ему определенно нравился.

— Какой есть! Но дело не в этом. Все эти предосторожности — ваша, как вы говорите, «специфика»!.. Пуганая ворона куста боится! Вы этим живете и этим кормитесь! Но мне-то вы зачем мозги компостируете?.. Я в армии четвертый год и вашей «спецификой», поучениями о бдительности не то что сыт — перекормлен! Однако ни одного шпиона даже во сне не видел!.. Дезертиры, паникеры, изменники встречались — двоих сам расстреливал... Власовцев видел, полицаев, но шпиона — ни одного! А вас, охотничков,— как собак нерезаных!.. НКВД, НКГБ, контрразведка, прокуратура, трибуналы... И еще милиция!..

— Говорите тише...

— Могу вообще молчать! Только вы мне мозги не компостируйте! Я приглашен, чтобы вы имели вид комендантского патруля, и то, что от меня требуется, сделаю! Но своей «спецификой» вы мне голову не дурите! Мы очень разные люди, и быть таким, как вы, я не желаю! Извините — противно!.. Ну что вы все время смотрите, чего выискиваете? Вы что — потеряли что-нибудь или змей боитесь?

— Не без этого,— весело признался Алехин.— И не только их... Лес кое-где минирован. А я еще жить хочу... И вы, наверно, тоже?

Поджав губы, помощник коменданта промолчал.

74. НА ПОЛЯНЕ

— Вот мы и пришли,— останавливаясь, сказал Алехин.— Красиво, а?

Перед ними открылась большая, окаймленная белоствольным березовым подростом, залитая солнцем поляна. Неторная травянистая дорога проходила, не петляя, прямо по ее середине. Крохотные, совсем юные дубочки несмело выглядывали из высокой лопушистой травы. Почти в центре поляны, справа от дороги, тремя островками тянулись поросли густого орешника.

Впереди, примерно в двух километрах, по ту сторону

широкой просеки, разделявшей массив на две части, находился участок леса, где Алехин наблюдал чистую супесь — предполагалось, что там, в тайнике, и пряталась разыскиваемая рация.

Этот квадрат леса четверо суток назад осматривал Таманцев. Он и порекомендовал поляну как место, весьма удобное для засады; Алехин, посмотрев сегодня, не мог с ним не согласиться.

«До чего же хорошо!»— подумал Андрей, оглядывая поляну, молодые, радостные березки и кустарник по краям. Лазая до того по лесу, он был настолько озабочен отысканием следов и улик, что сейчас, после замечания Алехина о красоте, может, в первый раз обратил внимание на окружавшую его природу.

— Подождите минутку,— сказал Алехин и скрылся в кустах.

И Андрей, наконец решившись, обратился к помощнику коменданта:

— П-простите, т-товарищ к-капитан, в-вы, с-с-случайно, не из М-москвы?

— Из Москвы. А что? — быстро взглянув на Блинова, осведомился капитан.

— В-вроде в-встречал в-вас г-где-то,— обрадованно заулыбался Андрей.— Н-наверно, в Москве. А в-вот г-где именно — н-никак не п-припомню!

— Москва велика,— холодно заметил капитан и, еще раз посмотрев на Блинова, с уверенностью заявил: — Лично я вижу вас впервые!

— М-может, в-вы на к-кого п-похожи...— смутясь, промолвил Андрей.

— Каждый человек на кого-нибудь похож,— сухо и наставительно сообщил капитан и отвернулся.

Андрей был обескуражен и в душе ругал себя. Так и надо! Не лезь к людям... Мало ли что тебе покажется... Не лезь!

За кустами слышались негромкие голоса — Алехин с кем-то разговаривал. Вскоре он появился на поляне, и Андрей посмотрел на него ожидательно, однако худощавое малоподвижное лицо Алехина, как и обычно, ничего не выражало.

Став между деревьями на самом краю поляны, он предложил помощнику коменданта и Блинову следовать за ним и большими ровными шагами двинулся по дороге.

— Сто десять, точно...— сказал он, останавливаясь, когда они поравнялись с гнилым пеньком напротив среднего островка орешника: он еще раз промерил расстояние.— А сюда,— он указал рукою вперед,— сто сорок семь... Здесь мы их и встретим... Если, конечно, они пойдут в нашу сторону...

— А если не пойдут? — поинтересовался помощник коменданта.

— И так может случиться... Тут, разумеется, нет никаких гарантий... Будем надеяться... Стой аккуратно, не приминай траву, чтобы не наследить,— предупредил Алехин Блинова.

Это замечание в равной степени относилось и к помощнику коменданта, но лишь погодя Алехин перевел на него взгляд.

— Во время проверки держимся уступом: один сбоку и позади другого... Вот, допустим, это вы, а это я... Или же наоборот.— Алехин быстро переместился и оказался в метре за правым плечом капитана.— При этом задний подстраховывает переднего... У вас... по комендантским порядкам тоже ведь так положено. Только в городе это обычно не соблюдается, а здесь необходимо... Одновременно нас будут подстраховывать из засады.— Алехин показал на кусты орешника.— Держитесь свободно и уверенно... В случае неподчинения проверяемых, напряженности или обострения требуется максимальная... боевая готовность,— избежав слова «бдительность», сказал Алехин.— При этом следует фиксировать «вальтер» в кармане. Но стрелять в случае необходимости — только по конечностям!.. И еще непременное условие: ни в коем случае не закрывать проверяемых от засады! Понимаете?.. Может, у вас есть вопросы, что-нибудь не ясно? Пожалуйста...

— До которого часа мы здесь пробудем?

— Затрудняюсь сказать... сам не знаю,— признался Алехин, рассматривая кусты орешника.— А что?

— Мне до восьми часов надо непременно вернуться в город,— помедля, заметил помощник коменданта.

— До восьми... Понятно...— думая о чем-то другом, неопределенно протянул Алехин и попросил: — Будьте любезны, постойте здесь минуту!.. Идем! — велел он Блинову.

Сделав изрядный крюк — чтобы не наследить,— Але-

хин показал Андрею его место в орешнике; шагах в десяти левее должен был располагаться Таманцев.

И тут и там в листве уже имелись вытянутые по горизонтали смотровые щели; узкие, выщипанные по листику, с некоторым расширением в сторону дороги, они были совершенно незаметны.

— Точно по твоему росту,— поднимаясь на цыпочки, сказал Алехин.— Как видишь капитана?

— Н-нормально... От г-головы до б-бедер.

— Ноги держи на ширине плеч. И главное — не напрягайся.

Затем они с помощником коменданта вернулись к краю поляны, и Алехин, свернув в орешник, провел их на небольшую лужайку, отделенную от поляны кустарниковой порослью.

На разостланной под березками плащ-палатке, похрапывая, мертвым сном спал Таманцев. В стороне на широком пне стояла радиостанция (Андрей уже немного разбирался в рациях и определил —«Север»); возле нее сидел старшина с пышной кудрявой шевелюрой. Там же на плащ-палатке лежали туго набитый вещмешок, несколько фляжек и старая фуражка: судя по цвету околыша, старшина был пограничник — из частей по охране тыла фронта.

— Это наша персональная радиосвязь,— шутливо пояснил Алехин капитану.

При виде парадно одетого, представительного помощника коменданта старшина-радист поднялся и, не снимая наушников, вытянулся перед ним.

— Садись...— махнув рукой, сказал Алехин и, поворачиваясь к капитану, предложил: — Давайте перекусим. Сейчас самое время подкрепиться.

— Благодарю вас. Не хочу,— отказался капитан, хотя, легко позавтракав утром, больше ничего не ел; он не любил, а в данном случае особенно не желал одалживаться.

— Отчего же не хотите?.. Ведь вы не обедали...— развязывая вещмешок, говорил Алехин.— Продуктов вполне достаточно. Кстати, здесь паек на пять человек, то есть в том числе и на вас!

— Вы уже взяли меня к себе на довольствие?..— усмехнулся помощник коменданта.— Потеха! Может, и в штаты свои уже зачислили? Спасибо, не хочу!

То, что на него был получен какой-то паек, естественно, меняло дело, однако, сказав «нет», он в силу своего характера уже не мог принять предложение Алехина.

Алехин выложил из вещмешка на плащ-палатку две буханки белого хлеба, несколько банок различных мясных консервов, кульки с печеньем и сахаром. Спустя минуту он и старшина с аппетитом ели. Андрей взял только печенье и опять с огорчением вспомнил о «какаве», попить которое ему не удалось.

Помощник коменданта, отойдя в сторону и заложив руки за спину — это была его излюбленная поза,— расхаживал в тени берез, вдоль края лужайки.

— Товарищ капитан,— сказал ему Алехин,— неловко все-таки... неудобно получается. Не по-русски! Одни едят, а другие глядят.

— Почему же неудобно?.. Ведь вы мне предложили... А если я, извините, не желаю!..

— Может, хотите пить? — Алехин поднял одну из фляжек.— Родниковая! Холодная и вкуса необыкновенного! Такой в городе не отведаете.

— Спасибо,— отказался помощник коменданта.

Поев, Алехин напился и с удовольствием вытянулся на плащ-палатке неподалеку от рации. Теперь, когда все, что от него зависело, было сделано и засада подготовлена, он почувствовал невероятную усталость, более того — опустошенность, будто из него вытряхнули или выжали все силы. И тотчас мысли о дочери, о доме, о целом без малого десятилетии его довоенной жизни и труда, перечеркнутом дикой нелепостью с вывозкой на помол уникальной пшеницы, тяжкие мучительные мысли охватили его.

«Да, лижет суставы и кусает сердце... Все это ужасно, но ты сейчас ничего не можешь поделать. И не надо об этом думать! — уговаривал он себя.— Забудь обо всем! Тебе нужны силы, и ты должен уснуть!..»

За последние двое суток он спал всего несколько часов и теперь болезненно ощущал это. Но прежде чем уснуть...

— Товарищ капитан,— сказал он помощнику коменданта,— в ногах правды нет. Кто знает, сколько здесь еще придется пробыть... Прошу,— он указал на плащ-палатку,— устраивайтесь со мной... Или, если не хотите,

садитесь... Андрей, позаботься о капитане. Застели пень газетой.

Он понимал состояние Блинова и, зная, что того обязательно надо чем-либо занять, предложил:

— Если не будешь отдыхать, пройди на свое место в засаде и обживи его, потренируйся. Только осторожно — траву не мни и не наследи!

Разъяснив затем старшине, при каких сообщениях его следует немедленно разбудить, он по методе Таманцева расслабил мышцы и усилием воли заставил себя отключиться. Это не без труда удалось, и он уже погружался в сон, но тут же судорожно приподнялся, услыхав внятный голос старшины:

— Товарищ капитан!.. Товарищ капитан... Первый передает: одна тысяча семьсот... Первый повторяет для всех: одна тысяча семьсот...

«Первым» по кодовому расписанию был штаб оперативной группы, и это сообщение означало, что войсковая операция начнется сегодня в семнадцать ноль-ноль. А какой-нибудь час спустя цепи прочесывания будут здесь, на поляне, и твоя засада станет ненужной. Впрочем, она, как и остальные восемь засад, может стать бесполезной и раньше: в тот момент, когда подразделения окружат лес...

Значит, генералу и Полякову не удалось добиться отсрочки операции на сутки. Кавказский человек, заместитель Наркома оказался прав. Москвичи почти всегда оказываются правы — они в курсе обстоятельств, неизвестных на местах... С каким темпераментом он кричал: «Не будет у вас завтрашнего дня, не будет!»

«Невесело... Не то слово — хуже не придумаешь!.. Но все, что от тебя зависело, ты сделал и можешь... ты должен уснуть!.. Расслабься и усни,— мысленно убеждал себя Алехин.— Тебе хочется спать, ты уже чувствуешь тяжесть в веках, забудь обо всем, расслабься и спи. Ты должен... ты обязан уснуть...»

75. ПОМОЩНИК КОМЕНДАНТА

С каждым часом у него все больше портилось настроение, и хотя он пытался относиться к происходящему спокойно, по-философски, ничего не получалось — скрытое раздражение постепенно нарастало. Он то хо-

дил, то присаживался на пенек, накрытый газетой, и никак не мог удержаться: курил одну за другой папиросы (подаренный отцом еще в июле «Казбек»), которые так хотелось приберечь, оставить на вечер, хотя бы десяток — для представительности. Новенькие, прекрасные, каких у него еще никогда не было, сапоги намокли от травы и затяжелели, он с тоской представлял, как они задубеют, когда высохнут, и соображал, чем их намазать, чтобы этого избежать.

Старший из особистов, капитан Алехин, крепко спал, подложив под голову вещмешок с продуктами. В стороне от него на другой плащ-палатке под березками по-прежнему похрапывал некий старший лейтенант в грязной, с огромными заплатами гимнастерке. (Помощник коменданта не разглядывал его лицо и не подозревал, что это тот самый офицер, который, не поприветствовав его в городе и будучи остановлен, прикидывался дурачком.) Старшина сидел с наушниками у рации и от нечего делать читал какую-то порядком замусоленную книгу со схемами на вклейках — очевидно, по радиотехнике. И наконец, лейтенант-заика, перетянув, как и Алехин, кобуру на живот, молча и сосредоточенно вышагивал по лужайке.

Сколько так могло продолжаться?

Чем больше помощник коменданта размышлял над происходящим, тем более нелепым все это ему представлялось.

Из-за каких-то трех или четырех человек взбулгачили даже не сотни, а тысячи военнослужащих. Привыкший за войну к совсем иному соотношению сил, он никак не мог с этим примириться.

Ему вспомнились бои двухлетней давности — летом сорок второго, в районе Котельниково, под Сталинградом. Его рота — девятнадцать человек! — обороняла колодец. Обыкновенный колодец. Там, в степи, колодцы — редкость, и за источники воды шла ожесточенная, смертельная борьба.

Выжженная солнцем трава... Зной... Пыль... Духота... Чтобы заставить его отойти и захватить колодец, немцы подожгли степь... Огонь, клубы густого едкого дыма надвигались на боевые позиции роты с трех сторон. И за этой завесой наступали немцы: пехотный батальон —

полного состава! А в роте было девятнадцать человек, два станкача и пэтээр...

Зажечь степь навстречу и не пытались: дул западный ветер — и дым и огонь несло на расположение роты. Немцы непрерывно били из минометов и дивизионных пушек Град осколков вместе с искрами засыпал окопы. Дым был такой едкий, что пришлось надеть противогазы... Резина дымилась! Глаза у бойцов краснели и опухали... Кожа багровела и вздувалась волдырями... Четверо ослепло... Обмундирование дымилось и загоралось, но люди держались!.. Держались не час и не два, а более суток!

На рассвете второго дня немцы пустили танки. Три удалось подбить, но четвертый прорвался к запасному окопу, где помещались тяжелораненные, ослепшие. Они и подорвали его. Его и себя... Видел ли когда-нибудь этот Алехин, как умирающие слепые бойцы бросаются с гранатами на рев мотора под танк?!

В то утро капитан (тогда он был лейтенантом) потерял еще шестерых, но с остатками роты удерживал колодец. Вместе с ним — дважды раненным — в строю оставалось всего трое, когда пришел приказ отступить. И только тогда, взорвав колодец связкой противотанковых гранат, они отошли.

И никто не поучал его, как школьника! И никто не вымогал у него бдительность!.. А столь памятный бой за развилку шоссейных дорог?.. И сколько было еще таких боев... Жестоких! Смертельных! Неимоверно тяжелых! Когда противник превосходил в пять, в десять, в пятнадцать раз... Воюют не числом, а умением! Это правило вся армия исповедует с самого начала войны. Армия, но не особисты. Для них не жалеют ни средств, ни сил. И это при катастрофическом некомплекте личного состава в частях фронта.

Оторвали от выполнения своих прямых обязанностей тысячи людей, причем все экстренно, с заклинаниями о бдительности, секретности и особой важности. И что же дальше — для чего это делалось?.. Неужели для того, чтобы вот так забраться в лес, нажраться до отвала и отрабатывать «взаимодействие щеки с подушкой», точнее — за неимением подушки — с вещевым мешком. Перекур с дремотой на четыреста минут!

Помощнику коменданта вспомнился старый язви-

тельный армейский анекдот: «Чем отличаются особисты от медведя?.. А тем, что медведь спит только зиму, а особисты — круглый год...»

При всей сдержанности и внешнем спокойствии капитана, буханки белого хлеба подействовали на него, как красная тряпка на быка. Он с трудом справился со своим возмущением.

Белый хлеб и другие деликатесные по военному времени продукты, которые были положены и выдавались строго по норме, кроме летного состава ВВС, только раненым в госпиталях — он и сам получал и хорошо помнил эти тщательно вывешенные порции,— особисты потребляли до отвала — кто сколько хотел. Лишь из одного вещмешка вытащили две большие буханки и резали толстыми ломтями, хотя находились в полном здоровье и к авиации никакого отношения не имели.

По какому праву?! Он знал точно: особисты довольствуются по тем же нормам, что и другие офицеры Действующей армии, исключая летный состав. Впрочем, для них законы не писаны, что хотят, то и делают. И все молчат — побаиваются.

Но лично он никогда их не боялся и не боится. Чтобы Алехин это понял, он и говорил ему, не стесняясь, то, что думал,— без обиняков, зная, между прочим, что подобная манера разговора действует сдерживающе даже на людей от природы наглых.

Как ни странно, беззлобная реакция Алехина на его колкие высказывания и простоватая мягкая покладистость настораживали помощника коменданта. В его представлении особист без какого-либо заднего умысла не мог быть так приветлив и доброжелателен.

Остальные ему тоже не понравились.

И этот мальчишка-лейтенант, который привязался: «Товарищ капитан, вы не из Москвы?.. Вы на кого-то похожи!..» Щенок, пытающийся заставить себя бояться. Жалкая попытка запугать!.. Не на того напали!

И этот старшина, торопливо и шумно сожравший полбуханки белого хлеба и целую банку нежнейших консервированных сосисок.

Такую же точно банку ему прислал с оказией в госпиталь отец, и он роздал по сосиске всей палате. Но его отец был начальник политотдела гвардейского корпуса, без малого генерал, участник революции, гражданской и

Отечественной войны, прослуживший в Красной Армии четверть века. А какие заслуги могли быть у этих людей?..

Спавший же без просыпу под березками старший лейтенант за один свой внешний вид заслуживал строгой гауптвахты. Такую безобразную гимнастерку мог бы надеть — на земляные работы! — боец саперного батальона, но никак не строевой офицер. Армейский и не надел бы — не посмел, а особисту дозволено...

«Да что тебе с ними, детей крестить?» — в который уж раз говорил самому себе помощник коменданта и старался настроиться на иной лад и думать о чем-либо другом, более приятном.

День медленно подвигался к вечеру, и ему оставалось только одно: терпеливо ждать, когда все это кончится.

Было без пяти минут четыре. Через час старик отправится за букетом цветов; в том, что он выполнит поручение и сделает все самым добросовестным образом, помощник коменданта не сомневался.

С детства брезгливый, капитан не терпел в людях неопрятности, и этот старый еврей с вечной каплей под носом, естественно, не мог быть ему симпатичен. Однако он уважал талант и мастерство в любой деятельности человека, в любом проявлении, а старик, несомненно, был Мастером. И думал помощник коменданта о нем с чувством почтения и признательности за отличную работу. Жалость к этому одинокому, обездоленному войной старику снова посетила его, когда справа, оттуда, где находилась рация, послышался негромкий взволнованный голос старшины-радиста.

76. «ПО МЕСТАМ!»

— Товарищ капитан, товарищ капитан...— Старшина-радист тряс Алехина за плечо.—«Девятка» передает: трое в военной форме пересекли просеку левее их. Движутся по дороге в нашем направлении... С двумя вещмешками!.. Оружие в кобурах!..

— Разбуди его! — живо поднимаясь и указывая глазами на Таманцева, велел Блинову Алехин.

Андрей с силой растолкал Таманцева, тот сел на плащ-палатке, увидел перед собой парадно одетого по-

мощника коменданта и даже глазами заморгал — уж не сон ли это?

— Мамочка моя родная! — хрипловатым спросонок голосом воскликнул он, оглядывая капитана.— Явление Христа народу!

— Ты что, мозги отоспал? — негромко, но до враждебного резко одернул его Алехин.

— Культурное обращение с младшим по званию, нечего сказать! — делая вид, что обиделся, проговорил Таманцев; от сна у него поправилось настроение, и ему до чертиков хотелось подурачиться, поблажить.— А если действительно отоспал?.. Нежности в вас нет,— потягиваясь, с укоризной заметил он.— Некачественно вы ко мне относитесь!

Алехин, проворно ополоснув лицо водой из фляжки, достал носовой платок.

— Умойся! — приказал он.— Живо! Минут через пятнадцать они могут быть здесь!

Это подействовало — Таманцев подскочил, будто его подбросили, и сейчас же спросил:

— Сколько их?

— Трое... В военной форме... Идут со стороны Каменки... С двумя вещмешками... Оружие в кобурах...

— С вешмешками.— Таманцев не скрывал свою радость.— Я влюблен!.. Малыш, полей мне! В темпе!..— велел он Блинову и заметил: — Вообще-то, если есть пятнадцать минут, и пожрать бы не мешало!

— Пойди сюда!

Алехин отвел Таманцева в сторону и тихо сказал:

— Сейчас нет времени, а потом я тебе прочищу мозги! Пора уже повзрослеть!.. В семнадцать ноль-ноль начнется войсковая операция...

— Значит, все-таки дожали! — Таманцев взглянул на часы и от возмущения сплюнул.— Вот гадство!.. Уж если не считаются с Эн Фэ и генералом...— он развел руками,— Москва бьет с носка и слезам не верит!.. Этих-то трех до прочесывания мы вполне успеем прокачать.

— Я тоже так думаю. Если только они не свернут на развилке влево, а пойдут по этой дороге...— Одернув гимнастерку, Алехин обернулся в сторону, где стояли помощник коменданта и Блинов, и, перетягивая повыше нарукавную повязку, распорядился: — Всем проверить

оружие и оправить обмундирование! Если есть вопросы — давайте!

Помощник коменданта оглядел свой костюм, поправил по примеру Алехина повязку и подтянул голенища своих новеньких сапог.

— Товарищ капитан,— подходя к нему, сказал Алехин,— вы свои обязанности помните?

— Да, еще не забыл.

— Напоминаю последовательность проверки: сначала основные документы, затем — второстепенные, а потом вещевые мешки!.. Если мне придется сочинять — значит, это необходимость! В любом случае вы должны поддерживать все мои действия и требования, а я, в свою очередь, ваши! Держитесь спокойно, уверенно и активно! В случае чего — стрелять только по конечностям! Даже если вас будут убивать — стрелять только по конечностям! Вопросы ко мне есть?

— Нет.

Выждав еще малость, пока Таманцев, успевший умыться и утереть лицо рукавом гимнастерки, достал из вещмешка и надел на поясной ремень кобуру со вторым наганом, Алехин скомандовал:

— Идемте!

Они направились к поляне, и Блинов уже вошел в кустарник, когда сзади неожиданно послышался голос старшины:

— Товарищ капитан, Первый передает: всему личному составу немедленно вернуться в расположение части.

Это означало: всем немедленно покинуть лес. Алехин обернулся к рации и смотрел, не понимая; другие тоже остановились.

— Они что, чокнулись?! — возмущенно воскликнул Таманцев.— Они соображают?! Лично я никуда не пойду!

— Даже если прикажу я, а не Первый, не только пойдешь — побежишь! — заверил Алехин.— Так рванешь —«виллис» обгонишь!.. Выходите на поляну! — приказал он.

— Я-то, допустим, побегу,— не трогаясь с места, продолжал Таманцев.— А лично вас такой вариант устраивает?.. Это же чистая перестраховка!.. Они что, о наших шкурах заботятся?.. А когда мы неделями лазим по лесам, в одиночку, среди банд?.. Ничем не рисковать — ни-

чего не иметь!.. Да что нам поделается?.. Выйдут на нас с прочесыванием — мы что, перестрелку устроим?.. Лапы кверху — и вся любовь!.. В крайнем случае кого-нибудь поцарапают: они ведь тоже знают — стрелять только по конечностям!.. Да засада с живцом в тысячу раз опасней! А ничем не рисковать — ничего не иметь! — повторил Таманцев; он быстро обернулся и, убедясь, что помощника коменданта и Блинова уже нет рядом, возбужденно зашептал: — Паша, мы не должны отсюда уходить! Я категорически против! Я не мальчик, не стажер, у меня за розыск пять боевых орденов, и я требую, чтобы с моим мнением считались! Сообщи генералу! Немедленно! Я тебя прошу, требую категорически! Можешь валить на меня как на мертвого! Я за все отвечаю! Ты пойми... Ты ситуацию прокачал? Неужели ты не понимаешь?.. Мы что, этих трех оставим одних на прочесывание?.. А если они — «Неман»?.. Ты возможные последствия представляешь?! Их же не сумеют взять теплыми! А момент истины? Не о шкуре — о деле надо думать!

— Все?.. Выходи на поляну! — тоном, не терпящим возражения, скомандовал Алехин.— Сейчас же!

Что там могло произойти?.. Или до Егорова не дошло сообщение «девятки» о троих неизвестных, или...

Алехин бегом вернулся к рации и, жестом предложив старшине освободить одно ухо от наушника, приказал:

— Срочно передайте Первому: вас не понял, прошу повторить.

Старшина, вскинув в знак внимания палец, слушал и записывал то, что ему в эти секунды передавали. Потом он поднял лицо к Алехину и сказал:

— Первый повторил для всех: «Немедленно вернуться в расположение части. Выполнять».

«Выполнять!»— это, несомненно, исходило от Егорова. Алехин лихорадочно пытался угадать, домыслить соображения генерала Что там могло произойти?.. Неужели это вызвано только опасениями, что во время операции могут иметь место нежелательные огневые контакты между цепью прочесывания и оперативными группами?

«Девятку» возглавлял Кандыба — опытный розыскник, он знал в лицо всех своих, кто находился сейчас

в лесу, и никак не мог напутать. Значит, или его сообщение о троих неизвестных не дошло до Егорова — по какой-либо причине могли и не принять, — или...

Занимало Алехина еще одно обстоятельство: наблюдение за подходами к массиву по всему периметру было установлено в 7.10. За утро и первую половину дня посты слежения сообщили о подростках, вошедших в лес с лукошками со стороны Каменки, о двух заросших, бородатых немцах-окруженцах, которые покинули массив, двигаясь в западном направлении (чтобы избежать возможного шума, Поляков распорядился их не трогать, пока они не удалятся на несколько километров), и наконец о сержанте — водителе грузовика: оставив машину на обочине шоссе, он вместе с какой-то женщиной побывал на опушке.

Однако никаких сведений об этих троих в военной форме с утра не поступало. Следовательно, они появились в лесу раньше — на рассвете, ночью или еще вчера, что, впрочем, маловероятно.

Через минуты они могли оказаться и здесь, на поляне, — если только, миновав просеку, не свернут по тропе влево, — так что времени для каких-либо выяснений по радио уже не имелось. Проще всего было выполнить приказ о выходе из леса, но Алехин, уверенный, что получилась какая-то накладка, решил остаться. Основным доводом для такого решения было убеждение, что Егорову неизвестно о троих, двигавшихся от просеки к поляне.

— Напоминаю: если услышишь выстрелы или просто шум, выскакиваешь с автоматом вот здесь... и блокируешь выход с поляны! — велел Алехин старшине. — Предупреждаю категорически — стрелять только по конечностям!

В следующее мгновение Алехин уже бежал к поляне.

— Последнее распоряжение нас не касается, — сообщил он, появляясь из кустов перед Таманцевым, Блиновым и стоявшим чуть в стороне помощником коменданта. — Все мои указания остаются в силе! Встретим их здесь, если, конечно, они пойдут в нашу сторону. Во время проверки с первой и до последней минуты требую от всех максимального внимания и осторожности! По местам!..

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Воздух!!!

Егорову

Сообщаю: на Ваш № . . . . Ставка ВГК ответила отказом.

Войсковая операция в районе Шиловичского массива должна быть осуществлена сегодня до наступления сумерек. Последний срок ее начала — 17.00. Это время сообщено нами в Ставку ВГК как самое позднее, и любая дальнейшая отсрочка будет расцениваться как невыполнение боевого приказа особой важности со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Довожу до Вашего сведения, что все подразделения войск по охране тыла других фронтов по завершении операции необходимо немедленно высвободить, и не позднее 23.00 они должны убыть к местам своей постоянной дислокации.

Считаю своей обязанностью еще раз со всей ответственностью предупредить, что если дело «Неман» в ближайшие четырнадцать часов не удастся реализовать поимкой разыскиваемых и захватом рации, Вы и подполковник Поляков будете отстранены от занимаемых должностей и преданы суду специального трибунала.

Колыбанов».

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

:Срочно!

Лукину

Задержанных вами по недоразумению подполковника Еременко и капитана Бодрова немедленно освободите.

Как установлено проверкой, бланки командировочных предписаний старого образца, не содержащие условного секретного знака, в воинской части 06381 не были своевременно изъяты из обращения по халатности одного из офицеров штаба.

Поляков».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Срочно!

Егорову

В представленных Вами донесениях до сих пор не подтверждено прибытие 27 офицеров Управления контрразведки Карельского фронта, вылетевших к Вам из Петрозаводска сегодня в 4 часа утра для участия в розыскных мероприятиях по делу «Неман».

Проверьте и немедленно доложите.

Колыбанов».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Весьма срочно!

Колыбанову

На № . . . . . от 19.08.44 г.

Арест или задержание находящихся под нашим наблюдением Чеслава и Винцента Комарницких представляются нам пока преждевременными, нецелесообразными.

Поляков».

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Чрезвычайно срочно!

Москва, Колыбанову

Проводимые нами в районе Шиловичского лесного массива оперативно-розыскные мероприятия по состоянию на 16.00 результатов не дали.

В 16.03 автомашины с подразделениями, предназначенными для войсковой операции, двенадцатью автоколоннами начали движение из выжидательных районов с расчетом выхода на «карусель» в 16.50.

Во избежание возможных нежелательных огневых контактов между своими всем находящимся в засадах на территории массива оперативным группам в 16.05 передана команда немедленно покинуть лес.

Егоров».

78. ПРОВЕРКА ДОКУМЕНТОВ

Прошло не десять, а, наверное, больше минут, но на поляне никто не появлялся. Таманцев и Блинов, обратясь в слух, молча и терпеливо стояли на своих местах в кустарнике шагах в семи друг от друга.

Солнце было еще над лесом, светило жаром, и душистый воздух, вдосталь насыщенный пахучими испарениями, заметным маревом струился от продожденной земли. Ветер несколько стих, в траве неумолчно стрекотали кузнечики; и снова высоко в поднебесье, точно прощаясь, курлыкали журавли. Но никаких звуков приближения людей, как ни напрягались, Таманцев и Блинов уловить не могли.

«Неужто пустышку тянем?..»— с тоской подумал Андрей и в ту же минуту увидел, как Таманцев предостерегающе вскинул руку; спустя секунды Андрей и сам различил вдалеке еле слышные, тихие голоса.

Таманцев, взглянув на часы — для рапорта,— расслабленно потряс руками, что означало: «Сбрось напряжение»— и взялся за кобуру.

Они оба достали оружие: Андрей —«ТТ», а Таманцев — безотказный в работе наган, который он в такого рода случаях предпочитал всем другим системам. Кстати, он почти никогда не говорил «достал оружие» или «выхватил пистолет», а обычно —«обнажил ствол». Кобуру со вторым наганом он перетянул с левого бедра на живот и расстегнул.

Андрей беззвучно отвел курок своего «ТТ» с предохранительного на боевой взвод и замер в ожидании.

Негромкие голоса приближались. Ни Таманцев, ни Блинов, спрятанные в кустах, не могли никого видеть, но Алехин, метрах в девяноста от них, укрывшись за деревьями, уже рассматривал троих в военной форме, вышедших из леса по другую сторону поляны, и внимательно считал их шаги.

Выждав, сколько требовалось, он с помощником коменданта появился на дороге; завидев их, трое, шедшие навстречу, умолкли; пять человек сближались, с интересом разглядывая друг друга.

Они встретились, как и рассчитал весьма точно Алехин, у гнилого пенька, прямо напротив кустов, за которыми притаились Блинов и Таманцев, поздоровались, и помощник коменданта, задержав руку у козырька, предложил:

— Товарищи офицеры, попрошу предъявить документы! Комендантский патруль.

— Ваш мандат на право проверки,— попросил один из троих, бритоголовый, с погонами капитана, так спо-

койно, будто ему заранее было известно, что здесь, в лесу, у него должны проверить документы и что это малоприятная и пустая, но неизбежная формальность.— Кто вы такой?

Слева от него, ближе к засаде, стоял высокий, крепкого сложения старший лейтенант лет тридцати или чуть побольше, а справа — молодой лейтенант, тоже плотный и широкий в плечах. На всех троих было обычное летнее офицерское обмундирование (у лейтенанта поновее), пилотки и полевые пехотные погоны без эмблем. На гимнастерке у капитана над левым карманом виднелась колодка с орденскими ленточками, а над правым — желтая и красная нашивки за ранения.

Помощник коменданта достал из кармана кителя листок удостоверения, развернул его и, протягивая левой рукой бритоголовому капитану, еще раз легко прикоснувшись пальцами к фуражке, представился:

— Помощник военного коменданта сто двадцать шестой этапно-заградительной комендатуры капитан Аникушин...

«Аникушин?.. Аникушин!.. Это же Валькин брат!» — только теперь сообразил Андрей и сразу вспомнил, где он прежде видел капитана.

Как-то весной, незадолго до войны, одноклассник и приятель Андрея Валька Аникушин, показав на статного юношу, прогуливавшегося с девушкой по Тверскому бульвару, похвастал: «Мой брат! Консерваторию кончает! Второй Шаляпин! Беш-шен-ный талант!..»

Валька имел слабость приврать, и Андрей не очень-то поверил, но все же ему захотелось получше разглядеть «бешено талантливого» якобы человека, и он с Валькой пошел следом за Аникушиным-старшим, однако тот, случайно обернувшись, заметил ребят и, должно быть, заподозрив подвох, так внушительно показал им за спиной девушки кулак, что приятели сразу отстали.

Потом у себя дома как бы в подтверждение своих слов Валька достал шкатулку и выложил перед Андреем вырезанные из газет заметки, где такие знаменитые артисты, как Нежданова и Козловский, высказываясь о наиболее талантливых певцах, студентах консерватории, самые похвальные слова говорили об Аникушине-старшем. Нежданова, например, называла его «надеждой русского вокала» — значение последнего слова Андрей

тогда не знал и потому запомнил это выражение буква в букву.

Андрею вспомнился заводной неугомонный Валька, сгоревший год назад в танке под Орлом, и в этот миг помощник коменданта нечаянно для себя приобрел немалую долю симпатий, которые Блинов питал к его младшему брату.

Между тем бритоголовый капитан вынул и предъявил Аникушину свое удостоверение личности и командировочное предписание. Вслед за ним без промедления (чувствовалось, что он старший) достали удостоверения личности и два других офицера; Алехин взял у них и, раскрыв, стал проверять, наморща лоб и медленно шевеля губами, как это делают, читая по складам, чаще всего малограмотные люди.

В эту минуту за кустами орешника Таманцев, поймав взгляд Блинова, дотронулся до погона и поднял вверх два пальца — по количеству звездочек. Это означало: «Держи лейтенанта». Андрей согласно качнул головой — мол, понял. Приникнув к вытянутому горизонтально узкому просвету в листве, он видел с головы до бедер всех троих и мог «держать» из них любого.

Аникушин, просмотрев документы, взятые им у капитана, передал их Алехину, тот, в свою очередь, отдал ему удостоверение личности одного из офицеров, и проверка продолжалась.

— «Вильнюс... Лида... и прилегающие... районы...»,— вслух прочел Алехин и, как бы не понимая, поднял глаза от командировочного предписания.— А в лесу вы чего, эта... делаете?

— Вы, верно, догадываетесь, что не развлекаемся,— улыбнулся капитан.

— Нет, не догадываемся,— с самым простецким лицом сказал Алехин.— Что же, значит, делаете?

— Вы можете прочесть... Здесь все указано.— Капитан ткнул пальцем в командировочное предписание.

Алехин снова уставился в бумагу.

— А где находится ва-аша-а ча-асть? — намеренно зевая и прикрывая рот ладонью, поинтересовался он.

— Должен заметить, товарищ капитан, что лес не самое подходящее место для подобных разговоров. И я полагаю...

— Отчего же?..— удивился Алехин.— Бдительность,

она, конечно... Но мы офицеры комендатуры, и нам, значит, положено... А кроме нас, тут, понимаете, никого нет.— Как бы желая убедиться, что это действительно так, он огляделся по сторонам.— Кто же еще может услышать?

— А в госпитале вы у кого лежали? — неожиданно спросил Аникушин у капитана, хотя смотрел в этот момент документы другого офицера.

— То есть как — у кого? — не понял капитан.

— В каком отделении?

— В третьей хирургии. У майора Лозовского... А вы что, знаете этот госпиталь?

— Немного.

— Он сейчас в Лиде,— сообщил капитан.

Аникушин согласно кивнул головой.

— Откуда вы теперь идете? — продолжал Алехин.

— Из Каменки,— ответил капитан.

— Куда?

— В настоящий момент... в Шиловичи.

— А дальше?

— В Лиду.

Ответы на последние вопросы не противоречили направлению движения проверяемых и давались без малейших задержек. Нежелание говорить, где находится их воинская часть, было объяснимо и объективно не вызывало подозрений.

Сосредоточенно шевеля губами, Алехин продолжал читать документы.

Командировочное предписание, выданное 11 августа капитану Елатомцеву («...и с ним два офицера»), было безупречным. В набранной петитом подстрочной фразе: «(воинское звание, фамилия и инициалы командированного)» после слова «звание» вместо запятой стояла типографская точка, имелись в документе и другие особые знаки.

В графе «Пункт командировки» значилось: «Города Вильнюс, Лида и прилегающие районы»; в графе «Цель командировки» было указано неопределенно-стереотипное: «Выполнение задания командования». «Срок: с 11 по 20 августа». На обороте предписания имелись отметки вильнюсской и лидской этапно-заградительных комендатур.

Держались все трое спокойно, естественно, без ка-

кой-либо напряженности в лицах. И все основные документы у них — не только командировочное предписание, но и удостоверение личности — были в совершенном порядке и полностью соответствовали действительным обстоятельствам.

79. ТАМАНЦЕВ

Паша рассчитал все с точностью до полуметра, и, зная по опыту, как это трудно, мысленно я ему аплодировал.

Они остановились прямо перед засадой, и я мог разглядеть всех троих — от бедер и выше.

За плечами у старшего лейтенанта и лейтенанта были вещевые мешки, набитые, судя по округлым очертаниям, чем-то мягким, впрочем, это еще ни о чем не говорило: рации обычно тоже обертывают в плащ-палатки и в запасную пару белья.

У капитана было хорошее лицо — сильное, уверенное, но не наглое. И сам он был какой-то спокойный, несуетливый, уверенный — мне такие нравятся.

Второй, старший лейтенант, напомнил мне отчасти балаклавского амбала[1] — Башку, портового пьянчугу, который, подвыпив, брал глиняные кувшины за ручку и разбивал их о свою голову, к удовольствию таких же, как и он, придурков. Башка был, пожалуй, приземистее и выглядел, разумеется, иначе, но в лицах у них было немало схожего, и этого старшего лейтенанта я для себя тут же окрестил «амбалом».

Третий же, лейтенант, был по виду как из-под штампа — типичный молоденький командир взвода, какой-нибудь Эс Ка[2], — я почему-то еще подумал, что если они агенты, то он скорее всего — радист.

Кто они — это должен был теперь в считанные минуты без ошибки определить Паша. Я знал, что ему сейчас в сотни раз труднее, чем нам с Малышом, задача у него несравнимо сложнее, я отлично представлял себе все его напряжение.

---

[1] Амбал (или амбальный) — портовый грузчик. В более широком смысле — рослый, физически сильный человек.

[2] Эс Ка (СК: «связь кончаю») — обычный сигнал, завершающий войсковую радиосвязь. Жаргонное обозначение армейского радиста в отличие от оператора агентурного приемопередатчика.

Проверяя и оценивая документы, он должен мысленно прокачать установочные данные всех троих и признаки их словесных портретов по тысячам розыскных ориентировок. При этом он обязан все время фиксировать детали и оттенки их поведения, фиксировать игру вазомоторов и нервные реакции, чтобы тотчас уловить слабину, беспокойство и в случае чего подать нам условный сигнал. При этом от него требуется проверить и без ошибки оценить документы, фактуру, реквизит, все особые и удостоверительные знаки, а также степень соответствия содержания действительным обстоятельствам.

При этом, чтобы выиграть, растянуть время проверки, он должен с первой и до последней секунды быть в маске, бутафорить: изображать этакого простоватого службиста, из деревенских, бдительного, но недалекого тугодума, попавшего в офицеры только благодаря войне. Сейчас такие в армии не исключение.

При этом — в данном случае — он должен прокачать всех троих и на левшу, что тоже отнюдь не просто... При этом, если потребуется, он должен обострить ситуацию... При этом он должен при каждой возможности качать их на косвенных[1]... При этом... Есть еще, пожалуй, десяток «при этом» — того, что он должен, обязан, и я-то прекрасно знал: в такие минуты от напряжения даже у самых крепких волкодавов спина становится мокрой... Лопухаться при проверке документов могут патрули, а розыскник не может, не имеет права лопухнуться...

Я знаками велел Малышу держать лейтенанта. Собственно, еще неизвестно было, придется ли кого-нибудь здесь держать, но боевое расписание обязательно. Оно разграничивает задачи, обязанности и порождает ответственность — с этой минуты я во всех смыслах отвечал за бритоголового капитана и амбала, а Малыш — за лейтенанта. Я надеялся на него в пределах его малого опыта и потому поручил ему самого молодого и, как я определил, вернее предполагал, наименее опасного.

---

[1] Качать на косвенных — в ходе разговора задавать вроде бы безобидные второстепенные, косвенные вопросы, при помощи которых можно незаметно выявить несоответствие ответов проверяемого действительным обстоятельствам.

Кто они и как оказались в лесу?.. Зачем?.. Морщи лоб и шевели губами...

Удостоверение личности... Фактура обложки... Конфигурация... Наименование... Шрифт тиснения... Звездочка... Реквизит содержания... Особые знаки... удостоверительные... Шрифты текста... Серия... номер... Фотокарточка... Голова... губы... подбородок... соответствуют... Печать гербовая... Оттиски... совмещаются... Подпись командира части... натуральна... Гвардии майор... Карпенко... Дата... Чернила... Мастика штемпельная... Фактура бумаги... плотность...

Предъявитель сего... Чубаров... Николай Петрович... состоит на действительной военной службе... Недобрый у него взгляд, очень даже недобрый... Присвоение воинских званий... старший лейтенант... Приказ... номер... ноль тридцать девять... от двадцать седьмого января... сорок четвертого года... Печать гербовая... Подпись командира части... натуральна... Чернила... Мастика... Служебное положение... Штатная должность... командир стрелковой роты... Назначен... Приказ... Номер... ноль четыреста двадцать семь... от... пятого ноября сорок третьего года... Печать гербовая... Подпись командира части... натуральна... Чернила... Мастика... Скрепка... Награды и особые права... Орден Красная Звезда... Медаль «За отвагу»... Родился... девятьсот тринадцатого года... Уроженец... Калуги... Состав семьи... Близких родственников нет... Призван... Иманским райвоенкоматом... Приморского края... в июне сорок первого... Разрешено ношение оружия... Личная подпись... натуральна... Печать гербовая... Подпись командира части... Гвардии майор... Карпенко... Натуральна... Предыдущей... соответствует... Чернила... Мастика... Ажур!

А ножны с финкой на правом бедре... Левша?.. Не факт...

Командировочное предписание... Точка вместо запятой... Особые знаки... удостоверительные... Реквизит содержания... Шрифты текста... Петит подстрочный... Штамп угловой... Печать гербовая... Подпись... натуральна... Чернила... Мастика... Фактура бумаги... плотность... Текст... Воинская часть полевая почта 72510... 72510?.. Что-то знакомое... Дата выдачи... Десятое авгу-

ста... сорок четвертого года... Капитан Елатомцев А Пэ и с ним два офицера... Вильнюс, Лида и прилегающие районы... Цель командировки... Выполнение задания командования... Срок... десять дней... с одиннадцатого августа... по двадцатое... Основание: приказ командира вэ-чэ 72510... Для проезда выданы требования на перевозку за номерами... Действительно по предъявлении удостоверения личности номер... Командир части... Полковник Ляпин... На обороте... Отметки комендатур... Вильнюс... тринадцатое... Лида... пятнадцатое... Вильнюс... тринадцатое... Лида... пятнадцатое... Интересно, где они были двенадцатого и четырнадцатого?.. Где они были сегодня ночью?.. Штампы... Чернила... Мастика... Для прочих отметок... Старший лейтенант Чубаров... Лейтенант Васин... Печать гербовая... Чернила... Мастика... Ажур!

Хорошо держатся, спокойно... Это не украинский говор, нет!.. А у этих двух?..

Удостоверение личности... Конфигурация... .Фактура обложки... Наименование... Шрифт... Звездочка... Реквизит содержания... Особые знаки... удостоверительные... Шрифты текста... Звездочка... Серия... Номер... Фотокарточка... Голова... нос... губы... подбородок... соответствуют... Печать гербовая... Оттиски совмещаются... Подпись командира части... натуральна... Подполковник... Романов... Дата... Чернила... Мастика... Фактура бумаги... плотность... Хорошее у него лицо (хоть он и недоволен), приятное...

Предъявитель сего... Елатомцев... Алексей Павлович... состоит на действительной военной службе... Присвоение воинских званий... старший лейтенант... Приказ... номер ноль двадцать четыре... от девятого февраля сорок третьего года... капитан... Приказ... номер ноль семь... от одиннадцатого января сорок четвертого года... Печать гербовая... Подпись командира части... натуральна... Чернила... Мастика... Служебное положение... Штатная должность... командир стрелковой роты... Приказ... номер ноль двести шестнадцать... от тридцатого ноября сорок второго года... Назначен... начальник штаба батальона... Приказ... Номер ноль двести пятьдесят один... от двадцать седьмого декабря... сорок третьего года... Печать гербовая... Подпись командира части... натуральна... Чернила... Мастика... Скрепка... Награды и особые

права... Орден Красного Знамени... Орден Отечественной войны первой степени... Медаль «За оборону Москвы»... Родился... девятьсот восьмого года... Уроженец станицы Лабинской... Состав семьи... Жена Елатомцева Надежда Ивановна... Майкоп... Призван Майкопским военкоматом... в марте сорокового года... Кадровый... Разрешено ношение оружия... Личная подпись... натуральна... Печать гербовая... Подпись командира части... Подполковник Романов... натуральна... Предыдущим... соответствует... Чернила... Мастика... Ажур!

Справка госпиталя... В удостоверении — случайно или умышленно?.. Конфигурация... Реквизит содержания... Шрифты текста... Петит подстрочный... Особые знаки... удостоверительные... Форма номер шестнадцать... с наклоном... Штамп угловой... Эвакогоспиталь 2215... Это Лида!.. Капитан Елатомцев... Алексей Павлович... находился на излечении... с тридцатого апреля... по четвертое августа... 2215 до конца июля был в Вязьме... Достоверно?.. Вполне... Только «Неман» выходил в эфир еще в июле, а он до четвертого августа лежал в госпитале... Вот так!.. по поводу... проникающее осколочное ранение правой половины грудной клетки... травматический пневмоторакс... 2215 — торакальный[1]... соответствует... Срок пребывания... диагнозу... соответствует... Чернила... Мастика... Фактура бумаги... плотность... Ранение связано с пребыванием на фронте... Получено при защите СССР... Врачебной комиссией признан по статье... расписания болезней приказа НКО СССР... годным к строевой службе без ограничений... Начальник госпиталя... Подполковник медслужбы... Кудинов... Подпись... натуральна... Печать гербовая... Чернила... Мастика... Типография «Красное знамя», Москва... Сущевская, 21. Заказ 2345... соответствует... Ажур!

Это южнорусский говор!..

Елатомцев Алексей... Качай его, качай!.. Если они агенты, то он наверняка старший... Он опытнее и больше шансов, что уже проходил по розыску...

Рост... выше среднего... Телосложение... среднее... плотное... Лицо... овальное, чистое... Лоб... средний... прямой... Брови... дуговые... Нос — средний... прямой...

---

[1] Торакальный — госпиталь грудной хирургии.

Глаза голубые... Волосы светлые... Уши... овальные... с выпуклым противокозелком... Шея — мускулистая... средняя... Плечи прямые... чуть вислые... Все прямое, все среднее... Невесело!..

Особенности... Говорит с южнорусским акцентом... И, пожалуй... кривоватые ноги... Южнорусский говор!.. Быстрее!..

Коновалов?.. У Коновалова утиный нос... Головатенко?.. Татуировка на кисти левой руки... Яковлев Иван?.. Короткая верхняя губа... Мазанов?.. Пойман!.. Степанов?.. Высокий, худой, с выступающим кадыком... Шимко?.. Брюнет!.. Федулов?.. Брови извилистые, широкие, заметно косит... Елисеев?.. Иваницкий?.. Сердюк?.. Нетребин?.. Гуляев?.. Орлов Василий?.. Терентьев?.. Лисецкий?.. Поминов?..

Удостоверение личности... Конфигурация... Фактура обложки... Наименование... Шрифт... Звездочка... Реквизит содержания... Филиппенко?.. Прямые брови и карие глаза... Особые знаки... удостоверительные... Шрифты текста... Звездочка... Серия... номер... Фотокарточка... Голова... лоб... переносица... подбородок... соответствуют... Совсем молодой... Печать гербовая... Оттиски, совмещаются... Начальник Ташкентского Краснознаменного пехотного училища... Генерал-майор... Антипин... Подпись... натуральна... Дата... Чернила... Мастика... Фактура бумаги... плотность...

Предъявитель сего... Васин... Васин?! Тот постарше... Михаил Сергеевич... состоит на действительной военной службе... Бразуль?.. Ромбовидное лицо и картавость... Присвоение воинских званий... Лейтенант... Приказ САВО... Номер... сто девять... от семнадцатого июля... сорок четвертого года... Свежеиспеченный... И обмундирование поновее... Печать гербовая... Фомин?.. Ниже ростом, плечи приподнятые... Подпись... натуральна... Начальник училища... Генерал-майор... Чернила... Мастика... Барыльников?.. Скошенный лоб и оттопыренные уши... Служебное положение... Не назначался... Скрепка... Награды и особые права... Родился... двадцать третьего года... А тот, Васин?.. девятьсот одиннадцатого... Уроженец Москвы... А тот?.. Вологодский... Состав семьи... Мать Васина Зинаида Петровна... В эвакуации... Казань... Призван Сокольническим райвоенкоматом... в сентябре сорок первого... Разрешено ношение оружия...

Калмыков?.. Сутуловатый, с двумя оспинами вправо от носа... Личная подпись... натуральна... Печать гербовая... Подпись командира части... Начальник училища... Генерал-майор... натуральна... Предыдущей... соответствует... Чернила... Мастика...

Хорошо они держатся... Или это свои, или у них много раз проверяли документы и они уверены в полной надежности... Вэ-чэ 72510... 72510?.. Быстрее!..

Южнорусский говор... Чугунов?.. Серые глаза, подбородок узкий... Алтунин?.. Пойман!.. Степанюк?.. Выше ростом, плечи горизонтальные... Попов?.. Нос большой, с горбинкой... Федулов?.. Был!.. Базилевский?.. Рыбников?.. Демкин?.. Махов?.. Якубин?.. Козырев?.. Проценко?.. Дроздовский?..

Определенно кривоватые ноги... Качай!.. Когда и как они попали в лес?.. Неужели их просмотрели на опушке?.. Или они приехали ещё до рассвета?.. Скорее второе... Но тогда... Не факт!.. Что же они делают в лесу?..

Южнорусский говор и слегка кривые ноги!.. Думай!.. Думай быстрее и не молчи!..

81. ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Весьма срочно!

Колыбанову

На № . . . . от 19.08.44 г.

Подготовка мероприятий, проведение которых намечено параллельно с войсковой операцией в Шиловичском лесу, осуществляется самым активным образом и может быть завершена:

а) по варианту «Западня» к 17.30;

б) по варианту «Большой слон» к 21.00;

в) по варианту «Прибалтийское танго» не ранее 0.30 20 августа.

Егоров».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Весьма срочно!

Егорову

Спецсообщение

Сегодня, 19 августа, в 11.35 двое неизвестных в офицерской авиационной форме, проникшие на гродненский

военный аэродром, захватили подготовленный к учебно-тренировочным полетам истребитель спарку УТИ «ЛА-5». При этом ими был убит техник-лейтенант Алиев, пытавшийся предотвратить захват.

Несмотря на меры, предпринятые тремя шоферами 904-го БАО, выгнавшими свои бензозаправщики на летное поле, и стрельбу по самолету из пистолетов и карабинов, неизвестным удалось поднять машину в воздух и взять курс на северо-запад. Открытый с опозданием зенитно-пулеметный огонь результата не дал.

Согласно команде, переданной по радио, звено истребителей, находившееся в воздухе восточнее Сувалок, перехватило угнанный самолет и пулеметными трассами сбоку предложило ему изменить курс для возвращения на аэродром. Ввиду отказа подчиниться открытым после этого огнем на поражение спарка была подбита, загорелась и, потеряв высоту, врезалась в лес западнее Кросна, в 12—14 км от линии фронта.

В район падения самолета направлены поисковые группы, в составе которых офицеры контрразведки и авиационные специалисты.

Дежурный по аэродрому капитан Рудаков и комендант старший лейтенант Мякишев командованием от занимаемых должностей отстранены. Со всем личным составом частей, дислоцированных на гродненском аэродроме и других аэродромах 1-й и 4-й воздушных армий, проводятся беседы о необходимости постоянной ужесточенной бдительности. Охрана аэродромов по периметру увеличена вдвое, выход на летное поле строжайше контролируется, на местах стоянки самолетов и ко всем капонирам выставлены усиленные наряды, вооруженные автоматами и ручными пулеметами для круглосуточного охранения.

Нами и параллельно командованием проводится тщательное расследование. Выяснилось, что неизвестные, захватившие самолет, проникли на аэродром еще вчера вечером, предъявив на КПП форменные офицерские удостоверения личности и направление из отдела кадров 1-й воздушной армии, оказавшееся, как установлено произведенной проверкой, поддельным.

Как явствует из показаний сержанта Павлова, проверявшего на КПП документы у неизвестных, они по некоторым признакам словесного портрета имеют сходство с

проходящими по чрезвычайному розыску агентами, причем один из них, говорящий с заметным украинским акцентом, предъявлял удостоверение личности на фамилию Панченко или Пащенко. Таким образом, есть основания полагать, что лица, захватившие самолет, являются разыскиваемыми по делу «Неман» агентами, которые после выполнения задания абвера попытались вернуться в Германию.

Подробное сообщение о захвате и угоне спарки УТИ будет вам направлено в порядке, установленном для донесений о ЧП, незамедлительно.

Красноглядов».

82. ПРОВЕРКА

— А еще какие-нибудь документы у вас есть? — спросил Алехин.

— А этих что, недостаточно? — удивился старший, с погонами капитана.

— В городе бы достаточно, а тут... не совсем... Маловато!.. Тут, знаете, по лесам банд полно и дезертиры ходют...

— Вы что же, нас считаете дезертирами или даже бандитами? — с заметной обидой и в то же время улыбаясь при мысли о столь нелепом предположении, осведомился капитан.

— Никак нет...— засмущался Алехин.— Просто, знаете, как говорится, семь раз проверь, а потом поверь!.. Бдительностью дело не испортишь!

— Понятно! — сказал капитан.— Извините, но вы нас проверяете, а кто вы сами, я, например, не знаю.

— Мы тоже из комендатуры,— говоря о себе во множественном числе и простодушно улыбаясь, сообщил Алехин.— Дежурный помощник... А также секретарь парторганизации,— со значением добавил он и сделался серьезным.— Вот, пожалуйста...

При этом он достал из нагрудного кармана гимнастерки свое комендантское удостоверение, которым ему разрешалась проверка всех военнослужащих, а также гражданских лиц в полосе фронта, и вручил его капитану. Тот, развернув листок, рассматривал внимательно с полминуты, затем, возвратив, вынул из кармана брюк потертый кожаный бумажник и, раскрыв его, осведомился:

— Что вас интересует?.. Расчетная книжка... вещевая... продовольственный аттестат... партийный билет... наградные удостоверения...

— Давайте...— не отвечая по существу, сказал Алехин и, как бы оправдываясь за свой вынужденный интерес к документам проверяемых, пояснил: — Закон порядка требует... Служба есть служба!

Он взял вынутые капитаном из бумажника документы и, наморща лоб, принялся их читать, сразу передав часть Аникушину.

Он намеренно отрекомендовался секретарем парторганизации, чтобы иметь бóльшие основания в случае предъявления посмотреть партийные билеты и как бы невзначай мотивировать свою активность, поскольку Аникушин после ознакомления с основными документами проверяемых, несмотря на договоренность, вел себя пассивнее, чем ему надлежало, и Алехину уже пришлось действовать за него.

Впрочем, сейчас помощник коменданта добросовестно и скоро просмотрел переданные ему документы и возвратил их Алехину. Тот, в свою очередь, протянул ему расчетную книжку капитана, которую Аникушин взял уже без желания, так, по необходимости; проверка продолжалась.

Обнаружив под партийным билетом сложенный вдвое затасканный конверт, Алехин развернул его и, увидев, что это письмо, возвращая капитану, строго сказал:

— Возьмите... Нам не положено...

Ознакомясь позже с аттестатом, он справился у капитана:

— А дополнительный паек вы где получали?

— У себя, в части.

— А табачное довольствие?

— Я?.. Еще в госпитале.

— В Лиде?

— Нет, в Вязьме,— спокойно сказал капитан.— Нас... выздоравливающих офицеров, в Лиду не перевозили, выписывали прямо в Вязьме...

— А у вас, эта... какие еще документы есть? — обратился Алехин к двум другим офицерам.

Старший лейтенант, не вымолвив и слова, неторопливо расстегнул нагрудный карман гимнастерки, достал свои документы и протянул их Алехину. То же самое

вслед за ним сделал и лейтенант. Документы последнего Алехин тут же передал Аникушину; тот молча взял, но оказавшийся сверху комсомольский билет лейтенанта, даже не раскрыв, тотчас возвратил Алехину.

Развернув сложенный вчетверо белый листок — справку о ранении,— Алехин, улыбаясь, заметил старшему лейтенанту:

— А мы с вами, как говорится, эта... земляки... В одном госпитале лежали... Я ведь там тоже... около месяца... по болезни...

Он снова посмотрел на справку и, чуть помедля, доверительно сообщил:

— У меня там в госпитале женщина была... Повариха!.. Красивая и гладкая, одно слово — краля! И солидная, как генеральша! Во!..— Он широко развел руками на уровне бедер, показывая «солидность» поварихи, и лицо его сделалось мечтательно-довольным.— Достойная женщина!.. Может, знаете, Лизавета, младший сержант?

— Нет, не знаю,— после некоторой, пожалуй, излишне затянутой паузы угрюмо сказал старший лейтенант.— Я поварихами не интересовался!

— Оно так... оно верно...— понимающе вздохнул Алехин и опять уставился в документы.

Дойдя немного погодя до комсомольского билета, он с улыбкой спросил лейтенанта:

— А подполковнику Васину из штаба фронта вы, случаем, эта... не родственник?

— Нет,— проговорил лейтенант и слегка покраснел.

— А крепко на него машете! Я так подумал: может, он вам брат или, значит, дядя! Он ведь тоже — Сергеевич! Отличный мужик!.. А голова, знаете, прямо как у генерала! Мы с ним в Смоленске не раз сиживали,— похвастал Алехин, выразительно щелкнув себя пальцем по шее.— Он меня, как встретит, всегда спрашивает: «Ну как дела, комендатура?..» А я ему: «Пока живой!» А он мне, понимаете, обязательно: «Да что тебе поделается? Вас, тыловых крыс, из пушки не прошибешь!..» Шутник!

Алехин от души рассмеялся, потом, словно вспомнив о своих служебных обязанностях, сделался серьезным и, шморгнув носом, снова принялся смотреть документы.

83. АЛЕХИН

Чего же он молчит?.. Он что, забыл?.. Спроси сам!.. Спокойнее... Играй!.. Попроще... Фиксируй лица!.. Так... Вазомоторами не пахнет... Проверки они не боятся... Что же, естественный вопрос... Представься... Хорошее у него лицо... Документов у них достаточно... Кто же они?.. И что делают в лесу?.. Шевели губами...

Расчетная книжка начальствующего состава... Фактура обложки... Конфигурация... Шрифты наименования... Реквизит содержания... Шрифты текста... Серия... Номер... Достоверны... Елатомцев Алексей Павлович... Капитан... Выслуга лет на должностях начальствующего состава... Наименование должности... Штатно-должностной оклад... Надбавка за выслугу лет... Выданы аттестаты... На семью... Личная подпись... натуральна... Командир части... Подполковник... натуральна... Начфинчасти... Старший лейтенант... натуральна... Печать гербовая... Дата... Чернила... Мастика... Фактура бумаги... плотность... Дахно?.. Толстые, выворотные губы... Отметки о произведенной выплате... Месяцы... Удержания... За заем... По аттестату... Выплата полевых денег... По месяцам... Январь... Февраль... Март... Апрель... Май... Июнь... Июль... Отметки о перемещении военнослужащего и об изменениях... Наименование части... Штатно-должностной оклад... Удержания по аттестату... на семью... Начфинчасти... Старший лейтенант... Подпись натуральна... Предыдущей... соответствует... Печать гербовая... Чернила... Мастика... Данные об аттестатах на семью... Жена Елатомцева Надежда Ивановна... Майкоп... Отметки о начетах и удержаниях... Скрепка... Разные отметки... Контрольные талоны... Август... Сентябрь... Водяные знаки... Ажур!

Воинская часть 72510... Что-то очень знакомое... 72510?.. Южнорусский говор и кривоватые, как у кавалеристов, ноги... Быстрее!..

Майданников?.. Черные глаза... Денисенко?.. Выраженная асимметрия лица... Нечаев?.. Брюнет... Белов?.. Нос большой, толстый, с опущенным основанием... Ревякин?.. Доманов?.. Фесенко?.. Горбач?.. Никитин?..

Партийный билет... Фактура обложки... Конфигурация... Цвет... Тиснение... Пролетарии всех стран, соеди-

няйтесь... Всесоюзная Коммунистическая партия большевиков... Секция Коммунистического Интернационала... Реквизит содержания... Шрифты текста... Удостоверительные знаки... Фотокарточка... Голова... нос... губы... подбородок... соответствуют... Печать... Оттиски... совмещаются... Начальник политотдела... Подпись... натуральна... Спецчернила... Мастика... Фактура бумаги... плотность... Водяные знаки... Защитные приспособления... Текст... Елатомцев... Алексей Павлович... Время вступления в партию... Октябрь сорок второго... Достойно... Наименование организации, выдавшей билет... Политотдел 257-й стрелковой дивизии... Личная подпись... натуральна... Уплата членских взносов... Должностной оклад... Подпись секретаря... Октябрь... Ноябрь... Взводный... Декабрь... повышение... Стал командиром роты?.. Суммы взносов... соответствуют... Штампы... Подписи... Сорок третий год... Должностной оклад... Членский взнос... Январь... Февраль... Март... Апрель... Май... Июнь... Июль... Август... С августа другой штамп и другая подпись... Убыл в госпиталь?.. В другую часть?.. Сентябрь... Октябрь... Ноябрь... Опять изменение... Очевидно, был в госпитале... Но в свою часть уже не попал... Достоверно?.. Вполне... Декабрь... Суммы взносов... соответствуют... Штампы... Подписи... Сорок четвертый... Январь... Увеличение оклада... получил повышение... До января был ротным... Достоверно?.. Вполне... Данным удостоверения личности... соответствует... Февраль... Март... Апрель... С мая изменение... Май, июнь, июль... в госпитале... Август — еще не уплачен... Штампы... Подписи... Скрепка... Ажур!..

Воинская часть 72510... 72510... Явно прищуривает глаза... Хорошо они держатся... Кто же они — действительно свои офицеры или мнимые?..

72510... Это — фронтовой ОПРОС!..[1] Новая Вильна... Там десять километров от Вильнюса, а отметка комендатуры только через двое суток?! Могли сразу не отметиться... Или были в «прилегающих районах»...

Вещевая книжка командира Красной Армии... Фактура обложки... Конфигурация... Шрифты наименования... Реквизит содержания... Знаки удостоверительные...

---

[1] ОПРОС — отдельный полк резерва офицерского состава.

Шрифты текста... Печать гербовая... Начальник обозно-вещевого снабжения... капитан... подпись... натуральна... Чернила... Мастика... Фактура бумаги... плотность... Текст... Управление 257-й стрелковой дивизии... Елатомцев... Алексей... Павлович... лейтенант... октябрь сорок второго... соответствует... Личная подпись владельца... натуральна... Вещевое имущество... Наименование... Время выдачи... Количество... Время списания... Пилотка суконная... Пилотка хэбэ... Фуражка... Шапка-ушанка... Шинель... Гимнастерка хэбэ... Время выдачи... Время списания... Сроки носки... соответствуют... Шандыбин?.. Подбородок с ямкой, родинка у правого уха... Гимнастерка суконная... Шаровары хэбэ... Шаровары суконные... Рубаха нательная... Кальсоны нательные... Портянки летние... Полотенце хэбэ... Время списания... Сроки... соответствуют... Сапоги яловые... Жилет меховой... Шаровары ватные... Рубаха теплая нижняя... Кальсоны теплые... Перчатки зимние... Рукавицы меховые... Портянки зимние байковые... Портянки суконные... Полушубок... Валенки... Время сдачи... В госпиталь он попал в апреле... Соответствует... Ремень поясной... Ремень брючный... Кобура... Сумка полевая... Вещмешок... Компас... Бинокль... Размеры... Рост — третий... Шинель... пятьдесят второй... Шапка — пятьдесят восьмой... Сапоги — сорок первый... Морозов?.. Лицо узкое, лоб выступающий... Типография «Красный пролетарий»... Москва... Заказ... 155... Ажур!

Глаза с прищуром... Журавлев Егор?.. Кончик носа вздернут... Лукомский?.. Нижняя губа отвислая... Стрельчук?.. Пойман!.. Бизяев?.. Кареглазый, брови дуговые... Шинкаренко?.. Верховский?.. Манохин?..

Временное удостоверение... номер... Конфигурация... Реквизит содержания... Шрифты текста... Особые знаки... удостоверительные... Печать гербовая... Подписи... натуральны... Чернила... Мастика... Фактура бумаги... плотность... Текст... Лейтенант Елатомцев Алексей Павлович... Приказом войскам Калининского фронта № 0306 от двадцать восьмого августа сорок второго года... За образцовое выполнение боевых заданий командования... на фронте борьбы с немецкими захватчиками... награжден орденом Красное Знамя... Орден за № 34781... Начальник штаба 257-й стрелковой дивизии... подполковник... Военком штаба дивизии... Батальонный комиссар...

Пятое сентября сорок второго... Номер ордена... периоду выдачи... соответствует... Ажур!..

Глаза с прищуром! Быстрее!.. Кошевой?.. Глаза карие, бородавка... на левой щеке... Алексеев?.. Сросшиеся брови, противокозелок вогнутый... Скаба?.. Пойман!.. Игнатов Василий?.. Брюнет!.. Ревякин?.. Бойчевский?.. Лысенко?.. Гурьянов Денис?.. Полынин?.. Мищенко?..

Мищенко?!! Южнорусский говор... кривоватые, как у кавалеристов, ноги... глаза с прищуром... Неужели Мищенко?! Словесный портрет... пожалуй... Но тот, наверно, все же внушительней... Мищенко — девятьсот пятого... Ему тридцать девять... А этому?.. тридцать пять?.. Сорок?.. Неужели Мищенко?! Быстрее!!!

84. ТАМАНЦЕВ

Я следил за двумя своими подопечными, поглядывал и на лейтенанта, но ничего представляющего интерес уловить не смог.

Все трое держались естественно, невозмутимо, держались как свои, как люди, которым нечего бояться и только разве жаль тратить время на эту никчемную проверку.

Поглядывал я и на Пашу и не мог мысленно ему не аплодировать. В такие минуты особенно ощущаешь, что ты перед ним мальчишка, щенок, и не более. В такие минуты отчетливо осознаешь, что ты перед ним всего лишь скорохват, но не больше.

Надо было видеть его простодушное лицо и доверчиво-непонятливый взгляд, когда он задавал вопросы или же то просил и брал, то вдруг внезапно совал им назад документы, и снова брал, и опять возвращал. Последнее делалось для того, чтобы выявить, нет ли среди них левши, причем исполнялось Пашей с виртуозной натуральностью, но этим троим и помощнику коменданта он наверняка казался недоумком, если и не полным дураком, то, несомненно, дубоватым и упрямым деревенским простофилей.

Я сжал зубы, чтобы не фыркнуть от смеха, когда он доверчиво сообщил проверяемым о своей «полюбовнице», поварихе госпиталя, и показал, какой у нее зад.

И тут старший лейтенант ответил с очевидным промедлением, хотя вопрос был простенький и вообще-то раненый, лежавший в госпитале, может и не знать там всю обслугу и всех поварих — это тебе не медсанбат.

Я не мог себе представить, как Паша оценил эту несомненную задержку в совокупности со всеми другими фактами, только знал по опыту: на таких вот безобидных вроде бы вопросиках вражеские агенты сыплются чаще, чем на документах. Потому что в рамках легенды они заучивают и запоминают сведения о командном составе частей и соединений, в которых якобы служат, о начальстве госпиталей, где якобы лежали, запоминают внешность и даже особенности характера старших офицеров и генералов, а вот запомнить всевозможных рядовых, различных писарей и поваров или госпитальных нянюшек и медсестер практически невозможно. И что тут ответить с ходу, когда тебя спрашивают?.. Сказать: «Знаю», а вдруг это вопрос-ловушка и никакой поварихи Лизаветы там нет? Сказать: «Не знаю», а если это опять же ловушка и Лизавета — местная знаменитость и не знать ее просто невозможно?

Я от души радовался и забавлялся, наблюдая, как великолепно он придуривается. Конечно, так бутафорить, так играть сумел бы, наверное, каждый хороший актер-профессионал, но дай ему ту нагрузку на извилины, какая была сейчас у Паши, дай ему все Пашины обязанности в эти минуты и задачи, и от его игры — будь он хоть Шаляпин! — остались бы одни воспоминания.

По говору бритоголового я определил — земляк, южанин. Откуда-нибудь с Северного Кавказа, из Ростова или с Кубани, может, даже, как и я,— из Новороссийска. Славная у него была физиономия, и вообще он мне нравился. Крепкий, сбитый, что называется, ядреный, и держался он достойно, несуетливо.

На всякий случай я их уже прокачал, прикинул для всего, что могло последовать. По силе и он и амбал мне, наверно, не уступали, в бегу же я их достал бы без труда и в остальном тоже, наверно, превосходил.

И тут я вспомнил, что точно так же на рассвете каких-нибудь двенадцать часов назад прикидывал Павловского и что затем произошло, и от стыда мне сделалось жарко. Вот уж действительно — не говори гоп, не перепрыгнув!

А «перепрыгнуть»— в данном случае поймать разыскиваемых — мечталось очень многим.

Дела, взятые на контроль Ставкой, бывают не каждый месяц и не каждое полугодие. Я знал, что к розыску и проверке привлечены тысячи людей, задействованы многие сотни оперативных групп, и хорошо представлял, что сейчас творится в полосе двух фронтов от передовой и на всю глубину оперативных тылов. Предельный режим: хватай мешки — вокзал отходит![1]

Безусловно, каждый из этих тысяч мечтал только об одном: поймать!.. Любыми усилиями, любой ценой! Но я верил в Эн Фэ и не сомневался, что мы окажемся на острие розыска и шансы у нашей группы будут наверняка преимущественные.

Впрочем, шансы шансами — это еще не результат, а вот результатом как раз здесь пока что и не пахло.

Я не знал, что там у них в документах, я фиксировал лица, а они были такие спокойные, уверенные — ни игры вазомоторов, ни малейших нервных реакций,— что у меня уже портилось настроение. Вообще-то при обнюхивании агентуры органолептика редко что-нибудь дает, но когда у проверяемых такие лица, то, как правило, на девяносто пять процентов можешь быть уверен — пустышку тянешь!..

С документами Паша заканчивал, но никаких условных сигналов не подавал. Глаз у него цепкий, наметанный, и если бы там обнаружились какие-либо накладки или несоответствия, он бы не упустил и немедля прозвучало бы: «Не могу понять...» («Внимание!»). Однако все документы, очевидно, были без единого изъяна, и я с нетерпением ожидал последующего: как эти трое станут реагировать на досмотр их личных вещей?..

---

[1] Предельный режим (или «держать предел») — проведение в оперативных тылах активных розыскных и самых ужесточенных контрольно-проверочных и заградительных режимных мероприятий по максимальному варианту. Предельный режим практически обязателен при чрезвычайном розыске, когда к его осуществлению привлекаются, кроме военной контрразведки, территориальные органы войска по охране тыла фронта, комендатуры, армейские подразделения, а также личный состав истребительных батальонов и службы ВАД. В напряженной обстановке предельного режима неизбежны нервозность и ошибочные задержания (по сходству, из-за стечения подозрительных обстоятельств и т. п.), отчего розыскники относятся к нему весьма неодобрительно.

85. ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Срочно!

Егорову

В представленных вами донесениях не подтверждено прибытие 19 служебно-розыскных собак с проводниками, отправленных специальным самолетом из Ленинграда в Вильнюс.

Проверьте и немедленно доложите.

Колыбанов».

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Весьма срочно!

Шаповалову

Задержанных вами по делу «Неман» ошибочно сотрудников НКГБ Белоруссии капитанов Борисенко и Новожилова, выполняющих под видом находящихся в командировке офицеров Красной Армии специальное особой важности задание командования по радиоигре, немедленно освободите и в случае надобности обеспечьте автомашиной или любой другой помощью.

Армейское командировочное предписание Борисенко и Новожилова, в котором датой выдачи указано 3 августа, оформлялось в воинской части 62035 27 июля, то есть до введения в действие нового условного секретного знака.

Поляков».

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Весьма срочно!

Егорову

Сообщаю, что оперативный состав и маневренная группа, посланные в район Рудницкой пущи для прочесывания и обыска указанной Вами территории, в 13.06 наткнулась на банду численностью свыше двухсот человек предположительно аковцев, вооруженных, кроме винтовок и автоматов, шестью станковыми пулеметами МГ и немецкими ротными минометами.

В результате боестолкновения имеются убитые и раненые с обеих сторон. Наши потери 29 человек, в числе погибших представитель ГУКР «Смерш» капитан Затуловский и командир маневренной группы войск по охране тыла фронта подполковник Комаров.

Нами немедленно были затребованы и на автомашинах переброшены к Рудницкой пуще поддержки из частей Красной Армии, и к 15.20 район боестолкновения надежно блокирован. В настоящий момент расположение бандгруппы, занявшей круговую оборону, подвергается интенсивному пулеметно-минометному обстрелу. В течение ближайшего часа, как только сопротивление противника будет подавлено, сейчас же приступим к выполнению Вашего распоряжения о прочесывании и обыске указанной Вами территории.

О результатах донесу незамедлительно.

Куликов».

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Весьма срочно!

Григорьеву

Задержанных вами Самохина и Кривцова, имеющих несомненное сходство с фигурантами чрезвычайного розыска, необходимо срочно доставить в Лиду.

Немедленно препроводите обоих под надежной охраной на аэродром подскока № 6 северо-западнее Поречья, где в ближайшие полчаса совершит посадку высланный нами «Дуглас» (бортовой —51).

Поляков».

86. ПОМОЩНИК КОМЕНДАНТА

Выходя с Алехиным из-за деревьев навстречу троим неизвестным, он был настроен самым серьезным образом и сосредоточенно повторял про себя свои предстоящие действия и обязанности.

Всей первой половиной дня, тремя инструктажами и увиденным на аэродроме он был подготовлен к чему-то важному, ответственному, чрезвычайному. А все оказалось заурядным и обыденным.

Если объективно документы у проверяемых были в полном порядке, то лично для него, Аникушина, при про-

верке, по стечению обстоятельств, обнаружились немаловажные весьма убедительные факты:

командировочное предписание, помимо особых знаков и секретного (точки вместо запятой),— о чем только вчера сообщил гарнизонный особист — имело также на обороте столь знакомые фиолетовые отметки с печатями Вильнюсской и Лидской комендатур и его, капитана Аникушина, собственноручную подпись; если даже допустить, что он мог ошибиться и что-либо просмотреть, то Вильнюсская комендатура в приказах ставилась в пример другим отменным качеством проверки документов, бдительностью личного состава и большим количеством задержаний — уж там бы не оплошали;

справка о ранении, случайно оказавшаяся в офицерском удостоверении у Елатомцева, была выдана тем самым эвакогоспиталем, в котором он, Аникушин, весною лежал. Госпиталь тогда находился в Вязьме, впоследствии его передислоцировали за наступающим фронтом в Лиду, туда же перевезли и выздоравливающих раненых, подлежащих скорому возвращению в строй, так что все указанное в документе полностью соответствовало действительным обстоятельствам.

Аникушин выписался в середине июня, а Елатомцев спустя полтора месяца, лежали они в разных отделениях, но в справках о ранении у них красовались совершенно одинаковые, весьма характерные, с замысловато-неповторимым росчерком подписи начальника госпиталя подполковника медслужбы Кудинова.

По стечению обстоятельств и ранения у них были довольно сходные: у обоих проникающие правой половины грудной клетки, у обоих с травматическим пневмотораксом, только у Елатомцева — осколочное, в Аникушина же попала автоматная очередь, причем одна из четырех пуль застряла в верхушке легкого, извлечь ее не смогли или из-за близости подключичной артерии не решились, этот злополучный кусочек металла и обусловливал ограничение годности.

То, что Аникушин не знал Елатомцева в лицо, было неудивительно: всего в четырех отделениях находилось до тысячи человек, к тому же третья хирургия располагалась отдельно, в другом здании.

А вот названного Елатомцевым начальника третьего хирургического отделения майора Лозовского Аникушин

знал. Лозовский был известный ленинградский хирург и заядлый меломан, напевавший, как говорили, даже во время операций.

Чуть ли не каждый вечер после ужина он устраивал в столовой своего отделения час классической музыки: приносил для проигрывания пластинки из своей коллекции, в том числе и с ариями из опер в исполнении Шаляпина, Собинова и других знаменитых певцов.

Аникушин, как только ему разрешили вставать, приходил туда непременно; он помнил, как Лозовский, полноватый, с залысинами и бородкой клинышком брюнет, садился где-нибудь в углу и, слушая музыку, покачивал в такт головой.

Конечно, упоминание фамилии Лозовского и такая памятная характерная роспись начальника госпиталя, детали, столь убедительные для Аникушина, Алехину ничего не говорили, да и не могли, наверно, сказать. Во время проверки документов Аникушин увидел особиста как бы заново: недалекого, постыдно медленно соображавшего, читавшего про себя по складам и не умевшего даже скрыть своей бестолковости. Он то брал документ, то вдруг, не проверив, возвращал (дважды не тому, у кого взял!), погодя, словно что-то вспомнив, опять брал и опять возвращал. Повторяемые им на каждом шагу «знаете», «понимаете», «так», «эта», «значит» подчеркивали скудость его речи и неповоротливость тугого мышления: пока он с трудом осилил один документ, Аникушин самым внимательным образом просмотрел целых три.

То, что до проверки он не казался столь примитивным, объяснялось просто. По дороге от опушки и здесь, на поляне, он в основном инструктировал, наставлял, то есть повторял привычные штампованные фразы, говорил то, что ему уже приходилось высказывать, должно быть, десятки, если не больше, раз. К тому же Аникушин, занятый своим — Леночкой и предстоящим вечером,— слушал его по необходимости, только в рамках уяснения своих обязанностей на сегодняшний день и, разумеется, не анализировал его речь.

Теперь же приходилось думать, оценивать, и потому вся мыслительная убогость Алехина сразу стала очевидна. Вылезло наружу и его нелепое упрямство. Аникушин

знал, что такие люди никогда не признаются в своих ошибках и в несостоятельности своих подозрений.

Второстепенные документы — вещевые и расчетные книжки, продовольственные аттестаты, проездные литера и различные справки — как в комендатуре, так и при патрульной проверке тоже спрашивали, но только в тех случаях, когда основные документы вызывали какие-либо сомнения.

Здесь же удостоверения личности и командировочное предписание были безукоризненными, и требовать предъявления других документов не имелось, по разумению Аникушина, никаких оснований, потому он и не стал это делать и был рад, что Алехин обошелся без него.

Спрашивать же партийные документы по комендантским установлениям вообще не рекомендовалось, делалось это в исключительных случаях, при наличии веских оснований, и Аникушин к партийному билету даже не прикоснулся. Когда же Алехин, не моргнув и глазом, раскрыл его и принялся проверять, Аникушин, скосив на секунды взгляд, отметил немаловажное обстоятельство: Елатомцев вступил в партию в октябре сорок второго года, в самое, наверно, тяжкое для страны время.

И такого офицера, заслуженного фронтовика, в прямом смысле слова грудью защищавшего Отечество, участника обороны Москвы, самого дорогого Аникушину города, Алехин мог по-прежнему в чем-то подозревать и, очевидно, намеревался еще и обыскивать — с каждой минутой в Аникушине нарастало несогласие с действиями особиста и желание или потребность как-то высказать свое неодобрение, свое сугубо отрицательное отношение к происходящему.

Отец неоднократно говорил ему и погибшему младшему брату, что каждый отвечает прежде всего перед самим собой и потому сам себе главный судья. Отец учил, что в сложных, требующих самостоятельного решения ситуациях советский человек должен поступать так, как ему подсказывает его совесть и его убеждения.

Этому наказу на войне Аникушин следовал неукоснительно и во всех случаях в конечном итоге оказывался прав.

Самый впечатляющий пример правильности и мудрости отцовского наставления он получил два года назад,

в тяжелую пору, когда армия, потерявшая в непрерывных боях более половины личного состава, ожесточенно сопротивляясь и отстаивая до последнего каждую позицию, отходила к Волге.

Немцам удалось разрезать их дивизию на несколько частей, и он, Аникушин, с остатками батальона очутился в группе из полутора сотен бойцов, окруженной со всех сторон на пересечении двух степных шоссейных дорог.

Он оказался вторым по занимаемой должности и званию командиром и вместе с капитаном из соседнего полка, бывалым фронтовиком, имевшим за первый год войны, когда наградами никого не баловали, два ордена Красного Знамени, поспешно организовывал круговую оборону.

Несмотря на ранения в голову и плечо, капитан был энергичен, блестяще ориентировался и командовал в боевой обстановке, его смелости и хладнокровия хватило бы на десяток фронтовиков. После нескольких часов совместных действий Аникушин буквально влюбился в него и благодарил судьбу, что в трудный час она свела его с таким человеком.

Они поклялись друг другу, что не отступят, не уйдут отсюда живыми; бойцы окапывались, сознавая, что для большинства из них это последний в жизни рубеж, отрывали траншеи полного профиля, когда вечером по радио был получен совершенно неожиданный приказ: всем частям дивизии оставить технику и боеприпасы, которые невозможно взять с собой, и форсированным маршем, не ввязываясь в бои (чтобы сохранить личный состав), немедленно отходить на восток, к Волге.

Кажется, все было ясно и не требовало размышлений, но Аникушин после недолгого раздумья заявил капитану, что без письменного приказа с печатью и подписями командира дивизии и начальника штаба ни он, ни люди из его полка отсюда не уйдут.

Капитан пытался его переубедить, называл формалистом, обвинял, что бумажка для него важнее сохранения жизни сотни человек и что за такое неподчинение приказу его могут расстрелять. Сидя в пыли на дне кювета и стараясь не кричать, чтобы не услышали бойцы, они спорили до хрипоты, но каждый остался при своем мнении. И после полуночи капитан собрал своих

людей, проинструктировал и под покровом темноты сделал то, что казалось Аникушину невозможным,— скрытно, без единого выстрела провел полсотни человек мимо немцев.

Аникушин же со своими остался и спустя несколько часов выдержал страшнейшую атаку превосходящих сил немцев. Перед тем, чтобы избежать кривотолков, он сообщил бойцам, что ушедшие с капитаном отправились выполнять чрезвычайно ответственное и опасное задание командования.

Выросший в семье кадрового военного и знавший еще до армии, что «приказ начальника — закон для подчиненного» и что все распоряжения должны быть выполнены «беспрекословно, точно и в срок», чем он руководствовался в своем упорстве, в своих самовольных, по сути, действиях?.. Прежде всего здравым смыслом: пониманием значения перекрестка двух важнейших дорог для наступления немецких войск — стремлением не пропустить врага в глубь страны. Впрочем, поступившая из штаба дивизии команда находилась в противоречии не только с его убеждениями. Она противоречила также известному, основополагающему в тот трудный период приказу Наркома Обороны № 227, с которым незадолго перед тем Аникушина, как и всех других командиров, ознакомили дважды: в строю и дополнительно в штабном блиндаже — под расписку. Отдельные фразы из этого подписанного Сталиным исторического документа он помнил наизусть: «...до последней капли крови защищать каждую позицию... цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности...»

Приказ № 227, содержание которого можно было выразить весьма лаконично: «Ни шагу назад!» или «Стоять насмерть!»— запрещал фактически любое отступление, что всецело соответствовало убеждениям Аникушина, и в споре с капитаном, дважды краснознаменцем, он более всего упирал на это основоположение. Однако тот в ответ резонно говорил, что в армии надлежит выполнять последний конкретный приказ, даже если он противоречит всем предыдущим, и что их дело не рассуждать, за них думает начальство, а они всего лишь исполнители.

То, что Аникушин настаивал на получении из диви-

зии официального документа, с двумя подписями и печатью, было с его стороны, в условиях полного окружения, не более чем предлогом — он знал, что сделать это невозможно. Он не был ни бюрократом, ни формалистом, но и сам способ передачи совершенно секретного приказания об отступлении — открытым текстом по радио — вызвал у него несогласие и сомнения, на что капитан разумно и вполне обоснованно заметил, что при окружении превосходящими силами противника шифры положено немедленно уничтожать, в штабе это обстоятельство учли и все предусмотрели.

Тогда, в быстротечные минуты принятия Аникушиным столь ответственного решения, он менее всего думал о себе и своей судьбе, а размышлял о том, что целесообразней и полезней в их положении для Отечества. Отступление без боя с оставлением или уничтожением части вооружения и боеприпасов представлялось ему дикой глупостью, если даже не преступлением — он не мог понять, как в дивизии до такой нелепости додумались. Отойти форсированным маршем к Волге — для чего?.. Чтобы занять оборону в сотне километров восточнее, а потом отвоевывать эту же территорию назад? Какой мог быть в этом смысл? Никакого!.. Другое дело, если они останутся и пусть ценой своей жизни, но хоть на время приостановят продвижение врага — только это в данных критических обстоятельствах могло быть, по разумению Аникушина, истинным выполнением их воинского долга.

С неполной сотней бойцов, двумя минометами и пушчонкой с разбитым прицелом он удерживал пересечение более суток, пока на помощь к ним и на смену не прорвалась гвардейская механизированная бригада.

Как выяснилось впоследствии, приказание об отступлении было передано по радио помощником начальника оперативного отделения штаба дивизии, захваченным в плен немцами и склоненным ими к измене. Его голос знали радисты в полках, и потому сфальсифицированное лжеприказание тремя группами из пяти было без промедления выполнено. В результате на двух небольших участках обнажился фронт — повинных в этом командиров, так же как и бывалого капитана, по выходе в тылы армии после недолгого дознания расстреляли без суда, согласно приказу.

Аникушин же в своем самоволии оказался прав и за

мужество и героизм, проявленные при удержании «стратегически важной позиции», был награжден орденом Отечественной войны. Этот эпизод особенно утвердил его в необходимости никогда не быть попкой, бездумным исполнителем, а поступать в сложных ситуациях так, как ему подсказывает его совесть и его убеждения.

Кстати, тогда же, в смертельно тяжелом июле сорок второго года, имел место случай, во многом обусловивший неприязненное отношение Аникушина к особистам.

Во время ночного сумбурного, почти неуправляемого боя, отчаянной попытки малыми силами отбить у немцев окраину Цимлянской бесследно пропало трое бойцов из роты Аникушина.

А спустя неделю такой же темной южной ночью его вызвал к себе в землянку уполномоченный особого отдела Камалов.

Молоденький низкорослый лейтенантик, он при свете коптилки до утра допытывался, на основании чего Аникушин приказал писарю сделать в учетных документах о каждом из этих бойцов отметку «пропал без вести».

Вызывал он к себе Аникушина еще несколько раз, почему-то обязательно каждую третью ночь, и уже при следующем посещении землянки стало ясно: особист подозревает, что отметки «пропал без вести» сделаны по указанию Аникушина, чтобы... скрыть и... замаскировать переход этих трех бойцов к немцам.

Более нелепого, более абсурдного подозрения Аникушин не мог бы и вообразить. Все трое бойцов были из пополнения, полученного перед самым боем. Аникушин их не только не знал — так получилось, что и в глаза не видел. Он не сомневался, что пропавшие погибли в той безуспешной атаке, но даже если допустить, что они уцелели, остались живы и действительно перешли на сторону немцев, он-то, Аникушин, какое мог иметь к тому отношение?!

Единственным основанием для подозрений Камалова было то, что все трое проживали на временно оккупированной противником территории. Но он-то, Аникушин, не проживал! И не был ни часу в плену или в окружении! И родственников репрессированных или за границей, даже дальних, не имел!

Он и в жизни и по всем анкетам был безупречен и

чист как стеклышко. Тем не менее особист каждый раз интересовался и его биографическими данными, задавал совершенно одинаковые вопросы об отце и о матери и при этом старательно записывал одни и те же ответы Аникушина на листки бумаги.

С каждым ночным вызовом в Аникушине нарастала неприязнь, перешедшая затем в ненависть к этому человеку. Он ничуть не боялся Камалова; напротив, подозрительность и бессмысленное упорство особиста, каждую третью ночь лишавшего его сна, столь необходимого в условиях передовой, и мучавшего нелепыми вопросами, вызывали в нем презрение и сдерживаемое не без труда глухое бешенство.

Устававший за день до предела, он еле выдерживал ночные никчемные бдения, отвечал Камалову уже машинально и с отвращением, томимый одной смертельной тоской — скорее бы настало утро, скорее бы все это кончилось!

Однажды, не совладав, Аникушин задремал, прислонясь спиною к земляной стенке. Трудно сказать, сколько это длилось, во всяком случае, Камалов его не побеспокоил, не разбудил, а терпеливо ждал. Когда же Аникушин открыл глаза, он при слабом свете коптилки опять увидел в метре перед собой скуластое, азиатски-бесстрастное лицо, увидел все тот же уставленный в упор немигающе-проницательный взгляд раскосых глаз особиста, а спустя буквально секунду послышалось — в который уж раз — тихое и невозмутимое:

— Значит, отец ваш происходит из рабочих, а мать, как вы утверждаете,— из мелких служащих... Правильно я вас понял?..

Эта тягостная сказка про белого бычка, как дурной сон, как принудительная фантасмагория, продолжалась до самого ранения Аникушина — только отправка в госпиталь принесла ему осовобождение.

Скуластым малоподвижным лицом и прежде всего своей «бдительностью» и упрямством, качествами, очевидно, присущими этой профессии, Алехин напоминал ему Камалова. Но сколь бы ни были велики недоверчивость и упорство особистов, они никак не могли, просто не имели права влиять на точку зрения и поведение Аникушина.

В данном конкретном случае после ознакомления и с

второстепенными документами проверяемых у него созрело свое твердое мнение.

Он больше ни на йоту не сомневался в истинности Елатомцева, Чубарова и Васина, их личности для него были совершенно ясны, не вызывали никаких абсолютно сомнений. И любые дальнейшие действия особистов в отношении этих офицеров-фронтовиков могли объясняться только профессиональной подозрительностью, упрямством и ограниченностью Алехина.

Когда он попытался сопоставить все приготовления и предосторожности особистов с тем, с чем пришлось встретиться в действительности, то ему становилось смешно.

«Эх, шерлоки!.. Хмыри болотные! — весело думал он, сдерживая ухмылку и неуемное желание бросить насмешливый взгляд в сторону, где за кустами прятались подчиненные Алехина.— Нагородили черт знает что!.. Вот уж действительно палят из пушек по воробьям!.. Комедия!..»

Умное, волевое лицо Елатомцева, его ясные, цвета бирюзы, чуть прищуренные глаза и все его поведение и документы не вызывали ничего, кроме симпатии и уважения. После проверки документов не вызывали ничего, кроме уважения, и оба других офицера, и Алехин ожидал напрасно: не одобряя предстоящего осмотра вещмешков, Аникушин молчал, твердо решив остаться в стороне.

Пусть Алехин обойдется без него, как уже обошелся перед тем, сам попросив второстепенные документы. Если же по поводу его, Аникушина, в данном случае бездействия будет кем-либо выражено недовольство, он молчать не станет. Он напишет рапорт коменданту города или даже начальнику гарнизона и без обиняков изложит свою позицию. Нравится это особистам или нет, а у него своя голова на плечах, и слепым, бездумным исполнителем любых, в том числе и нелепых, указаний он не был и не будет!..

87. АЛЕХИН

Словесный портрет совпадает... Неужели Мищенко?.. Не исключено!.. В баню бы с ним сейчас... поясницу посмотреть... Где он был этот год... нет, одиннадцать месяцев?.. Куда его тогда ранили?.. Мищенко — это фигура!..

Не говори гоп!.. Не факт, что это Мищенко, и не факт, что они — «Неман»... Качай!

Аттестат на продовольствие... Шифр... Реквизит содержания... Шрифты текста... Петит подстрочный... Вэ-чэ 72510... Капитан Елатомцев А Пэ и с ним два офицера... Убывшему в командировку... Вильнюс... Лида и районы... Номер и дата документа... Командировочное предписание от десятого августа... Удовлетворен при вэ-чэ 72510 по первой норме пайка... включительно... Продовольствие в натуре по... десятое августа... Сахаром по... десятое... Мылом по тридцать первое... Табачным довольствием по... тридцать первое... Сухим пайком на путь следования на... пять суток... Достоверно... Карандаш чернильный... Фактура бумаги... плотность... Так... Исключен с довольствия с шестнадцатого... Срок действия аттестата... двадцать первое... Роспись лица, получившего аттестат... Елатомцев... Предыдущим... соответствует... Помощник командира части по снабжению... Майор... Гундобин... Подпись... натуральна... Завделопроизводством... Подпись... натуральна... Дата... печать гербовая... Мастика... Для отметок... Доппаек офицерский получен по тридцать первое... Военпродпункт станции Лида... Выдан сухой паек на пять суток... шестнадцатого... Штамп... Печать... Мастика... Ажур!..

Поговори с ним... насчет довольствия... Так... Фиксируй лицо!.. Хорошо... Так... Что офицеров не перевозили — это точно... Теперь спроси и у них... Так... Достает... И этот тоже... Документов у них достаточно... И никаких вазомоторов, никакой вегетатики!..[1] Словесный портрет совпадает, наверно, полностью... но не факт, что это Мищенко, и не факт, что они — «Неман»... Неохотно берет и смотрит уже без интереса... Ему все ясно!.. Ну и пусть... А ты — службист!.. Так... Справка госпиталя... Поговори и с этим... вспомни кого-нибудь... Попроще... Насторожился!.. Что это?... Ожидает подвоха?.. А чего ему опасаться, если он свой?.. Странно... Отвечает с задержкой!.. И как недоволен!.. Что-то здесь не так... Качай их, качай!

Справка... Конфигурация... Реквизит содержания... Шрифты текста... Петит подстрочный... Особые знаки...

---

[1] Жаргонное обозначение внешних проявлений вазомоторных и вегетативных нервных реакций.

удостоверительные... Форма номер шестнадцать... с наклоном... Штамп угловой... Эвакогоспиталь 1731... Это Вильнюс!.. Дата — седьмое августа... Старший лейтенант Чубаров... Николай Петрович... находился на излечении... с двадцать пятого июня... по седьмое августа... 1731 в июне был в Смоленске... Достоверно?.. Вполне... По поводу... сквозное пулевое ранение бедра... 1731 — общая хирургия... Профиль госпиталя... соответствует... Срок пребывания... диагнозу... соответствует... Чернила... Мастика... Фактура бумаги... плотность... Ранение связано с пребыванием на фронте... Получено в боях при защите СССР... Врачебной комиссией признан по статье... расписания болезней приказа НКО СССР... годным к строевой службе без ограничений... Начальник госпиталя... Полковник медслужбы... Подпись натуральна... Печать гербовая... Мастика... Чернила... Третья типография Воениздата НКО... Заказ девятьсот сорок три.. Ажур!

Похоже, что левша... По седьмое августа лежал в госпитале, а «Неман» выходил в эфир еще в июле... Разве только справка задействована не сразу после переброски?.. Может, раньше пользовались другими документами?.. «Пользовались»— не факт, что они «Неман», не факт!

Расчетная книжка начальствующего состава... Фактура обложки... Конфигурация... Шрифты наименования... Реквизит содержания... Шрифты текста... Серия... Номер... Достоверны... Чубаров Николай Петрович... Старший лейтенант... Выслуга лет на должностях... Штатно-должностной оклад... Личная подпись... натуральна... Командир части... Гвардии майор... натуральна... Начфинчасти... Лейтенант... натуральна... Печать гербовая... Дата... Чернила... Мастика... Фактура бумаги... плотность... Отметки о произведенной выплате... Удержания... Выплата полевых денег... Отметки о перемещении военнослужащего и об изменениях... Начфинчасти... Лейтенант... Подпись... натуральна... Предыдущей соответствует... Печать гербовая... Мастика... Чернила... Скрепка... Разные отметки... Контрольные талоны... Август... Сентябрь... Водяные знаки... Ажур!..

Все безупречно, все соответствует!.. Но что-то в них не так!.. Что-то есть!.. А может, только кажется?.. Может, случайности?.. Проверка документов их не волнует... И ничего, наверно, не даст... А вещмешки?..

Временное удостоверение... номер... Конфигурация... Реквизит содержания... Шрифты текста... Особые знаки... удостоверительные... Печать гербовая... Подписи... натуральны... Чернила... Мастика... Фактура бумаги... плотность... Текст... Лейтенант Чубаров... Николай Петрович... Приказом Войскам Западного фронта № 0401 от седьмого сентября сорок третьего года... За образцовое выполнение боевых заданий командования... на фронте борьбы с немецкими захватчиками... награжден орденом Красная Звезда... Орден за номером 479526... Начальник штаба дивизии... Подполковник... Замначполитотдела... Майор... Девятое сентября сорок третьего... Номер ордена... периоду выдачи... соответствует... Ажур!..

Вот так — левша!.. Старший лейтенант — левша!.. Ну и что?.. Каждый двадцатый — левша!.. Но все-таки... И с госпиталем... Зловещая физиономия... Неужели это он пытался убить Гусева?.. Не факт!

По документам у них ничего общего с Павловским... Он уходил к лесу... Простое совпадение?.. Где они были сегодня ночью?.. Так... Поговори и с этим... Качни на косвенном... Вспомни кого-нибудь... Улыбку... Доверительней... Фиксируй!.. Так... Покраснел!.. С чего бы?.. Успокой!.. Байку им — посмешнее... Простачка играй, простачка!.. Да, эти двое избегают разговора, излишне лаконичны... Напрягаются при косвенных вопросах... Предварительный?.. Не спеши...

Комсомольский билет... Фактура обложки... Конфигурация... Шрифты наименования... Реквизит содержания... Шрифты текста... Удостоверительные знаки... Номер... Фотокарточка... Голова... лоб... нос... подбородок... соответствуют... Печать... Оттиски... совмещаются... Подпись... натуральна... Спецчернила... Мастика... Фактура бумаги... плотность... Водяные знаки... Защитные приспособления... Текст... Васин... Михаил Сергеевич... Время вступления... апрель сорокового года... Наименование организации, выдавшей билет... Сокольнический райком Москвы... Личная подпись... натуральна... Уплата членских взносов... По годам... Сороковой... учился в школе... Сорок первый... Призван в сентябре... Суммы взносов... Соответствуют... Сорок второй... Март — изменение... очевидно, госпиталь... Июнь... опять изменение... Вернулся в часть... Штампы... Подписи... Сорок третий... Январь... Февраль... Март... Апрель... Май... Июнь... В июле

изменение... Так... Очевидно, убыл в училище... Сорок четвертый... Январь... Февраль... Март... Апрель... Май... Июнь... Июль... Сумма взноса... Штампы... Подписи... Ажур!..

Комар носа не подточит! Если это и липа, то самого высокого качества!.. Липа, которую органолептикой[1] не возьмешь, за которой — государство!.. Кто же они?! Один по словесному портрету сходен с Мищенко, а второй — левша и, пожалуй, споткнулся с поварихой... с госпиталем... Лейтенант тоже напрягся при косвенном вопросе... И все же — не факт!.. Даже если они агенты, органолептика ничего не даст... А вещмешки дадут?.. Возможно... Не факт!.. Но это необходимость!.. В любом случае их придется задержать... Пассивно он себя ведет — весьма!.. Счастливец — ему все ясно! Что ж, раскрыть их — это не его, это твоя задача!.. Легко сказать... Лижет суставы и кусает сердце!.. А если... Как тогда они?.. Мищенко — особо опасен при задержании!.. Не тяни — предварительный сигнал... Неужели это Мищенко?..

88. ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

«Весьма срочно!
Особой важности!

Ковалеву, Ткаченко

Под вашу личную ответственность находящиеся под погрузкой в Челябинске, Горьком и Свердловске, подлежащие особому контролю отдела оперативных перевозок литерные эшелоны серии «К» №№ 2762, 1374 и 1781 (танковая техника россыпью) впредь до особого указания должны быть задержаны на станциях отправления.

Исполнение проконтролируйте лично и немедленно доложите.

Основание: Распоряжение Ставки ВГК.

Карпоносов».

---

[1] Органолептический метод проверки документов — метод, основанный на непосредственном, главным образом зрительном восприятии, без применения каких-либо приборов и химикатов.

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Весьма срочно!

Полякову

В течение ближайших двух часов на аэродром Лиды специальным рейсом из Москвы будут доставлены экипированные в форму офицеров Красной Армии еще 9 опознавателей из числа бывших немецких агентов, окончивших радиоотделения Варшавской и Кенигсбергской школ немецкой разведки, где, судя по радиопочеркам, обучались и радисты активно разыскиваемой нами группы «Неман».

Под вашу личную ответственность все прибывшие должны быть немедленно задействованы в районах наиболее вероятного появления разыскиваемых.

Этим же самолетом будет доставлен плененный недавно майор немецкой разведки Вильгельм фон Баке, в прошлом начальник строевой части Варшавской разведшколы, знающий в лицо почти всех агентов, прошедших там обучение в период с октября 1941 года по май 1944 года включительно.

Учитывая физическую неполноценность и возраст фон Баке, ГУКР «Смерш» рекомендует использовать его непосредственно в Лиде при выяснении личности задерживаемых по подозрению в принадлежности к «Неману».

Прибытие немедленно подтвердите.

Колыбанов».

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Чрезвычайно срочно!

Егорову

Произведенной тщательной проверкой участие Чеслава и Винцента Комарницких в польском партизанском отряде «Гром» в 1943—1944 гг. не подтверждается.

Лиц командного офицерского состава, имеющих по стабильным или динамическим признакам словесного портрета сходство с Чеславом Комарницким, в «Громе» не было.

Басилов».

— Не могу понять...— произнес Алехин условную фразу.— Что вы здесь, эта... делаете?.. Начальник штаба батальона...— он заглянул в документы,— командир роты и командир взвода, так?.. А где же личный состав? Какое задание вы здесь можете выполнять без подчиненных?.. Не могу понять!..— почесывая пятерней в затылке, повторил он и посмотрел на Аникушина.

— Я тоже не совсем понимаю. Вы что, нас в чем-то подозреваете? — сказал капитан, обращаясь к Аникушину. Очевидно, ему было ясно, что Аникушин — старший; назойливость же Алехина, человека ограниченного, малограмотного и явно упрямого, по всей вероятности, начала его раздражать.— В чем дело? Почему такая проверка и такой допрос?

— Это вызвано необходимостью,— с почти неуловимым сочувствием заметил Аникушин.

— Какой?

— Значит, нужно! — строго сказал Алехин.— Что такое — «допрос»?.. Мы при исполнении, эта... обязанностей, понимать надо!.. И вы нас не оскорбляйте!..— Он снова быстро и выразительно посмотрел на Аникушина.— Служба есть служба! Как говорится, закон порядка требует!.. Я спрашиваю: где находится ваша часть?

— В Новой Вильне,— с неожиданной легкостью и без какого-либо промедления сообщил капитан.

— Вы из ОПРОСА? — оживился Аникушин.

— Да.

— Постоянный состав?

— Нет, переменный.

Аникушин понимающе покачал головой и отвел глаза.

Алехин ожидал, что после проверки второстепенных документов помощник коменданта, как было условлено, предложит офицерам показать вещевые мешки, но тот снова заложил руки за спину и, будто все позабыв, с каким-то отсутствующим лицом глядел в сторону и молчал.

— Так...— после небольшой паузы проговорил Алехин, сложив документы, но не возвращая их.— А теперь, товарищи офицеры, попрошу предъявить для осмотра ваши вещевые мешки...

— Это на каком основании?! — сдерживаясь, но довольно резко спросил капитан.— В чем дело?!

— Проверка личных вещей,— пояснил Алехин, и его лицо при этом выражало: «Мы выполняем свой служебный долг, какие же к нам могут быть претензии?»

— Что значит — проверка личных вещей?! Мы не рядовые и не сержанты, а вы не старшина! Кто вам дал право обыскивать офицеров?!

— А мы, эта... и не думаем вас обыскивать... Я прошу, чтобы вы сами показали, что у вас в вещевых мешках. Понимаете — добровольно!

— То есть как — добровольно?! А если мы не желаем? Я в армии пятый год, но подобной проверке ни разу не подвергался!

— А я подвергался! — с обидой сказал Алехин и звучно шморгнул носом.

— Это ваше дело! А мы не желаем!

— То есть как — не желаете? — удивился Алехин.— Давайте по-хорошему... Я вам скажу, эта... как офицерам... Только, понимаете, как говорится, никому!

Он достал из пачки документов продовольственный аттестат и, указывая на отметку военпродпункта, спросил:

— Вы шестнадцатого, значит, были в Лиде?

— Были! Ну и что?

— Вот то-то и оно! — протянул Алехин и с огорченным лицом тихо, доверительно сообщил: — Шестнадцатого в Лиде, эта... с артиллерийского склада пропали два ящика взрывчатки!

— Ну а мы-то тут при чем?!

— Есть указание... что ее вынесли в вещмешках, понимаете, офицеры...— сообщил Алехин.— И увезли из города... А для чего — неизвестно! Нет указаний! — Он в недоумении развел руками.— Может, чтобы рыбу глушить, а может — мост взорвать!

— Да что за чушь! — пожимая плечами, возмущенно воскликнул капитан.— Мы не были ни на каком складе!

— Кто ж это знает?.. А закон порядка требует...— вздохнул Алехин.— Давайте по-хорошему... Вы же советские люди... Есть указание... И я при исполнении обязанностей... прошу, эта... показать для осмотра ваши вещмешки...

— Должен заявить со всей ответственностью,— твердо сказал капитан,— что мы не были в Лиде ни на каком складе, не брали и не знаем ни о какой взрывчатке и не желаем, чтобы нас обыскивали! Категорически!

— Тогда придется проехать с нами в комендатуру,— решительным голосом объявил Алехин.— Вы же все равно, эта... поедете в Лиду... У нас в Шиловичах машина. Там в кузове бойцы, но на вас аккурат найдется место... Прошу, значит...— Поворотясь, он показал рукою в сторону Шиловичей, предлагая троим офицерам пройти вперед, и отчетливо проговорил условную фразу: — Будьте любезны!

— Пожалуйста! — Капитан несколько мгновений помолчал угрюмо и сосредоточенно, словно что-то решая; во всей его фигуре, лице и в голосе чувствовалось полное самообладание, уверенность в своих действиях и правоте.— Что ж... если это вас так интересует — пожалуйста!.. Обыскивайте!.. Только уж потрудитесь сами!.. К сожалению, нет времени, чтобы ездить с вами. У нас еще есть дела в этом районе,— объяснил он свое неожиданное решение.— Но я буду жаловаться! И даром вам это не пройдет!.. Давай!..

Он шагнул за спину лейтенанта и помог тому снять вещевой мешок. При этом он взялся не за наплечные лямки и не снизу, а за тесьму, стягивающую верх, взялся так, что вещмешок своей тяжестью затянул узел на тесьме.

Алехин сделал вид, что не заметил этого, и, возвращая, молча протянул документы; капитан взял их и, не раздавая своим товарищам, сунул всю пачку себе в карман.

Присев на корточки, Алехин распустил петлю из наплечных лямок с горловины вещмешка и пытался развязать узел на тесемке.

Между тем старший лейтенант тоже снял свой вещмешок и, ухватив его точно так же за тесемку, опустил на траву рядом с первым. И тут же будто невзначай неторопливо переместился на пару шагов влево так, что оказался между Алехиным и засадой. Спустя секунды лейтенант перешел вправо. Таким образом они полукругом обступили Алехина и помощника коменданта. Это были их первые самостоятельные, без очевидной иници-

ативы или команды капитана действия за все время проверки.

— Будьте любезны...— взглянув на них снизу, снова произнес условную фразу Алехин,— станьте на место!

— В чем дело?.. На какое место?

— Будьте любезны,— еще раз повторил Алехин,— станьте на место! — Он выпрямился и указал рукой на траву в метре перед собой.

Под его упрямым тяжелым взглядом лейтенант, помедля, стал на прежнее место.

— В чем дело? — обратился капитан к Аникушину, но тот, словно не слыша, смотрел вниз на вещмешки и даже не поднял глаз.

— Вы, может, еще поставите нас по стойке «смирно»? — с возмущением спросил старший лейтенант, продолжая стоять там, куда он перешел.

— Если понадобится — поставлю! — пообещал Алехин, неприязненно глядя ему в лицо.— Мы офицеры комендатуры... понимаете... при исполнении служебных обязанностей! — возбужденно вскричал он; круглый желвак проступил и шевелился на его правой щеке.— Я говорю — встань на место!

И так как старший лейтенант не собирался подчиняться, Алехин решительным движением расстегнул висевшую у него на животе кобуру и вытащил «ТТ».

— Стань как стоял! — вдруг негромким, твердым голосом приказал капитан старшему лейтенанту, и тот неохотно ступил вправо, на прежнее место.

Алехин, помедля секунды, с упрямым недобрым лицом засунул пистолет в кобуру и снова присел на корточки.

...В конце концов, тесемку, стягивающую верх, в данном случае можно было бы просто перерезать ножом, но он попытался развязать узел ногтями или даже зубами: его пребывание внизу, в согнутом положении, с головой, склоненной над вещмешком, более всего соответствовало тому, что теперь следовало ожидать.

За кустами орешника Блинов по примеру Таманцева поднял свой «ТТ» стволом вверх на уровень просвета в листве и положил палец на спусковой крючок.

Наступил кульминационный момент того, что у розыскников военной контрразведки называлось «засадой с живцом и подстраховкой».

90. АЛЕХИН ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ

Алкоголь только в случаях необходимости — это хорошо!.. А трепанги с жареным луком — просто великолепно!.. Ценнейшая примета!

Все, что ты знаешь о Мищенко, сейчас в любом случае без пользы... Может, это и он... А может, всего-навсего Елатомцев... Алексей Павлович... Капитан Красной Армии... Фронтовик... Дважды орденоносец... Коммунист... В баню бы с ним сейчас. Спину бы его посмотреть, поясницу...

Не думай о Мищенко! Твоя задача — заставить этих троих проявить свою суть... Кто бы они ни были!.. И в положительном случае взять их живыми. Хотя бы двух... А еще лучше всех трех. И своих из группы при этом никого бы не потерять...

А помощник коменданта... Он что — все забыл?.. Почему молчит?.. Пассивно он себя ведет... некачественно... непонятно...

Предложи сам... Спокойнее... Так... Фиксируй лица!.. «На каком основании?! В чем дело?..» Не нравится!.. У лейтенанта дрогнул кадык... Фиксируй!.. Не хотят!.. Облизывает губы!.. Наконец-то!.. И у этого напряженность... Попадание!.. Это уже слабина!.. Дожимай!.. Теперь дожимай!.. Объясни причину... Доверительней... Пропала взрывчатка... Так... Хорошо возражает... толково... А ты — службист!.. Настаивай!.. Не хотят!.. Что же у них в вещмешках?.. Главное — чтобы они проявили свою суть!.. Не факт, что они — «Неман»... Не факт!.. Кто же они и почему не хотят?.. «Категорически!..» А в комендатуру?.. Теперь не тяни — сигнал!.. не должны бы соглашаться... не должны... «Обыскивайте!..» Ах так... Ну что ж — тем лучше...

Помогает снять... Затянул узел!.. Ловко!.. Не подавай виду... Освободи руки, верни документы...

Посмотрим, что у них в вещмешках... Так... Сверху — буханка черного хлеба... А что под ней — вот вопрос! И этот тоже затянул! Ловкачи!.. Милые, этот фокус для фраеров, а мы его уже не раз видели... Ну и узел!.. Пробуй ногтями... Ниже голову... Они тебя действительно считают придурком. И отлично!

Обступили с боков!.. Спокойно!.. Повтори сигнал — не повредит! Как они откровенны в своих действиях, как

бесцеремонны!.. А кого им стесняться?.. Нас?.. Да мы для них уже трупы!.. И все же не факт, что они — «Неман», не факт!..

Поставь их на место... И обозли... Спокойнее... Повтори еще раз... Простака играй, дубоватого службиста... Больше упрямства!.. Обостряй!.. Повысь голос... Возмущение... Челюсти!.. На «ты» его, на «ты»!.. Вот наглая рожа!.. Спокойнее... Больше упрямства!.. Пистолет... Ах так... Отлично!.. А капитан молодец!.. Как владеет собой!.. Неужели это Мищенко?.. Неужели они — «Неман»?

Лижет суставы и кусает сердце... И ничего ты не поделаешь!.. Затянул намертво... Ногтями не возьмешь... Как бы то ни было, а от Таманцева они не уйдут... А если кто и уйдет, то не дальше опушки... Через полчаса лес уже будет в кольце и начнется прочесывание... Конечно, это нежелательно... Весьма!.. Войсковые операции чаще всего дают трупы... А нам нужен момент истины! Сегодня же! И не обычный, а по делу, взятому на контроль Ставкой!.. От трупов его не получишь... Главное — чтобы они раскрылись... проявили свою суть!.. Тогда и момент истины мы получим... Если, конечно, они те, кого мы разыскиваем... Ну и узел!.. Зубами его ухватить, что ли?.. Неужели это Мищенко?.. Не думай о Мищенко!.. Кто бы он ни был, а от Таманцева ему не уйти... Если... Все!..

91. ТАМАНЦЕВ

Паша подал сигнал: «Внимание!» — но мне и так уже было ясно: эти трое не желают показывать содержимое своих вещевых мешков.

Однако их нежелание еще ничего не означало — мало ли какие могут быть тому причины.

Помню, как на станции в Смоленске один лейтенант категорически отказался предъявить свой багаж и даже оказывал сопротивление. Те, кто его задерживали, должно быть, решили, что там у него рация или взрывчатка, возможно, даже мысленно дырочки себе на гимнастерках для орденов уже проделывали: большого шпиона схватили — с поличным!.. А что там у него оказалось?.. Продукты для семьи командира части, который и отпуск-то ему, сердяге, на пять суток дал, наверно, только чтобы эту посылку отправить в Москву.

Знаю и другой случай, когда офицер отчаянно сопротивлялся досмотру и проверяющие тоже могли подумать невесть что. А обнаружили-то в чемоданчике всего-навсего трофейный пистолет в оригинальном дорогом исполнении, который у него постарались бы отобрать если не в части, то в первой же комендатуре. Да мало ли нетабельного, неположенного, такого, что не хочется предъявлять представителям военной власти, может находиться в личных вещах офицеров?

Когда же капитан, снимая вещмешок, взялся за тесьму и затянул узел и тут же амбал повторил этот фортель, я понял, что они — группа и что сшибка, судя по всему, неизбежна.

Затем Паша присел около вещмешка, а эти двое, амбал и лейтенант, обступили его с боков откровенно и нагло — они действительно принимали его за простака или недоумка.

Более всего мне, конечно, хотелось выскочить и показать им свой характер. Но это бы сразу перечеркнуло наши усилия.

Для чего устраивается засада с живцом и подстраховкой?.. Чтобы выявить суть проверяемых.

Элементарно: их трое против двоих (о нас с Малышом они и не подозревают), а место глухое, совершенно безлюдное, к тому же все обострено конфликтной ситуацией — нежеланием предъявлять для досмотра личные вещи.

Тут расчет очень точный: свои на офицеров комендатуры ни при каких обстоятельствах не нападут, враг же, наоборот, воспользуется численным превосходством и не преминет это сделать. С одной стороны, срабатывает инстинкт самосохранения, с другой — стремление добыть действующие сегодня — не в прошлом месяце и не на прошлой неделе — воинские документы.

Кроме выявления сути подозреваемых, засадой с живцом можно добиться и так называемого «эффекта экстренного потрошения».

Некоторые сведения, известные агенту, крайне важно получить от него не спустя какое-то время, а немедленно. При отсутствии же прямых веских улик захваченные агенты, особенно парши, нередко молчат сутками, неделями и даже месяцами. Хоть лоб разбей, хоть наизнанку вывернись, а толку от них не добьешься. Если же они

повязаны нападением на представителей военной власти, что само по себе карается расстрелом, то при умелом обращении обычно раскалываются в первые же часы. И главной целью всех Пашиных действий сейчас было вызвать этих троих на удар.

Я молился богу, молился матери, чтобы она помогла нам и эти трое оказались бы теми, кто нам нужен. Я не желал больше никого! Разные пособники, банды и дезертиры — ну их коту под хвост! Пусть ими занимаются местные органы. А мы — военная контрразведка, и наше дело — безопасность армии, ее тылов и всех проводимых ею операций. Наше дело — обезвреживание действующей агентуры. Вообще-то ею, особенно паршами, я готов заниматься двадцать пять часов в сутки. Но сегодня нам нужны были не просто агенты, а именно причастные к делу «Неман».

Я не сомневался: сколько бы ни было оперативно-розыскных групп и засад, а Эн Фэ и генерал позаботятся сунуть нас в самое перспективное место. Потому что, если разыскиваемых поймают, это хорошо; если поймает контрразведка нашего фронта — еще лучше; но чтобы был полный тики-так, для престижа Управления очень важно, чтобы взяла их группа, с самого начала непосредственно работающая по делу. Тогда все утрутся!..

Эн Фэ верил в этот лес, фактически ставил на него, и я с утра не сомневался, что здесь в засадах будут только наши, а всех прибывших пошлют в другие места или районы «вероятного появления разыскиваемых». Я также не сомневался, что лично у нашей группы в любом случае шансы будут самые преимущественные.

Более всего я верил в оперативное мышление Эн Фэ, в безошибочность его предположений. Чтобы без промаха оценить розыскные данные, кроме извилин и опыта, еще требуется прицельная фантазия и чутье, а такой точной фантазии и чутья, как у Эн Фэ, я еще ни у кого не встречал.

Эн Фэ не спеша запрягает, но быстро ездит. Он культурненько, без шума, без суеты собирает данные, накопив, прокачивает их по своим извилинам и с точностью определяет места, где разыскиваемых можно взять. Конечно, не он один — очень многие так делают. Вроде проще простого... Только он-то не ошибается, а другие чаще всего попадают пальцем в небо — в самую серед-

ку!.. Это наше счастье, что есть такой Эн Фэ, что сидит он себе тихонько в Каунасе, или в Лиде, или еще где и все время шевелит извилинами.

Я стоял у смотровой щели в предельной боевой готовности, фиксировал бритоголового и амбала и не мог не возмущаться бездействием помощника коменданта.

Зачем он нам, этот очередной прикомандированный?.. Всего лишь для конспирации, для маскировки — чтобы Паша и он выглядели комендантским патрулем.

Я знаю: это даже не начальством придумано. Указания по розыску составляет какой-нибудь там майор, капитан или даже старший лейтенант. И власти и прав у него не больше, чем у меня, и должность примерно та же. Он просто подсунул на подпись бумажку, а там черным по белому пятым или, может, десятым пунктом: «с привлечением офицерского состава комендатур». И все — что написано пером, не вырубишь и топором!.. Попробуй после этого не привлечь... Да тебе сразу отмерят... на полведра скипидара с патефонными иголками... В самое чувствительное место... А кому охота: она все-таки своя, не у дяденьки...

Сидят там себе, в Москве, за тысячу километров, по кабинетам и мудрят, в конспирашки играют. А мы — отдувайся!

Какой от него толк?.. В Лиде, где многие военнослужащие знают, что он помощник коменданта, это, возможно, имеет смысл, но здесь-то зачем?.. От любого на его месте чистильщика было бы сейчас в десятки раз больше пользы, чем от этого тылового пижона.

Я знал, что по расписанию именно он должен был попросить у них и второстепенные документы, а потом предложить им открыть вещевые мешки. Но он молчал, стоял, как майская роза, заложив руки за спину, и смотрел с таким видом, будто все это его ничуть не касалось.

За такие фокусы маленьким копчик массируют!.. Впрочем, я его сразу раскусил, еще когда он меня в городе остановил и начал скрипеть. У меня в ту минуту извилины были заняты более важным, чем приветствие пижона из комендатуры. Однако я сразу извинился, покаялся как бобик, только что хвостом не вилял... А он понес — не остановишь! И я тогда еще понял: с таким каши не сваришь, даже из концентрата!

Между тем Паша как ни в чем не бывало делал свое дело.

Быть живцом в такой засаде — почти все равно что вызвать огонь на себя или лечь на амбразуру, хотя шансов уцелеть здесь, пожалуй, и больше. Как-никак — все основано на предельном риске, весь расчет на подстраховку, но ведь от случайностей никто не гарантирован.

За войну я работал с шестью старшими оперативно-розыскных групп, четверых из них убили. С Пашей мы за этот год так друг к другу притерлись, что если его... если с ним...— подумал я и тут же заткнул себе глотку: «Не каркай, скотина, не каркай!..»

Это надо быть настоящим чистильщиком, чтобы вот так присесть на корточки и, подставив затылок, колупаться с тесемочкой, хорошо зная, что́ в следующую минуту должно произойти.

Паша опустился на корточки, и я видел только его пилотку, и можно было лишь мечтать, чтобы на голове у него сейчас была каска. Эти трое стояли молча и наблюдали за его действиями. Я не сомневался, что стрелять они не станут — им шум ни к чему. Я не сомневался, что они будут работать рукоятками пистолетов или ножами — оружием в рукопашной надежным, а главное — беззвучным.

И помощник коменданта, стоя рядом с Пашей за его правым плечом, тоже смотрел туда же, вниз, хотя должен бы отступить минимум на метр и фиксировать и «держать» проверяемых. У него было такое лицо, будто где-нибудь у себя в комендатуре он наблюдал за игрой в шашки или в домино.

Тыловая гусятина, лопух злокачественный! Неприязнь к нему разбирала меня: этот идиот все еще не понимал, что и Пашу и его самого сейчас будут убивать...

92. ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Весьма срочно!

Егорову

В дополнение к № . . . . . . от 19.08.44 года сообщаю, что для улучшения и разнообразия питания военнослужащих, привлекаемых к розыскным, контрольно-прове-

рочным и войсковым мероприятиям по делу «Неман», распоряжением Нач. Упродснаба Красной Армии разрешены следующие замены с использованием трофейных продуктов, захваченных в городах Двинске, Вильнюсе и Гродно:

1. шоколад вместо яичного порошка из расчета грамм за грамм;

2. изюм вместо сахара из расчета пять граммов изюма за грамм сахара.

Артемьев».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Чрезвычайно срочно!

Егорову

Спецсообщение

Сегодня 19 августа в 10.05 при проведении контрольно-проверочных мероприятий по делу «Неман» на станции Вильнюс нарядом 13-го пограничного полка по признакам словесного портрета заподозрены и задержаны двое в форме офицеров Красной Армии, имевшие документы на имя:

капитана Вакуленко Порфирия Ивановича, 1910 года рождения, урож. гор. Сумы, украинца, начальника химической службы в/ч 23076,

и старшего лейтенанта Савина Якова Петровича, 1915 года рождения, урож. гор. Ленинграда, русского, командира роты связи той же воинской части.

Вакуленко и Савин, следующие, судя по документам, в служебную командировку из Баранува (1-й Украинский фронт) в Ленинград, при пересадке на станции Вильнюс более получаса находились на путях, пытались уклониться от проверки и скрыться, вскочив для этого в проходящий эшелон.

При подробном визуальном изучении установлено, что задержанные по признакам словесного портрета имеют явное сходство с особо опасными агентами, разыскиваемыми по делу «Неман», причем Савин — выраженный левша, а Вакуленко говорит с заметным украинским акцентом.

При осмотре личных вещей в чемодане у Савина обнаружены: портативный радиоприемник «Блаупункт»

в исправном состоянии, выпуска 1943 года, в специальном металлическом корпусе индивидуального исполнения, и комплекты запасных ламп и элементов питания к нему. Передающей аппаратуры у Вакуленко и Савина при задержании не оказалось.

В вещмешке у Савина найдена советская десантная финка, по форме и размерам лезвия точно соответствующая той, которой были нанесены ранения шоферу угнанного «доджа» Гусеву. В ножнах и на самой финке обнаружены следы крови, как установлено лабораторным анализом соскобов, десятидневной примерно давности. Определить для идентификации группу крови не представилось возможным ввиду недостаточного количества исследуемого вещества.

В том же вещмешке оказались одетые на кольцо три номерных ключа к замкам зажигания автомашины «додж», и среди них № 9236, т. е. полностью идентичный по форме зубцов бородки с ключом зажигания «доджа», угнанного агентами, разыскиваемыми по делу «Неман».

Произведенным обыском также обнаружены два пистолета «ТТ» и 35 патронов к ним, пистолет «вальтер» № 2 и 16 патронов к нему; часов швейцарских водонепроницаемых со светящимся циферблатом — двое; компас отечественный — один; белья нательного запасного — две пары; продуктов разных, преимущественно германского происхождения, 11 кг; бачок трехлитровый с трофейным спиртом — один; денег советской валюты 8647 рублей.

Допрашиваемые порознь Вакуленко и Савин дали путаные, весьма противоречивые показания о цели своей командировки в Ленинград, от ответов на многие интересующие нас вопросы упорно уклоняются.

В разговоре по «ВЧ» с Управлением контрразведки 1-го Украинского фронта установлено, что воинская часть 23076 — это артиллерийская бригада Резерва Главного Командования, ведущая сейчас бои на западном берегу Вислы в районе Сандомира. В состав фронта она прибыла несколько дней назад, в связи с чем данных об офицерском составе в отделе кадров штаба еще не имеется.

Сам факт командировки двух офицеров во время напряженных боев на плацдарме за пределы армейского

тыла Управлению контрразведки 1-го Украинского фронта представляется совершенно неправдоподобным.

Сделанный нами запрос с просьбой срочно проверить и подтвердить принадлежность Савина и Вакуленко к в/ч 23076 в течение пяти часов остается без ответа, поскольку бригада ведет бои в окружении и со вчерашнего дня радиосвязь с нею отсутствует. Однако совпадение признаков словесного портрета, вещественные улики, а также многие противоречия в показаниях дают основания полагать, что задержанные нами лица являются особо опасными агентами, разыскиваемыми по делу «Неман».

Вакуленко и Савин содержатся в комендатуте станции Вильнюс под усиленной офицерской охраной, исключающей любую попытку побега или возможного самоубийства. Ожидаю Ваших указаний, а также распоряжения о их этапировании.

Согласно указанию о представлении к правительственным наградам, одновременно сообщаю краткие установочные данные наряда, осуществившего задержание:

старший — лейтенант Бессонов Михаил Иванович, 1918 г. р., урож. гор. Тамбова, русский, кандидат в члены ВКП(б), из рабочих;

патрульные: сержант Хамраев Юсуп, 1922 г. р., урож. гор. Самарканда, узбек, член ВЛКСМ, из совслужащих;

и ефрейтор Минин Алексей Дмитриевич, 1924 г. р., урож. деревни Рогачево Загорского р-на Московской обл., член ВЛКСМ, из колхозников.

Все трое командованием погранполка характеризуются только положительно.

Панаев».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Чрезвычайно срочно!

Полякову

Для непосредственного руководства действиями органов НКГБ по делу «Неман» и дальнейшей активизации розыска в Лиду экстренным спецрейсом («Дуглас», бортовой номер 17, истребители сопровождения «ЛА-5 ФН» бортовые 29 и 31) в 15.40 вылетел облеченный особыми полномочиями Ставкой ВГК Нарком государственной

безопасности с группой высшего оперативного состава.

Оповещение по системе ВНОС до аэродрома прибытия отделом перелетов произведено.

При отсутствии у местных органов потребного количества автомашин под Вашу личную ответственность предлагаю обеспечить всех прибывших необходимым автотранспортом и немедленно установить с ними тесный контакт для согласованности всех усилий по розыску.

Исполнение донесите.

Колыбанов».

93. ПОМОЩНИК КОМЕНДАНТА

То, что Алехин вытащил пистолет и угрожал им старшему лейтенанту, произвело на помощника коменданта самое неприятное впечатление — ему стоило усилий сдержать и скрыть свое возмущение.

Разумеется, ему было известно о необходимости соблюдения мер личной предосторожности — об этом говорилось ежедневно на инструктаже нарядов, выделяемых воинскими частями. Он хорошо знал, что даже при повседневной проверке, осуществляемой в населенных пунктах парным комендантским патрулем, тогда как один смотрит документы, второй, находясь на соответствующем расстоянии, должен быть готовым каждое мгновение отразить любую попытку внезапного нападения. При этом по инструкции требовалось «бдительно следить» за поведением проверяемых, требовалось держать их все время перед собой, ни на секунду не поворачиваться к ним спиной и не давать им заходить сбоку.

Но там речь шла о проверке неизвестных, о проверке с целью выявления и задержания государственных преступников, бандитов, немецкой агентуры, дезертиров и нарушителей воинских уставов и приказов. Здесь же точно такими нормами особист Алехин руководствовался в отношении офицеров-фронтовиков с только что перекрестно проверенными, абсолютно безупречными основными и второстепенными документами и, более того, угрожал одному из них пистолетом, что, по убеждению Аникушина, не вызывалось обстоятельствами и было уже чистым произволом.

Необходимость применения особистами оружия два года тому назад при выполнении сурового приказа Нар-

кома Обороны № 227, подписанного лично товарищем Сталиным, Аникушин сознавал. Тогда немцы заняли Крым, захватили Ростов, их танковые и моторизованные дивизии ожесточенно рвались к Волге и на Кавказ, и надо было до последней возможности, до последней капли крови защищать и отстаивать каждую позицию, каждый клочок советской земли. Требовалось «стоять насмерть!» и для того любыми мерами пресекать отступление без приказа высшего командования. И решительные действия особистов, политработников и командиров в ту пору смертельной опасности вызывались жизненной необходимостью.

Но теперь, в период победного наступления нашей армии... здесь, в сотне километров от передовой... угрожать пистолетом заслуженному офицеру, фронтовику, пролившему свою кровь за Родину... И он, Аникушин, должен при этом оставаться безгласным наблюдателем, если даже не соучастником этих недостойных действий...

В нем было очень сильно чувство великого фронтового братства. По сути дела, с первой военной осени, с того момента, как он попал на передовую, к каждому фронтовику, будь то офицер или рядовой, летчик или даже обозник, он невольно ощущал «теплое под ложечкой», подсознательное чувство приязни и родства. И потому эти офицеры, особенно воевавшие не первый год капитан и старший лейтенант, были ему несравненно ближе и дороже любых тыловых особистов и, безусловно, ближе и дороже Алехина и его помощников.

Чувство органической неприязни он испытывал не только к самому Алехину, но и к обоим его подчиненным. В старшем лейтенанте он, припомнив, узнал офицера, который не поприветствовал его в городе, а потом, широко раскрыв глаза и явно придуриваясь, нахально оправдывался («Виноват... Не заметил... Извините, товарищ капитан... Я контуженный... слабый на голову... У меня припадки...»). И при этом, чтобы от него скорее отстали, делал вид, что вот-вот упадет в обморок. А сегодня, проснувшись тут, в лесу, и увидев его, Аникушина, повел себя так вызывающе («Явление Христа народу!..»), что даже тугодумистый Алехин счел нужным немедленно вмешаться. И этот лейтенантик... Мальчишка, который не колеблясь заставил бы его ползти по-пластунски — без

всякой в том необходимости!.. Заика, а туда же!.. Несомненно, знает о нем все, наверняка смотрел в комендатуре и его личное офицерское дело, а как неумно приставал: «Товарищ капитан, вы, случайно, не из Москвы?..» Случайно!.. «Где-то я вас встречал?.. Вы на кого-то похожи...» Дешевые провокационные вопросы, рассчитанные на трусливых или дурачков... Не на того напали!..

В ту минуту, когда Алехин вытащил пистолет и угрожал им Чубарову, у Аникушина мгновенно созрело решение. Он не будет молчать об этом произволе, он завтра же напишет рапорт. Только не майору и не начальнику гарнизона — эти люди, пожалуй, не захотят связываться с особистами, не станут заниматься соисканием неприятностей. Он напишет в Москву — это его право, предусмотренное уставом, как военнослужащий он может обратиться непосредственно даже к Наркому Обороны — Верховному Главнокомандующему.

Когда Алехин, присев на корточки, снял петлю из наплечных лямок с горловины вещмешка и начал возиться с узлом на тесемке, Аникушин, стоя за его правым плечом, увидел в круглом просвете наверху вещмешка то, что и ожидал увидеть: верхнюю темно-коричневую корку буханки армейского черного хлеба.

Что же еще, кроме продуктов, могло быть в вещмешках пехотных офицеров, которым через какую-то неделю, максимум через две — он знал порядки резервных полков,— предстояло отправиться на передовую?.. Он хорошо представлял себе весь этот незамысловатый фронтовой скарб: запасные портянки и пара белья, вафельное полотенце, бритва, кусочек мыла, помазок, фляжка, две-три книжки (чаще всего «Боевой устав пехоты» и «Наставление по стрелковому делу»), ну и, возможно, что-нибудь нетабельное — флакончик дешевого одеколона, шерстяные носки и теплая нижняя рубашка или свитер, таскаемые вынужденно без употребления с весны до осени.

Сколько раз после боя ему приходилось прямо в окопе или в блиндаже разбирать и раздавать окружающим личные вещи убитых офицеров, таких вот Елатомцевых, Чубаровых и Васиных...

Буханка черного хлеба, увиденная им в вещмешке лейтенанта, подействовала на него, без преувеличения,

как красная тряпка на быка. С одной стороны, были его собратья, офицеры-фронтовики, получавшие законный армейский паек и в нем ржаной, с примесями хлеб, норму, определенную Наркомом, и ни граммом больше, с другой стороны,— тыловые особисты, потреблявшие без меры, сколько влезет, белый, как довоенный, из настоящей крупчатки ситник и другие деликатесные продукты, положенные по приказу только раненым в госпиталях и летчикам боевых экипажей.

И вот эти наглые, уверенные в своей безнаказанности люди без санкции прокурора, по чистому произволу обыскивали его собратьев, фронтовиков, которым через неделю или через две предстояло снова проливать кровь, защищая Родину.

Да кто он, этот Алехин?! Какой-нибудь выдвиженец — наверняка из деревни! — с пятью, максимум семью классами образования... Попал по анкетным данным в особисты, поднахватался в армии верхушек, городских слов и военных терминов и убежден, что ему все дозволено... Просто не нарывался — его никто не осаживал, не учил, не ставил на место!

«Что хотят, то и творят!..— стиснув от негодования зубы и до боли сцепив за спиной в замок пальцы рук, повторял про себя Аникушин.— Нет, я это так не оставлю!.. Я им покажу, как угрожать пистолетом и обыскивать фронтовиков!.. Это им даром не пройдет!.. Бояться их могут комендант или начальник гарнизона, а Верховный в бараний рог их свернет!»

И тут он подумал, что, пока его рапорт рассмотрят в Москве и примут какие-либо меры, пройдет не менее месяца, а за это время многое может измениться. Он сам, вероятно, уже будет в Действующей армии, Алехина же тоже могут куда-нибудь перевести.

И, подумав так, он ощутил жгучее желание, острую, неодолимую потребность показать этим особистам сейчас же, немедля, что в отличие от других он их нисколько не боится и что он не трусливый попка, покорно выполняющий любые указания,— у него есть своя голова на плечах, он способен и сам принимать решения и отвечать за них.

И в следующее мгновение, продолжая наблюдать, как Алехин пытается развязать узел на тесемке, Аникушин, ослепленный возмущением, негодованием и неприязнью

к особистам, сделал то, чего делать ему никак не следовало: переступил вправо и оказался, таким образом, между проверяемыми и засадой...

94. ОРИЕНТИРОВКИ 1943 ГОДА ПО РОЗЫСКУ МИЩЕНКО

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Воздух!!!

Всем органам «Смерш» фронтов и военных округов Европейской части страны.

ГУКР «Смерш» активно разыскивается представляющий особую опасность террорист, резидент-вербовщик германской разведки, важный государственный преступник Мищенко Иван Григорьевич, он же Томчук Сергей, он же Перепелицын Николай Васильевич, он же Кизимов Андрон Савельевич, он же Семенов Алексей, он же Панченко Федор, он же Воробьев Алексей Максимович, он же Петрицкий Василий, он же Захаров Иван, он же Рева Михаил Николаевич, он же Смирнов Анатолий, он же Навроцкий Леонтий Иванович, возможны и другие фамилии, имена и отчества, агентурные клички «Бэби», «Жокей», «Хунхуз», «Гладиатор», «Динамит», 1905 года рождения, уроженец гор. Сальска Ростовской области, русский из казаков, сын крупного землевладельца, есаула царской армии.

В 1919 году эмигрировал с родителями в Маньчжурию. Пятнадцати лет вступил в молодежную организацию Харбинского филиала РОВС[1], где прошел военно-спортивную подготовку. После гибели в перестрелке с советскими пограничниками отца дал на клинке публичную клятву мщения. С девятнадцати лет активно участвует во враждебных действиях против Советского государства.

В 1924—1930 гг. в составе белокитайских банд и небольших групп свыше двадцати раз проникал на терри-

---

[1] РОВС (Русский общевоинский союз) — эмигрантская белогвардейская организация с центром в Париже. Выполняла шпионские, диверсионные и террористические задания иностранных разведок. Большой филиал РОВС существовал в Маньчжурии.

торию Советского Дальнего Востока с заданиями диверсионного, террористического, а также уголовно-контрабандистского характера. В мае 1929 года участвовал в провокационном нападении на советское консульство в Харбине, в последующих вооруженных налетах на КВЖД[1]*, в поджогах и убийстве советских служащих.*

С 1931 года сотрудничал с японцами, в том же году одним из первых вступил в ВФП[2]*.*

В 1933 году во время очередной ходки на территорию СССР, преследуемый пограничниками, проделал семисоткилометровый переход по тайге. При этом, утопив при переправе оружие и продукты, убил самого молодого члена своей группы, мясом которого вместе с остальными питался в течение двух недель.

Всего в 1924—1938 гг. свыше сорока раз проникал на территорию Советского Дальнего Востока. Белокитайцами и японцами неоднократно вознаграждался; в подарок от Чан Кай-ши получил чистокровного арабского скакуна; имел счета в международных банках Шанхая и Гонконга. Поддерживал личные контакты с руководителями белогвардейской эмиграции в Маньчжурии, генералами Семеновым и Власьевским, князем Ухтомским и председателем РФС[3] *Родзаевским.*

В 1934 году приговором Верховного Суда СССР объявлен вне закона.

В 1938 году, не поладив с японцами, установил контакт с резидентом немецкой разведки в Харбине, германским вице-консулом Гансом Рике. В том же году, показывая свои агентурные качества, нелегально пересек территорию СССР и Польши, перейдя три границы, оказался в Германии, куда впоследствии перебралась с детьми и его жена Изольда, дочь одного из руководителей белоэмиграции, генерала Кислицына.

В 1938—1939 гг. прошел пятнадцатимесячную пере-

---

[1] КВЖД — Китайская восточная железная дорога. В 1924—1935 годах принадлежала на паритетных началах Советскому Союзу и Китаю.

[2] ВФП (Всероссийская фашистская партия) — название Российского фашистского союза (РФС) с 1931 года по июль 1937 года.

[3] РФС — Российский фашистский союз (до 1937 года — Всероссийская фашистская партия), функционировал в Маньчжурии официально с 1931 года по 1943 год, неофициально до 1945 года.

подготовку в Берлинской школе немецкой разведки; на занятиях появлялся только в маске.

В 1940 году абвером трижды перебрасывался на территорию Советского Союза, совершил длительные полутора-двухмесячные маршруты в районы Центрального Урала, Москвы и Северного Кавказа.

В январе — мае 1941 года под видом находящегося в командировке капитана органов НКВД фланировал по городам, гарнизонам и железнодорожным узлам Прибалтийского и Западного особого военных округов, собирая сведения о дислокации, численности, передвижениях и боеготовности советских войск.

За двое суток до начала войны переброшен на территорию Западной Белоруссии старшим большой группы агентов, экипированных в форму советских пограничников, с заданием убийства, как только начнутся военные действия, высшего и старшего командного состава, нарушения связи и создания паники в наших оперативных тылах. Вернулся к немцам под Смоленском, совершив за месяц свыше семидесяти терактов и потеряв при этом всего трех агентов.

В последующие полтора года еще десять или одиннадцать раз перебрасывался в тылы Красной Армии старшим группы с заданием оперативной разведки, а также вербовки агентуры, в том числе среди женщин, связанных с армией и железнодорожным транспортом. Немцами награжден двумя крестами и шестью боевыми медалями. По личному распоряжению Гитлера в порядке исключения получил звание майора германской армии.

В феврале — мае 1943 года — старший преподаватель Берлинской разведшколы абвера. Вел семинары: «Основы маскировки и конспирации в советской прифронтовой полосе», «Переход линии фронта при возвращении» и «Поведение на допросах в органах НКВД», обучал курсантов стрельбе по-македонски. На занятиях появлялся только в темных очках и парике, с усами и бородой.

Настроен яро антисоветски. В совершенстве владеет стрелковым и холодным оружием, приемами защиты и нападения. Не расстается с пистолетом, заряженным разрывными пулями с ядом, вызывающим мгновенную смерть. Представляет особую опасность при задержании.

Словесный портрет: рост — выше среднего; фигура — плотноватая; лицо — овальное; лоб — средний, прямой; брови — дугообразные; нос — средней высоты и ширины, спинка прямая; подбородок — прямой; уши — овальные, противокозелок — выпуклый; глаза — голубые; волосы — светло-русые; шея — средняя, мускулистая; плечи — горизонтальные.

Особые приметы: говорит с уловимым южнорусским акцентом; ноги чуть кривоватые «по-кавалерийски»; в верхней челюсти справа на третьем и четвертом зубах металлические коронки; при серьезном разговоре немного щурит глаза; на спине вправо от линии позвоночника и параллельно ему шрамы от двух фурункулов, расстояние между ними 5—6 см.

Другие особенности: обладает незаурядным обаянием, легко входит в доверие к окружающим; любит охоту и верховую езду; из пищи — трепанг с жареным луком, борщ мясной и бифштекс с кровью. Не курит, алкоголь употребляет в случаях необходимости; физиологические контакты только с нужными для выполнения задания женщинами.

Согласно проверенным данным, в одну из ближайших ночей Мищенко с еще пятью прошедшими специальную подготовку агентами, также экипированными в форму советских офицеров, будет переброшен в тылы Красной Армии старшим террористической группы, имеющей задачу — уничтожение руководителей Ставки ВГК.

Для совершения актов центрального террора группа Мищенко вооружена пистолетами с разрывными пулями, начиненными ядом, вызывающим мгновенную смерть, а также двумя «панцеркнакке» — специально сконструированными по заказу немецкой разведки портативными устройствами типа «фаустпатрон», с реактивными снарядами кумулятивного действия, калибром 30 мм. «Панцеркнакке» помещается в рукаве шинели, крепится к руке ременными пристяжками, выстрел производится бесшумно при помощи кнопочного включателя.

Розыскные данные остальных пяти агентов уточняются и будут сообщены в ближайшие два часа.

Примите самые активные меры к обнаружению и поимке или ликвидации группы Мищенко, для чего привлеките весь оперативный состав органов контрразведки, приданные подразделения, части по охране тылов фрон-

та и личный состав этапно-заградительных комендатур.

Немедленно организуйте ужесточенную проверку документов на станциях, в поездах и на контрольно-пропускных пунктах, обратив особое внимание на дороги, ведущие в направлении Москвы. Всех подозрительных задерживать для выяснения личности.

Начальникам Управлений «Смерш» фронтов немедленно разработать и в ближайшие шесть часов задействовать планы надежного блокирования всех возможных путей движения разыскиваемых после переброски из оперативных тылов в направлении Москвы.

До сведения оперативного состава контрразведки и всех привлекаемых к розыскным и проверочным мероприятиям надлежит довести, что каждый, кто даст реальный результат по обнаружению и поимке или ликвидации группы Мищенко, будет немедленно представлен к правительственной награде.

ГУКР «Смерш» считает необходимым обратить внимание всех руководителей органов контрразведки на особую опасность, которую представляют разыскиваемые, и обязывает для их поимки или ликвидации максимально использовать все оперативные и другие возможности.

Специальные указания органам «Смерш» Московского военного округа будут переданы дополнительно.

О ходе розыска, проводимых вами мероприятиях и всех вновь добытых данных докладывайте каждые шесть часов...»

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Воздух !!!

Всем органам «Смерш» фронтов и военных округов Европейской части страны.

Вчера, 14 сентября с. г., в 20.40 на окраине Москвы, близ выезда в сторону Кунцева, при попытке задержания в результате огневого контакта оперативно-розыскной группы «Смерш» с четырьмя неизвестными в форме офицеров Красной Армии, двое из них были убиты, а третий тяжело ранен и, так как бежать не мог, пристрелен затем четвертым неизвестным, сумевшим благодаря темноте скрыться. Дорожка отхода оказалась присыпан-

ной кайенской смесью[1], *что блокировало применение служебных собак.*

Как установлено осмотром трупов, убитые являются проходящими по чрезвычайному розыску агентами группы Мищенко: Бакшеевым Василием, Нурметовым Гасаном и Миловским Анатолием. Есть основания полагать, что самого Мищенко среди четырех участвовавших в перестрелке агентов не было.

На месте огневого контакта, кроме пистолетов «ТТ», найдены также два пистолета «вальтер» № 1 калибр 9 мм, заряженные разрывными пулями с ядом, вызывающим мгновенную смерть. В карманах убитых обнаружены безупречные по реквизиту и соответствию действительным обстоятельствам фиктивные документы на имя офицеров 11-й Гвардейской армии Западного фронта капитана Мельчакова и старших лейтенантов Фомина и Кухарского, якобы командированных в Москву для переподготовки на курсах «Выстрел». Предположительно Мищенко, Зубков и Тулин до сегодняшней ночи тоже имели на руках документы офицеров 11-й Гвардейской армии.

Вполне вероятно, что чрезвычайные проверочные и охранные мероприятия, осуществляемые в Москве и ее окрестностях, вынудят Мищенко, Зубкова и Тулина покинуть район столицы. Не исключено, что, потеряв трех агентов, Мищенко затребует пополнение и до его прибытия на время затаится.

Также не исключено, что Мищенко с остатками группы попытается перейти линию фронта или же за ними в обусловленное место будет прислан специально сконструированный по заданию абвера самолет «Арадо-320»— десантный моноплан с высокой скоростью и потолком полета, способный совершать посадки в непогоду и на неподготовленные, неровные площадки весьма ограниченных размеров.

Поимка или ликвидация Мищенко, Зубкова и Тулина по-прежнему остается главной, особой важности задачей органов «Смерш» всех фронтов и военных округов Европейской части страны.

---

[1] Кайенская (или «индийская») смесь — смесь истолченного в порошок кайенского перца и крепкого табака. Применяется для ослепления противника, а также в качестве антисобакина.

Розыск Бакшеева, Миловского и Нурметова, проходящих по ориентировке № . . . . . от 07.09.43 г., прекратить. .»

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Воздух!!!

Всем органам «Смерш» фронтов и военных округов Европейской части страны.

За последние двое суток в тылах Воронежского и Брянского фронтов совершены нападения на легковые автомашины и убийства генералов Куприянова и Чиликина, а также семи старших офицеров Красной Армии, сопровождавших их военнослужащих и шоферов.

Места совершения терактов:

18 сентября — западнее Обояни, севернее Суджи и юго-восточнее Лебедина;

19 сентября — западнее Кромы, южнее Хотынца и северо-восточнее Карачева.

Как установлено, легковые машины, на которых ехали убитые, останавливались на дорогах в безлюдных местах неизвестными в форме офицеров Красной Армии. По крайней мере, в двух случаях остановка производилась под угрозой применения кобурного оружия, с той же целью террористами использовались нарукавные повязки службы ВАД[1]. Не исключено, что для передвижения террористы располагают автомашиной «додж»— три четверти.

Убийства совершались из пистолетов калибром 9 мм, предположительно «Браунинг Лонг 07» или «вальтер» № 1, разрывными пулями, содержащими яд, вызывающий мгновенную смерть. В пяти случаях из шести после совершения теракта машины с трупами отгонялись в сторону, обливались бензином и поджигались.

Экспертизой установлена полная идентичность яда, которым были обработаны пули террористов, с ядом, содержащимся в пулях пистолетов агентов группы Мищенко. Имеются и другие основания предполагать, что указанные выше убийства совершены Мищенко, Зубковым и Тулиным.

---

[1] ВАД — военно-автомобильная дорога.

В дополнение к уже проводимым оперативно-розыскным мероприятиям под личную ответственность руководителей органов «Смерш» предлагается принять все необходимые меры для обеспечения безопасности генеральского и старшего офицерского состава Красной Армии.

Нами командованиям Калининского, Западного, Брянского, Центрального и Воронежского фронтов рекомендовано принятие следующих предохранительных мер:

а) выезд генералов и командиров соединений за пределы расположения части разрешается только в сопровождении движущейся впереди машины с охраной;

б) выезд старших офицеров разрешается только под охраной двух-трех автоматчиков;

в) движение легковых автомашин должно происходить на большой, предельно допустимой для данного покрытия скорости; всякие остановки по дороге, кроме вызванных крайней необходимостью, запрещаются. Любая попытка со стороны неизвестных остановить легковую машину с угрозой применения оружия должна быть немедленно пресечена огнем на уничтожение.

Под личную ответственность руководителей органов «Смерш» предлагается установить строжайший контроль за техническим состоянием автомашин генералов и старших офицеров, а также за боеспособностью охраны, куда следует подобрать имеющих достаточный боевой опыт, находчивых, с быстрой реакцией бойцов и сержантов, в совершенстве владеющих стрелковым оружием.

Органам котрразведки Калининского, Западного, Брянского, Центрального и Воронежского фронтов в дополнение к уже проводимым оперативно-розыскным мероприятиям в течение шести часов надлежит создать и задействовать на военно-автомобильных дорогах подвижные поисково-истребительные группы «Смерш», совершающие челночные маршруты с целью обнаружения и задержания или уничтожения террористов.

Управлениям контрразведки Калининского, Западного, Брянского и Центрального фронтов предлагается в ближайшие двенадцать часов создать и задействовать на основных военно-автомобильных дорогах по 6—8 специальных оперативных групп-приманок, снабженных легковыми машинами. В каждой на переднем сиденье дол-

жен находиться офицер контрразведки в форме полковника Красной Армии или же генерал-майора (не более трех на фронт), а на заднем — двое розыскников, обладающих быстрой реакцией и достаточным опытом скоротечных огневых контактов.

Для круглосуточного использования машин-ловушек надлежит обеспечить каждую двумя сменами оперативного состава и двумя опытными водителями. Формирование оперативных групп-приманок, экипировку «полковников» и «генералов», оформление соответствующих легенд и всей необходимой документации начальникам управлений взять под свой личный контроль.

До сведения всего оперативного состава органов «Смерш» должно быть доведено, что, учитывая наличие у разыскиваемых пистолетов с пулями, вызывающими мгновенную смерть, задачей органов контрразведки «Смерш» является как поимка, так и уничтожение террористов.

Об исполнении настоящей директивы и всех проводимых мероприятий докладывать каждые шесть часов...»

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Воздух!!!

Всем органам «Смерш» фронтов и военных округов Европейской части страны.

Вчера, 21 сентября 1943 года, в тылах Западного фронта на шоссе севернее Жиздры при нападении на машину-ловушку контрразведки «Смерш» были застрелены двое неизвестных в форме офицеров Красной Армии, которых удалось идентифицировать как проходящих по чрезвычайному розыску агентов группы Мищенко — Василия Зубкова и Николая Тулина.

Самому Мищенко удалось скрыться, так как при огневом контакте трое оперативных работников были убиты, а оставшийся в живых водитель осуществить задержание или ликвидацию Мищенко не сумел. Применение служебной собаки результата не дало, поскольку дорожка отхода оказалась присыпанной кайенской смесью.

В момент нападения Мищенко был одет в шинель с

полевыми майорскими погонами, стянутую офицерским ремнем и портупеей, фуражку БТ и МВ с невысокой тульей; никаких вещей, кроме кобурного оружия, у него не было. Судя по обнаруженным каплям крови на уходящих следах, Мищенко получил ранение, в связи с чем не исключено, что он попытается отлежаться где-нибудь в лесу или же в одном из населенных пунктов.

На трупах Зубкова и Тулина были найдены исполненные на подлинных бланках, безупречные по реквизиту и соответствию действительным обстоятельствам фиктивные документы на имя командира комендантской роты 3-й Гвардейской танковой армии капитана Сусайкова и командира взвода той же роты лейтенанта Клевцова. Предположительно и Мищенко в момент нападения на машину-ловушку имел документы офицера штаба 3-й Гвардейской танковой армии.

Примите самые активные меры к поимке или же ликвидации Мищенко. Особые указания органами «Смерш» Западного фронта будут переданы дополнительно.

Розыск проходящих по ориентировке № . . . . от 07.09.43 г. Василия Зубкова и Николая Тулина прекратить...»

95. ГВАРДИИ ЛЕЙТЕНАНТ АНДРЕЙ БЛИНОВ, ПОКА ЕЩЕ МАЛЫШ

Он стоял за кустом, широко расставив ноги и держа пистолет в намеренно расслабленной руке, как учил его Таманцев, внимательно смотрел и слушал.

Проверка документов проходила спокойно, бессобытийно, впрочем, ничего существенного, результативного Андрей от нее и не ждал.

Таманцев не раз говорил ему, что от других опасных преступников шпион отличается прежде всего тем, что за ним стоит целое государство и подготовка его во всех смыслах — результат деятельности многих опытнейших профессионалов, обдумывающих и обсасывающих с полной ответственностью каждую деталь и в его легенде, и в экипировке, и в документах.

С примерами из своей практики Таманцев рассказывал, какой отличной липой снабжают немцы свою агентуру, как напряженно они следят за всеми мерами по

защите советских воинских документов от подделок, за условными секретными знаками, каждый из которых действует только определенное время, и как оперативно — в течение трех-четырех, а то и двух недель — они реагируют на выявленные изменения.

— Органолептика редко что-нибудь дает,— в задумчивости говорил Таманцев.— На документах сыплется, может, только один агент из десяти, не больше!

И все же Андрей с вниманием смотрел и слушал, особенно каждое слово Алехина, чтобы не пропустить обусловленных сигналов-команд: «Не могу понять...», а тем более «Будьте любезны».

Проверяемых Андрей видел сбоку и даже несколько сзади и потому не мог разглядеть выражения их лиц, да и рассматривать-то не имел права: его обязанностью сейчас было «держать» лейтенанта, что он старательно и делал.

Только во время пауз, когда там, перед кустами, все молчали, он дважды позволил себе бросить взгляд на помощника коменданта.

В эти минуты в Андрее происходила переоценка поведения Аникушина. Если в машине по дороге из Лиды и позже, здесь, в лесу, в разговорах с Алехиным помощник коменданта показался Андрею гордым до высокомерия и непонятно ершистым, то, услышав его фамилию и сообразив, кто он, Андрей стал думать о нем иначе.

Объяснялось это прежде всего тем, что Аникушин был человек или же талант, без сомнения, выдающийся. Признанный прославленными авторитетами «надеждой русского вокала», он, разумеется, знал себе цену и держался соответствующе, и ничего в том не было плохого или предосудительного.

Андрей легко представлял его себе в совсем иной обстановке: на сцене Большого театра, в момент, когда тот, стоя после выступления у занавеса, с достоинством раскланивается, а весь раззолоченный, краснобархатный, сверкающий хрусталем зал — от галерки до партера — сотрясается от аплодисментов.

Размышляя таким образом, Андрей с каждой минутой испытывал к Аникушину все большее уважение и симпатию и уже решил, что, как только все это окончится, подойдет к помощнику коменданта, объяснит, откуда

его знает, и расскажет, что Валька был его одноклассник и ближайший друг. Он вспомнил даже, как зовут помощника коменданта — Игорем, ну конечно же Игорем: Валька, рассказывая о брате, не раз произносил это имя, да и в газетных заметках оно тоже, кажется, упоминалось.

Впрочем, он думал об Аникушине только до условного сигнала Алехина «Внимание!», а затем сразу переключился и повторил мысленно свои действия в случае сшибки. Когда же дважды прозвучало «Будьте любезны...», означавшее «К бою!», Андрей мобилизовался весь предельно и для большей готовности дважды взял на мушку плечо лейтенанта.

Но на поляне перед кустами после недолгого пререкания старшего лейтенанта с Алехиным, который, очевидно, умышленно обострял, снова было совершенно спокойно. Алехин опять присел у вещмешка, а проверяемые, наклонив головы, наблюдали, что он там, внизу, делает, и ничто в их позах и поведении не предвещало ничего враждебного.

Андрей не спускал глаз с лейтенанта и все же вдруг заметил, что Аникушин неожиданно оказался между Таманцевым и проверяемыми, на одной линии с ними.

«И куда он вылез?» — удивился Андрей, но только спустя секунды с ужасом сообразил, что́ произошло, и даже вспомнил — ему говорил Таманцев, — как это называется: блокировать директрису[1]. Но зачем помощник коменданта это сделал?.. Ведь Алехин его предупреждал — дважды! — затмение на него нашло, что ли?..

Андрей уловил слева отчаянную жестикуляцию Таманцева и проворно скосил глаза в его сторону.

Таманцев тотчас дотронулся до погона и показал ему четыре пальца, по количеству звездочек: мол, держи капитана! Андрей согласно качнул головой. Когда их взгляды на мгновения встретились, Таманцев, сжав челюсти, быстро и беззвучно шевелил губами: так он выражал свои чувства, если обстоятельства не позволяли выругаться вслух. Лицо у него было презлое, и Андрей представил, какой неповторимой руганью обложит Та-

---

[1] Директриса — направление, в котором ведется или должна вестись стрельба.

манцев помощника коменданта, когда все это кончится.

Таманцев пытался перестроиться, но что тут можно было поделать, если помощник коменданта блокировал директрису и закрывал от него проверяемых; Андрей же мог одновременно держать только одного, указанного ему Таманцевым и, очевидно, самого сейчас опасного — капитана.

Андрей не спускал с него глаз и увидел, как его плотное туловище внезапно дернулось в просвете смотровой щели вверх и вниз, почти одновременно послышался возглас: «Бей!» — и тотчас слева грохнул выстрел Таманцева и раздался его дикий отвлекающий выкрик. Андрей, целясь своему подопечному, капитану, в правое плечо, нажал спуск и сейчас же, как и требовалось, выкрикивая слова команды несуществующему взводу и страшно заикаясь при этом от волнения, выскочил из орешника, чтобы отвлечь внимание нападающих на себя.

Опередивший его Таманцев с двумя наганами в поднятых на уровень плеч руках уже пританцовывал у них на виду — «качал маятник», стремительно смещаясь от кустов влево.

— Не стрелять! — пытаясь стать на ноги, не своим голосом прокричал Алехин; кровь заливала ему лицо, и Андрей понял, что у него пробита или прострелена голова, и с пронзительной болью в душе осознал, почему так получилось: нет, Таманцев не мог оплошать, это он, Андрей, лопухнулся, наверняка он один виноват!..

Капитан же, которого Андрей должен был «держать», лежал спиной вверх, вытянувшись в траве, и Андрей в этот момент ничуть не сообразил, что его поза и неподвижность не соответствуют пулевому ранению в плечо.

«Прокачать», оценить обстановку, как учил его Таманцев, он не мог. Возбужденный, огорченный до отчаяния тем, что по его недосмотру Алехина тяжело или даже смертельно ранили, к тому же несколько сбитый с толку его запрещением: «Не стрелять!» — и оттого плохо соображая, что ему делать? — Андрей на мгновение растерялся, но тут слева, как выстрел, ударила отрывистая повелительная команда Таманцева:

— Держи лейтенанта!!!

96. ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Весьма срочно!

Егорову

В нашем № . . . . . от 19.08.44 г. о разрешенных заменах с использованием трофейных продуктов для улучшения и разнообразия питания военнослужащих, привлекаемых к розыскным, контрольно-проверочным и войсковым мероприятиям по делу «Неман», ошибочно указано: «из расчета 5 граммов изюма за грамм сахара».

Замену следует производить только из расчета 3 грамма изюма за грамм сахара.

Настоящую поправку немедленно доведите до сведения интендантов для неуклонного выполнения.

Артемьев».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Чрезвычайно срочно!

Егорову

Спецсообщение

Сегодня, 19 августа, в 10.50 по проверке документов и личных вещей в поезде Вильнюс — Белосток трое неизвестных в форме военнослужащих отказались предъявить свой багаж. Будучи задержаны и переходя с оперативной группой из вагона в вагон, неизвестные в одном из тамбуров неожиданно открыли стрельбу, убив при этом старшего группы капитана Товпыгу и патрульного сержанта Шевкопляса и ранив офицера комендатуры лейтенанта Шмакова, после чего сорвали стоп-кран и бросились бежать.

Шмаковым, несмотря на ранения, было организовано преследование, в котором приняло участие до 50 военнослужащих, ехавших в остановленном поезде. В результате неизвестных примерно в километре от железной дороги удалось настигнуть и одного из них, раненного в руку и в бедро, захватить живым. Двое других при попытке задержания, укрывшись за кустарником, оказали вооруженное сопротивление. Несмотря на призывы Шмакова взять неизвестных живыми, военнослужащие, участ-

вовавшие в преследовании, открыли стрельбу из пистолетов и автоматов на поражение, в результате чего один из неизвестных был убит, а другой тяжело ранен одиннадцатью пулями и, не приходя в сознание, спустя сорок минут умер.

При тщательном обыске района задержания и трупов обнаружено: рация портативная приемопередающая «Эри» мощностью 25 ватт, в рабочем состоянии, таблицы пятизначного шифра, 3 пистолета ТТ, к ним 47 патронов, 2 пистолета «вальтер» № 2 и к ним 29 патронов, ножей финских два, складной — один, 2 компаса, трое наручных часов, крупномасштабные карты районов Литвы и Западной Белоруссии, перешифровальных блокнота 2, листки с записями разведывательного характера, а также запасные бланки: офицерских удостоверений 5, командировочных предписаний 17, продаттестатов 9, вещевых книжек 6, партийных билетов 4, комсомольский — 1.

В момент задержания неизвестными были предъявлены документы, заполненные на имя капитана Дзюбенко Кузьмы Остаповича, лейтенанта Шипулина Павла Ивановича и старшины Захарова Федора Петровича.

Захваченному живым агенту, имевшему документы на имя Захарова, оказана необходимая медицинская помощь. Его попытка покончить жизнь самоубийством была своевременно блокирована, и состояние после переливания крови является вполне удовлетворительным. Трижды предупрежденный об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний, он, однако, за два с половиной часа допроса не произнес ни слова, и получение от него в ближайшее время каких-либо сведений, способствовавших бы установлению его личности или же личности двух других убитых агентов, представляется маловероятным.

Антропометрическим обмером бицепсов и сравнительным осмотром грудных и трапециевидных мышц установлено, что один из убитых, одетый в форму лейтенанта, был левша. Как он, так и одетый в форму капитана, по признакам словесного портрета, имеют некоторое сходство с фигурантами чрезвычайного розыска. Обнаруженные у них записи разведывательного характера также дают основания полагать, что они и являются особо опасными агентами, разыскиваемыми по делу «Неман».

Прошу срочно сообщить особые приметы или какие-либо дополнительные данные, способствующие оконча-

тельной идентификаций. Ожидаю ваших дальнейших указаний.

В соответствии с указанием о представлении к правительственным наградам настоятельно прошу отметить находчивость и самоотверженные действия получившего тяжелые ранения офицера 79-й комендатуры лейтенанта Шмакова Виталия Петровича, 1920 года рождения, урож. гор. Коломны, русского, члена ВКП(б), из совслужащих. Руководством комендатуры Шмаков характеризуется только положительно.

Омелин».

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Весьма срочно!

Егорову

В представляемых Вами донесениях не отражено политико-моральное состояние личного состава частей и подразделений, привлекаемых к войсковым операциям и контрольно-проверочным мероприятиям по делу «Неман».

Немедленно донесите с приведением наиболее характерных примеров и высказываний по частям Красной Армии, НКВД и этапно-заградительным комендатурам отдельно.

Колыбанов».

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Воздух!!!

Егорову

Находитесь неотлучно у прямой связи для приема чрезвычайно важного.

Колыбанов».

97. ЕВГЕНИЙ ТАМАНЦЕВ — ЧИСТИЛЬЩИК И ВОЛКОДАВ ПО ПРОЗВИЩУ СКОРОХВАТ

Почти одновременно я уловил взмах руки над Пашиной головой и услышал команду бритоголового: «Бей их!» Я понял: Пашу убивают! — но помощник коменданта закрывал от меня всех троих, и единственно, что я мог, это в ту же секунду, выстрелив в воздух и заорав:

«Ни с места!!! Руки вверх!!!» — чтобы отвлечь внимание на себя — выскочить из кустов.

Вслед за мною выстрелил и Малыш, и я увидел, что бритоголовый как подкошенный валится в траву рядом с Пашей, а тот пытается подняться и кровь из раны на голове заливает ему лицо.

Ближе всех ко мне спиною в четверть оборота стоял помощник коменданта (он в первый же момент инстинктивно отпрянул назад), за ним метрах в полутора — амбал, еще дальше и левее — «лейтенант»; двое последних, естественно, повернулись и смотрели в мою сторону, причем в левой руке у амбала я, как и ожидал, увидел нож, а в правой у «лейтенанта» был «ТТ», который он, помедля, направил на меня.

Можно было без труда двумя-тремя пулями обезвредить его — он стоял совершенно открыто, — но я уже выбрал его для экстренного потрошения, и потому следовало взять его невредимым — желательно без единой царапины.

В некоторой растерянности он помедлил, и за эти секунды я успел оказаться от него со стороны солнца и, таким образом, задействовал подсветку. Для острастки, для давления на психику я немедля «пощекотал ему уши»: произвел по одиночному выстрелу из обоих наганов так, что пули прошли впритирку с его головой, — это впечатляет.

Чтобы затруднить ему прицеливание, я непрерывно «качал маятник»: пританцовывал левым плечом вперед, рывками перемещая корпус из стороны в сторону и все время передвигаясь и сам, — нечто похожее, только попроще, проделывает боксер на ринге. Для дальнейшего психологического воздействия я держал его на мушке и фиксировал взглядом, всем своим видом показывая, что вот-вот выстрелю.

Малыш выпрыгнул без промедления и, как и следовало, угрожающе закричал: «В-в-звод, к бою!» — и я тотчас во все горло повторил его команду, добавив: «Окружайте поляну!!!» — хотя никакого взвода в радиусе нескольких километров, разумеется, не было и делалось это, исключительно чтобы задействовать фактор отвлечения, фактор нервозности — сбить троих с панталыку и, во всяком случае, заставить оглядываться.

Результат оказался бóльшим, чем ожидалось: «лей-

тенант» крикнул «Засада!», метнул мгновенный взгляд на амбала и, дважды выстрелив даже не в меня, а в мою сторону, вдруг опрометью бросился бежать.

— Не стрелять! — поднимаясь на ноги, скомандовал Паша; это относилось ко мне и Малышу и звучало напоминанием, что хоть одного надо взять живым.

Умело держась метрах в двух за помощником коменданта, амбал молниеносно нагнулся к бритоголовому, и тут же в левой руке у него я увидел уже не финку, а обнаженный ствол и сразу сообразил, что он левша, и разглядел, что пистолет был не «ТТ», а «Браунинг Лонг 07» калибром девять миллиметров, именно та машина, которая у немецких агентов обычно заряжена разрывными пулями с ядом, вызывающим немедленную смерть.

Я уже прикинул оперативную обстановку и соотношение сил: Малыш свалил бритоголового «капитана», причем по-серьезному — тот не вставал и не двигался, — а у Паши как минимум пробита голова; во всяком случае, на какое-то время они оба практически вырубились. И мне следовало немедленно принять командование на себя и под мою личную ответственность во что бы то ни стало слепить — теплыми! — амбала и «лейтенанта».

— Держи лейтенанта! — крикнул я Малышу и, понимая, что Паша оглушен, во весь голос заорал: — Ложись, Паша! Ложись!!!

Я боялся за них больше, чем за себя, и с облегчением отметил, что они оба без промедления поняли и выполняли мою команду.

Выскочив в первое мгновение из кустов, я сразу же метнулся влево, чтобы расширить сектор охвата, положить амбалу и «лейтенанту» подсветку на глаза (развернуть их лицом против солнца), а также чтобы деблокировать директрису. Не удалось только последнее: амбал с похвальной быстротой переместился вправо и снова оказался за рослым, фигуристым помощником коменданта. Он двигался легко и ловко, и реакция у него была хорошая, но при этом защитном движении его голова на секунду появилась правее фуражки помощника коменданта, и в тот же миг выстрелом из правого нагана я сбил с него пилотку. Такие вещи впечатляют, а от меня сейчас требовалось все время давить ему на психику.

Помощник коменданта лишь теперь протер мозги,

лапал судорожно кобуру, прижатую полой кителя, и не мог от возбуждения открыть — заколодило, как случается и не только у таких лопухов. Вообще-то Паша должен был дать ему «вальтер» в карман, и действовать ему следовало в первую очередь именно «вальтером». Но я сейчас не мог занимать извилины его оружием и его действиями; я на него нисколько не рассчитывал: после того как Пашу вырубили, я, естественно, надеялся только на одного себя.

— Падай, капитан, падай! — закричал я ему, но он, будто не слыша, даже не пригнулся.

Я ничуть не удивился: фактор внезапности в скоротечных схватках тормозит решительные действия даже у бывалых фронтовиков, чего же можно ожидать от разодетого тылового фраера?

— Ложись, комендатура, ложись!!! — яростно заорал я и тотчас прыгнул вправо.

Мне на секунду открылась часть туловища амбала, его левый бок и рука с браунингом, и, стремясь упредить его действия, я нажал на спусковой крючок, но амбал проворно дернулся влево, я же, вероятно, так боялся попасть в помощника коменданта, что от этого мандраже промазал и в душе обложил себя самыми последними словами.

Вслед за моим выстрелом справа раздались еще три: стоя на четвереньках, Паша сбоку стрелял по ногам амбала. Он был оглушен, и правая половина лица залита кровью, к тому же рядом с директрисой находился помощник коменданта; естественно, я не рассчитывал, что Паша попадет, но это в любом случае создавало крайне ценный для меня в эту минуту отвлекающий фактор, и мысленно я ему аплодировал.

Нет, я не промахнулся: на рукаве гимнастерки амбала у самого погона проступило темное пятно. Но я только слегка задел, считай, поцарапал ему левую руку, а ее требовалось надежно «отключить».

Толково используя ситуацию, он держался за живым заслоном, я же на открытом месте в десятке метров от него вынужден был энергично двигаться, пританцовывать, фиксируя его лицо и все время угрожая обоими наганами.

Он выстрелил в меня двумя пулями, не попал, добавил погодя секунды еще одну и снова — мимо. Чему-че-

му, а как «качать маятник»[1], я мог поучить и его, и тех, кто готовил его в Германии, к тому же Пашины выстрелы сбоку, несомненно, действовали ему на нервы, а подсветка значительно снижала меткость.

Тем не менее он был опытный, находчивый парш, сразу понявший, что я опаснее других и что в первую очередь надо разделаться со мной. И я перед тем оценил его правильно: он действовал толково, уверенно, стрелял в отличие от «лейтенанта» умело, не торопясь, и если бы не подсветка и не моя сноровка в «качании маятника», он бы, возможно, меня уже свалил.

Ствол браунинга опять следовал за моими движениями — справа налево и обратно, и я чувствовал, знал, что в ближайшую секунду снова раздастся выстрел. Но в это мгновение помощник коменданта вытащил наконец пистолет, и амбал, целившийся в меня, без промедления выстрелил дважды ему в грудь.

С позиции инстинкта самосохранения и личной безопасности его действия были логичны, обоснованны, но теперь он терял свое главное преимущество: помощник коменданта сразу обмяк и стал валиться вниз и назад, при этом открылся верх туловища амбала, и как только это произошло, я, упредив его следующий выстрел, всадил ему две пули в левое плечо и тотчас рванулся вперед, чтобы помешать ему — блокировать вероятную попытку поднять правой рукой вывалившийся в траву браунинг.

Он действительно нагнулся и, не спуская с меня глаз,

---

[1] Качание маятника — это не только движение, оно толкуется шире, чем можно здесь понять со слов Таманцева. Его следует определить как «наиболее рациональные действия и поведение во время скоротечных огневых контактов при силовом задержании». Оно включает в себя и мгновенное выхватывание оружия, и умение с первых же секунд задействовать фактор отвлечения, фактор нервозности, а если возможно, и подсветку, и моментальную безошибочную реакцию на любые действия противника, и упреждающее стремительное передвижение под выстрелами, и непрестанные обманные движения («финт-игра»), и снайперскую меткость попадания в конечности при стрельбе по-македонски («отключение конечностей»), и непрерывный психологический прессинг до завершения силового задержания. «Качанием маятника» достигается захват живьем сильного, хорошо вооруженного и оказывающего активное сопротивление противника. Судя по описанию, Таманцев «качает маятник» в наиболее трудном и эффективном исполнении — «вразножку».

зашарил у ног, но я летел на него стремглав, и, не выдержав, он бросился бежать через поляну, а я пустился за ним, успев отметить, что помощник коменданта и бритоголовый «капитан» лежат не двигаясь, причем поза последнего — спиной кверху, с неловко вывернутой вбок правой рукой — мне весьма не понравилась.

Слева захлопали выстрелы из «ТТ», и, кинув туда взгляд, я увидел, что «лейтенант», оборачиваясь, стреляет в Малыша, а тот, как я его учил, на бегу уклоняется, не очень ловко, но в целом грамотно.

Я боялся за Малыша, опасений же, что «лейтенанту» удастся уйти, не испытывал, поскольку знал, что если даже я его потом не догоню здесь поблизости, через двадцать минут — к тому времени, когда он в лучшем случае достигнет опушки,— весь лес по периметру уже будет охвачен огромной «каруселью», и за пределы столь плотного оперативного кольца ему не выскочить и не проскользнуть.

В кобуре у амбала на ремне за правым бедром был еще ствол, скорее всего «Браунинг Лонг 07», схожий по форме и размерам с «ТТ», и хотя рука у него болталась, как плеть, а гимнастерка под погоном потемнела от крови и брюки сзади повыше колена тоже — Паша все-таки сумел в него попасть! — я держал ухо востро. Утверждение, что якобы у левши правая рука развита недостаточно,— это байка для дефективных детишек. А в действиях его чувствовался настоящий парш.

Я услышал возгласы: «Стой! Стрелять буду!», оглянувшись, увидел старшину, выскочившего с автоматом из кустов перед «лейтенантом», заорал ему и Малышу: «Не стрелять!»— но в тот же миг «лейтенант» поднял руки вверх, и я подумал с облегчением: вдвоем-то они наверняка его слепят теплым и невредимым.

В жизни каждый двадцатый — левша, их миллионы, но я уже убедил себя, что именно этот самый амбал пытался убить Гусева, того шофера с «доджа», и, следовательно, причастен к делу «Неман». Я просто мечтал, чтобы так оно и оказалось.

Раненный в плечо и в ляжку, он бежал даже лучше, быстрее, чем я ожидал. Но ему нужно было достигнуть деревьев или оторваться от меня, чтобы обнажить ствол, а я спокойно сокращал расстояние между нами и готовился его слепить. Он наверняка уже понял, кто мы та-

кие и что наша задача — взять его живым. Конечно, я без труда мог его стреножить, но дырявить даже парша без необходимости — мне поперек горла, и зачем стреножить, если он и так не уйдет.

На бегу я опять оглянулся влево. Малыш, положив «лейтенанта» лицом в траву, стягивал ему вязками руки за спиной. Старшина, воинственно наставив вниз автомат, стоял рядом.

И в этот момент амбал наконец сделал то, чего я все время ждал: правой рукой ухватился за кобуру. Она у него наверняка была с вытяжным ремешком, и мешкать не следовало.

Тут могло быть два реальных решения: сбить его подсечкой или же оглушить ударом в голову. Имея в виду оперативную обстановку здесь, на поляне, и то, что нам предстояло, я выбрал второе: наддав, сократил дистанцию и, как только пальцы его оказались в кобуре, взлетел над ним в прыжке и сверху ударил его рукояткой нагана правее макушки, вполсилы, с расчетом кратковременного рауша[1].

Он упал вперед и чуть влево, по инерции метра полтора проехал лицом вниз по траве. Замер расслабленно, голова не поднималась, и я понял, что на какие-то минуты он вырубился. Сунув выпавший из кобуры браунинг себе в карман, я ухватил его за правую целую руку и в темпе, как куль, потащил к месту засады.

Туда же Малыш и старшина уже вели «лейтенанта». Он шел со связанными за спиной руками, и, бросив на него взгляд, я уже соображал, как буду его потрошить.

На ходу я успел посмотреть на часы — для рапорта. Зафиксировать момент начала сшибки я не имел возможности, но продолжалось все это не более трех-четырех минут.

Паша с лицом, залитым кровью, сидел, зажав рукой рану на голове, а двое других — бритоголовый и помощник коменданта — по-прежнему лежали в траве. И, увидев, что Паша сидит, я возликовал, от радости как гора с плеч слетела — могло быть и хуже.

И теперь, когда я увидел его живым и было совершенно ясно, что хорошо или плохо, но мы слепили всех троих, вопрос, который с момента их появления на по-

---

[1] Рауш — оглушение с потерей сознания.

ляне все время назойливо занимал меня: «Кто они?» — сменился другим. Я уже нисколько не сомневался, что это действующие немецкие агенты, однако то, что один из них левша, еще ничего не доказывало, и теперь меня буквально свербило главное, самое в эту минуту существенное: «Имеют ли они отношение к делу «Неман»?.. Имеют или нет?..»

98. ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Весьма срочно!

Егорову

Механик 294-го ОРВБ старшина Гурченко Николай Тарасович по прозвищу «Коляныч» подтвердил, что прошлой зимой, когда его часть и батальон, где служил сержант Гусев, располагались по соседству под Гомелем, в феврале или начале марта месяца Гусевым у него действительно был приобретен за бутылку водки точно такой портсигар, как предъявленный ему нами для опознания.

Однако за прошедшую зиму Гурченко изготовил десятки одинаковых по форме, размеру и рисунку портсигаров со стандартной надписью «Смерть немецким захватчикам!», и ввиду отсутствия у них каких-либо индивидуальных особенностей и примет он не может утверждать достоверно, что именно этот портсигар был им передан Гусеву.

Бондаревский».

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Срочно!

Колыбанову

на № . . . . . . от 19.08.44 г.

Надо смотреть правде в глаза. Все без исключения возможные нами предпринято и делается. Однако никаких гарантий, что разыскиваемых удастся взять сегодня или даже завтра, нет и быть не может.

Егоров».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Срочно!

Егорову

В действиях и поведении Чеслава и Винцента Комарницких за время наблюдения ничего подозрительного обнаружить не удалось.

Логинов».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Весьма срочно!

Колыбанову

на № . . . . от 19.08.44 г.

Малая саперная лопатка, обнаруженная в хате Юлии Антонюк и принесенная, как установлено, Павловским, имеет выдавленное заводское клеймо «Ч-к 44» и по справке Главного инженерного управления КА изготовлена в Челябинске в 1944 году.

Лопатка же, находившаяся в машине у Гусева, как нами точно установлено, имела заводское клеймо «К-в 43» и была изготовлена в Коврове в 1943 году.

Произведенной нами с целью идентификации тщательной проверкой получить доказательства того, что портсигар, обнаруженный у Павловского, является портсигаром Гусева, не удалось.

Таким образом, никакими данными о принадлежности Павловского к группе «Неман» мы пока не располагаем.

Поляков».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Весьма срочно!

Гродно, Логинову

С соблюдением всех мер предосторожности без промедления негласно арестуйте Чеслава и Винцента Комарницких и самолетом с надежной охраной доставьте их в Лиду. За остальными продолжайте наблюдение.

Поляков».

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Воздух!!!

Егорову

Ввиду отсутствия результата по делу «Неман» согласно отданных ранее подготовительных распоряжений под Вашу личную ответственность надлежит сегодня с 18.00 задействовать глухое блокирование районов Вильнюса, Гродно и Лиды по варианту «Западня».

Проведение «Западни» санкционировано Ставкой ВГК.

Выполнение проконтролируйте и немедленно доложите.

ГУКР «Смерш» категорически требует ни на минуту не ослаблять усилий по подготовке вариантов «Большой слон» и «Прибалтийское танго», которые в случае необходимости будут задействованы в указанные Вами сроки.

Колыбанов».

99. «БАБУШКА ПРИЕХАЛА»!

Таманцев стремительно подтащил безжизненно-тяжелое тело амбала к месту засады, где, по-прежнему не двигаясь, лежали в траве бритоголовый «капитан» и помощник коменданта, стояли на неторной дороге два вещевых мешка и возле них с залитым кровью лицом, зажав ватно-марлевым тампоном из индивидуального пакета рану на голове и уперев локоть этой руки в подставленное колено, беспомощно сидел Алехин.

— Порядок! — громко сообщил ему Таманцев.— Двое наверняка теплые!

— Ты не ранен?

— Ни царапинки! И Малыш цел!.. А у вас... немного разбита голова... Ничего страшного! — оглядев Алехина и определив, что ранение всего одно, с нарочитой бодростью крикнул Таманцев, хотя не знал и весьма сомневался: разбита поверхностно или пробита? — Как самочувствие?

— Нормально,— тихо сказал Алехин.— Не отвлекайся...

Даже в этом состоянии его более всего занимал «момент истины», и Таманцев отлично его понимал.

Не теряя даром и секунды, Таманцев в темпе делал все необходимое, завершающее силовое задержание. Вытащив вязки, он намертво приторочил кисть правой неповрежденной руки амбала к щиколотке его левой, по-

догнутой к ягодице ноги. Подведенного Блиновым и старшиной «лейтенанта» он мигом положил лицом вниз, задрав на спине гимнастерку, сунул ему за оттянутый пояс нож и, рванув к себе, разрезал сзади брюки вместе с трусами чуть наискось до самого колена. Такую же процедуру в следующее мгновение он проделал и с амбалом, потом уложил их обоих, как полагалось, спинами друг к другу — «лейтенанта» так, чтобы у него перед глазами были помощник коменданта и вещевые мешки, амбала же на здоровый бок, затылком к месту засады, и, указывая на него Блинову и старшине, скомандовал:

— Перевяжите ему плечо и ногу! Двумя пакетами! Остальные давайте сюда! Быстро!

Все, что в эти минуты делал Таманцев, он проделывал за три с лишним года войны несчетное число раз. Каждое его движение и в «качаний маятника» и в силовом задержании было отработано не только боевой практикой, но и постоянными тренировками — с момента появления из кустов он, без преувеличения, действовал с четкостью и быстротой автомата. Блинов и старшина-радист — оба они старались и теперь бросились выполнять его приказание — по сравнению с ним двигались, естественно, медленнее и своей неискусностью и, как ему казалось, неповоротливостью раздражали его.

Обиходив захваченных агентов, Таманцев ухватил запятнанный кровью вещмешок, перерезал ножом тесьму, стягивающую верх, и крикнул Алехину:

— Товарищ капитан, давайте перевяжу!

— Успеется! — строго сказал Алехин. — Не отвлекайся!

Он держался напряжением всех сил и был убежден, что как только его начнут перевязывать или если даже просто отнять намокший тампон от раны и польет кровь — в любом случае он сейчас же потеряет сознание. А до получения «момента истины», до осмысления и принятия им как старшим группы соответствующего решения он просто не имел права терять сознание.

— Посмотри, что с ними! — приказал он Таманцеву, стараясь разглядеть лежавших в нескольких метрах от него помощника коменданта и бритоголового «капитана».

С помощником коменданта все было ясно: он лежал лицом вверх, и еще раньше, только подбежав сюда, Таманцев увидел его уставленные в одну точку прямо на солнце, остекленелые глаза.

Не выпуская из рук вещмешка, Таманцев подскочил к бритоголовому и, заметив у него за ухом крохотную ранку, ухватил его за плечо, повернул и, увидев вместо правого глаза зияющее выходное отверстие, из которого на траву вытекала черная кровь, вскинул голову.

— Холодные... Оба...— отпустив плечо «капитана», сказал он вполголоса, приложив при этом ладонь ко рту и оборотясь спиной к «лейтенанту» (чтобы тот не услышал), и посмотрел на Блинова.

— Как же так? — проговорил Алехин.

Присев на корточки, Блинов поспешно бинтовал ногу амбалу. Он расслышал слова Таманцева и все понял.

«Это я!.. Я его убил!.. Что я наделал!..»— с ужасом подумал Андрей, жар ударил ему в голову, оторопелый — стрелял-то ведь в плечо! — он покачнулся и, потеряв равновесие, нелепо упал.

— Что с вами? — удивленно спросил старшина.

— Вот она!!! Телефункен! — точно сквозь сон услышал Андрей торжествующие возгласы и, уже поднимаясь, увидел в руках у Таманцева вытащенный из вещмешка поблескивающий никелем и эбонитом радиопередатчик.

— Посмотри поясницу...— говорил Алехин, морщась от крика Таманцева.— Посмотри поясницу у капитана...

Поставив рацию на вещмешок, Таманцев взрезал ножом брюки на спине у бритоголового, отвернул края в стороны и, взглянув, сообщил:

— На пояснице... вправо от позвоночника два круглых шрамика... Вроде как от фурункулов.

— Женя, это Мищенко...— сказал Алехин.— Запомните, это Мищенко...

Таманцева трудно было чем-либо удивить, но какие-то секунды он смотрел, лихорадочно осмысливая, и не верил. Вспомнив ориентировки и особые приметы, он живо перевернул «капитана» на спину, с силой разжал ему челюсти, заглянул в глубину рта, увидел на верхней короткий металлический мостик, потрогал зачем-то его пальцем и, вытирая руку о голенище своего сапога, подтвердил:

— Мищенко...

Малыш свалил Мищенко! Фантастика! Стажер-несмышленыш свалил легендарного Мищенко, который за двадцать лет более пятидесяти раз перебрасывался на советскую территорию, которого два десятилетия ловили

на Дальнем Востоке и западных границах, ловили на всех фронтах, но даже во время чрезвычайного розыска не смогли поймать. Свалил одним выстрелом, разумеется, ничуть того не желая. И теперь страшно переживает. Хотя ему ничего не будет — да Эн Фэ пальцем его тронуть никому не даст! И не потому, что он стажер. И не потому, что генерал сказал — взять живым хоть одного, а взяли двоих. Просто особый случай. Формально это даже его долг. Убить объявленного вне закона — право и обязанность каждого советского человека. Можно было бы его ободрить, пояснить, но ничего, пусть немного помучается. Пусть прочувствует, что лепить надо теплыми, а убить — любой дурак в состоянии. Это тебе не на передовой и не в сорок первом году!

А Паша — мозга! Гений! Спустя год... за какой-то десяток минут прокачать Мищенко — невероятно!

— Чего нам запоминать? Сами доложите! — вытаскивая индивидуальный пакет, недовольно крикнул Алехину Таманцев; ему не понравилось, буквально резануло уши: «Запомните — это Мищенко». Паша что — собрался умирать?..— Я вас перевяжу! — настойчиво предложил он.

— Нет! — решительно отказался Алехин и полушепотом добавил: — Сначала...

Таманцев спрятал пакет, внутренне настраиваясь бутафорить, опустил голову, расслабленно-спокойный подошел к Аникушину, посмотрел и, словно только теперь обнаружив, что тот мертв, в сильнейшем волнении, как бы еще не веря, вскричал:

— Васька?! Ваську убили?!

Он повернулся к лежащим на траве агентам, кинул лихорадочный взгляд на одного, затем на другого и, как бы все вдруг поняв, с лицом, искаженным отчаянием и яростью, уставил палец на «лейтенанта».

— Ты!!! Ты его убил!..

— Нет!.. Я не убивал! Это не я! — энергично запротестовал «лейтенант».

— Ты!!! Он убил Ваську! Он убил моего лучшего друга!!! — оглядываясь и как бы призывая в свидетели Блинова, старшину и Алехина, истерично закричал Таманцев и в совершенном отчаянии замотал головой: — Я жить не буду!!! — Обеими руками он ухватил ворот своей расстегнутой наверху гимнастерки и, рванув, разодрал ее до пояса, обнажив широкую крепкую грудь,

сплошь расписанную синими разводами морской татуировки.— Паскуда! Я прикончу его как падаль!!!

И с лихорадочной поспешностью зашарил вокруг по траве глазами, отыскивая наган, умышленно выроненный им перед тем себе под ноги.

— Нет!.. Клянусь, это не я!

— Не смей его трогать! — подыгрывая, строго сказал Алехин.

— Он убил Ваську!!! — рыдающим голосом вопил Таманцев, подняв из травы и держа в руке наган.— Я прикончу его как падаль!!!

Аникушина звали Игорем, а не Васькой, и убил его не «лейтенант», но это не имело сейчас никакого значения. Андрей уже сообразил, что начался заключительный аккорд, так называемое «экстренное потрошение», жестокая, но в данных обстоятельствах совершенно неизбежная игра, потребная для того, чтобы тотчас — немедленно! — получить от кого-либо из захваченных — предположительно самого слабого по волевым качествам — совершенно необходимые сейчас сведения.

Аникушин во время засады повел себя непонятным образом и очень крепко помешал, теперь же, мертвый, он должен был помогать: для пользы дела обыгрывалась его гибель.

Андрей, однажды уже принимавший участие в подобной игре, бросился сзади на Таманцева, обхватил его мускулистое горло левой рукой, а правой — вцепился в его руку с револьвером, хорошо помня, что недопустима и малейшая фальшь, все должно быть естественно, и бороться надо без дураков — в полную силу. Прошлый раз ему помогал в этом Алехин, но сейчас капитан с залитым кровью лицом бессильно сидел на траве и рассчитывать на его поддержку не приходилось.

— Не смей его трогать! — все же восклицал он требовательно, изображая реакцию на возгласы Таманцева.— Слышишь, не смей!

— Держите его! Он контуженный! — крикнул Андрей старшине, и тот, поспешив на помощь, вцепился в Таманцева слева.

— Пустите!!! — с искаженным яростью и отчаянием лицом рвался к «лейтенанту» Таманцев.— Он убил моего лучшего друга!!! Он убил Ваську!!! Я прикончу его как падаль!!!

При этом у Таманцева судорожно подергивалась голова, и рыдал он самыми настоящими слезами, что еще в прошлый раз удивило Андрея. В то же время он не забывал толкать Андрея в коленку — мол, давай, работай!

«Лейтенант», лежа на боку со связанными за спиной руками, инстинктивно старался отползти, отталкиваясь судорожными движениями ног; разрезанные брюки и трусы при этом сползли до колен, обнажив белые мускулистые ляжки.

— Я не убивал!!! — в сильнейшем страхе кричал он.— Клянусь — не убивал! Это не я!!!

В это мгновение Таманцев с бешеным криком: «Он убил Ваську!!!»— внезапным рывком отбросил в сторону старшину и с Андреем, повисшим у него на спине и намеренно выпустившим руку Таманцева с наганом, подскочил к «лейтенанту» и трижды выстрелил в него, точнее над самой его головой.

В следующую секунду он сунул ствол нагана под ноздри «лейтенанту» и рассчитанным движением раскровенил ему верхнюю губу, преследуя при этом двойную цель: чтобы тот, оглушенный, вдохнул в себя пороховую гарь и ощутил кровь.

— Не смей, мерзавец! — подыгрывая, кричал Алехин.— Псих ненормальный! Держите его!

— Я не убивал!!! Пощадите!!! — в ужасе рыдал «лейтенант».— Я никого не убивал!!! Спасите!!! Это не я!!!

Андрею и старшине удалось оттащить Таманцева на несколько шагов, однако, волоча их обоих за собой, Таманцев тут же снова ринулся к «лейтенанту».

— Не ты?! А кто?! Кто же его убил?! Может, ты еще скажешь, что вообще в нас не стрелял?! — яростно орал Таманцев, прикидывая и определяя, что лежащий перед ним уже доведен до потребного состояния и надо брать быка за рога.— Ты еще смеешь врать?! Ты еще смеешь обманывать советскую власть?! Может, ты и позывные уже забыл?!

Андрей теперь с силой удерживал левой рукой не Таманцева, а старшину, вошедшего от борьбы в раж, страдавшего от боли — в момент броска ему вывихнули плечо — и ничего не понимавшего.

— Если хочешь жить — позывные вашего передатчика?! — указывая револьвером на рацию, вынутую из вещмешка, властно потребовал Таманцев и снова уткнул

ствол нагана в изуродованное ужасом лицо «лейтенанта».— Позывные твоего передатчика?! Быстро!!!

— Я... Я скажу!!! Все скажу!..— рыдающим голосом торопливо повторял «лейтенант».— Эс-Тэ-И... Эс-Тэ-И...

— Как Эс-Тэ-И?! — внутренне похолодев, закричал Таманцев.— А Ка-А-О?!

— Ка-А-О было до... четверга... А теперь Эс-Тэ-И!..

— Сколько вас?! — чуть отводя револьвер, но не меняя зверского выражения лица, мгновенно продолжал Таманцев.— Сколько вас приехало сюда, в лес?! Быстро!!!

— Трое...

— Кто старший?!

— Вот...—«Лейтенант» взглядом указал на труп Мищенко.

— Его кличка?! Для радиограмм! Быстро!!!

— Кравцов...

— А где Кулагин?! — мгновенно потребовал Таманцев. (Документы на имя старшего лейтенанта Кулагина были у Павловского.)

— Здесь, в лесу... Он должен нас ждать...

«Должен!»— от огорчения и неприязни к самому себе Таманцев яростно сплюнул.

— А «Матильда»? Где «Матильда»?!

— Он не здесь... Он под Шауляем...

— Он что — офицер штаба фронта?! — тотчас спросил Таманцев (так предполагал Эн Фэ).— Кто он по званию?! Быстро!!!

— Капитан.. Шифровальщик штаба фронта...

— Ты меня с ним познакомишь? Если хочешь жить, ты просто обязан меня с ним познакомить! Понял?!

— Да-а...

— А «Нотариус»?! Кто он и где?!

— В Гродно... Железнодорожник...

— Чеслав Комарницкий?! — сейчас же вскричал Таманцев (так предполагал Эн Фэ).— Сразу!!!

— Чеслав... Фамилию не знаю...

— Составитель поездов?! Высокий... блондин... лицо длинное, нос с горбинкой?!

— Да-а...

— А твою физиономию я узнал бы из тысяч! — Таманцев не без труда скрывал свою радость.— Ведь ты радист?!

— Да-а...— всхлипнул «лейтенант».

— То-то же!

Выпрямясь, Таманцев ослабил пальцы, и Андрей, ожидавший этого мгновения, энергичным движением вырвал у него из руки наган и сразу отпустил его самого. Как бы приходя в себя, Таманцев помотал головой и словно весь вдруг обмяк и подобрел лицом.

Это было необыкновенное, испытанное за войну всего лишь несколькими чистильщиками пронзительное ощущение —«момент истины» по делу, взятому на контроль Ставкой. Он чувствовал, что «лейтенант» не врет, и знал цену полученным от него сведениям. В эти мгновения только он, Таманцев, единственный обладал «моментом истины», и при мысли, что есть реальная возможность сегодня же взять и «Матильду» (а кто это сделает лучше, чем он, кто?!), у него захватывало дыхание. Если только Эн Фэ и генерал согласятся брать «Матильду» под носом у контрразведки другого фронта. Должны согласиться — мысленно он уже летел с «лейтенантом» и Малышом в Шауляй...

— Как тебя зовут? — спросил Таманцев: надо было спешно строить отношения с «лейтенантом».— Не для немцев, для матери!

— Сер-ргей...

— Хорошее имя! — одобрил Таманцев.— Что ж... Если не ты убил Ваську и дашь нам «Матильду»— тогда живи! — милостиво, но как бы не совсем охотно разрешил он «лейтенанту».— Только дышать будешь, как я скажу! А если вздумаешь крутить, не обижайся, Серега...— Голос Таманцева дрогнул, и лицо сделалось скорбным.— Если вздумаешь крутить, тогда не обижайся — это будут последние минуты твоей жизни... Понял?.. Мы поедем к «Матильде» немедленно! — после короткой паузы пообещал он.— Полетим самолетом! Мы обнимем его сегодня же!

Затем он повернулся к Алехину и, громко, отчетливо произнося каждое слово, сообщил:

— Товарищ капитан, «бабушка приехала»!

Это был условный сигнал для передачи открытым текстом по радио, означавший примерно: «мы их взяли», означавший, что ядро группы и рация захвачены.

— Это точно? — с очевидным сомнением проговорил Алехин.— Ты все прокачал?

— Точнее быть не может! — заверил Таманцев.— Я отвечаю!

«„Бабушка приехала“!.. Значит, порядок — она приехала! Слава богу, приехала!..» Неясные, подернутые какой-то красноватой пленкой вершины берез и кусты плыли у Алехина перед глазами, и он никак не мог их остановить. Голова гудела и пульсировала, как второе сердце. Удрученный своей беспомощностью в эти ответственнейшие минуты, чувствуя, что вот-вот потеряет сознание, он держался из последних сил — ему еще надлежало принять решение. Он напрягался. стараясь разглядеть циферблат часов, поднесенных на руке к самому лицу, и наконец различил: было без восьми минут пять.

Оперативное кольцо вокруг Шиловичского леса только что замкнулось. Семь тысяч человек на трехстах автомашинах с рациями и служебно-розыскными собаками, саперами и миноискателями уже кружились в гигантской карусели вокруг Шиловичского массива, ожидая команды начать операцию, с таким трудом и тщанием подготовленную Поляковым и теперь совершенно ненужную... Ее следовало отменить, остановить — еще можно было успеть.

— Старшина! — Алехин повел головой, ища взглядом и не видя, не находя радиста.— Срочно передайте Первому... открытым текстом...— с усилием произносил он.— «Гребенка не нужна!.. Бабушка приехала!.. В помощи не нуждаемся...» Повторяйте непрерывно...— уронив руку с набухшим тампоном и опуская голову, проговорил он.— Бабушка...

— Повторяй до бесконечности! — подхватывая за подбородок голову Алехина и другой рукой проворно расстегивая ворот его окровавленной гимнастерки, властно приказал старшине Таманцев.—«Бабушка приехала! Гребенка не нужна! В помощи не нуждаемся!..» В темпе!.. Дублируй на запаске!.. Бегом!!! Жми!..

Осторожно отведя волосы, он прежде всего убедился, что, хотя кровь сочилась по-прежнему, голова у Алехина была не проломлена, а только разбита, и, рванув зубами нитку, вскрыл индивидуальный пакет.

— Ничего страшного!..— прикладывая к ране свежий тампон, возбужденно говорил Таманцев.— Паша, ты — гений!.. Мы их взяли!!! — выкрикнул он и, пачкаясь в крови, несколько раз звучно поцеловал лицо Алехина.—

Ты их раскрыл!.. Ты прокачал Мищенко!.. Пашуня, ты даже не соображаешь, какой ты гений!..

Старшина-радист уже скрылся в кустах, за которыми находился его передатчик. В тексте, сказанном ему Алехиным, Таманцев отметил неточность: они, безусловно, нуждались в помощи. И вместо последней фразы следовало передать: «Имеем два места холодного груза и тяжелобольного», чтобы с опушки прибыли розыскники для выноса трупов и немедленно прислали врача для Алехина. Но это можно было передать и спустя минуты, и Таманцев не стал ничего изменять. Он не сомневался, что Паша так сказал умышленно, чтобы сразу, первым же сообщением снять с Эн Фэ, генерала и еще с очень многих в Лиде и в Москве чудовищное напряжение последних суток.

Оборотясь, Таманцев быстро оглядел обоих захваченных агентов; они лежали спинами друг к другу, молча, не двигаясь, как и полагалось, причем амбал очнулся и слабо шевелил головой. Блинов с пистолетом в руке, как и следовало, стоял наготове шагах в пяти от них.

«Тики-так!.. Как ни болела, а умерла!» Про себя Таманцев уже отметил, что с «Неманом», по существу, покончено, причем радист невредим и, без сомнения, пригоден для функельшпиля, слеплен живым и второй агент, и рация захвачена, к тому же есть реальная возможность взять и «Матильду», который, как объяснил утром Алехин, особенно беспокоил Ставку.

У него мелькнула мысль, что через какие-то минуты передатчики большой мощности продублируют самое желанное в эти сутки не только для военной контрразведки сообщение о приезде «бабушки», и тотчас о поимке разыскиваемых станет известно не только в Лиде, но и в Москве.

Он представил себе по-детски обрадованное лицо Эн Фэ и как тот — если не бог, то, несомненно, его заместитель по розыску! — от волнения картавя сильнее обычного, скажет, разводя руками: «Ну, б'гатцы... нет слов!..». И не в силах больше удерживаться от распиравших его эмоций, он, уже вскрыв зубами второй индивидуальный пакет и прижимая бинтом тампон на голове Алехина, срывающимся голосом неистово закричал:

— Ба-бушка!.. Бабулька приехала!!!

1973 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Алехин, Таманцев, Блинов 5
2. Оперативные документы 8
3. Чистильщик, старший лейтенант Таманцев по прозвищу Скорохват 15
4. В Шиловичах 18
5. Чистильщик-стажер, гвардии лейтенант Андрей Блинов 25
6. Старший группы капитан Алехин Павел Васильевич 27
7. Гвардии лейтенант Блинов 33
8. Старший лейтенант Таманцев 34
9. Оперативные документы 37
10. Алехин Павел Васильевич 38
11. В лесу у родника 42
12. Таманцев 44
13. Гвардии лейтенант Блинов 46
14. Таманцев 48
15. Придется их устанавливать... 51
16. Оперативные документы 54
17. В Лиду! 55
18. На фронтовом продскладе 60
19. Вечером и ночью в городе 64
20. Оперативные документы 67
21. Капитан Алехин 69
22. Подполковник Поляков 72
23. Поиски утром в городе 75
24. Оперативные документы 77
25. В полдень на аэродроме 80
26. Алехин 83
27. В парикмахерской 86
28. Вот и второй! 92
29. На станции 94
30. Оперативные документы 100
31. При чем тут Юлия? 102
32. Алехин 105
33. Их надо понаблюдать... 108
34. Гвардии лейтенант Блинов 113
35. Все же поставим точку... 116
36. Алехин 119
37. Таманцев 125
38. Подполковник Поляков 127
39. Алехин 130
40. Оперативные документы 138
41. Алехин 140
42. Подполковник Поляков 145
43. Алехин 149
44. Таманцев 153
45. Алехин и Поляков 158
46. Начальник управления генерал Егоров 163
47. Оперативные документы 170

48. Гвардии лейтенант Блинов 173
49. Таманцев 181
50. Доклад Полякова, вопросы прибывших и обсуждение 183
51. Оперативные документы 194
52. Алехин 196
53. Гвардии лейтенант Блинов 207
54. Таманцев 210
55 Переговоры по «ВЧ» 214
56. В Ставке ВГК 219
57. Письма августа 1944 года 237
58. Таманцев 240
59. Оперативные документы 245
60. Таманцев 250
61. Оперативные документы 258
62. Капитан Алехин 261
63. Поляков и Никольский 2
64. Оперативные документы 2
65. Алехин, Поляков и Таманцев 2
66. Оперативные документы 27
67. Гвардии лейтенант Блинов 279
68. Помощник коменданта 288
69. Оперативные документы 29
70. Будем действовать вместе 302
71. Алехин, Егоров и другие 307
72. Оперативные документы 318
73. Помощник коменданта 320
74. На поляне 32
75. Помощник коменданта 332
76. «По местам!» 336
77. Оперативные документы 341
78. Проверка документов 342
79. Таманцев 347
80. Алехин 349
81. Оперативные документы 353
82. Проверка 355
83. Алехин 358
84. Таманцев 361
85. Оперативные документы 364
86. Помощник коменданта 365
87. Алехин 374
88. Оперативные документы 378
89. Проверка 380
90. Алехин Павел Васильевич 384
91. Таманцев 385
92. Оперативные документы 389
93. Помощник коменданта 393
94. Ориентировки 1943 года по розыску Мищенко 397
95. Гвардии лейтенант Андрей Блинов, пока еще Малыш 406
96. Оперативные документы 410
97. Евгений Таманцев — чистильщик и волкодав
по прозвищу Скорохват 412
98. Оперативные документы 419
99. «Бабушка приехала»! 421

1 руб. 60 коп.

СТАВРОПОЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1982